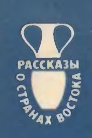


М. СТИНГЛ

ОЧАРОВАННЫЕ ГАВАЙИ

М. СТИНГЛ

ОЧАРОВАННЫЕ ГАВАЙИ

ОЧАРОВАННЫЕ ГАВАЙИ
М. СТИНГЛ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. СТИНГЛ

ОЧАРОВАННЫЕ ГАВАЙИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

ББК 26.89(81)
С 80

Miloslav Stingl

OČAROVANÁ HAVAJ

Praha, 1981

Перевод с чешского
П. Н. АНТОНОВА и Н. М. ЗИМЯНИНОЙ

Ответственный редактор
и автор послесловия
П. И. ПУЧКОВ

С $\frac{1905020000-127}{013(02)-83}$ 149—83

КОРОНА ПОЛИНЕЗИИ, КОРОНА ОКЕАНИИ
(Вместо предисловия)

Несколько раз я отправлялся путешествовать по Океании. Сначала я побывал в Меланезии, затем в Микронезии, трижды объездил Полинезию (как утверждают, самый прекрасный уголок «земли людей»), посетил Таити и таинственный, полный неразгаданных тайн остров Пасхи, остров маори — Новую Зеландию, видел и последнее полинезийское королевство — острова Тонга, и первое независимое государство Полинезии — Западное Самоа. Я был полон новыми впечатлениями, поэтому решил завершить свои путешествия по «последнему раю» нашей планеты.

Однако чем увенчать знакомство с «полинезийским раем», как распрощаться с этим волшебным миром? Может быть, отправиться в такое место, которое исследователи называют «прекраснейшим раем» на земле? Этот уголок «земли людей» носит сладкое имя «Гавайи».

Взглянув на карту, вы увидите, что расположенные на вершине полинезийского «треугольника» Гавайи, точнее, Гавайские острова в самом деле как бы «венчают» Полинезию. В то время как все остальные ее архипелаги лежат далеко к югу от экватора, Гавайи «плывут» в «гордом одиночестве» высоко на севере, у самого Северного тропика. Действительно, Гавайи — это доминанта, корона «рая Южных морей» (областью так называемых Южных морей считают не весь Тихий океан, а лишь часть его, расположенную между Северным и Южным тропиками).

Легенда о прекрасных Гавайях — одно из известных и наиболее часто повторяемых преданий Южных морей. С «великой» легендой связаны и другие сказания: рассказы об островитянках — самых красивых женщинах в мире, о Ваикики — самом прекрасном пляже на свете, о *хула-хуле,* с которой не сравнится

ни один танец, о сладостных гавайских мелодиях, о песне «Алоха оэ» — душе этого райского уголка, потому что *алоха* («любовь») — слово, встречающееся и в гавайском гимне, и в гербе, и в философии, и в религии народа.

Наш рациональный век ракет и лазеров развенчивает мифы и предания. Однако легенда о Гавайях не совсем вымысел (так же как и рассказы о «полинезийском рае»). Конечно, Гавайи принадлежат современному миру, и время не остановилось перед морскими гаванями архипелага. К Гавайям более чем к любому другому уголку земли я мог бы отнести перефразированное высказывание известного чешского журналиста Эгона Эрвина Киша, который писал, что «Океания изменена до основания».

Я стремился на этот удивительный архипелаг — мне хотелось узнать о культуре и судьбе тех людей, которые первыми заселили эти прекрасные острова, первыми стали возделывать землю, первыми дали им названия. Я — этнограф, поэтому меня интересовали история и археология, прошлое и настоящее коренных гавайцев, полинезийцев, соплеменников тех, кто живет на других островах «последнего рая» — на Таити, Самоа или Тонга.

Ради этого я четырежды приезжал на Гавайские острова, четырежды встречался с этим удивительным уголком земли и мечтаю о новых свиданиях.

Прежде чем снова побывать в земном раю и еще раз прикоснуться к «венцу» Океании, мне хотелось бы рассказать об этих островах и их коренных жителях. Поведать как можно более правдиво о двух ликах овеянного легендами «современного рая», об обеих сторонах «гавайской медали», на которой следовало бы отчеканить слова: «Океания, измененная до основания». В легендах, а может, и вопреки им я желал бы отыскать неприукрашенную, неискаженную правду о Гавайском архипелаге.

Согласно местной мифологии, Гавайи — «прекраснейшая страна на земле». Однако какая же страна для человека самая прекрасная? Убежден, что родина. Так, для эскимоса — занесенные снегом бескрайние северные пространства, для туарега раскаленный песок пустыни. Для чеха и словака самый прекрасный уголок земли расположен между Шумавой и Татрами.

Древние провозгласили: *Ubi bene, ibi patria* — «Где хорошо, там и родина». Я бы изменил это изречение: «Где моя родина, там мне хорошо, там лучше всего».

Представление о родине как о самом замечательном уголке земли уходит в седую древность. В гимне Чехословакии, страны, которую я люблю больше всего на свете, о ней поется: «Взгляни — это „земной рай“», и гавайцы тоже называют свою островную родину «земным раем», лаконично говоря о ней: *Гавайи но ка оно* — «Нет другого такого места, как Гавайи» (или в более вольном переводе: «Ничто не сравнится с Гавайями»). Со времени первых посещений Гавайского архипелага белыми людьми мысль эта повторяется всеми, кто здесь когда-либо бывал. Я мог бы привести множество высказываний о «рае полинезийского рая». Не скрою, я тоже околдован Гавайями и готов без конца повторять слова любимого с детских лет писателя Марка Твена об этих краях, навсегда очаровавших его. Он вспоминал о них до самой смерти, упорно, мечтательно. Не переставал ощущать бальзамовые ветры Гавайев, летнее море, пылающее под ярким солнцем, слышать шум его прибоя, видеть скалы, сверкающие водопады, пушистые пальмы, покачивающиеся на берегу, отдаленные вершины, плывущие, как острова над мглой облаков. В его памяти жили запахи цветов, которые он вдыхал здесь, песни ручьев, которыми он наслаждался двадцать лет назад!

Хотя с момента последнего из четырех моих путешествий на эти острова прошло немало времени, я тоже не могу забыть запаха Гавайев, их сладкого дыхания. И для меня они, как и для М. Твена, остаются «прекраснейшим флотом, бросившим якоря в воды океана».

Влажный тропический аромат прекрасного архипелага я хочу ощущать и сегодня и завтра и надеюсь не забыть его до конца моих дней. Однако я не желаю и не должен забывать также и о том, ради чего приехал сюда. О судьбе обитателей острова, и главным образом коренных жителей — полинезийцев. Людей таких же, как мы с тобой, мой читатель. Не хуже и не лучше нас. Не более красивых и не более безобразных. Просто людей.

СРЕДИ ВОДЫ И ОГНЯ

Интересно, каким же все-таки маршрутом лучше добираться до Гавайев? Я попадал сюда с трех сторон: с запада — из Микронезии, с юга — из Полинезии, откуда пришли на острова их первые обитатели, и, наконец, с востока — из США, страны, которой принадлежат сейчас эти, как утверждают, «самые прекрасные в мире острова».

После долгого полета над водами огромного океана я оказался на гавайской земле. Однако самолет приземлился не в Гонолулу, столице архипелага, а в Хило — портовом городке на самом восточном и ближайшем к США острове архипелага, который тоже называется Гавайи.

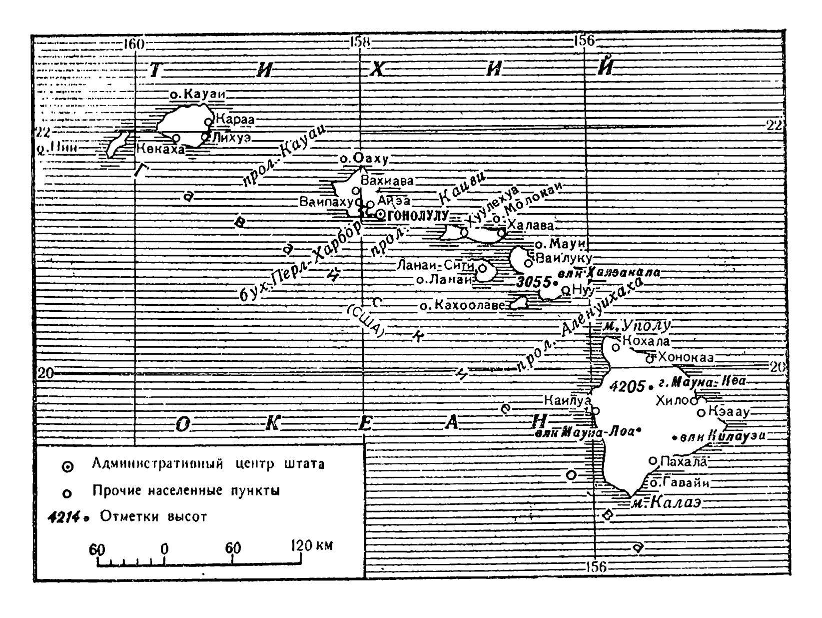
На гавайском языке *хило* — «полумесяц». Название городка соответствует планировке. Хило полумесяцем расположен в удивительном по красоте заливе, куда впадают две реки с похожими именами — Ваилуку и Ваилуа.

В Хило повсюду вода, огромное количество воды, ведь почти каждую ночь сильные дожди заливают городок. С одной стороны набережной — скалы (о них разбиваются знаменитые «Радужные водопады»), с другой мол, которым заканчивается центральная улица и парк, спускающийся к заливу и названный в честь королевы Гавайев Лилиуокалани. Грозно бьются о него волны Великого океана, почему-то названного Тихим.

В первые же часы пребывания на Гавайях я понял, что острова эти — собственность океана; поднявшись когда-то из его вод, они легко могут быть им вновь поглощены.

Интересно, как же на самом деле — не по своеобразной гавайской мифологии, а согласно геологическим данным — возник этот великолепный архипелаг?

Примерно двадцать пять миллионов лет назад в



глубинах океана, достигающих у Гавайских островов шести тысяч метров, из трещин в океанском дне стала извергаться раскаленная лава. Постепенно образовались десятки подводных вулканов, протянувшихся с северо-запада на юго-восток на расстояние многих сотен километров. Огонь и вода повели поистине титаническую борьбу. На каждый квадратный сантиметр дна океан давит здесь с силой пятьсот килограммов. Все же огню удавалось преодолевать эту страшную тяжесть и выталкивать сквозь толщу прохладных, темных океанских вод лаву, из которой возникли Гавайские острова. Текли и остывали миллионы миллионов тонн раскаленной лавы, образуя гигантскую подводную горную систему, высочайшие вершины которой поднялись над океанской поверхностью.

Первые острова вулканического происхождения расположены на северо-западе. По своим размерам они миниатюрны. В отличие от них в юго-восточной части гавайской цепи, протянувшейся на две с половиной тысячи километров, огнем были «сотворены» восемь куда более крупных островов. Именно они впоследствии и были заселены. Эта «великолепная восьмерка» и

есть собственно Гавайский архипелаг. Здесь сосредоточено девяносто девять процентов всей его территории. На семи из этих восьми островов (один остров — Кахоолаве — сейчас необитаем, на нем расположен полигон американской морской авиации) живет все островное население. Мелкие, так называемые Северо-Западные острова (самый восточный из них — Нихоа, самый западный — Куре) совершенно безлюдны. К тому же они практически неприступны.

Уровень океана колеблется, и в разные геологические эпохи он то поднимался, то опускался. Океанские воды по меньшей мере четырежды затопляли Гавайские острова. Когда уровень падал особенно низко, три острова — Мауи, Ланаи и Молокаи — соединялись в один, и тогда некоторые горы, расположенные ныне на побережье (например, символ архипелага, вулкан «Алмазная голова», возвышающийся над Гонолулу), оказывались в центре острова.

Из восьми собственно Гавайских островов геологически самыми древними являются те, которые «плывут» на западном конце цепи: небольшой Ниихау и более крупный Кауаи. За ними следуют острова Оаху, Молокаи (называемый иногда гавайцами «Дружеский остров»), Ланаи («Ананасный остров»), Мауи («Остров долин»), маленький, израненный бомбами Кахоолаве и, наконец, за проливом Аленуихаха самый знатный член гавайской семьи, совсем еще «юный» (ему едва исполнилось полмиллиона лет) — так называемый Большой остров или остров Гавайи.

На Большом острове процесс вулканической деятельности еще не закончился. В наши дни стены кратеров нередко добела раскаляет горячее дыхание недр, и из глубин земли на поверхность выливаются миллиарды тонн лавы.

Все еще растущий остров Гавайи по своим размерам обогнал своих собратьев. Его площадь превышает территорию всех остальных островов архипелага, вместе взятых. Поэтому его часто называют Большим островом. Последний вулканический взрыв добавил ему еще пятьсот акров земли. В то же время остров постоянно платит дань океану, отнимающему у него прибрежную полосу. Я стоял на центральной улице Хило и всюду замечал следы деятельности огня и воды, следы созидания и разрушения. Позади величественные вул-

каны — самые высокие в Океании. Один из них курился. Впереди простирался океан и слышались удары волн. Мощные аккорды были удивительно созвучны открывавшемуся чудесному виду. Но подводные вулканы до сих пор дышат огнем. Как и в прежние времена, они и дарят и уносят жизнь.

Страшная опасность, которой грозит океан, носит название цунами. Это имя пришло на Гавайи из Японии. Цунами может прийти из любой точки океана, где под его поверхностью снова проснется вулкан или в океанском дне в результате землетрясения образуется трещина. Возникнет волна. С огромной скоростью начнет она распространяться во все стороны. Самая страшная опасность в том, что смерть подкрадывается незаметно.

В океанских просторах цунами неприметны, хотя они движутся со скоростью реактивного самолета. Незаметны, потому что перемещаются не миллионы тонн воды, а только импульс, удар, поднимающий океан лишь в непосредственной близости островов. Неожиданно в прибрежном мелководье вырастает вал в десятки метров, который все уничтожает на своем пути с беспощадностью атомной бомбы. За считанные секунды он разламывает океанские суда, словно спичечные коробки, подобно мусору, сметает с поверхности земли дома, оставляя от селений руины. Наибольшую известность получило цунами, возникшее после взрыва вулкана на острове Кракатау. Сорокаметровые волны обрушились на побережье Явы и Суматры и унесли жизни около тридцати тысяч человек.

По печальному стечению обстоятельств Гавайские острова, расположенные в центре Тихого океана, а значит, и городок Хило с его знаменитым заливом почти всегда лежат на пути волн смерти.

Пожалуй, самым разрушительным на Гавайских островах было цунами 1868 года. В послевоенные годы Хило оказывался жертвой цунами дважды. Одна волна пришла от Алеутских островов, вторая незадолго до моего первого посещения Гавайев примчалась сюда со скоростью семьсот пятьдесят километров в час от побережья Чили. Это было в 1960 году. Честно говоря, меня удивило, что местных жителей ничему не научил страшный «опыт» предыдущего цунами, вызванного алеутским моретрясением.

Гавайцы, несмотря на предупреждение плавучих автоматических волновых станций, вместо того чтобы укрыться в безопасных местах на склонах гор, вышли на городскую набережную, чтобы взглянуть в лицо опасности с самого близкого расстояния. Это было какое-то массовое безумие! Цунами их не разочаровало. Снова из глубин океана поднялась волна высотой восемнадцать метров. Она не разбилась о парапет мола, а прокатилась дальше, прихватив с собой всех любопытных.

Двести семьдесят два человека было тяжело ранено, шестьдесят «зрителей» исчезло в водах океана. И никто никогда их больше не видел. Одной женщине посчастливилось спастись. Имя этой женщины — Ито. Она до сих пор живет в Хило.

Удар волны сбил госпожу Ито с ног во дворе ее дома. Вода разрушила жилище, входные двери вместе с хозяйкой дома волна унесла в океан. Много часов носило по океану этот не совсем обычный «плот». Когда наконец волна ушла дальше, спасательное судно обнаружило женщину на большом расстоянии от берега.

Большинство домов на центральной улице было разрушено, исчезли десятки автомобилей. Волна с корнями вырвала сотни кокосовых пальм, потопила несколько судов, уничтожила знаменитый парк.

Общий ущерб, нанесенный городку Хило цунами, исчислялся суммой пятьдесят миллионов долларов. Одного островитянина подхватила первая же волна, обрушившаяся на город. По счастливой случайности он остался «сидеть» на ее белом пенящемся гребне, пронесясь на этой удивительной «подушке» над всей улицей Камеамеа. Под ним разваливались дома, падали столбы линий электропередачи, гибли люди, а он лишь кричал страшным голосом. Когда наконец волна опустила его на землю и вернулась в океан, оказалось, что этот чудом спасшийся человек отделался не только испугом — он потерял дар речи.

Не знаю, заговорил ли он снова. Что касается самого городка Хило, то — в этом убеждаешься с первого же взгляда — он продолжает жить прежней жизнью. Беззаботно и, наверное, счастливо. Несмотря на то что он больше любого другого города на Гавайях подвергается воздействию двух могущественных и неукроти-

мых стихий, которые возвели этот архипелаг и до сих пор строят и одновременно разрушают его. Хило живет между водами океана и огнем величественных вулканов, выстроившихся у его врат в почетном карауле.

В ЦАРСТВЕ МОГУЩЕСТВЕННОЙ ПЕЛЕ

Городок Хило оказался для меня не просто воротами, открывшими путь в страну гавайцев. Он сам по себе настолько интересен, что я с удовольствием обосновался в нем, совершая отсюда поездки в восточную часть Большого острова.

С набережной Хило я любовался величественным и смертоносным океаном. Однако пора мне было повернуться в противоположную сторону, ведь меня ждало путешествие в обратном направлении. Я мечтал побывать там, где на горизонте вздымаются действующие и потухшие вулканы — Мауна-Кеа, Мауна-Лоа, Килауэа, в царстве могущественной Пеле — вероятно, самой удивительной из гавайских богинь, которую и любили и боялись, но всегда высоко чтили. Так как Пеле властвует над вулканическим огнем и подземными силами, то мне казалось справедливым отдать ей дань, совершив первое на Гавайских островах путешествие именно в ее царство лавы и вулканических фонтанов.

Владения Пеле — страна вулканов. Остров Кауаи, например, порожден деятельностью одного вулкана. Его сосед — остров Оаху создан двумя вулканами — Коолау и Ваианкой. В «строительстве» же Большого острова приняли участие сразу пять огнедышащих гор — Кохала, Хуалалаи, Килауэа, Мауна-Кеа и Мауна-Лоа.

Самый древний из здешних вулканов — давно потухший Кохала. Вершину Мауна-Кеа до недавнего времени покрывал ледник — явление для Океании удивительное. Последний раз она дымилась около пятнадцати тысяч лет назад. Расположенный на западе вулкан Хуалалаи Пеле заставила извергаться в начале прошлого века. Действующие «очаги» «вулканического царства» богини Пеле — это высокий вулкан Мауна-

Лоа и куда более низкий, но весьма активный Килауэа, в кратере которого, на раскаленном троне Халемаумау якобы восседает сама Пеле.

Однако, прежде чем проникнуть в «страну» богини Пеле с ее кратерами и фумаролами, целыми «полями» лавы и колоннадами обожженных деревьев, необходимо познакомиться с самой обитательницей Халемаумау. Гавайцы многое могут о ней рассказать, несмотря на то что богиня на этом острове — чужестранка. Легенда гласит, что Пеле родом из далекой страны Капакуэлы. Отцом божественной Пеле был Канехоалани, матерью — Кахиналии. В Капакуэле Пеле жила до начала потопа (как видите, и в гавайской мифологии есть легенды о потопе). Вода и огонь несовместимы, а потоп еще дважды обрушивался на родной остров Пеле, поэтому богиня решила покинуть Капакуэлу и переселиться на Гавайские острова.

Судя по данным вулканологов, Пеле передвигалась по архипелагу в направлении процессов подземной деятельности. В качестве убежищ богиня выбирала создаваемые ею самой глубокие кратеры, полыхавшие вулканическим пламенем. Сначала она обосновалась на самом западном гавайском острове — Нииха́у, а позже обрела жилище внутри огнедышащей горы на острове Кауаи, носящей с тех пор название Пууопеле, что значит «Холм Пеле».

Пууопеле расположен недалеко от побережья. Неудивительно, что однажды вода затопила его раскаленное чрево и погасила огонь. Пеле пришлось отправиться дальше.

Она перебазировалась на остров Оаху, устроившись в вулкане «Алмазная голова». Но и здесь океан был слишком близок. Пеле перебралась на остров Молокаи, затем на Ланаи, потом выбрала огромный кратер вулкана Халеакала на острове Мауи, но, когда и этот кратер стал остывать, богиня вулканического огня устремилась на Большой остров.

Из пяти вулканов острова Гавайи Пеле остановилась отнюдь не на самом высоком, но зато самом активном — Килауэа. В его кратере — Халемаумау — и сейчас можно наблюдать красные отблески раскаленной лавы. Легенда утверждает, что они были и будут всегда. С незапамятных времен к кратеру Халемаумау приходили на поклон верующие и совершали жертво-

приношения. В горящий кратер люди бросали печеное мясо или плоды папайи.

Вокруг Халемаумау были возведены храмы в честь Пеле. В них жили служившие богине жрецы и жрицы. Эти места хранят воспоминания о многочисленных событиях того времени, отраженных гавайской мифологией.

Так, одно из преданий гласит, будто однажды вождь, красавец Кахавали, отправился на склоны вулканов Большого острова, чтобы покататься на «санях» (гавайцы придумали своего рода «сани», изготовляемые из хлебного дерева [1], на которых можно ездить по траве. По-гавайски «сани» — *хеехолуа*).

Неожиданно из травы, покрывавшей склон горы, поднялась женщина с красными волосами. Не стыдясь, она призналась вождю, что он ей нравится, и тут же предложила свою любовь. Вождь Кахавали, верный своей жене и не подозревавший, кто перед ним, отказался последовать за женщиной. Богиня Пеле пришла в ярость. Ее глаза превратились в раскаленные угли, волосы — в языки пламени, там, где она стояла, земля разверзлась, извергая огромный поток лавы, который с каждым мгновением становился все сильнее.

Тут Кахавали понял, что перед ним богиня Пеле, решившая расправиться с ним. Не мешкая ни секунды, он прыгнул в «сани» и с огромной скоростью помчался вниз. Вскоре хеехолуа домчали его до родного дома. Вождь приказал жене поскорее садиться в «сани»: лава была уже совсем близко. Однако его жена понимала, что нет спасения от гнева Пеле, и стала мужественно ждать, когда раскаленная лава обрушится на ее дом и сожжет его.

Кахавали не желал сдаваться без боя. Он бросился к океану и буквально в последнюю секунду успел оттолкнуть свою лодку от берега: лава со злобным шипением полилась в воду. Вне себя от гнева, Пеле швырнула в него несколько вулканических «бомб», но камни

---

[1] Хлебное дерево (*Artocarpus incisifolia* и *A.altilis*) — два вида культурных растений, относящихся к роду *Artocarpus*. Из плодов хлебного дерева изготовляют лепешки, напоминающие хлеб. Восьмилетнее дерево дает до 800 плодов размером с дыню. Известно свыше ста форм. Волокно коры идет на веревки, латекс, на смоление и окраску лодок, не поддается гниению. (Здесь и далее примеч. ред.)

в Кахавали не попали. Так — впервые в гавайских мифах — смертный человек сумел спастись от огня могущественной богини вулканов.

Уже в исторические времена, и это один из наиболее драматических эпизодов современной истории Гавайских островов, против воли Пеле восстала женщина. Это была благородная Капиолани, жена вождя Наиха, старейшины деревни Каавалоа, расположенной на Большом острове.

Капиолани одна из первых среди знатных гаваек приняла христианство. Так как на островах, пожалуй, не было божества, которое чтили бы больше, чем богиню вулканов, то Капиолани задумала доказать соотечественникам, что христианский бог белых людей могущественнее языческой властительницы огня.

Для этого она отправилась к кратеру Халемаумау, где жила божественная Пеле, и открыто нарушила многочисленные табу (по-гавайски *капу*) — преступила запреты, предписанные островитянам их верой. При этом она совершила тягчайшее преступление — нарвала полную ладонь растущих вокруг Халемаумау ягод *чело* и съела их. По древнейшей незыблемой традиции питаться ими могла лишь красноволосая богиня вулканов. Затем Капиолани бросила в кратер Халемаумау несколько камней. Более дерзкого оскорбления, по представлениям гавайцев, нанести богине вулканов невозможно. К жене вождя деревни Каавалоа подошла жрица святыни, где совершались обряды в честь богини Пеле, и сделала Капиолани необычное предупреждение — показала ей письмо, будто бы собственноручно написанное Пеле и адресованное хранителям ее культа. В письме говорилось, что ритуалы, посвященные Пеле, не должны предаваться забвению. Иначе... впрочем, каждый знает, как умеет мстить красноволосая повелительница вулканов.

Капиолани не отступила. Она ответила:

— Смотри, у меня тоже есть письмо, только оно от моего бога.

И, показав жрице Библию в кожаном переплете, Капиолани добавила:

— Вовсе не красноволосая женщина, а Иегова является моим богом. И если Пеле сейчас же покарает меня за нарушения табу, если убьет меня за то, что я оскорбила ее, тогда бойтесь Пеле. Однако, если Иегова

защитит меня от гнева Пеле, значит, он сильнее. Тогда служите лишь Иегове, чтите его, поклоняйтесь ему, откажитесь от гавайских богов, потому что они безвольны и беспомощны...

Жрица замерла. Боже, что сейчас произойдет? Чем ответит Пеле на кощунственные, святотатственные речи Капиолани? Однако вулканы были спокойны, земля не разверзлась, и огонь не полыхнул. А Капиолани? Она победила в единоборстве с богиней. Ее драматический поступок действительно способствовал тому, что вера белых людей в конце концов одержала верх над традиционными верованиями гавайцев.

Удивительный поступок жены вождя стал широко известен далеко за пределами Гавайских островов. За тысячи километров от архипелага — в Англии — о мужестве Капиолани говорил лорд Теннисон. Его соотечественник, лорд Байрон, брат великого английского поэта Дж. Г. Байрона, попросил нарисовать кратер, в котором, по преданию, живет богиня Пеле, и обозначить место, где Капиолани совершила свое легендарное богохульство.

С тех пор прошло сто шестьдесят лет. За это время изменилось многое, изменилось и отношение к тем давним событиям. Однако я совсем не убежден, что религия белых людей дала гавайцам счастье и благополучие. Пожалуй, наоборот. Эта чуждая гавайцам вера, этот образ жизни и философия часто несли островитянам смерть и разрушение.

Капиолани давно умерла, а Пеле живет на Гавайских островах и поныне. Как и тысячи лет назад, во многих местах кипит вода, поднимаются пузыри, ощущается дыхание огня. И так же как в доисторические времена, в кратерах здешних вулканов слышен доносящийся из-под земли рокот.

Я не перестаю думать о красноволосой Пеле и ее словах, ставших частью гавайской легенды:

— *Алоха ино оэ эиа. Ихо неи Паха оэ е мака аи, ке аи манеи Пеле!* («О человек, ты достоин сострадания, ибо, возможно, тебе остался шаг до смерти твоей. Беспощадная Пеле приближается...»)

Снова я бросаю взгляд на вулканы Большого острова. Беспощадная Пеле действительно рядом, стоит лишь протянуть руку...

Прошло сто шестьдесят долгих лет с тех пор, как смелая жена вождя посмеялась над могущественной богиней гавайских вулканов. И Капиолани, и жрица, служившая Пеле, давно мертвы, но вулканы живут до сих пор. Из пяти огнедышащих гор, создавших Большой остров, регулярно извергаются две — Мауна-Лоа и Килауэа.

Я смотрел на вулкан Мауна-Лоа, поднявшийся на высоту более четырех тысяч метров над уровнем моря. Нет в нем ничего романтического: ни острых вулканических гребней, как в Чили, ни выразительных вершин Европы, таких, например, как на Монте-Роза. Склоны Мауна-Лоа довольно пологи: крутизна их не превышает двенадцати градусов. Тем не менее этот скромный великан грациозен. Свидетельство тому и гавайское название вулкана. Мауна-Лоа значит «Большая гора» или «Длинная гора».

Мауна-Лоа достигает высоты четырех тысяч ста шестидесяти восьми метров над уровнем моря (подчеркиваю — над уровнем моря). Так как Мауна-Лоа поднимается со дна океана, глубина которого в этих местах примерно пять тысяч метров, то вся высота вулкана — от основания до плоской вершины — более девяти тысяч метров. Следовательно, он выше Джомолунгмы (Эвереста) — высочайшей вершины нашей планеты.

Гавайский гигант не только самая высокая, но и самая крупная по объему гора в мире. Она возникла и выросла в результате вулканических извержений. Огромное количество застывшей лавы, равное объему примерно ста Фудзиямам.

Я пытался представить сто вулканов, сто Фудзиям рядом друг с другом, друг на друге, сто Фудзиям в одной горе! Таков Мауна-Лоа. Каждое его извержение выбрасывает на поверхность земли огромное количество лавы.

Так, во время извержения 1950 года огненная река вынесла на поверхность Большого острова девятьсот миллионов тонн жидкой породы. Мауна-Лоа напоминает слоеный пирог, причем толщина каждого слоя не превышает одного-двух метров. Накладывал их друг

на друга безумствовавший, не знавший устали «пекарь». На вершине Длинной горы — овальное отверстие кратера, точнее, кальдеры. Кальдера вулкана Мауна-Лоа тоже внушительна по размерам. Длина ее превышает пять тысяч метров, ширина — около трех тысяч, глубина достигает двухсот метров. Гавайцы называют это высоко поднятое сердце Мауна-Лоа *Мохуавковко*.

На южной и северной сторонах Мохуавковко расположились два значительно меньших по диаметру круглых «кратера» — Луа Хоу («Новая яма») и Луа Хохону («Глубокая яма»). Бывает, образуется целая цепь новых отверстий, выбрасывающих лавовые потоки. Тогда возникает «огненный занавес» — так называют здесь эту стену лавовых фонтанов.

«Огненный занавес» гавайских вулканов, как правило, опадает в течение одного дня, и лавовый поток продолжает извергаться только из одного, главного отверстия. Зато увеличивается высота раскаленного факела, достигая нередко нескольких сотен метров. Например, во время знаменитого извержения 1950 года первое вздутие на вершине сопки дало трещину 1 июня, в 9 часов утра. Над Мауна-Лоа образовалось гигантское облако вулканического газа, напоминающее атомный гриб. В 10 часов 15 минут на склонах горы появились новые отверстия, и лава двумя мощными потоками устремилась к подножию Длинной горы, к океану.

Западный лавовый поток растекался по Большому острову со скоростью пятнадцать километров в час. Часа через два он достиг главного шоссе, которое тянется вдоль всего берега, сжег довольно большой отрезок шоссе и поселок и в 1 час ночи ринулся в океан. Началось второе действие адской драмы. Зашипела морская вода, над ее поверхностью образовались гигантские облака пара, достигавшие шестикилометровой высоты. В воде плавали десятки тысяч сварившихся рыб. Тем временем в долину низвергались новые потоки лавы, увеличивая подножие Мауна-Лоа и уничтожая поля и жилища обитателей Большого острова. Только благодаря тому что за гавайскими вулканами уже несколько десятилетий наблюдает прекрасно оборудованная вулканическая станция, это извержение обошлось без человеческих жертв.

К гавайским вулканам я отправился из Хило, расположенного к ним ближе других поселений. И так как я жил в этом городке, меня, естественно, интересовало, как же Мауна-Лоа обходится с самим Хило. Меня уверяли, что с таким могущественным соседом шутки плохи, потому что Мауна-Лоа не только один из самых больших, но в последние столетия один из самых активных вулканов в мире. Он извергается примерно раз в три с половиной года. И многие из извержений непосредственно угрожали Хило.

Когда-то, готовясь к своей первой поездке на Гавайи, я прочитал, что в 1832 году одна из женщин-вождей, алии Нуи Хоэлани, отправилась к вулканам просить божественную Пеле о защите Хило от Мауна-Лоа. Богиня вняла ее просьбе. Однако спустя несколько десятилетий лава снова широким потоком устремилась к городку. А в 1881 году поток замер лишь в полутора километрах от центра Хило. Еще через полвека, в 1935 году, на борьбу с беспощадной Пеле пришлось бросить самое современное оружие американской армии. В потоки лавы, угрожавшие сжечь Хило, бомбардировщики «Кейстаун» сбрасывали фугасы весом двести двадцать пять килограммов, тем самым пытаясь изменить направление движения лавы.

Спустя еще несколько лет военно-воздушным силам США снова пришлось вступить в бой с лавой, угрожавшей Хило. Опасность надвигалась на город с двух сторон, так как извержение началось через несколько месяцев после нападения японцев на Перл-Харбор — военно-морскую базу США на Гавайях. На обессиленном, почти беззащитном перед японскими агрессорами архипелаге началось мощное извержение. Лавовые потоки шириной до восьмисот метров, приближавшиеся к Хило, могли перерезать главную дорогу, имевшую стратегическое значение для обороны Гавайев, и разрушить акведуки, снабжавшие Хило питьевой водой.

Огненные пальцы богини Пеле устрашали население. Там, где на пути лавового потока оказывались джунгли, вверх поднимались облака дыма. Горела растительность, и образовывался метан, который время от времени взрывался. Неудивительно, что многим жителям Хило, потрясенным событиями в Перл-Харборе, казалось, будто началось японское вторжение на острова.

Слухи о высадке японцев оказались ложными, лавовые потоки удалось остановить, но жители Хило до сих пор посматривают на Мауна-Лоа с опаской.

Я спрашивал, как жители защищают свой город в настоящее время, что собираются делать в будущем. Ответ удивил меня:

— Мы не верим ни в авиабомбы, ни в прогнозы вулканологов. Мы построим стену!

Великая гавайская стена — по типу китайской — будет, по представлениям островитян, достигать семи с половиной метров в высоту и двадцати семи километров в длину. Подобно волнолому, она должна будет останавливать лавовые потоки, которые устремятся к городу при будущих извержениях. У меня сложилось впечатление, что жители городка не очень-то жалуются на Мауна-Лоа. В их город, стоящий на пути к огнедышащим горам, приезжают тысячи любопытных туристов, которые помогают экономическому процветанию городка, подъему жизненного уровня населения.

Среди тысяч любопытных, приехавших сюда, чтобы взглянуть на вулканы, оказался и автор этих строк. Я побывал на десятках действующих и потухших вулканов, в том числе на самом высоком (если не считать гор Большого острова) вулкане Халеакала, на острове Мауи, поднявшемся на высоту три тысячи триста метров.

Здесь же, на острове Гавайи, мне хотелось посетить «жилище» Пеле — самый активный вулкан Килауэа. Еще до встречи с красноволосой богиней я задумал подняться на две высочайшие вершины не только Гавайев, но и всей Полинезии — вулканы Мауна-Лоа и Мауна-Кеа.

НА МАУНА-КЕА И МАУНА-ЛОА

Итак, я готовился подняться на вершины самых знаменитых и самых высоких вулканов Полинезии — Мауна-Кеа и Мауна-Лоа. Каждый из них вознесся выше четырех тысяч метров над уровнем моря.

В путешествие по тропической Океании я не стал брать ни теплых вещей, ни альпинистского снаряже-

ния, необходимых для такого подъема и пребывания в горных областях Большого острова.

Пришлось взять напрокат горные ботинки, кожаные рукавицы и тщательно намазать лицо кремом, который должен был спасти от яркого солнца. Затем дорога № 20 (гавайцы называют ее «Дорогой седловин» или «Дорогой перевалов») доставила меня к «перемычке», соединяющей оба знаменитых вулкана Большого острова. С одной стороны — действующий вулкан Мауна-Лоа, с другой — потухший Мауна-Кеа. На «лендровере», у которого две ведущие передачи, мы поднялись к кемпингу «Похакулоа», расположенному на склоне Мауна-Кеа.

Если бы я не знал, что меня ждет, то, поднявшись сюда, не поверил бы своим глазам. Недавно я бродил среди тропической растительности парков Хило, а тут, вокруг «Похакулоа», всюду ослепительно сверкал снег. Сюда съезжаются спортсмены со всего архипелага, чтобы получить поистине неповторимое на тропических островах Тихого океана удовольствие — покататься на горных лыжах.

«Похакулоа» примечателен не только лыжными трассами — в этом горном поселке основана орнитологическая станция, цель которой следить за *нене* [2] — серовато-белой птицей с черной головкой, ставшей символом Гавайского архипелага. Здесь обитают также *колоа* [3] и другие пернатые.

---

[2] Нене *(Branta sandvicensis)* — гавайская казарка, отряд гусеобразных семейства утиных — символическая национальная птица Гавайев, некогда населявшая Гавайский архипелаг. В конце XVIII столетия численность ее составляла около двадцати пяти тысяч птиц, к 1952 году насчитывалось не более тринадцати тысяч, а позже исчезли и они. С 1832 года нене размножается в Лондонском и некоторых других зоопарках. Один самец прожил в неволе сорок два года. В 40—50-е годы XX века на Гавайях и Слимбридже (орнитологический центр, Англия) сделана серьезная попытка спасти нене от исчезновения. Несмотря на то что с 1961 по 1976 год было завезено и выпущено тысяча двести сорок четыре казарки, в том числе на Похакулоа, гнездиться они не начали. Занесена в Красную книгу.

[3] Колоа, или гавайская обыкновенная кряква *(Anas platyrhinchos wyvilliana)* — семейство утиных, водится в небольших озерцах и в сырых лесах островов архипелага. В 1964 году мировая популяция насчитывала около пятисот экземпляров, в том числе семьдесят — обитатели зоопарков. Принимаются активные меры по охране птицы; занесена в Красную книгу.

Мы двинулись дальше. Мотор натужно выл в разреженном воздухе высокогорья. Вторую остановку мы сделали уже за развилкой Хуумула, на высоте трех тысяч метров. Отсюда открывается, пожалуй, самый прекрасный вид на Большой остров. Неподалеку расположился лагерь лесорубов, а напротив (кажется, на расстоянии вытянутой руки) возвышается плоская вершина коварной Мауна-Лоа. Я испытывал удивительное чувство, стоя один на один с высочайшим вулканом Океании. Рядом, на горных склонах, лежал снег, первый снег, который я увидел в Южных морях.

Я вдыхал разреженный, прохладный воздух высокогорья. Все, что я видел, казалось одновременно и далеким и близким. В памяти всплывали слова, которые я часто здесь слышал. Их произнес Дэвид Дуглас, ботаник, первым из белых людей вступивший на высочайшую вершину Полинезии. В январе 1834 года, вернувшись после восхождения на Мауна-Кеа, он писал своей подруге: «Один день, проведенный среди вулканов, стоит года жизни». Вероятно, это действительно так.

Мауна-Кеа проявила неблагодарность по отношению к своему первопокорителю. Спустя несколько месяцев после его восхождения на вершину вулкана тело Дугласа было найдено в яме, точнее, в западне, вырытой на склоне горы. Дуглас лежал рядом с мертвым быком. Как произошла эта встреча? Точно этого так никто и не узнал. Некоторые утверждали, что ботаник попал в яму не случайно, а по злой воле и одичавший бык не имел к его смерти никакого отношения. Друзья естествоиспытателя отрезали голову животного и привезли ее в Гонолулу на экспертизу. Однако тайны раскрыть так и не удалось.

Вскоре в столицу архипелага перевезли и тело Дэвида Дугласа. Похоронили его на кладбище кафедрального собора Каваиао. Там я и увидел его надгробный камень возле входа в храм.

Дуглас известен не только как альпинист и ботаник, описавший несколько десятков видов папоротников. Специалистам известна и пихта Дугласа, названная так в его честь. Им сделано еще одно открытие: именно он обнаружил знаменитое калифорнийское золото. В корнях елки, которую он послал из Калифорнии в Лондон, поблескивали крупинки драгоценного

металла. Ученые мужи не обратили на это внимания, а через двадцать лет впервые увиденный Дугласом калифорнийский «желтый дьявол» вызвал самую сильную в истории Америки «золотую лихорадку».

Но самого Дугласа куда больше интересовали тайны природы. Он был очарован неповторимой красотой удивительного острова. Глядя на белую крышу Мауна-Кеа и на лысую вершину Мауна-Лоа, я мысленно снова и снова повторяю его слова: «Один день, проведенный среди вулканов, стоит года жизни».

На высоте трех тысяч метров я закончил свое восхождение на Мауна-Кеа. Разрешение на подъем в заоблачную высь, к самой вершине, администрация национального парка Хавайи-Волкейнос дает лишь в исключительных случаях. На подходе к ней находится самая большая гавайская астрономическая обсерватория — пятиэтажное здание, принадлежащее американскому Агентству по исследованию и освоению космического пространства — знаменитому НАСА. Американцы в то время готовились к установке в восемнадцатиметровом куполе инфракрасного телескопа с самыми большими линзами в мире. В воздушном пространстве, окружающем Мауна-Кеа, содержится минимальное количество водяных паров, и это создает оптимальные условия для наблюдения за небесными телами.

На северных склонах Мауна-Кеа недавно установили два подъемника. Снег на горных склонах — здесь следовало бы поставить несколько восклицательных знаков — лежит с декабря до конца апреля. Горнолыжники облюбовали две трассы, протяженность одной из них, носящей имя богини Пеле, составляет пять километров!

Выше, над обсерваторией и горнолыжными трассами, тихое царство природы. Здесь, на высоте четырех тысяч метров, есть небольшое, глубиной всего пять метров, горное озеро Ваиау. Неподалеку от него, в пещере Кеанакакои, полинезийцы добывали камень для своих топоров и копий.

Горное озеро я, к сожалению, так и не увидел: нужно было возвращаться назад. Со смотровой площадки Киохама через седловину я отправился назад, на дорогу № 20, и по ней — в Хило. На следующий день я снова поехал в горы — на вулкан Мауна-Лоа.

Из Хило дорога (ее называют «Стейнбек хайвэй») поднимается прямо по склону Мауна-Лоа и ведет мимо довольно своеобразной тюрьмы Кулани. Вместо того чтобы отгородиться высоким забором, она зазывает к себе туристов, рекламируя себя в печати как достопримечательность. Тюремная администрация даже оборудовала мастерскую по производству сувениров. Заключенные вырезают для туристов неплохие копии традиционных гавайских гравюр на дереве.

В Кулани открыт магазинчик «Хобби», в котором продаются изготовленные заключенными сувениры. Я предпочел воспользоваться другой, более длинной дорогой под № 21, ведущей в национальный парк Хавайи-Волкейнос. Недалеко от административного здания парка, рядом с кратером Килауэа, начинался подъем на Мауна-Лоа.

По «Мауна-Лоа роуд», узкой живописной дороге, я двинулся пешком, хотя можно было воспользоваться и вездеходом. Однако я не пожалел об этом. Нелегкий подъем длиной двенадцать километров закончился у скалы высотой три тысячи триста метров, на которой стоит домик для туристов Пуу Улаула. Отсюда хорошо видны склоны гавайского вулкана, окрашенные лавой в разные цвета.

Позже, на Килауэа, мне удастся посмотреть на извержение — раскаленную лаву и растекающееся огненное поле. Но здесь, на высоте более трех тысяч метров, я видел уже остывшую лаву, после того как она испарила свой тысячеградусный жар. Удивительное зрелище! Я поднимался на потухшие и действующие вулканы в Африке и Южной Америке, в Италии и на Карибских островах. За восхождение на вулкан Суфриер, на острове Гваделупа, я чуть было не поплатился жизнью. Но лишь здесь, на Гавайях, я увидел цветную лаву. Передо мной лежало лавовое поле серебристо-серого цвета. Далее, на горизонте, оно имело уже темно-коричневый оттенок, а правее — более светлый, розоватый налет. Такова палитра могущественной Пеле.

Я обходил лавовые поля, и мне казалось, что я брожу по Луне. Застывшая лава обрела удивительные, фантастические формы. Именно таким должен быть лунный пейзаж. Эта мысль пришла в голову не только мне. До того как побывать на Луне, первые астронав-

ты в луноходах и скафандрах совершили тренировочные походы по лавовым полям в окрестностях Пуу Улаула.

Смеркалось, лавовая радуга темнела. Она как бы приобретала свой изначальный цвет. Красочный пейзаж сменялся черно-белым изображением — черные лавовые поля и белоснежная вершина Мауна-Кеа на горизонте. Пора ложиться спать. Ночь я провел в домике для туристов в горах, а утром продолжил свой путь. От мертвых лавовых полей Мауна-Лоа я двинулся к живой, пульсирующей лаве Килауэа. От черно-белого пейзажа к ярко-красному огню, туда, где обитает Пеле.

ВЗГЛЯД В «ЧЕРТОВУ ГЛОТКУ»

Я снова в пути. По лавовым полям идти трудно не только вверх, но и вниз, тем более что надо преодолеть восемь километров от Пуу Улаула к кратеру Килауэа. Я собирался провести несколько дней возле пристанища могущественной Пеле, пожить на построенном много десятилетий назад «постоялом дворе», который в наши дни переоборудован в современный пансионат для туристов — «Волкейно Хауз».

«Волкейно Хауз» в буквальном смысле слова существует на вулкане и за счет вулкана. Тридцать семь его номеров обогреваются теплом Килауэа. Горячую воду для ванн «поставляет» Пеле. Удивительный пансионат! Никогда раньше мне не приходилось и скорее всего не придется жить на вулкане. В «Волкейно Хаузе» сердце сжимается от страха: стоит выглянуть из окна, как прямо перед тобой открывается вид на кратер Килауэа и его огненное сердце — Халемаумау.

Уникальная гостиница, в которой я провел несколько дней, стала отправной точкой моих походов по вулкану. Хотя Килауэа находится рядом с импозантным Мауна-Лоа, тем не менее это «самостоятельный» вулкан. Несмотря на высоту «всего» тысячу двести сорок семь метров, карликом его не назовешь. Если его высоту измерять со дна океана, то она достигает шести километров.

Килауэа — вулкан, о котором можно сказать: «...самый... самый... самый». В справочнике я прочел: «Самый активный из действующих вулканов в мире... самые высокие лавовые фонтаны...» Больше всего мне хотелось понаблюдать в течение нескольких дней с близкого расстояния за «будничной жизнью» вулкана. Во время моей последней поездки по Гавайским островам Килауэа отблагодарил меня за постоянный к нему интерес. Я увидел великолепное зрелище — пробуждение от спячки самого активного вулкана Тихого океана и все картины адской пьесы, именуемой «вулканическое извержение».

Первый день я посвятил осмотру главного кратера. Я обошел вокруг него. Длина этой трассы — около восемнадцати километров, по ней можно проехать даже на машине. Для удобства ленивых американских туристов, которых, естественно, здесь больше всего, проложили дорогу, и теперь они могут смотреть в «Чертову глотку» Килауэа, не покидая свои «бьюики», оборудованные кондиционерами. Поэтому Килауэа в последнее время иногда называют «Драйв ин волкейно», подобно названиям автокинотеатров, где фильм смотрят, сидя в машине.

Я не любитель чрезмерного комфорта, поэтому меня раздражали автотуристы, наблюдавшие из-за стекол современных машин грандиозное зрелище, как бы перенесенное в наши дни из времен Адама и Евы.

Вдоль шоссе тянется тропинка для пешеходов. Она привела меня к «Серным струям», месту, где в воздухе плыли легкие, с резким запахом облака пара. На прилегающих склонах серные струи оставили золотисто-коричневые абстрактные рисунки.

Чуть подальше «Стимин блаф» — так это место назвали вулканологи. И здесь из-под земли выбиваются струи пара, который, уменьшая видимость, заставляет раздосадованных автотуристов снижать скорость.

Я медленно брел пешком. Над обрывистыми стенами кратера — «килауэа оуверлук» («смотровая площадка»). Отсюда большой кратер и его огненное сердце видны как на ладони.

По соседству с «килауэа оуверлук» профессор Томас Ягер, самый известный исследователь этого вулкана, основал в 1912 году Гавайскую вулканологическую станцию, принадлежавшую первоначально Масса-

чусетскому технологическому институту. В наши дни руководит и финансирует деятельность обсерватории Геологическая служба США.

Вход в эту обсерваторию, которая днем и ночью пристально следит за деятельностью вулканов, посторонним запрещен, но заглянуть в ее окна можно. Внутри обсерватории бросаются в глаза прежде всего ряды сейсмографов. Одна из лабораторий постоянно следит за колебаниями почвы, вызываемыми деятельностью гавайских вулканов. До трех тысяч колебаний ежедневно регистрируют здесь ученые! Если сила их увеличивается, значит, скоро начнется извержение.

Вулканы словно колышутся, вдыхая и выдыхая горячий воздух, при этом они «трясут» Гавайские острова. Мне, дилетанту, цифра три тысячи толчков ежедневно кажется невероятной, ужасающей! Однако подавляющее большинство толчков регистрируется лишь чувствительными приборами.

К вулканической станции я пришел еще раз: мне захотелось посмотреть, как выглядит «красное сердце» Халемаумау ночью. Это было удивительное зрелище. Словно тысячи небольших красных звездочек сверкали во тьме тропической ночи, хотя я понимаю, что сравнения всегда приблизительны. Одним из первых писателей, заглянувших в кратер Килауэа, был Марк Твен, тридцатилетний корреспондент калифорнийской газеты «Сакраменто Юнион». Сверкающий котел Халемаумау напоминал ему огромную светящуюся карту железных дорог американского штата Массачусетс. Мне трудно что-либо по этому поводу сказать: я не видел светящейся железнодорожной карты этого штата.

Марка Твена поразил не только огненный котел Халемаумау, но и огромная кальдера Килауэа. Отсюда я отправился к другому кратеру — Малому Килауэа, по-гавайски Килауэа-Ики. После его извержений в 1959 и 1960 годах осталась «Дорога развалин» — нечто вроде памятника разрушительной деятельности гавайских вулканов. Вдоль всей этой мрачной дороги стоят голые стволы деревьев, мимо которых бредешь молча, словно среди руин храма. Путь ведет к пику Пуу Пуаи, совсем юной вершине из туфа, возникшей в результате последних извержений Килауэа-Ики.

Тропинка, огибающая Большой и Малый Килауэа, а также шоссе, названное «Кратер рим драйв», закан-

чиваются у пещеры, напоминающей тоннель. Называется она «Терстон лава тьюб».

Эта труба в лаве, подобно другим таким же тоннелям на Большом острове,— результат вулканической деятельности. В то время как верхние слои разлившейся лавы постепенно застывают, нижние, еще раскаленные, продолжают течь, вытягивая за собой пустоты, похожие на трубы нефтепроводов. Увитый хвощом тоннель Терстона — самая знаменитая из всех пещер Большого острова. Несколько дней назад я уже побывал в другой «подземной трубе», образовавшейся в лаве рядом с Хило. Называлась она пещера Каумана, точнее, одна из пещер Каумана, потому что подземных тоннелей в окрестностях Хило два. В первый можно углубиться метров на сто, если у вас есть фонарь. Второй намного опаснее. По сравнению с ними пещера Терстона значительно «комфортабельнее»: в ней проведено даже электрическое освещение.

От «Терстон лава тьюб», восточной оконечности пешеходной тропинки, огибающей кратеры Большого и Малого Килауэа, я возвращался к «Волкейно Хауз», чтобы на следующий день предпринять вылазку прямо в «ад» — сойти в кратер по тропинке, прогулку по которой даже в научных трудах местной вулканологической обсерватории называют «опаснейшей» и «удивительнейшей» в мире.

Она заканчивается на дне кратера. Примерно на том же уровне над морем, на котором находится административное здание национального парка Хавайи-Волкейнос, начинается сожженное лавой ребристое дно кальдеры. И уже по дну площадью две с половиной тысячи акров тропинка ведет к краю «Чертовой глотки» — огненной ямы Халемаумау, где живет божественная Пеле.

Диаметр Халемаумау, расположенного в юго-западной части кальдеры, равен примерно тысяче метров. С незапамятных времен Халемаумау был самой горячей вулканической точкой этой «огненной страны» и в течение десятилетий единственным настоящим лавовым озером на земле. Его кратер почти до краев заполнялся раскаленной лавой. Однако в 1924 году «утроба» Килауэа неожиданно всосала назад всю «жидкость» из этого «горшка». Время от времени красная «живая» лава выплескивается из Халемаумау, хотя в 1924 году гавайское «огненное озеро», одно из чудес света, вер-

нулось туда, откуда появилось,— под тонкую скорлупу нашей планеты. Ежегодно Килауэа выливает на Большой остров пятьдесят миллионов кубических метров лавы. Этого количества достаточно, чтобы опоясать землю каменной стеной с сечением один квадратный метр.

Извержение вулкана, излияние божественного гнева Пеле — одно из самых впечатляющих зрелищ, какие мне приходилось видеть. Во время извержения Малого Килауэа (1959 год) поднялся столб раскаленной лавы высотой сначала двести, затем триста, четыреста и, наконец, шестьсот метров! Размер огненной махины вдвое превышал высоту Эйфелевой башни! Две такие башни, стоящие одна на другой!

Мне посчастливилось наблюдать завораживающее, грозное зрелище, однако, чтобы увидеть подобное, пришлось отправиться вдоль так называемого «Восточного излома». Километров через пятнадцать я оказался в области кратера Мауна-Улу («Растущей горы»).

Насколько мне известно, Мауна-Улу — самая высокая из недавно образовавшихся гор во всей Океании. Это не просто гора. В течение примерно трех лет в ней бурно шли активные вулканические процессы. Заглянув в кратер, я увидел то, ради чего стоило преодолеть долгий путь из сердца Европы в сердце Тихого океана.

Именно здесь «Чертова глотка» открылась передо мной во всей своей красе. У меня на глазах Килауэа выплевывал из кратера Мауна-Улу раскаленную лаву. Тяжелая багровая жидкость — завтрашние скалы — взлетала вверх, словно воздушная пена, а не кубометры и тонны скальной породы. Бурлящая лава била вверх узкими алыми струями, на мгновения создавала огненные здания, пурпурные купола, напоминающие архитектуру барокко. Я хорошо знаю карловарский гейзер. Фонтаны Мауна-Улу напоминали кипящий источник всемирно известного курорта. Только вместо воды в воздух взлетала пенящаяся, расплавленная лава — будущий камень.

Я простоял здесь много часов, молча, затаив дыхание. Передо мной разворачивалась картина «сотворения» мира.

Я словно перенесся в древнейшую эпоху нашей планеты. Спасибо тебе, Пеле, спасибо тебе, земля, за этот огонь — огонь созидания!

Чем еще мог удивить меня вулканический мир Большого острова, после того как я видел огненные фантазии бурлящего Мауна-Улу, лавовые фонтаны и багровые барочные купола?

Отправив назад, в Хило, все свои вещи и прихватив с собой лишь самое необходимое, я снова двинулся на Килауэа. Сначала я шел к Мауна-Улу по дороге, которую здесь называют «Чейн ов крейтерз роуд». Она тянется километров на десять вдоль цепи небольших кратеров, в далекие времена созданных извержениями Килауэа.

У каждого кратера свое имя. За «Чертовой глоткой», расположенной примерно посредине цепи вулканов, следуют Кокооалау, Хилака, Пауахи и Алои. Над ними возвышается Пуу Хулухулу («Шлаковая игла»), к юго-востоку от нее лежит Алеалеа и, наконец, самый большой кратер — Макаопухи. Отсюда я продолжил свой путь дальше, к океану. В этом направлении к берегам Тихого океана сползают черные потоки лавы, которые выбрасывает на остров богиня Пеле.

Находясь здесь, легко представить себе, каким был гавайский ландшафт задолго до того, как в этих местах появился первый человек. Эту специфическую «резервацию» первозданной флоры Гавайских островов по иронии судьбы создала беспощадная, сжигающая все на своем пути богиня Пеле — вулканическая деятельность огнедышащих гор.

Среди лавовых полей остались участки земли, которые никогда не заливал огненный поток, например возвышенности. На них-то и сохранилась первозданная растительность архипелага. Гавайцы называют эти места (в течение тысячелетий их не касалась лава) *кипука* — «оазисы».

Самый большой и прекрасный зеленый оазис в черной лавовой гавайской пустыне, поистине райский уголок островов — Кипука Пуаулу. Он образовался на широкой возвышенности, которая ни разу не была залита лавой.

По оазису проложена тропинка. Я шел по ней, и мне казалось, что я попал в Ноев ковчег. На небольшой площадке, размером сто акров, росло более сорока

видов деревьев и множество растений. Здесь встречались разнообразные кустарники, травы, цветы и мхи, некоторые из них произрастают только на этом единственном в мире островке, «плывущем» в черном «вулканическом» море. Щебетали птицы, цвели цветы, покачивались на ветру папоротники. Кипука Пуаулу расположен на высоте тысяча двести двадцать метров над уровнем моря.

Никто точно не знает, сколько столетий Кипука Пуаулу противостоит напору лавовых прибоев. Во всяком случае, не меньше двух тысячелетий. Таков возраст могучего гиганта Кипука Пуаулу — дерева *коа (Acacia koa)* семейства *Leguminosae.* Это царь гавайских лесов. В далекие времена из стволов коа гавайцы выдалбливали каноэ длиной до тридцати метров. В наше время островитяне сооружают из его древесины еще одно средство для передвижения по воде — знаменитые доски для серфинга, на которых ловко скользят по высоким волнам океанского прибоя. Форму этих досок у обитателей полинезийских островов позаимствовали спортсмены всего мира.

Кроме дерева коа в гавайских лесах растет железное дерево[4], которое местные жители называют *охиа.* Длинную аллею этих деревьев я уже видел в национальном парке Хавайи-Волкейнос — на «Дороге развалин». Однако там стволы охиа после извержения Килауэа превратились в обгоревшие скелеты и стоят словно монументы, напоминающие о необоримой силе богини Пеле.

Охиа верой и правдой служили гавайским мореплавателям: твердая, как сталь, темно-красная древесина этого дерева шла главным образом на изготовление весел. На Гавайских островах высота охиа достигает тридцати метров, поэтому полинезийцы называют их «отцами всех деревьев».

Наряду с охиа и величественными коа к первозданной гавайской флоре относятся и *хапау,* достигающие десятиметровой высоты, а также редкие деревья *холеи* с прекрасными декоративными листьями.

---

[4] Железное дерево — листопадное дерево семейства гамамелидовых. Из очень твердой и прочной древесины изготовляют детали машин, художественные изделия. Железным деревом также называются другие растения с твердой древесиной.

В Кипука Пуаулу растет также *ти*, которое уже успели позаимствовать у полинезийцев европейские садоводы. Растение ти (не менее декоративное, чем холен) гавайцы использовали не только для украшений. Листьями ти они покрывали свои хижины, вареными употребляли их в пищу, а на сахаристом корне настаивали легкий алкогольный напиток. Белые пришельцы «помогли» аборигенам продвинуться «вперед» и в этой области. Они научили их гнать из ти крепкое, «цивилизованное» пойло. Эта обжигающая гавайская «огненная вода» называется здесь *околехао*.

Благородное растение ти в наши дни — одна из достопримечательностей Кипука Пуаулу. Однако, подобно многим нынешним представителям островной флоры, оно не принадлежало к исконному растительному миру Гавайев. На архипелаг его доставили первые обитатели островов — полинезийцы, подобно другим плодам и растениям, привезенным ими со своей прежней родины и навсегда прижившимся на Гавайских островах. Теперь здесь растут ямс[5], таро[6], бананы, орехи *кукуи (Aleurites moluccana)* (гавайцы давили из них масло, которое шло на освещение хижин), сахарный тростник, хлебное дерево и кокосовые пальмы. Раньше символом «прекраснейших островов на земле» для меня всегда была кокосовая пальма. Однако выяснилось, что и ее завезли сюда первые полинезийцы, приплывшие на Гавайи с юга. До заселения Гавайских островов тут рос лишь один вид пальмы — *лоулу* (пикардия). Всего на архипелаг полинезийцы завезли двадцать пять видов различных растений. (Кроме того, они выпустили на острова, на которых раньше не было ни одного млекопитающего, первую собаку, первую свинью и даже первую крысу.)

Богатая растительность Кипука Пуаулу — результат тысячелетнего развития местной флоры. Когда вулканическая активность земных недр подняла из океан-

---

[5] Ямс *(Dioscorea)* — древняя культура Океании и Тропической Азии, семейство диоскорейных, клубни съедобны, весом до 40—50 килограммов, напоминают по вкусу картофель. Из клубней готовят муку; едят в вареном и печеном виде; имеет важное лекарственное значение.

[6] Таро *(Alocasia macrorrhiza)* — весьма широко распространенное на островах Океании культурное растение. Представляет собой клубнеплод. Клубни иногда достигают веса шести килограммов и одного метра в длину.

ских глубин Большой остров и другие части архипелага, на них, разумеется, не существовало никакой жизни. Позднее, по прошествии долгого времени, ветры, волны и морские птицы занесли сюда первые споры и семена, которым удалось прорасти в этой земле, созданной водой и огнем. Появилась первая былинка, раскрылся первый цветок, потянулось к солнцу первое дерево.

Под воздействием новой среды обитания и в результате долгой эволюции эти растения чем дальше, тем больше стали отличаться от своих предков, оставшихся на родине. Эволюция привела к появлению новых видов растений на Гавайских островах. Подавляющее большинство растений на этих изолированных тихоокеанских островах появилось без всякого вмешательства человека. Последние данные свидетельствуют, что до появления первого белого человека на Гавайских островах произрастал тысяча триста восемьдесят один вид растений. Примерно четыре пятых из них — потомки растений, которые встречаются в других частях Океании или на Тихоокеанском побережье Азии, остальные занесены из Америки.

Белый человек добавил к растительному миру Гавайев несколько новых видов, и среди них — ананас. В наши дни ананасы — одна из важнейших статей экспорта Гавайских островов. В то же время многие виды растений на островах почти исчезли. Например, знаменитое сандаловое дерево; его добыча шла так интенсивно, что теперь оно почти полностью истреблено.

Цивилизация лишь завершила то, что начали делать первые полинезийцы, в значительной степени изменившие растительный мир островов. Только на оазисах среди лавы сохранились условия, напоминающие те, что существовали здесь до прихода человека. Побывать в Кипука Пуаулу — значит увидеть волшебный райский сад, созданный лишь временем и природой.

В «ГАВАЙСКИХ ПОМПЕЯХ»

Застывшие лавовые потоки, сохранившие для будущих туристов красочные *купуки* — резервации гавайской флоры, «стекают» со склонов Килауэа к берегам

океана в юго-восточной части Большого острова и вливаются в океан, и мне захотелось пройти по пути лавы.

Он начинается у Макаопуми, последней «открытой раны» в вулканической цепи «Дороги кратеров». Отсюда можно спуститься к океану несколькими путями, каждый из которых долог и труден. Все они ведут в широкую долину, называемую Пуна. Тут особенно наглядно видны результаты вулканической деятельности, губящей здешний растительный мир и создающей новый.

В долину Пуна можно войти через разные «ворота». Передо мной Пуна открыла свой самый красивый лик — Калапаноа. Именно здесь потоки лавы чаще всего бросаются в объятия океанских волн.

Борьбой двух главных стихий в Калапаноа было создано то, чего я больше не видел нигде,— прекрасные пляжи из черного, как ночь, песка вулканического происхождения. Над пляжами Калапаноа и соседней Каиму раскачиваются кроны кокосовых пальм — типичная романтика с рекламной открытки. Сине-черно-зеленая картина так красочна, что кажется нереальной. На пляжах Калапаноа и Каиму почти никто не купается: слишком опасны высокие волны прибоя. Сюда приходят лишь любители экзотики посмотреть на красоты черных пляжей.

Лава в Калапаноа — изобретательный зодчий. Она, например, создала «Пещеру преступников». Те, кто скрывался в этом лавовом тоннеле, напоминающем трубу (я ползал по ней на вершине Килауэа), оставались для всех табу, какое бы тяжкое преступление они ни совершили. Здесь им не грозила никакая опасность.

Недалеко от «Пещеры преступников» лава «построила» для жен гавайских королей, не отваживавшихся купаться в бурном океане, естественный бассейн. Там знатные полинезийки плавали совершенно нагие. Правда, в наши дни голых королев здесь уже не встретишь. Теперь в бассейне резвятся гавайские студентки, одетые в обычные купальные костюмы.

Бассейн для королев, «Пещера преступников» и черные пляжи Каиму и Калапаноа — это лишь преддверие «гавайских Помпей» в Пуне. Не всем здешним поселениям удалось, подобно Хило, избежать трагической судьбы, уготованной им раскаленными потоками лавы. Я оказался на месте, где некогда располагалась

деревня Пахоа, жители которой выращивали плодовые тропические деревья папайи [7]. Потоки лавы подошли к деревне в 1950 году, во время извержения вулкана Килауэа, вплотную, но поистине роковым для нее стал 1959 год. Килауэа извергался восемьдесят восемь дней. Раскаленная лава уничтожила в Пуне тростниковые плантации, затем рощи папайи и, наконец, залила огнем деревню Пахоа. К счастью, ее обитатели успели покинуть свои жилища. Когда извержение кончилось, жители вернулись и основали вблизи от сожженной деревню Новая Пахоа. На старом месте они разбили три больших сада и выращивают здесь великолепные *антурии*.

Такая же картина жизни и смерти предстает перед глазами в расположенной по соседству приморской деревне Похоики. С одной стороны — мертвые черные поля (результат последних извержений Килауэа), а рядом, на участках, удобренных давними выбросами и напоенных частыми, тяжелыми тропическими дождями,— великолепные плантации папайи.

Лавовое поле может дать богатейший урожай, свидетельство тому — холм Капохо Коне, тоже образовавшийся в результате извержения. Вся его поверхность покрыта такой буйной растительностью, какую только можно себе представить. «Вершина» лавового «купола» срезана, и в глубокой выемке блестит озеро, в водах которого отражается яркая зелень склонившихся над ним деревьев.

Рядом с таким же, но куда более «юным» холмом открывается другая картина, свидетельство вечного противоборства созидания и разрушения,— парк «Лавовые деревья». В отличие от «Дороги развалин» на вершине Килауэа деревья здесь непохожи на обгоревшие скелеты. Все они — от корней до вершин — покрыты лавой, застывшей на них в виде фантастических изображений. Не узнать привычных очертаний; и у нас зимой густой снег совершенно меняет силуэты елей и сосен. Жители Пуны называют эти залитые лавой деревья окаменевшими гавайцами.

---

[7] Папайя, или дынное дерево *(Carica papaya)*,— тропическое культурное растение со съедобными, напоминающими по форме дыню плодами весом до восьми килограммов. Древняя культура Америки у майя и ацтеков.

Пеле способна покрыть лавой не только деревья, но и целые селения. Наиболее страшное впечатление в «гавайских Помпеях» на меня произвела бывшая деревенька Капохо, тихо и мирно существовавшая до 1960 года. Именно тогда снова задымился вулкан Килауэа. На этот раз ожил боковой кратер, расположенный прямо над Капохо. Многодневная борьба за спасение деревни оказалась бесплодной. В конце концов раскаленная лава полностью залила Капохо. Ее обитатели сейчас живут либо в Хило, либо в приморской деревне Похоики. И поля и жилища их сожгло знойное дыхание Пеле, осталось лишь то, что сумело противостоять огненной лаве.

Сохранились, например, полуразрушенные стены лавки местного торговца Намуры. Среди руин «гавайских Помпей» мое внимание привлек маяк. Извержение расширило территорию Большого острова на несколько гектаров, и маяк, стоявший на берегу, теперь оказался далеко от прибрежной линии. В наши дни его «омывают» лишь застывшие волны черного моря. Но он все же уцелел, и островитяне называют его «Счастливым маяком».

Неподалеку от «Счастливого маяка» я обнаружил еще несколько свидетелей гибели «гавайских Помпей» — шестнадцать надгробных камней, пощаженных лавой.

На них лежат десятки венков — *леи,* свитых из орхидей. Эти прекраснейшие цветы по злой иронии судьбы — дар черной вулканической почвы: как известно, орхидеи растут на лавовых полях острова Гавайи. Окрестности Пуны и Хило — самые лучшие в мире места для промышленного выращивания удивительных по красоте орхидей.

В Новой Пахоа, в Похоики и главным образом в окрестностях Хило я увидел плантации орхидей. Их сеют, так же как у нас пшеницу или кукурузу, на больших полях. Примерно так же убирают. Оплодотворила эти поля богиня Пеле, которая рядом уничтожила всяческую жизнь, похоронив Пахоа, Капохо и другие деревни на Большом острове.

Вокруг Капохо на обширных плантациях цвели орхидеи. Стоило извергающимся потокам лавы устремиться к поселению, как сюда стали съезжаться добровольцы со всего Большого острова. Думаете, чтобы помочь жителям деревни? И для этого тоже, но прежде всего для того, чтобы спасти обширные плантации орхидей. Ведь жители Гавайских островов ничто не любят так, как эти чудесные цветы.

«Хило Флорида Асошиэйшн» направила в окрестности Капохо наскоро собранную бригаду, которая выносила орхидеи буквально из-под лавового потока. Нежнейшие цветы срезали с помощью электрических пил, рассчитанных на могучие деревья.

От «наводнения» удалось спасти орхидеи, но не поля. Поэтому в наши дни еще большее значение, чем до рокового извержения, приобрел центр выращивания орхидей, город, откуда в Капохо прибыла бригада по спасению цветов,— Хило. На раскинувшихся вокруг него плантациях ежегодно выращивают миллионы цветов, самолетами отправляемых во все концы земного шара, но больше всего в Америку: почти триста тысяч орхидей.

Хило с населением около тридцати тысяч человек и весь Большой остров — крупнейшие производители и экспортеры орхидей во всей Океании и, пожалуй, во всем мире. Жители Хило гордо именуют свой городок «орхидеевой столицей Океании» или «орхидеевой столицей Соединенных Штатов». Остров часто называют не «Большим», а «Островом орхидей».

Орхидеи растут па Большом острове, как в других странах трава. Не заметить в Хило этот цветок просто невозможно. Сразу же после своего приземления в аэропорту Хило я увидел первые орхидеи. Они были сплетены в леи. Тут же мне, как и всем пассажирам, в качестве приветствия преподнесли великолепный леи из орхидей.

По совету местных жителей я решил осмотреть два сада орхидей. Один из них называется «Гавайские орхидеи», другой — «Цветочные сады Конга».

Вначале я посетил расположенный в конце улицы Калаианаоле сад господина Конга. Наряду с орхидеями

хозяин выращивал и другие тропические цветы, в том числе антурии — еще одну важнейшую статью гавайского экспорта. В саду господина Конга имелся и своеобразный восточный уголок — японское озеро с китайскими золотыми рыбками. Рядом с озером владелец сада вырыл лавовый «тоннель» и создал маленький искусственный вулкан, из кратера которого периодически вырывались столбы дыма и огня, напоминая о причине удивительной плодородности гавайских плантаций орхидей.

Я побывал и на самих плантациях. Повсюду рос лишь один сорт орхидей — *ванда*[8]. Этот сорт и его гибриды затмили в глазах местных садовников все остальные разновидности. Он очень красив, к тому же срезанный цветок не увядает в течение пяти-шести суток. А за это время орхидеи можно доставить самолетом в любую точку планеты.

Гавайскую ванду называют еще «ванда Мауна-Лоа»; у подножия вулкана раскинулись самые обширные плантации этих цветов, по форме и размеру похожих на анютины глазки.

Леи из «ванды Мауна-Лоа» гавайцы плетут двумя способами: укладывают один цветок за другим (около шестидесяти орхидей) или кладут цветы попарно — тогда леи получаются намного пышнее (в них может быть до трехсот цветков).

После осмотра плантаций орхидей «ванда Мауна-Лоа» мне подарили венок из орхидей. С подарком я отправился к «конкуренту» — в сад «Гавайские орхидеи».

Здешние владельцы оказались скупее. Оказывается, они преподносили венки лишь посетительницам. А мне, представителю так называемого сильного пола, вручили в «Гавайских орхидеях» один-единственный цветок. Возможно, еще и потому, что орхидеи считаются символом женского очарования. Было ли так всегда?

Внешнее сходство мужских гениталий с лепестками орхидей привело древних греков к мысли, что, если беременная женщина станет употреблять лепестки в пищу, это окажет влияние на пол будущего ребенка. Естественно, далеко не всегда следовавшие этому совету женщины рожали мальчиков. Тем не менее древ-

[8] К роду *Vanda* семейства орхидейных относится большая группа орхидей всевозможных оттенков.

ние представления о влиянии орхидей на интимные отношения, на силу любви и особенно на рождаемость сохранились до средних веков. В наши дни орхидеи принадлежат женщинам. А мужчины, в том числе и я, должны довольствоваться одним цветком.

В «Гавайских орхидеях» мне прочли нечто вроде вводной лекции о специфике выращивания этих цветов на Гавайях. Тут я узнал, что на архипелаге, который считается «орхидеевой столицей Океании», сначала росли лишь три сорта орхидей.

Гавайские острова — родина лишь трех сортов орхидей. По мнению специалистов, их семейство насчитывает ныне тридцать тысяч сортов, объединяемых в пятьсот родов. До недавнего времени на Гавайских островах действительно росли лишь три сорта из тридцати пяти тысяч. Менее чем за сто лет, прошедших с тех пор, когда здесь стали интенсивно выращивать орхидеи, число культивируемых сортов возросло до двадцати восьми тысяч. Это около четырех пятых всех известных в мире орхидей.

В «Гавайских орхидеях» можно видеть много различных сортов. В основном это орхидеи, растущие на земле, самые распространенные из них — ванды. Значительно реже можно увидеть эпифиты — орхидеи, усваивающие питательные вещества с помощью воздушных корней.

Главная цель «Гавайских орхидей», «Цветочных садов Конга» и других плантаций и садов — выращивать такие сорта орхидей, особенно гибридов, которые можно экспортировать в срезанном виде. На низменностях, вблизи берегов океана, это всевозможные гибриды ванды. Выше, на склонах вулканов, прижились гибриды сорта *цимбидиум* [9].

В Европе мы привыкли видеть орхидеи лишь в витринах больших цветочных магазинов. В нашем представлении, это очень дорогой цветок. Лишь в самых торжественных случаях мы дарим своим любимым одну или две орхидеи. Мне казалось просто невероятным столь широкое, поистине промышленное производство этого нежнейшего цветка. Еще больше меня поразило зрелище, увиденное на местном базаре. У меня даже дыхание перехватило: орхидеи продавались на вес! На

[9] Цимбидиум *(Cymbidium lovianum)* — растение семейства орхидейных. Привезен из Бирмы.

обычном прилавке лежала куча ванд, а рядом стояли обычные весы. Я не удержался и, лишь для того чтобы испытать необычное чувство, сказал продавщице:

— Прошу вас, четверть фунта орхидей!

Она не прогнала меня и, молча кивнув, назвала цену, притом невысокую: что для гавайца какие-то четверть фунта обычных орхидей!

СТРАСТЬ ПО ИМЕНИ «ЛЕИ»

Хило я покидал с орхидеями: четверть фунта куплено на базаре, на шее — венок, подаренный на плантации «Цветочные сады Конга». Действительно, растительный мир на Гавайях удивительно богат и славится дивными по своей красоте цветами. Еще в доколониальные времена любимейшим занятием гавайцев стало плетение венков (леи).

Многие жители Хило носят леи и в будние дни. Следует заметить, что эти сказочные венки плетут здесь не только из орхидей. Здешние мастера леи, подобно китайским гастрономам, пользуются любым «материалом», которым их щедро одаривает природа. Вы можете увидеть леи из разных цветов, трав и даже из собачьих зубов (гавайцы называют эти леи *илио*).

Венки из собачьих и кашалотовых зубов я видел только в музеях. После цветочных наиболее распространены леи из птичьих перьев. По праздникам местные жители надевают накидки из красных или желтых перьев, а мужчины носят традиционные гавайские головные уборы — нечто вроде шлемов из перьев. Раньше они служили знаком отличия полинезийской знати.

Женщины, принадлежавшие к высшему обществу, носили (впрочем, эта привычка кое-где сохранилась и до наших дней) ожерелья из желтых, зеленых, красных или черных перьев — *леи хулу*. Больше всего ценились леи хулу из желтоватых перьев птицы *мамо* [10],

[10] Мамо, или цветочница мамо *(Drepanis pacifica)* — подсемейство нектароядных цветочниц *(Drepanidinae)*, длина — до двадцати трех сантиметров; одна из самых красивых гавайских птиц; последнюю видели в 1898 году. Она и цветочница черная мамо *(Drepanis funerea)* занесены в список исчезнувших птиц Красной книги.

теперь уже вымершей. Причина тому — необычная страсть гаваек к леи из ее перьев. К тому же у мамо лишь несколько желтоватых перышек, остальные — черные. И чтобы сплести всего один леи, приходилось отлавливать и убивать сотни несчастных птиц. Перышки у мамо были разными по форме и длине. Гавайцы ценили их высоко, поэтому у каждого перышка было свое название.

Весьма эффектные черные венки любители леи плели из перьев птицы *оо* [11], почти исчезнувшей по той же причине. Красные перья «поставляла» птичка *ииви* [12], гнездившаяся среди таких же красных цветов дерева охиа, причем не на всем архипелаге, а лишь на Большом острове.

«Птичьим промыслом» на Гавайских островах занималось все население. Мужчины отлавливали птиц и вырывали у них перья, женщины сортировали перья по размерам и оттенку. И ничто не могло так вывести из равновесия гавайских мастеров леи, как отсутствие гармонии, несоответствие в цвете или форме — будь то цветы или перья редкой птицы.

Женщины, сплетавшие венки из перьев, должны были не только подбирать перышки по оттенку и размеру, но и комбинировать цветовую гамму. Из ста двенадцати леи хулу, которые хранятся в гавайском этнографическом музее, большинство сделано из перьев разных цветов, в основном черного, желтого и красного или зеленого, желтого и красного.

Любовь к леи хулу, так же как и к венкам вообще, превратилась на Гавайях чуть ли не в манию. Каждый, кто хочет занять здесь какую-либо выборную должность, должен приобрести венок из перьев и надеть его на шляпу. Леи хулу на мужской шляпе — традиция,

---

[11] Оо, или гавайский медосос, или благородный мохо *(Moho braccatus)* — один из уцелевших видов семейства медососов *(Meliphagidae)*, с острова Кауаи, популяция насчитывает несколько десятков птиц. Четыре из пяти видов оо давно исчезли. Занесен в Красную книгу.

[12] Ииви, или цветочница *(Vestiaria coccinea)* — подсемейство нектароядных цветочниц *(Drepanidinae)*, в поисках нектара цветов и насекомых совершает длинные перелеты, раньше была распространена на всех Гавайских островах. Сейчас редко встречается на островах Мауи, Оаху, Кауаи и Гавайи; в национальном парке Хавайи-Волкейнос обитает небольшая популяция птиц, занесена в Красную книгу.

пока что зарождающаяся, но приобретающая все бо́льшую популярность.

Страсть к венкам обернулась трагедией для пернатого мира. Самые любимые островитянами птицы — мамо и оо — были полностью истреблены поставщиками украшений из перьев. Другие птицы чудом сохранились лишь в самых глухих уголках архипелага или в зоопарках. К счастью, белые люди привезли с собой на архипелаг достойную замену редким птицам — перья павлинов, фазанов, а то и просто куриные, которые заменяют в леи хулу драгоценные перышки исчезнувших птиц.

Однако по большим праздникам знатные гавайцы надевают тщательно хранимые леи из перьев уже истребленных птиц. Исторические леи хулу считаются на архипелаге фамильными драгоценностями. Многие из них необычайно красивы. Это прежде всего «аристократические» леи хулу из желтоватых перышек мамо, которые женщины носили на традиционных длинных красных платьях.

Наряду с венками из цветов и перьев гавайцы коллекционируют леи из семян, орехов и местных плодов. Наиболее популярны ожерелья, составленные из орехов дерева кукуи, из которых местные жители, как известно, добывали масло, а также делали весьма эффективное слабительное. Орешки кукуи легко полируются до блеска, по цвету они напоминают дерево, из которого раньше изготовляли дорогую старинную мебель.

Небольшой островок Молокаи провозгласил своим официальным леи венки из белесых цветов и листьев кукуи. Здесь же очень популярны ожерелья из морских ракушек, которые на Молокаи называют *леи лехо*. Жители крошечного островка Ниихау любят украшения из белых ракушек. Мастера леи на архипелаге предпочитают работать с неритовыми ракушками, отличающимися богатой палитрой оттенков.

Пожалуй, самый ценный материал для своих венков гавайцы берут... с собственной головы. Дорогие ожерелья — *леи палаоа* — сплетены из множества косичек, каждая из которых, в свою очередь, свита из нескольких человеческих волосков. Это ожерелье украшает, как правило, крючок длиной в несколько сантиметров, вырезанный из зуба кашалота. Королевские леи палаоа были первыми увиденными мною леи. Дело в том, что

волосяные ожерелья попались мне на картине — первом изображении обитателей Гавайских островов на холсте. Портрет написан в прошлом веке английским живописцем Джоном Хофтером. Художник изобразил Лилиа, дочь самого знаменитого гавайского короля Камеамеа I, и ее супруга Боки. Они сопровождали тогдашнего короля Гавайских островов Лиолио и его жену Камамалу в их поездке в Лондон.

Следует сказать, что во время своего пребывания на Гавайских островах Бернард Шоу отказался принять в дар леи из цветов. Видимо, он счел это украшение чисто женским. Тогда островитяне сплели ему съедобный леи — из одних овощей. Этот весьма полезный для здоровья венок знаменитый юморист с радостью принял. Для детей гавайцы иногда составляют ожерелья из конфет и всевозможных сладостей. Конечно, это уже шутки, хотя они тоже имеют отношение к страсти гавайцев — великой страсти по имени «леи».

ИЗ ХИЛО С ЦВЕТОЧНЫМ ВЕНКОМ

Страсть гавайцев к леи выражается с помощью различных средств. В наши дни жители Гавайских островов, а вместе с ними и сотни тысяч их очарованных посетителей считают самыми прекрасными венки из цветов или декоративных листьев.

Откровенно говоря, и мне цветочный венок милее ожерелья из собачьих зубов, поэтому подаренный леи из орхидей я гордо носил до тех пор, пока цветы совсем не завяли.

Каждый день я наблюдал гавайские леи всюду: на улицах, в транспорте, в учебных заведениях и даже на рабочих местах, где трудятся островитяне. Подчас мне было трудно определить, из каких цветов они сплетены. Дело в том, что из-за обособленности Гавайских островов здесь встречаются растения, растущие только на этом архипелаге или даже лишь на одном острове, поэтому многих названий я не знал, но кое-какие мне удалось вспомнить. Например, имбирь, что по-гречески означает «сладкий снег». Я нередко встречал его в гавайских леи, причем разных оттенков. Чаще всего это

был белый имбирь *Hedychium coronarium* (по цвету он действительно напоминает снег). В пестрой палитре венков встречался также желтый имбирь *Hedychium flavum (лонгоза)*. Желтый имбирь — единственный цветок, который не ради каких-то полезных свойств, а лишь из-за его исключительной красоты привезли с далекого юга на Гавайские острова столетия назад первооткрыватели архипелага — полинезийцы. Правда, у леи из желтого имбиря есть недостаток: он быстро вянет. Поэтому имбирные венки не экспортируются за пределы архипелага, тут бессильна даже авиация.

Если имбирь доставили на Гавайские острова первые полинезийцы, то цветы *пикаде* (жасмин) напоминают о вторичном открытии архипелага, сделанном уже европейцами, которые привезли на острова еще и павлинов — по-английски *peacocks*. От названия этих благородных птиц пошло гавайское наименование жасмина. Оно напоминает о временах, когда здесь жила гавайская принцесса Ликелике, обожавшая прекрасных павлинов и жасминовые леи.

Венки, страстно любимые когда-то принцессой Ликелике, я встречал не в королевских дворцах, впрочем давно уже разрушенных, а в гавайских церквах. Жасминовые леи являются почти что узаконенным украшением невест. Венки-ожерелья для невест сплетаются из желто-белых цветов жасмина с резким запахом и состоят из трех или шести колец окружностью в метр каждое. Иногда отдельные жасминовые ожерелья скрепляют цветами орхидеи катлеа *(Cattleya borwringiana)* из Центральной Америки.

В наши дни желто-белые леи для невест резчики по дереву иногда заменяют сходными по цвету, но более долговечными бусами из слоновой кости.

В отличие от всех остальных венков леи из жасмина предназначаются исключительно для женщин. Они напоминают венки из *пуа кеникени* — цветов небольшого дерева, представителя первозданной флоры архипелага.

Из белых цветов-пятилистников [13] (по-английски они назывались «коронационные цветы») на Гавайских островах сплетали венки, которые возлагали на себя

---

[13] Цветы-пятилистники калотропеса гигантского *(Calotropis Gigantea)* распространены в тропиках, имеют промышленное значение, идут на изготовление тканей, лекарств, применяются при дублении кож.

лишь верховные правители. Например, королева Лилиуокалани, автор знаменитой гавайской песни «Алоха оэ», носила венки исключительно из «коронационных цветов». Другим цветком, предназначенным только для королей, был *илима*. А так как и в наши дни он встречается чрезвычайно редко, то его, как правило, заменяют искусственными лепестками из цветной бумаги.

В прошлом гавайцы часто делали венки из зеленых листьев эфирномасличных растений, например *Alyxia olivaeformis*. Приверженцы старины среди гавайцев до сих пор украшают себя венками из *маиле*, так как они считают, что лишь эти леи «чистокровно гавайские».

Овальные, блестящие листья маиле издают сильный запах. На архипелаге мне не раз приходилось слышать об этом растении, символизирующем богиню Хиака, покровительницу знаменитого гавайского танца хула. А так как, подобно древним гавайским растениям, маиле уже почти исчез, создатели венков, как правило, заменяют его листьями мирты.

В наши дни королева венков — это орхидея, особенно широко распространена «ванда Мауна-Лоа». Леи нередко плетут из гвоздик, чаще всего из красно-белых. Благодаря сочетанию цветов их называют «мае Гавайи» — «гавайский флаг». Кроме того, гавайцы превратили гвоздику в «коронационный цветок». Поводом для этого послужила филологическая, этимологическая ошибка. По-английски коронация — «коронэйшн», а гвоздика — «карнэйшн». Но для уха островитян оба эти слова звучали одинаково, поэтому английское слово «гвоздика» они перевели на гавайский язык словом *径номои* — «коронация».

Гвоздика стала цветком королевских леи во время правления «веселого короля». Так называли Калакауа — единственного из полинезийских правителей, который венчал себя на престол на «европейский манер». Сейчас гвоздики чаще всего украшают костюмы гавайских школьников на выпускных вечерах.

Венки из гвоздик громоздки и стоят довольно дорого. Для создания двойного венка гавайские мастера используют от двухсот до трехсот пятидесяти красно-белых гвоздик.

Я не очень люблю гвоздики (правда, на Гавайях они довольно широко распространены), а перед орхидеями испытываю «комплекс неполноценности» и, не-

смотря на то что покупал их на вес, продолжаю считать цветами дорогими. Поэтому мне больше всего нравятся венки из эфиромасличного растения фраджипании (американцы называют их иногда «плюмерия»), например *Plumeria rubra, Fragipania acutifolca,* т. е. красная.

Фраджипания не «местное» дерево. Его завезли в Океанию из тропических областей Америки. Название «плюмерия» — от имени известного французского ботаника, а «фраджипания» — итальянского (синьор Фраджипани был знаменитым итальянским «волшебником ароматов»). Гавайцы называют эти цветы посвоему — *мелиа.* С тех пор как мелиа поселилась на архипелаге, островитяне плетут из нее прекраснейшие леи.

Я никогда не забуду тропических фраджипаний — великолепных цветов с нежным, сладким ароматом. Есть фраджипании розовые, почти красные, но в большинстве своем их лепестки желтовато-белого цвета с кремовым оттенком.

Почти все цветы, из которых плетут гавайские леи, имеют подобный оттенок, словно природа на этих островах не хочет разнообразить палитру. Может, поэтому особенно ценятся леи, в которых преобладают другие краски, например пурпурные и еще больше синие цвета. У гавайцев даже есть специальное выражение для определения синих леи. Я видел их всего дважды, да и то на цветочных выставках. Леи же обычного оттенка можно встретить на улице, в ресторанах, магазинах, на аэродроме и даже на кладбище.

Венки — это не только украшение. Леи — это как бы одно целое с философией островитян, выражаемой одним словом — *алоха.* В буквальном переводе алоха значит «любовь». Но гавайцы под этим словом, в наши дни воспринимаемым зачастую вульгарно, понимали нечто большее — любовь к ближнему, проявление доброй воли, призыв к терпимости, взаимопониманию и умиротворению.

На Гавайях мне часто дарили леи. Иногда в знак приветствия, порой — глубокой симпатии. Однако в каждом венке было свое алоха, призыв, который кому-то может показаться наивным: «Люди, берегите, понимайте друг друга, будьте терпимы, добры, стремитесь к миру!»

Некоторые специалисты по истории леи высказывают довольно смелую мысль: не был ли олимпийский лавровый венок в античный период выразителем тех же чувств и той же философии, что и гавайские леи, не являлся ли он чем-то вроде «леи алоха»? Пытались даже найти общую прародину леи и лавровых венков. Некий приверженец гипотезы утверждал, что леи из цветов стали плести еще семнадцать тысяч лет назад!

Что было семнадцать тысяч лет назад, к сожалению, никто не знает. Однако сегодня леи безраздельно царствуют на Гавайях. Они украшают шеи отъезжающих туристов, мелькают в руках официантов, артистически обслуживающих посетителей ресторанов. Леи везде и всегда, они и на взрослых и на детях, и в праздники и в будни. Жасминовые ожерелья украшают платья невест, венки из других цветов — костюмы женихов. Море венков я видел и на большом гонолулском кладбище на могилах жертв второй мировой войны.

Леи возлагают на урны с прахом умерших и на гроб усопших, предаваемых земле. На острове Ниихау свято чтят обычаи своих предков и во время похорон бросают венки в воды *моаны*, ведь мертвых на Гавайях хоронят и в волнах океана.

Конечно, совсем не обязательно получать венки в виде подарков. Чтобы выразить свое алоха, свои чувства к людям, воспринять призыв к терпимости и миру, не стоит ждать дара.

Правда, сначала мне казалось, что мужчине как-то неудобно покупать себе цветы, а тем более вешать на шею венок. Но вскоре я понял, что подобное чувство неловкости — лишь ненужное бремя, которое каждый чужеземец привозит с собой на Гавайские острова. Вскоре я уже сам носил венки, во всяком случае в те дни, когда это принято на архипелаге.

Первый «цветочный день» на архипелаге — это день рождения самого выдающегося гавайского правителя, короля, объединившего острова, Камеамеа I. 11 июня многометровыми, поистине гигантскими леи из фраджипаний и «королевских листьев» маиле украшают памятник Камеамеа I в Гонолулу. Ниспадающие желтоватые цветочные завесы из фраджипаний должны напоминать желтые одеяния из птичьих перьев, которые некогда носили гавайские правители.

1 мая — еще один день, когда каждый житель Га-

вайев украшает себя цветочным венком. Этот праздник весны и труда и на моей родине и во многих странах считается одним из самых радостных. С этого числа начинается месяц, название которого на чешском языке имеет тот же корень, что и слово «цветок»[14]. На Гавайях май — тоже месяц цветов. 1 мая здесь стал официально Днем леи.

Венки для Дня леи гавайцы заказывают за много недель до праздника, причем богатые покупают очень большие и дорогие венки. Из года в год количество заказов на леи увеличивается. Но лучшие венки гавайцы плетут для себя, для своих родных и близких: появиться гавайцу в День леи без венка — это все равно что выйти на люди голым.

Мастера по изготовлению венков должны, если они, разумеется, хотят сохранить доброе имя «фирмы», представить к этому дню свои изделия на конкурсы, которые проводятся 1 мая по всему архипелагу. Конкурсы бывают разные — местные, островные (на Большом острове он всегда проходит в Хило) и, разумеется, общегавайские.

Общегавайские соревнования плетельщиков леи раньше проводились в здании ратуши в Гонолулу, но теперь ее огромный зал перестал вмещать тысячи любителей леи, и соревнования вынесли в парк Ваикики — туристское сердце архипелага. Представители каждого острова архипелага должны выставлять на конкурсы леи из «официального цветка» своей земли. Большой остров, на котором я в то время находился, избрал в качестве своего символа пурпурные цветы *охиа лехуа*. Кстати, они, подобно фраджипаниям, напоминают гавайцам одеяния из перьев, которые носили их древние вожди. Среди цветков охиа живет птичка ииви, из чьих перышек изготовлялись такие накидки.

Соседний остров Мауи выбрал своим официальным цветком *локелани* (дословно «небесная роза»). Слово *лани* на гавайском языке означает «небо». Роза — на Гавайях чужестранка. Так как в гавайском языке нет согласных «р» и «з», то английское *rose* превратилось здесь в *лоук*, или *лок*.

Цветочным символом Оаху, главного острова Гавайев, стал желтовато-оранжевый, сейчас довольно ред-

[14] Май — по-чешски květen, květ — «цветок».

кий цветок *илима*. Жители Молокаи предпочли цветы и листья дерева кукуи, которое я впервые увидел в «оазисе» Кипука Пуаулу. Обитатели острова Кауаи, выбирая «официальные леи», остановились на плодах деревца *мокихана (Pelea anisata)*, которое растет только на этом острове. Ниихау, где в наши дни живут исключительно полинезийцы, для своих леи пользуются маленькими морскими ракушками *пупу* [15]. Жители «ананасового» острова Ланаи составляют конкурсные венки не из ананасов, а из растения-паразита *каунаоа (Cuscota Sandwichiana)*.

Из этих цветов, плодов и даже растений-паразитов участники общегавайского конкурса должны к 1 мая каждого года сплетать прекрасные венки. Победитель не только награждается многочисленными подарками и крупной денежной суммой, но все жители островов выражают ему восхищение, ибо, как говорится, «в леи жизнь Гавайев».

ЧУДО РОЖДЕНИЯ

После того как огонь и вода завершили «сотворение» архипелага, на нем появились первые растения, в том числе и нежные орхидеи. Но вот наступило время истинных чудес, время появления первого живого существа!

Издавна старались представить себе гавайцы, как это произошло. Местные легенды рассказывают различные истории о процессе зарождения жизни на островах. Здесь, в Хило, я познакомился с «Кумулипо» («Песней о зарождении»), произведением полинезийского фольклора, в котором с научной обстоятельностью описывались все этапы этого процесса — от возникновения самого примитивного существа, кораллового полипа, обитавшего в океане, до появления великого вождя, которому и посвящено замечательное произведение гавайского народного творчества.

[15] Тритониум *(Tritonium)* — из семейства *Dociidae*, панцирный моллюск, крупные личинки которого, длиной до одного сантиметра, могут проплывать большие расстояния. Распространен в теплых и умеренных водах.

Еще на Тонга меня познакомили с традиционной генеалогией, которая связывала знатные семьи с предыдущими поколениями, причем начало этой цепи исходило непосредственно от полинезийских богов. Однако нигде в Океании я не слышал такой удивительной, сложной истории «сотворения» человека, как на Гавайях.

Гавайская «Песнь о зарождении», по всей вероятности, возникла на Большом острове, скорее всего в окрестностях Хило. Именно отсюда вела происхождение королевская династия, которая позднее объединила под своей властью весь архипелаг и использовала «Песнь о зарождении» для доказательства древности своего рода. Этот могущественный род, сыгравший важную роль в формировании местной господствующей элиты, сначала правил именно в Хило и его окрестностях. Неудивительно, что здесь интерес к «Песни о зарождении» глубже, чем на других островах архипелага.

Прежде чем начать рассказ о правителях и *алии* — местной знати, а также о гавайской концепции «сотворения» человека, хочется сказать несколько слов о самой «Песни о зарождении», состоящей из двух тысяч ста двух стихов. «Кумулипо», бесспорно, самая выдающаяся из *куауау* (дословно «путей родов») — родословных, излагаемых в форме песен профессиональными сказителями *аку меле* — «повелителями пения».

Как известно, полинезийцы, за исключением обитателей острова Пасхи, не знали письменности. Следовательно, аку меле должны были не только складывать для своих повелителей песни, но и хранить их в памяти, обучая точному тексту куауау других сказителей и членов той же общины.

Разумеется, меня больше всего интересовал сам процесс создания фольклорного произведения. Особого восхищения заслуживают, конечно, и сами исполнители, способные запоминать сотни и сотни стихов и, не искажая, передавать следующим поколениям сказителей.

Декламация — дело довольно трудное. Сказитель не должен был ошибаться, спотыкаться, забывать слова или путать стихи. Каждая остановка или оговорка служила плохим знамением. Весь текст сказитель произносил на одной ноте. Он не пел, а скорее декламировал стихи, меняя лишь способ произнесения. Можно было вибрировать голосом (по-гавайски *куоло*) или говорить

гортанно — такой способ декламации называется *алала*.

Трудно точно назвать создателя фантастического гимна «Кумулипо», с которым не сравнится ни одно другое сказание Южных морей. Одни считают, что его автор — знаменитый Камокуили, однако далеко не все специалисты согласны с этим мнением. С достаточной точностью можно лишь сказать, что это великолепное произведение было создано примерно в 1700 году. Известно также, кому оно посвящено; имя это упоминается в последнем стихе сказания: *Лоно и ка макаики*. *Лоно* — это великий гавайский бог урожая и плодородия; *макаики* — «праздник», точнее, «длинный период торжеств, посвященных Лоно»; стало быть, человек, которому куауау был преподнесен в дар, родился в период празднования макаики под знаком божественного Лоно, его собственное имя — Ка I и мамао. Отцом его был, вероятно, Кеаве, повелитель Большого острова, сам же Ка I и мамао стал отцом могущественного Калапиопуу, правившего на Большом острове, когда сюда пришли первые белые люди. Потомками Ка I и мамао были король всех Гавайев Калакауа и последняя королева Гавайев Лилиуокалани. Они и опубликовали это замечательное произведение.

«Кумулипо» — своего рода гимн о «сотворении» жизни. Он состоит из шестнадцати песен или глав, которые гавайцы называют *ва*.

Первые семь ва повествуют об эпохе По, или «периоде длинной ночи», о бесконечной, глубочайшей тьме. Остальные девять песен посвящены периоду Бо, то есть эпохе света, когда на земле уже появился человек (ведь в эпоху тьмы зародились лишь первые живые существа).

Меня восхитило, как «Кумулипо» описывает первое действие гавайского «Бытия» — развитие живой природы от примитивнейших до все более сложных ее форм.

Создатель «Кумулипо» изложил свою теорию развития так, как представлял ее он, поэт, не знакомый ни с теорией Ч. Дарвина, ни с учением древних греков. У гавайского варианта теории развития есть своя понятная логика, для меня это — удивительное, образное представление «цепи жизни».

Конечно, весь текст понять нелегко. Полинезийский поэт прибегает к метафорам и символам. Поэтому тот, кто не знаком с древним, почти забытым языком сим-

волов по другим таким же сказаниям, текста «Кумулипо» понять не сможет.

Особенно выразительны первые семь ва. Немногие народы сами, не заимствуя чужой мифологии, сумели создать подобные образцы культуры. Среди самых знаменитых примеров — древнееврейское «Бытие», первая книга которого вошла в библейский Ветхий завет. Недавно я перевел для себя «Попол Вух» — описание сотворения мира, сделанное в доколумбовой Америке индейцами *куиш* — гватемальской ветвью прославленных майя. Гавайский «Кумулипо» можно сравнить разве что с «Теогенией» древнегреческого поэта Гесиода.

Как ни сравнивай «Кумулипо» с выдающимися литературными памятниками других народов, не следует забывать, что это совершенно самобытное произведение, выражающее полинезийские представления о мироздании, свидетельство глубоких познаний гавайцев о далеком прошлом задолго до того, как в двери островного мира постучал чужой человек.

В первых семи ва, изображающих, согласно представлениям полинезийцев, период долгой, тяжелой тьмы, «Кумулипо» рассказывает о возникновении жизни. Вначале повествуется о зарождении в океане кораллов, моллюсков и рыб, затем о первых млекопитающих на Гавайских островах — свиньях, собаках, крысах. Вторая часть (с восьмой по шестнадцатую ва) начинается с «рассвета» — появления первых людей. Затем «Кумулипо» описывает две тысячи пар — мужчин и женщин. И этот гимн становится настоящей исторически значимой родословной, типичным полинезийским генеалогическим древом. Большинство из двух тысяч пар, которых «Песнь о зарождении» называет полными именами, действительно существовали. Долгое перечисление двух тысяч пар гавайской знати заканчивается именем того, кому посвящена ода,— Ка I и мамао, сыну вождя Кеаве, повелителя острова Гавайи.

О второй части гавайского «Бытия», о родословной представителей высшего островного общества, я расскажу ниже, когда перейду к истории гавайского общества.

Вот рассказ о давних временах, о «сотворении» жизни, которое, как говорится в великой песне, началось «в тяжелой тьме, глубокой тьме».

«О ке ау и кахули вела ла хонуа...

1. В те времена, когда земля была горячей.
2. В те времена, когда вращались небеса.
3. В те времена, когда тьма скрывала солнце.
4. Чтобы могла светить луна.
5. Во время восхода созвездия Плеяд.
6. Был источник, жар земли влажной.
7. Тот источник тьмы, что породил тьму.
8. Тот источник ночи, что породил ночь.
9. Тяжелую тьму, глубокую тьму.
10. Тьму солнца, тьму ночи, ничего, кроме ночи.
11. Ночь, однако, породила жизнь.
12. Рожден был ночью Кумулипо — самец.
13. Рождена была ночью Поэле — самка.
14. Рожден был коралловый полип, рожден был коралл, он появился.
15. Рожден был червь, который землю прогрызает, в земле копается, он появился.
16. Рождено было дитя, дневной червь, оно появилось.
17. Рождена была морская звезда, ее дитя, маленькая морская звездочка появилась.
18. Рожден был морской еж, род морских ежей...»

Затем автор в первой ва описывает появление других морских животных. Об этом же повествуют и другие шесть ва. Ни одного животного «Кумулипо» не обходит молчанием. Из моря, единственного места существования жизни, на берег выходят земноводные, чтобы заселить сушу. В шестой песне поэт рассказывает о первых гавайских млекопитающих — крысах. Так продолжается повествование о развитии, пока наконец в последнем стихе восьмого ва сказитель не восклицает: *О канака ле ле валу, о канака леи уа а о!* — «Наконец-то человек пришел, наконец-то наступил рассвет!» (стих 643).

В этой великой песне, к тексту которой я не устаю возвращаться, меня всегда поражает, во-первых, осознание того, что лишь человек делает светлым лик нашей планеты, во-вторых, понимание процесса развития, изображение длинной цепи отдельных актов «сотворения» жизни, конечным результатом которого, его последним звеном является человек.

В гавайском «Бытии» человек появляется вовсе не усилием воли всемогущего творца, нет, он — закономерный, логический итог последовательного развития бес-

численных видов живых существ, его предков. Автор, подобно Ч. Дарвину, сумел представить себе эволюционный процесс, исторически связать себя с теми, кто жил на островах и в мире вообще задолго до его появления на свет: собаками, свиньями, рыбами, морскими звездами и даже моллюсками.

Позже, в других мифах, легендах и религиозных сказаниях, полинезийцы припишут «сотворение» человека исключительно своим богам. Однако в этой самой удивительной песне не только Гавайских островов, но и всей Океании человек почти строго материалистически обозначил себя закономерным звеном эволюционного развития.

В этом великом народном творении, в его первых семи ва нет ничего мистического. «Кумулипо» воспевает чудо, но в нем нет ничего сверхъестественного. Самое прекрасное из чудес, присущее природе,—это чудо рождения новой жизни, чудо бесконечной цепи созидания, увенчанной появлением человека, с которым на земле наступил рассвет.

ЗА ПОЛИНЕЗИЙСКИМИ ПИГМЕЯМИ

Безымянный автор «Кумулипо» поэтически описал процесс эволюции — от возникновения первого полипа до появления людей, которые готовы были заселить землю, в том числе и Гавайи. Кто же из них, по мнению гавайцев, достоин того, чтобы жить на этих прекрасных островах? Наверняка лишь самые знатные представители рода человеческого. Действительно, многие исследователи культуры Полинезии и сами гавайцы при упоминании о «народе Южных морей», давшем имя этим островам, пользуются довольно неточным термином — *алии* («правитель» или «знать»).

Согласно преданию, еще до того как Гавайский архипелаг попал под власть надменных алии, здесь жили другие племена. Кто эти «догавайские» обитатели Гавайев? Судя по всему, они, как и те, кто пришел вслед за ними, были полинезийцами. Именно эта ранняя группа полинезийцев сумела на своих бесхитростных каноэ первой преодолеть океан и подойти к Гавайским остро-

вам с юга. Вполне возможно, что именно они первыми заселили и Новую Зеландию, и острова Чатэм.

Вторая волна — так сказать, «собственно гавайцы» называют своих предшественников *менехуне*. Как ни странно, но так же называли своих предков нынешние таитяне. На Гавайях оно имеет пренебрежительный оттенок: менехуне в отличие от тех, кто пришел вслед за ними, не возделывали землю, питаясь лишь плодами дикорастущего пандануса[16] и дарами моря.

Общественный строй менехуме был явно примитивнее и демократичнее. Их религия еще не знала великих полинезийских богов, подобно греческим, сложных ритуалов, пришедших со священных Раиатеа и Таити. Первые обитатели Гавайев появились здесь, вероятно, в начале первого тысячелетия нашей эры и ушли скорее всего с приходом второй волны полинезийцев — алии — примерно в середине второго тысячелетия.

Первая тысяча лет предполагаемой истории Гавайских островов, уже заселенных людьми, не имеет почти никаких следов человеческой деятельности. Но на Гавайских островах сохранилось около тридцати каменных сооружений, которые жители островов считают творением менехуне. Они были замечательными каменотесами и выдающимися строителями, но секретами мастерства ни с кем не делились. Свои постройки они всегда возводили только по ночам, когда никто не мог следить за их работой.

Подавляющее большинство «догавайских» сооружений на Гавайях сохранилось на острове Кауаи, который с незапамятных времен считался основным местожительством менехуне. Кауаи, судя по всему, первый остров, который заселили менехуне, последним они покинули его, навсегда уходя с архипелага, когда в стране, до сих пор принадлежавшей им одним, оказалось слишком много вторгшихся алии.

Куда отправились потомки тех, кто первым заселил Гавайские острова, неизвестно. Возможно, они ушли на необитаемые в наши дни небольшие островки Нихоа и Неккер, где неизвестными мастерами возведены сту-

---

[16] Пандaнус *(Pandanus)* — распространенный в Океании род растений семейства пандановых. Плоды некоторых видов пандануса идут в пищу, а воздушные корни и листья служат материалом для плетения. Древесина используется как кровельный материал, идет на топливо и изготовление плотов.

нечатые сооружения и каменные идолы, правда несколько отличные от древних изваяний на Гавайских островах.

Однако некоторые менехуне тайком остались на Гавайских островах. Последний гавайский правитель острова Кауаи Каумаалии распорядился произвести точную перепись и составить списки обитателей своего островного государства. С удивлением он обнаружил, что в дальнем уголке дикой долины Ваипиа, в деревне Лаау, у подножия самой «мокрой» на земле горы Ваиалеалы, живут шестьдесят пять менехуне.

Перепись была произведена в прошлом веке. Интересно, сколько менехуне проживает на островах в наши дни? На свой вопрос я получал самые разные ответы. Одни утверждали:

— Менехуне на Гавайях никогда не жили. Это вымысел праздного ума, сказки.

Другие не соглашались с этим мнением:

— Конечно, менехуне — это наша древняя история. Их победили племена из первой волны переселенцев алии. Менехуне либо подчинились, либо ушли с островов.

Есть здесь и такие, которые убеждены в том, что менехуне живут на островах до сих пор.

— Живут до сих пор? — переспрашивал я,— а как они выглядят?

Ответ был всегда одинаковым:

— Да это же гномы. Как у вас в Европе эльфы или тролли.

Эльфы или тролли — маленькие, уродливые человечки, карлики. Такими представляют себе менехуне нынешние жители архипелага. Мужчины у них будто бы очень маленького роста — не выше метра, а у женщин красные, сморщенные, не вызывающие никакой симпатии лица.

Как утверждали мои собеседники, менехуне живут в горных пещерах или в примитивных хижинах. Вреда людям они не причиняют, но избегают их. Правда, трудолюбивые менехуне работают только по ночам. Как и в далекие времена они известны как прекрасные каменотесы и строители, начатое дело заканчивают за одну ночь. Если менехуне на кого-то рассердятся, то ему несдобровать: карлики уничтожают все, что сделано руками противника.

Благодаря странной игре воображения образ менехуне весьма изменился: из первых полинезийских обитателей Гавайев они превратились в гномов, в сверхъестественные существа, с которыми, несмотря на их карликовый рост, шутки плохи.

Мне захотелось взглянуть на менехуне и их сооружения, но я понимал, что на Большом острове мне вряд ли удастся это сделать, ведь родина полинезийских пигмеев — Кауаи, расположенный на противоположной стороне архипелага.

Пришлось отправиться на Кауаи, чтобы посмотреть на самое удивительное сооружение, которое легендарные пигмеи возвели по соседству с деревней Ниумалу. Оно представляет собой ров длиной триста метров, выложенный тщательно обработанными каменными плитами. В свое время он служил водохранилищем, откуда брали воду для полива полей.

Менехуне возводили в основном ирригационные сооружения, прибрежные дамбы, облегчающие рыбную ловлю.

Свою самую знаменитую постройку — «Ниумальский ров» — полинезийские пигмеи возвели якобы по просьбе пришлых алии, вернее, вождя Ола, сумевшего добиться расположения одного из менехуне — по имени Пи. Впоследствии Ола, несмотря на то что Пи был «незнатного» происхождения, все-таки объявил его своим главным колдуном.

По другой, более распространенной версии, менехуне строили ров по приказу правителя и правительницы острова. В «соглашении о строительстве» рва менехуне, как всегда, обязались соорудить его за одну ночь. Кроме вознаграждения они поставили еще одно условие: «ни правитель, ни правительница не должны смотреть на работающих менехуне».

Правитель и правительница согласились; молодые менехуне принялись за работу. Вождь менехуне выстроил своих мужчин в шеренгу длиной сорок километров! Пигмеи передавали каменные плиты из рук в руки, и ров вырастал буквально на глазах. Мастера действительно построили его за одну ночь. Перед самым рассветом, когда должен был закукарекать петух, вождь обнаружил, что правитель и правительница не сдержали своего обещания: всю ночь они следили за тем, как работали менехуне.

Вождь пигмеев пришел в ярость и приказал добавить к сооружению еще два камня. Мне их показали: две одинаковые глыбы лежат на краю рва. Это правитель и правительница острова: не сдержавшие данное вождю слово, несчастные окаменели, словно жена Лота. У ног их каменный бассейн, заказанный ими полинезийским пигмеям,— «Ниумальский ров» — уникальный памятник человеческому трудолюбию на острове Кауаи.

НИУМАЛЬСКАЯ ЗАГАДКА

Проблема менехуне — исконных обитателей архипелага — серьезный и интересный вопрос, связанный с самым ранним периодом пребывания на Гавайских островах людей. Следует, видимо, согласиться с мнением Те Ранги Хироа, одного из крупнейших специалистов по истории Полинезии, бывшего в течение многих лет директором гавайского Национального музея (сам он наполовину полинезиец — маори):

— Менехуне действительно были людьми полинезийского происхождения, и они достойны славы, потому что первыми переплыли бескрайние океанские просторы и добрались до Гавайев.

Видный музеевед и знаток полинезийских культур новозеландец Элдон Бест высказал предположение, что менехуне, возможно, были самой первой, наиболее древней группой, населявшей полинезийские острова, которая везде предшествовала второй волне более развитых племен алии. Я условно назвал вторую волну переселенцев на архипелаг «собственно гавайцами».

Думаю, вряд ли когда-нибудь удастся получить ответ на вопрос, который возникает при виде «ниумальской загадки». На Гавайских островах сохранились сооружения, несколько отличавшиеся от тех, какие возводили «собственно гавайцы». Именно Кауаи, который сами гавайцы считают островом менехуне, в какой-то степени отличался и по культуре, и по общественной организации от других островов архипелага. Так, здесь найдены своеобразные каменные пестики, которые по форме их основания называют круговыми. Они значительно отличаются от тех, какими гавайцы растирали

таро, готовя национальное блюдо *пои*. Эти только на Кауаи используемые круговые пестики не годились для того, чтобы толочь таро. С их помощью готовилось блюдо из плодов дикорастущего пандануса.

Находка круговых пестиков на Кауаи подтверждает, что первые, более отсталые обитатели Гавайев — так называемые менехуне, к которым меня привела «ниумальская загадка»,— питались плодами дикорастущих растений. Об этом говорят и гавайские легенды. Согласно преданиям, менехуне питались сердцевиной папоротников, ягодами *охело (Vaccinium berberifolium)*, корнями растения ти и главным образом плодами пандануса.

Следует упомянуть еще об одном интересном факте. До недавнего времени наречие, на котором говорили на Кауаи, «родине менехуне», несколько отличалось от языка, распространенного на других островах архипелага. Лишь жители Кауаи четко произносили согласные «т» и «р», которые неизвестны полинезийским обитателям прочих Гавайских островов.

Кроме того, на Кауаи в отличие от других Гавайских островов никогда не существовало достаточно четкого деления на знатных — истинных алии, вождей и членов их родов — и простых, непривилегированных островитян. Такая более демократичная форма общественных отношений на Кауаи как бы свидетельствует, что в прошлые времена, при менехуне, здесь царило большее равноправие.

Итак, я отправился на Кауаи, чтобы посмотреть на «ниумальскую загадку» — знаменитый, уникальный «Ров менехуне». Остров до сих пор живет легендами о тех, кто создал удивительную «ниумальскую загадку». Эти сказания и мифы известны далеко за пределами архипелага.

В поисках следов пигмеев мне улыбнулось счастье: судьба свела меня с лучшим местным знатоком «ниумальской загадки» и всего, что связано с таинственными полинезийскими пигмеями,— с госпожой Каликеа. Она живет в порту Навиливили, расположенном на юго-востоке острова. Госпожа Каликеа помнит и знает все, что известно миру о загадочных менехуне.

Она создала в Навиливили нечто вроде «памятника» полинезийским пигмеям — так называемые «Сады менехуне», где сама выращивает интересные растения, в том

числе и самое большое банановое дерево. Главное — она собирает все сведения о полинезийских пигмеях. Так как материальных следов их жизни сохранилось мало, то госпожа Каликеа рассказывает посетителям все, что знает о них из преданий, действие которых зачастую происходит в наши дни.

Так, один школьник увидел менехуне. Преподаватель в надежде прославиться прервал занятия и кинулся вдогонку за «древним гавайцем», словно за легендарным «снежным человеком». В погоне приняла участие вся школа. Разумеется, пигмея так и не поймали.

Присутствие этих таинственных человечков ощущают прежде всего строители — коллеги древних менехуне. В столице архипелага, в Гонолулу, на потухшем вулкане «Алмазная голова» из-за пигмеев чуть было не вспыхнула забастовка рабочих-каменотесов. А произошло это из-за того, что разгневанные менехуне ночью уничтожали то, что успевали сделать днем каменотесы. В результате у рабочих резко упала зарплата.

Все пострадавшие прекрасно знали виновников своего несчастья. Конечно, ими могли быть только менехуне! Тогда каменотесы заявили:

— Пусть администрация по-хорошему договорится с пигмеями, в противном случае начнем забастовку.

Один мастер предложил нанять полинезийского колдуна — *кауну*. Тот должен был выяснить, почему пигмеи так рассердились на каменотесов и мстят им. Прежде чем удалось найти колдуна, гнев менехуне поостыл, а курьезная забастовка так и не состоялась.

В столице Гавайев слышал я и другую историю. Когда-то менехуне жили на ее нынешней территории, однако больше всего им нравилась уютная долина Маноа, которую они ни за что не желали уступать непрошеным пришельцам — алии. Хитрый вождь алии Куалии, узнав, что «люди ночи», пигмеи, больше всего на свете боятся сов, приказал привезти ночных птиц с родного острова менехуне — Кауаи. Куалии рассудил, что кауайские совы имеют больший опыт борьбы с маленькими человечками, чем местные птицы. Куалии не ошибся. С помощью сов и «духов-хранителей», которые якобы защищают каждого полинезийского воина, он изгнал менехуне из долины Маноа и всего района Гонолулу.

Действительно ли менехуне исчезли с Гавайских ост-

ровов и я так никогда и не увижу их? Конечно, нет. С менехуне на Гавайских островах я встречался почти на каждом шагу — правда, в несколько преображенном виде.

Сначала менехуне, видимо, считались те, кто впервые появился на островах. Затем, в представлении «собственно гавайцев», они превратились в пигмеев. Теперь, в третий раз, их «воссоздала» изобретательная американская реклама.

Как на самом деле выглядели загадочные «прагавайцы», строители «Ниумальского рва», не знают ни археологи, ни этнографы, зато это отлично известно... творцам рекламы. Несчастные полинезийские пигмеи стали не только официальным символом Гавайского государственного университета, их изображение бросается в глаза повсюду — на рекламных щитах на каждой улице, в каждом магазине и в газетах, на флаконах духов, конфетных обертках, сувенирах. В Хило я видел даже белье марки «Менехуне» и бюстгальтер «Менехуне», причем самого большого размера.

Если кто-то и угрожает жизни менехуне, то это не воинственные алии и не грозные совы, а беспощадная реклама. Что еще можно добавить к этому? Пожалуй, то, что во время любого поединка я всегда болею за слабого. Поэтому мне хочется крикнуть:

— Держитесь, менехуне! Уйдите с фантиков, флаконов, пивных кружек и дамского белья! Возвращайтесь в горы, дремучие леса и поля возле «Ниумальского рва», учебники археологии и истории, туда, где я впервые прочел о вас, готовясь к своему первому путешествию на Гавайи. Не сдавайтесь, менехуне!

СЛЕДЫ В ОКЕАНЕ

Полинезийские пигмеи менехуне, как многое другое в этом очарованном мире Гавайев, находятся где-то на грани между действительностью и фантазией, реальностью и сказкой. Об этом нельзя не пожалеть, так как неясным остается важнейший вопрос, кто и когда заселил острова, первым вступил на землю Гавайев.

«Собственно гавайцы» (они приписывают себе имя

алии, употреблявшееся лишь по отношению к вождям и знати) в одних легендах упоминают о тихоокеанских пигмеях, живших на архипелаге до них, в других утверждают, что Гавайские острова открыли их собственные предки.

Заинтересовавшись древними гавайскими мифами, я отправился в места, где происходили описанные в них события,— на Большой остров. Ведь предки «собственно гавайцев» начали заселение островов из двух пунктов южного побережья Большого острова. Один называется Вааула, другой — самое красивое и в наши дни довольно пустынное место всего архипелага — Калеа («Южный мыс»).

Сюда (об этом же повествуют многие гавайские легенды, и такого же мнения придерживаются археологи и историки) прибывали с юга длинные лодки полинезийцев. И легенды и ученые указывают на одну и ту же первоначальную родину будущих обитателей Гавайских островов. В преданиях она называется Каити (в гавайском языке нет согласного «т»). Будущие гавайцы пришли с Таити и с соседних с ним островов Общества [17], в первую очередь со священного для всех полинезийцев, расположенного недалеко от Таити острова Раиатеа.

Наверное, на вопрос, кто первым открыл и заселил Гавайские острова, когда-нибудь точно ответят археологи. Правда, на этот вопрос издавна отвечали удивительные легенды самих гавайцев. Большинство из них называют первым человеком, приплывшим на архипелаг с Таити, вождя Хаваиилоу. Он открыл острова во время своего отважного плавания на север Тихого океана.

Хаваиилоу совершал свое великое плавание в сопровождении морехода Макалии («Глаза вождя»). Вместе со своими людьми они, как повествуют легенды, несколько раз до этого уплывали во время рыбной ловли далеко-далеко, в тот район океана, который таитяне называли «Море, откуда приходят рыбы». Во время одного такого плавания Макалии, известный знаток

---

[17] Согласно последним научным данным, основанным на материале археологических и глоттохронологических исследований, Гавайи были заселены мигрантами с Маркизских островов, а не с Таити.

килагока — астрономии и ориентации по звездам, предложил отправиться еще дальше на север.

Так смельчаки оказались в другой, до сих пор неизвестной им части океана, о которой легенды говорили как о «Разноцветном море бога Кане». Затем судно Хаваиилоу достигло области Тихого океана, которую полинезийцы стали называть «Море темного цвета». Наконец, после долгих скитаний на горизонте показались контуры Большого острова, который венчали две высокие горы. Одна из них извергала огонь, поэтому первооткрыватели архипелага назвали эти острова «Огненные Гавайи».

Несмотря на адский огонь гавайских вулканов, Большой и другие острова архипелага настолько понравились Хаваиилоу, что, вернувшись на Таити, он решил повторить свое замечательное плавание через Тихий океан. На этот раз Хаваиилоу взял с собой жену Хуалалаи (ее именем назван один из вулканов Большого острова) и всех детей. Они отправились снова через Великий океан на остров, который отныне стал носить имя их первооткрывателя.

Время от времени Хаваиилоу приходилось снова отправляться за четыре тысячи километров на юг, а затем возвращаться на север по пути, открытом им и Макалии, чтобы привезти своим детям женихов и невест. Самой любимой своей дочери, Оау, он привез с Таити своего племянника Тупуиаиатеатуа, ставшего ее мужем. Вскоре у них родился сын. Это был первый родившийся на Гавайях человек. Если бы тогда имелись свидетельства о рождении, то местом появления на свет этого мальчика было бы указано Кеауоу, расположенное в вулканической области Пуна. Кстати, название «Пуна» также связано с легендарным первооткрывателем архипелага: оно повторяет название таитянской области Пунаавиа, где я не раз бывал и где якобы в древности жили Хаваиилоу и его брат Ки.

Внуки и правнуки Оау постепенно заселили весь Большой остров, а позже и другие острова гавайской цепи. Таким образом, от мифического прародителя гавайцев, полинезийского первооткрывателя архипелага Хаваиилоу, от его внуков и правнуков повели свое происхождение все гавайские вожди — алии, а вместе с ними и жрецы — *кауно*, то есть все представители «господствующего класса» — *вело алии*, а от потомков

мореходa и знатока звезд Макалии — куда более многочисленный «класс» рядовых гавайцев — *вело канака.*

Согласно некоторым легендам, позже Хаваиилоу запретил сношение с бывшей родиной, будто бы потому, что его любимый таитянский брат Ки изменил настоящим богам и стал поклоняться божку Куваило. После смерти Хаваиилоу контакты между Северной Полинезией — Гавайями и Южной — Таити, Раиатеа и соседними островами были возобновлены.

Гавайские легенды рассказывают и о других морских путешествиях от Таити до Гавайев и обратно, которые совершались регулярно. Это стало возможным благодаря высокому уровню кораблестроения, умению смелых мореходов прекрасно ориентироваться в океане по положению небесных светил, а также мужеству и отваге, с которой полинезийцы умели смотреть в лицо стихии, во власть которой они попадали на неведомых им просторах величайшего океана нашей планеты. Если бы мне пришлось отвечать на вопрос, что меня больше всего восхищает в полинезийцах, то я бы без колебания ответил: их великолепное искусство мореплавания.

Предки полинезийцев, жившие в Азии, не побоялись вступить в беспокойные, опасные воды океана, равного по площади Луне. Великая морская миграция началась несколько тысяч лет назад, поэтому многие называют их «викингами Востока». Однако полинезийцы размахом и смелостью своих морских путешествий намного превзошли викингов. Во времена, когда лучшие из мореплавателей Старого Света — финикийцы — бороздили воды Средиземного моря, отваживаясь плавать лишь вдоль берегов Африки, полинезийцы уже преодолевали тысячекилометровые океанские просторы, вторгаясь в отдаленные области Тихого океана. Сюда, на Гавайи, полинезийцы попали задолго до того, как начали совершать свои знаменитые плавания северные викинги, за многие столетия до экспедиции Христофора Колумба, которое для многих и по сей день остается величайшим плаванием в истории. Почему же история решила умолчать о морских путешествиях полинезийцев? Эту тайну навсегда хранит океан, волны которого не оставили и следа даже самых больших полинезийских каноэ.

Полинезийцы всегда славились умением строить суда. Первоначально это были небольшие лодки, выдолбленные из цельного ствола дерева, к которому крепилось длинное бревно. Я нередко видел такие в Океании и в наши дни. По этому же принципу строились другие суда, намного более устойчивые и значительно бо́льшие по размеру. Именно они позволяли полинезийцам совершать их фантастические путешествия в самые отдаленные уголки Великого океана. К большим или, как их иногда называли в Южных морях, «длинным судам», достигавшим в длину тридцати метров, прикреплялась еще и лодка. Оба корпуса связывались воедино: у них была общая палуба, на которой возвышались две или три мачты с парусами, сплетенными из пандануcовых рогож. На палубе находилась своеобразная каюта — хижина, в которой вождь и его команда прятались от жарких лучей солнца и тропических ливней. На корме имелось засыпанное песком место с очагом для приготовления пищи.

Полинезийские суда не имели обычного руля. Направление движения задавалось с помощью весел. Полинезийцы высоко ценили тщательно обработанные и сделанные из самых прочных сортов древесины весла. Об этом рассказывается в легендах. В них упоминаются не только имена участников «долгих плаваний», но и названия весел.

В снаряжение судов, отправлявшихся из Южной Полинезии на Гавайи, входили и черпаки. Хотя суда были обмазаны своеобразной шпаклевкой, тем не менее в них часто проникала вода, которую должен был постоянно выливать за борт «водочерпий», один из наиболее уважаемых членов экипажа. Их имена тоже часто упоминаются в полинезийских сказаниях.

Так же как веслам, названия давались и каменным якорям полинезийских судов. На двойных судах было и два вида якорей: большой, «стояночный» (во время бурь его иногда опускали в волны) и легкий (его бросали в воду, чтобы определить направление морских течений).

Строительство судов, предназначенных для плаваний на Гавайи и другие далекие острова, их оснаще-

ние были делом нелегким. Тенира Генри, одна из самых первых и серьезных исследовательниц полинезийской культуры, дала описание процесса строительства, из которого следует, что создание каждого двойного судна считалось делом священным, общим для всех жителей данной местности.

Приняв решение временно или навсегда покинуть родину, вождь выбирал из своих подданных самого опытного и умелого судостроителя и назначал его главным. Тот, в свою очередь, набирал квалифицированных мастеров. Считалось, что и судостроитель, и мастера, и даже инструменты — находились под покровительством бога Тане, а на Гавайях — Кане, бога леса. Поэтому, прежде чем начать рубить деревья, отобранные для строительства судна, к могущественному Тане обращались с молитвами, вымаливая разрешение убить его любимых детей, какими в представлениях полинезийцев были деревья. Затем особый ритуал освящал каменные топоры, с помощью которых «убивали детей Тане» и обрабатывали стволы.

Инструменты на ночь укладывались в святилища, где, по представлениям полинезийцев, они «спали». Рано поутру, сразу после восхода солнца, топоры «будили» и торжественно опускали в воды океана, по которому поплывут деревья, превращенные в судно. Наряду с топорами строители судов пользовались также и каменными долотами.

Прежде чем соединить два готовых судна в одно целое, их покрывали особым защитным слоем из смеси древесного угля и красной глины. Впоследствии на Гавайях суда красили в черный цвет, и лишь суда самых высокопоставленных вождей оставались красными. Наконец двойное полинезийское судно спускали на воду.

Судно, его весла и якоря получали название. Обряд крещения (я бы скорее назвал его обрядом посвящения) совершался сразу после спуска «новорожденного» на воду. Трюмы судна заливали не шампанским, а соленой морской водой, чтобы корабль почувствовал вкус моаны — океана, чьи бескрайние просторы ему придется бороздить.

После того как полинезийское судно торжественно окропляли морской водой, к далекому путешествию начинал готовиться экипаж. Расстояние бывало дейст-

вительно очень большим. Требовалась тщательная физическая и моральная подготовка. Полинезийцы упорно учились обходиться самым малым, подолгу не есть и не пить.

Все необходимое мореплаватели брали с собой — воду, пищу. Вода хранилась в скорлупе кокосовых орехов, бамбуковых стволах или выскобленных тыквах, которые они, привязав, бросали за борт и тащили за собой. Вода в них всегда оставалась весьма прохладной.

Полинезийцы везли как свежие, так и «консервированные» продукты. Эти традиционные тихоокеанские «консервы» я встречал на Мауро, одном из атоллов Маршалловых островов (Микронезия): чаще всего ими были печеные, завернутые в листья плоды пандануса.

«Консервами» служили также сушеные плоды хлебного дерева, сушеные бананы и клубни таро, сушеный или печеный батат [18]. Большую роль в рационе полинезийцев — участников долгих плаваний играла вяленая рыба. Законсервированные таким образом продукты сохранялись очень долго; скажем, сушеные моллюски — практически неограниченное время.

Сначала мореплаватели питались свежими продуктами — бананами, кокосовыми орехами. К тому же на судне имелись куры, свиньи и собаки. Объедками кормили собак. Живую рыбу держали в своеобразных бамбуковых аквариумах. Надо сказать, что Тихий океан изобилует рыбой, и опытные полинезийские рыбаки легко добывали ее, ловя иногда даже акул.

«Длинные суда» брали на борт до семидесяти человек и продовольствия недели на три. При минимальном везении расстояние в четыре тысячи километров преодолеть за это время можно.

Двойные суда плыли по океану со средней скоростью восемь-девять узлов. Успех экспедиции, если судно было построено добротно, полностью зависел от навигационных знаний и умения ориентироваться в открытом море. День отплытия, как правило, приходился на вторую половину года, когда погодные усло-

---

[18] Батат *(Ipomoea batatas)*, или сладкий картофель,— широко распространенное в Океании культурное растение. Клубни батата содержат крахмал, сахар.

вия для плавания были наиболее подходящими. Этот день тщательно выбирался.

Главный мореплаватель приступал к своим обязанностям с момента выбора оптимального момента для плавания. Его работа была действительно нелегкой и весьма ответственной. От опыта и знаний «штурмана» полностью зависел успех столь долгого и тщательно приготовлявшегося путешествия.

Полинезийские мореходы должны были обладать обширными знаниями, например знать розу ветров, уметь различать ветры по силе, направлению и названиям (последних в полинезийских языках очень много), уметь ориентироваться по форме и направлению движения облаков. Разбирались они и в океанических течениях, но ориентировались в основном по положению звезд и планет. Поэтому «штурманы» древних полинезийцев знали расположение и названия более чем полутораста звезд. Им было точно известно, над какой частью океана «висит» та или иная звезда.

Разумеется, днем главным ориентиром полинезийских мореплавателей было солнце, а ночью — луна. Гавайцы различали на небосклоне звезды — *хокупаа* и планеты — *хокуэле.* Причем, одна и та же планета могла по-гавайски называться по-разному в зависимости от того, в какой части небосклона находится она в данный момент. Например, Венера как утренняя звезда называлась Мананало, как вечерняя — Наолооло. По-гавайски Иксика — Юпитер, Укали — Меркурий.

Из созвездий для полинезийских мореплавателей самыми главными были Плеяды (по-гавайски «Семь маленьких сестричек»). С момента их первого появления на горизонте в ноябре на Гавайях начинался новый год и самое веселое время — праздник Макаики. Известная звездная пара Кастор и Поллукс по-гавайски называется «Тот, кто идет впереди» и «Тот, кто следует за ним» — Нанамуа и Нанаопе. Еще один важный ориентир на ночном небе — созвездие Ориона (Нукао). Млечный Путь называется Кау, а Южный Крест, который вел мореплавателей во время первой половины путешествия на Гавайи,— Неве.

Если бы мне довелось составлять лоцию для плавания с Гавайев на юг, я бы написал, что сначала судну следует ориентироваться по Полярной звезде, она должна «висеть» за его кормой. В середине пути, примерно

на экваторе (по-гавайски Пикооваке — «Посреди пространства»), Полярная звезда исчезает за горизонтом, тогда на юг укажет Южный Крест.

Полинезийский мореход, следя во время плавания за небесными телами, ориентировался не только в пространстве, но и во времени. Самый простой способ, которым можно измерять время, прошедшее со дня отплытия,— это завязывать каждый день по узелку. Полинезийцы, как и большинство народов планеты, так и отсчитывали дни. Недель они не знали и дни объединяли сразу в месяцы. В каждом из них было двадцать девять или тридцать дней. Этот период времени они называли так же, как и мы, по имени луны — месяц, *маина*.

Каждый гавайский месяц имеет свое имя. Причем первый день месяца называется по-гавайски *хило* («полумесяц»), как и город, с которого я начал свое путешествие по Большому острову, а пятнадцатое число каждого месяца — *хоку* («полнолуние»).

Гавайский год состоит из двенадцати месяцев. Новый год наступает ночью, когда в восточной части небосклона впервые появляются Плеяды. На Гавайях «Семь маленьких сестричек» восходят 18 ноября, на Таити — лишь 21 ноября.

ВИД НА СВЯТИЛИЩЕ ВАХАУЛУ

Суда, следовавшие на Гавайи, заканчивали свои долгие путешествия у берегов Большого острова. Заселяя новые острова на севере Тихого океана, полинезийцы прихватывали из родных краев растения и животных. Например, вождь Кахаи привез на Гавайи хлебное дерево. Так появились и стали возделываться на Гавайях такие культуры, как батат, таро, ямс и даже кокосовые орехи и бананы.

Кроме вещей «первой необходимости» Центральная Полинезия снабжала полинезийский север (Гавайи) всеми «новинками» в области духовной культуры, в первую очередь религиозных верований. Важной «статьей экспорта» Таити и Раиатеа были полинезийские жрецы.

Одна из наиболее ярких личностей в истории архипелага — жрец Паао, совершивший в XIII веке путешествие с Гавайев на Таити, которое вплоть до появления на Гавайских островах белых людей оказалось последним контактом обитателей архипелага с внешним миром. Непонятно, почему в течение последующих пяти веков гавайцы больше не отваживались на длительные плавания. Зато нам известно, почему жрецом Паао было совершено это последнее из «долгих плаваний» между Гавайями и Таити.

Оказывается, Паао, принадлежавший к гавайской элите, воспротивился тому, что здесь, на Большом острове, все менее уважительно относятся к верховному вождю, главе привилегированной касты.

Нерешительность и колебания слабого, дегенеративного верховного вождя Капавы и «безответственные», «противоестественные» браки вождей с женщинами из низших каст, по мнению Паао, угрожали общественному устройству Большого острова. Жрец Паао, воспитанный в традиционных кастовых полинезийских представлениях, видел лишь один выход. Когда-то вождь Паумакуа появился на Гавайях с новым верховным жрецом, так и Паао решил привезти с Таити или Раиатеа нового верховного вождя, осознающего свою *ману* — исключительность, сверхъестественную силу, присущую, согласно верованиям полинезийцев, лишь вождям, алии, а не простым людям.

Когда судно Паао приплыло на Таити или скорее всего на священный Раиатеа, жрец выбрал человека благородного происхождения, отвечавшего его представлениям о том, как должен вести себя и выглядеть верховный вождь гавайского острова. Избранника звали Лонокаехо. Паао спел ему свое знаменитое «Приглашение на Гавайи», которое полинезийцы сохранили до наших дней:

О Лоно, Лоно, Лонокаехо!
Лоно, ты — сын богов,
Ты — вождь плодородной земли Нана,
Тебя ждут суда, поднимись на палубу.
Поднимись на нее и будь на Гавайях,
где зеленые холмы.
На земле, найденной в океане,
Поднявшейся из волн,
Поднявшейся из самых глубин моря.
Наши челны уже коснулись берега.
Поднимись на них

И плыви на землю Гавайев.
Гавайи — это земля,
Гавайи — это земля, где должен жить
Лонокаехо.

Однако таитянский вождь не отозвался на категоричное, авторитарное приглашение поехать на Гавайи: *Хе моку Хаваии на Лонокаехо е нохо* («Гавайи — это земля, где должен жить Лонокаехо»).

Вождю таитянской области Нана вовсе не хотелось покидать свою родину, где жизнь его текла привольно и спокойно. Он предложил жрецу Паао взять на Гавайи вождя Пиликааиеа, происходившего из древнего полинезийского рода Улу. Тот не стал отказываться от путешествия на Гавайи и ждавшей его там должности. Пиликааиеа приняли на Большом острове как истинного верховного вождя. Его потомки — вожди династии Улу — правили Большим островом вплоть до XIX века. Не менее знатное положение заняли и представители рода жреца Паао. Поколение за поколением они оставались главными хранителями культа могущественного бога войны Ку и верными ревнителями гавайских табу.

В начале XIX века последний праправнук жреца Паао — Хевахева волей случая принял активное участие в ликвидации всей системы табу, запретов и ограничений, которая в древности была основой общественной жизни на Гавайских островах.

После плавания великого жреца Паао контакт Гавайских островов с остальным миром прервался на пять веков. Однако Паао успел привезти на Большой остров не только верховного вождя, но и три религиозных «новшества», освященных на главном культовом острове полинезийцев — Раиатеа. Первое из них, честно говоря, вызывает мало симпатий: по примеру Таити и Раиатеа Паао ввел в религиозные обряды гавайцев человеческие жертвоприношения. Он распорядился также, чтобы впредь при «коронациях» вожди надевали пояс из красных птичьих перьев (как на Раиатеа). И, наконец, позаимствовал из Центральной Полинезии новый для Гавайев тип святилища — *хеиау*.

Великий жрец Паао сам построил одно хеиау: на побережье, в том самом месте, где закончил свое плавание. Место это называется Вааула. Я решил взглянуть на эту достопримечательность, тем более что свя-

тилище играло в истории архипелага исключительно важную роль.

После смерти Паао хеиау Вааула несколько раз перестраивали и расширяли. В последний раз это произошло в 1771 году. На пороге XIX века, когда Гавайские острова были объединены в одно королевство, первый общегавайский король Камеамеа I провозгласил хеиау Вааула одним из шести общенациональных святилищ нового государства. Кстати, именно в святилище Вааула во время религиозных обрядов были принесены последние на архипелаге человеческие жертвы.

Вааула разместилось на территории Пуны (название, оставшееся в наследство от таитянско-гавайских контактов) среди черных пляжей, неподалеку от Калапаны.

Именно со стороны Калапаны расположен главный вход в святилище, реконструированный администрацией Национального парка. Правда, реставрация самого святилища в дни моей последней поездки на Гавайи еще только планировалась здешними археологами. Поэтому спустя некоторое время я подробно осмотрел это святилище в музее Бишоп в Гонолулу, где выставлена его точная копия.

Рядом с главным хеиау Большого острова в наши дни построен так называемый «Вааула Хеиаус Визитор Сентар», где я смог получить ряд печатных материалов и даже прослушать магнитофонную пленку с записью рассказа о том, что представляли собой уже почти развалившиеся гавайские святилища.

Самые древние, возведенные до «реформ» Паао, были невысокими, простыми постройками, иногда с базальтовыми колоннами. Новые святилища, прообразом которых явилось хеиау Вааула, значительно превосходили их по размерам. Основой их было *кахуа* — открытое или обнесенное стенами пространство, иногда состоящее из четырех террас. Квадратное возвышение самой высокой террасы ступенчатого гавайского «храма» представляло собой алтарь.

Особенностью прибрежных хеиау, подобных Вааула, были необычные башни *лана нуу мамао*, с которых жрецы смотрели на океан — видимо, для того, чтобы отыскать в океане морских черепах, игравших важную роль во время религиозных обрядов, совершаемых в этих древнейших храмах.

Другим животным, необходимым для проведения религиозных обрядов, как почти повсюду в Океании, оказалась свинья. Во время некоторых ритуалов в жертву приносились десятки поросят. Поэтому одной из важнейших повинностей простого народа была «свиная подать». Верующие должны были преподносить храмам множество поросят. Вот почему к гавайским храмовым постройкам примыкают сооружения, которые трудно назвать священными даже при очень богатой фантазии,— свиные хлевы.

Останки принесенных в хеиау жертв — свиней, а иногда и людей — складывались в *луакини* — «ритуальные ямы».

Святилище Вааула было построено в то время, когда в гавайском обществе началось расслоение, поэтому на территории надворья обозначены участки, выделенные для определенных социальных групп: «Всяк сверчок знай свой шесток». Если гавайские хеиау и обносились стеной, то только для того, чтобы отделить алии, имевших право во время обрядов находиться внутри святилища, от простых верующих.

Многие гавайские хеиау, сооруженные по подобию святилища Вааула, нередко украшались деревянными или каменными столбами. Деревянные колонны покрывались оболочкой, сделанной из лыка, которое здесь называют *тапа*. Само собой разумеется, что в гавайских святилищах стояли деревянные или каменные изображения богов. В настоящее время их можно увидеть в другом священном месте Большого острова — Хонаунау, потому что там в отличие от Вааула главный храм и остальные святилища уже реставрированы.

Посетив хеиау Вааула, я еще раз убедился, какую огромную роль играли святилища в жизни полинезийцев, как бы они ни назывались: хеиау — на Гавайях, *аху* — на острове Пасхи или *марае* — на Таити. Вспомнилась древняя песня о святилищах, слышанная мною на Таити:

Святынями и славой земли были ее храмы.
Они были гордостью ее обитателей.
Драгоценностью земли были ее храмы.
Богом преподнесенные дворцы были эти храмы.

Полинезийские святилища верующие считали высочайшей ценностью на земле, подношением богам. Одна из дарованных богам святынь лежит в руинах к западу от святилища Вааула, на самой южной оконечности архипелага, а в наши дни, когда Гавайи стали пятидесятым штатом США,— на самой южной точке североамериканской федерации. По-гавайски Южный мыс — Калаэ. Дорога в эту часть Большого острова, которую называют «страна Кау», тянется вдоль бесконечных лавовых полей, а затем, за сонным маленьким городком Ваиохину, поворачивает к самой южной точке Гавайев.

Мой путь закончился на Южном мысе, у возвышающегося на скале маяка. Здесь все было так же, как и на западной оконечности Европы — на мысе, расположенном чуть севернее столицы Португалии Лиссабона. Как и там, здесь лишь завывает ветер, а под ногами рокочет никогда не смолкающий прибой. Я стоял в полном одиночестве возле высокого маяка (он работает автоматически) и сожалел о том, что овеянные романтикой смотрители маяков тоже отошли в прошлое. Тут, на всеми покинутом в наши дни Южном мысе, находилось знаменитое святилище Калалеа, от которого остались лишь жалкие развалины. Однако до сих пор рыбаки приплывают сюда, чтобы возложить к развалинам храма приношения. Они верят, что это принесет им удачу.

Поблизости от разрушенного гавайского святилища в скалу Южного мыса вбито восемьдесят каменных кругов: прибывавшие на Гавайи из Центральной Полинезии мореплаватели привязывали к ним свои двойные суда.

Именно здесь, у Южного мыса, заканчивались полные приключений морские путешествия полинезийцев, переплывавших Тихий океан. Отсюда начиналось следующее, не менее величественное и не менее увлекательное приключение — заселение Гавайских островов. Об этом свидетельствуют археологические находки из пещеры Ваиакухини и из так называемых «Песчаных дюн». Сами по себе эти места для туристов большого интереса не представляют.

В Гонолулу, в музее Бишоп, я увидел сотни костяных рыбацких крючков и тысячи пилочек, изготовленных из иголок морских ежей или из кораллов (этими своеобразными напильниками рыбаки затачивали крючки), и много базальтовых ножей и другие примитивные каменные орудия. Раскопки велись археологами во главе с профессором Кеннетом Эмори.

Обнаружено первое поселение. Оно находилось в «Песчаных дюнах». Его обитатели — первые «собственно гавайцы» — сняли верхний песчаный слой, устлали землю коралловым покрытием и построили крайне примитивные хижины с овальным или круглым основанием.

Несколько позже была заселена пещера Ваиакухини. Благодаря тому что в этих местах люди жили на протяжении многих веков, здесь образовался культурный слой толщиной около четырех метров, состоящий из различных орудий, остатков пищи и золы. Эти открытия, первые в истории археологических исследований Гавайских островов, позволили Кеннету Эмори и его коллегам проследить этапы древнейшей истории освоения архипелага. С помощью радиоуглеродного метода была сделана попытка определить время заселения архипелага. Открытия на Южном мысе свидетельствуют о том, что в самые древние времена культура здешних обитателей была сходна с культурой жителей островов Центральной Полинезии.

Конечно, трудно сказать, что собой представляли эти первые люди на архипелаге. Мы не знаем также, были ли они теми загадочными менехуне или прямыми предшественниками сегодняшних полинезийских обитателей островов Центральной Полинезии. Однако в любом случае первые люди появились на Гавайских островах более тысячелетия назад, то есть значительно раньше, чем еще совсем недавно предполагали исследователи, руководствуясь гавайскими генеалогическими преданиями.

Тем не менее родословные заслуживают пристального внимания каждого, кто хочет знать древнюю полинезийскую историю Гавайев. Первым белым, изучавшим историю архипелага, был Абрахам Форнандер, занимавший должность королевского судьи на Гавайях. Он жил здесь в 70-х годах прошлого столетия. Форнандер имел возможность познакомиться с родослов-

ными множества семей местных вождей. Самая древняя генеалогия, естественно, была у рода объединителя Гавайского архипелага — первого общегавайского короля Камеамеа I. В его родословной прослежено девяносто девять поколений! Я попытался вообразить себе эту родственную цепь и стал с трудом припоминать своего прапрадедушку или прадедушку. Где уж тут добраться до девяносто девятого колена!

Судья Форнандер разделил столь длинную историю этого рода на пять эпох. В первую вошли пращуры короля, жившие еще на Таити, во вторую — восемь поколений, в третью — всего четыре. Первые три эпохи — период, во время которого не было войн, не происходило никаких драматических событий. Долгий четвертый период, насчитывающий пятьдесят семь поколений, принес с собой немало нового. Одной из наиболее важных перемен было появление самостоятельных правителей — настоящих владык отдельных островов (*калони*).

На Большом острове первым правителем стал могущественный Калануиха, который долгое время властвовал также и над соседними островами Мауи, Молокаи и даже пытался захватить Оаху. Его честолюбивые планы подчинить себе весь архипелаг были сорваны защитниками острова Кауаи. Там он потерпел поражение и даже на какое-то время попал к островитянам в плен. Позднее его освободили, и он вернулся на Большой остров, жители которого хранили ему верность.

В XV веке, во времена одного из потомков Калануихи — вождя Уми, Большой остров был разделен на шесть областей. Это деление сохранилось до сих пор: Кау, на территории которой находится Южный мыс, Пуна, Хило, Кохалу, Кону и Хамакуу.

Знаменитый вождь Уми в историю Большого острова вошел как покровитель слабых, правитель, который сумел сохранить в своих владениях мир и покой. После его смерти начались усобицы между властелином Большого острова и его «вассалами» — правителями каждой из шести провинций. Лишь через несколько десятков поколений снова удалось сосредоточить власть в руках одного правителя, причем уже не над одним островом, а над всем архипелагом. Ее захватил представитель рода, который гордится самой

длинной генеалогией,— первый общегавайский король Камеамеа I.

В истории Гавайских островов меня интересовал период, начавшийся первым плаванием безвестных путешественников, следы которых найдены на Южном мысе, и окончившийся знаменитой экспедицией жреца Паао. В одной из родословных, рассказывающей о мореплавателе Невалапи, прибывшем с Таити, насчитывается тридцать четыре поколения. В ней повествуется и о роде Пуна, представители которого жили на Таити и островах Кука. В другой генеалогии таитянского рода Нема можно проследить тридцать одно поколение. Еще одна родословная рассказывает о таитянском роде Нанамуа и великом вожде Моикехе, плавание которого также закончилось на Южном мысе. Впрочем, другое сказание в отличие от сложившейся традиции утверждает, что он пристал к берегу в заливе Хило.

В гавайском фольклоре об экспедиции Моикехе упоминается довольно часто. Он отправился в путь по причине, которая наряду с мотивами экспедиций Хаваиилоу и Паао является для гавайцев одной из самых понятных и исторически оправданных. Дело в том, что Моикехе у себя на родине влюбился. Его очаровала Луукиа — как утверждает легенда, женщина необыкновенной красоты. Она была женой Олопана, брата Моикехе. Вскоре Моикехе удалось с помощью подарков добиться благосклонности прекрасной свояченицы. С нашей точки зрения, такой поступок достоин осуждения, однако гавайцы, руководствующиеся широко распространенным обычаем *пуналуа,* о котором, кстати, писал Ф. Энгельс в своем замечательном труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [19], считали такую любовь вполне естественной. На архипелаге по обоюдному согласию двое мужчин могли любить одну женщину и даже жить с ней вместе.

Гармонические отношения, установившиеся в этом групповом браке, и особенно все возрастающая привязанность Луукиа к Моикехе не давали спать еще одному человеку, желавшему принять участие в этой любовной игре, некоему Тахитану, притязания кото-

[19] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Полн. собр. соч. Т. 21, с. 43—44.

рого Луукиа когда-то отвергла. Несостоявшийся претендент при каждом удобном случае нашептывал Луукиа, что ее любовник дарит свою любовь также и другим женщинам.

Со временем Луукиа поверила злым наветам Тахитану и вскоре совсем отказалась от любовных встреч с Моикехе. Для того чтобы любимый не смог поколебать ее решения, она попросила «сшить» ей юбку из сети, которую никто бы не смог расплести или стянуть с тела. Эти сложные узелки, называемые «целомудрие Луукиа», помогли Луукиа избежать домогательств Моикехе. В наши дни ими завязывают свои сети гавайские рыбаки.

Луукиа оставалась непреклонной. В отчаянии, что потерял любовь Луукиа, Моикехе решился на поступок, который и в наши дни не назовешь необычным. Он решил покинуть остров Таити и вместе со своей семьей отправился к островам, о которых так много слышал,— к Гавайскому архипелагу, расположенному где-то на севере Тихого океана.

Путь судну Моикехе прокладывал выдающийся мореход и прекрасный сказитель Камахуалела. Судно, управляемое опытной рукой, без труда преодолело четыре тысячи километров океанских просторов и присоединилось к другим двойным судам, которые перевозили с Таити на Гавайи полинезийских переселенцев.

Наконец перед глазами Моикехе предстала острая оконечность Южного мыса, а затем на горизонте показались очертания Большого острова. И Камахуалела, который привел судно к Гавайям, встал и громко запел длинную песню, начинавшуюся словами древнего сказания: *Эйа, Хаваии, хе моку хе Канака!* («Эй, Гавайи, единая страна, единый народ!»)

ПЕРЕЕЗД В КАЙЛУА

Если на карте Полинезия напоминает огромный треугольник, то Большой остров, крупнейшее звено гавайской цепи, похож на другую геометрическую фигуру — ромб. Городок Хило расположен на восточной оконеч-

ности ромба. Я же собрался в Каилуа (она станет базой для моих дальнейших поездок по Гавайям), в западный угол этого ромба. Мне предстояло перебраться с восточной на западную окраину острова. Я мог добраться тремя путями: «Дорогой седловин» (по ней я дошел до вулканов), «Южной дорогой» (она идет через земли Пуна и Кау, по которой я ездил в «гавайские Помпеи», а также на Южный мыс, самый нижний угол ромба) и, наконец, дорогой № 19 — путем, которым я еще ни разу не пользовался. Шоссе проходит по северному побережью Большого острова, через одну из шести земель — Хамакуу. Именно по ней я решил отправиться в Каилуе. В своем выборе я не раскаялся: с самого начала пути меня окружал живописный ландшафт. Вдоль шоссе, словно жемчужины на нитке, «нанизаны» разные достопримечательности.

Первая из них расположена примерно в тридцати километрах северо-западнее Хило. Это Акака — водопады высотой сто сорок метров, самые красивые низвергающиеся реки на архипелаге. С мелодией водопадов сливается пение красных птиц, населяющих окрестные леса.

Вдоволь налюбовавшись «Радужными водопадами» — они особенно красивы, когда сквозь кроны деревьев пробиваются солнечные лучи,— я снова свернул на старую дорогу. Она шла вдоль берега океана. По обочинам возвышались пальмы и другие экзотические деревья, виднелись обширные плантации сахарного тростника. Дорога вела к городку Лаупахоэхоэ, который буквально «плывет» в волнах океана.

Однажды взмахом руки богиня Пеле создала в голубых водах океана крошечный полуостров, на котором расположился городок Лаупахоэхоэ. Здесь можно увидеть последствия не только вулканической деятельности, но и разрушительной работы волн смерти, которые часто угрожают прибрежным строениям Большого острова. Уже после второй мировой войны одна из волн цунами неожиданно обрушилась на Лаупахоэхоэ и унесла с собой в океан часть здания небольшой местной школы вместе с учениками, преподавателями и школьным сторожем. Все они погибли. Жители Лаупахоэхоэ не стали отстраивать школу заново. Оставшиеся руины — безмолвное напоминание о страшной угрозе цунами.

Покинув сонный, тихий Лаупахоэхоэ, я отправился во второй по величине городок Большого острова — Хонокаа. Здесь перерабатывают сахарный тростник и макадамовые орехи *(Macadamia ternifolia)*.

Магазинчик, где продается этот дар гавайской природы, зазывает к себе туристов. Я тоже купил несколько пакетиков, как мне объяснили, «самых вкусных в мире орешков». Затем я продолжил свой путь вдоль берега океана по узенькой проселочной дороге — единственному пути, ведущему в изолированный мир фантастической долины Ваипио, где еще несколько десятилетий назад проживало более семи тысяч чистокровных гавайцев.

Я петлял вдоль длинных оврагов, а порой и пересекал их. Остались позади деревеньки Капулена и Кукухаэле. Наконец дорога привела в глубокую долину Ваипио. Длина этого каньона — около десяти километров. В наши дни всю пригодную для обработки землю занимают поля таро. Раньше полинезийцы выращивали здесь также бананы, а в прудах разводили пресноводную рыбу.

Гавайцы застроили долину Ваипио многочисленными (сейчас уже почти полностью разрушенными) святилищами. В одном из святилищ гавайский властитель принес в жертву богу, который был его «хранителем», восемьдесят своих подданных.

Покинув мертвые святилища долины Ваипио, я снова возвратился в Хонокаа и через городок Камуэла направился к западному побережью Большого острова. Обширная земля Кона когда-то гордилась лучшими гавайскими святилищами, в которых «жили» полинезийские боги. Поэтому в своих заметках я назвал эту область «Страной богов» в отличие от следующей, шестой земли Большого острова — Кохалу, которую отметил про себя как «Страну вождей».

Прежде чем побывать в «Стране вождей», я решил посетить «Страну богов». Сердцем этой обширной территории, ограниченной с запада стокилометровым отрезком океанского побережья, а с востока отрогами вулкана Мауна-Лоа, является Каилуа. Как и во многих подобных поселениях Коны, здесь когда-то было большое святилище Ауэна.

Мне удалось обнаружить руины хеиау Ауэны, расположенного на черных скалах залива Камакахону.

Жрецов я здесь уже не увидел. Вместо них сюда приходят гавайцы, чтобы потанцевать у развалин храма. На этом когда-то священном месте они демонстрируют туристам, осматривающим руины, отнюдь не священные танцы. Туристов здесь много. Пожалуй, эта часть Коны привлекает к себе путешественников больше любой другой области Большого острова. Они живут в отелях, построенных на единственной здешней улице Алии Драйв, которая тянется все дальше к югу — к заливам Кахулуи, Холуалоа, а теперь подбирается и к далекому Кеахоу.

Все отели на Алии Драйв — «Шератон Кона», «Кеахоу Серф Рисот» и особенно «Кинг Камеамеа» — действительно великолепны. Один из них построен прямо над заливом, из окон другого можно подолгу созерцать просторы океана. Я же любил смотреть на океан, не затрачивая на это своих скудных средств, с того места, где полинезийцы молились своим богам,— с северной оконечности набережной Каилуа, повисшей над заливом Камакахону.

Этот залив — царство истинных хозяев здешних мест — рыбаков, ежедневно собирающих дань в водах самого щедрого участка океана. И хотя океан весьма милостив к рыбакам, они заботятся о том, чтобы море не оскудело ни завтра, ни послезавтра, и поэтому привязывают к мачтам своих суденышек яркие листья растения ти.

По утрам я видел листья на мачтах, вечерами убеждался в том, что традиционные украшения действительно дают желаемый результат. Хороший улов всегда вызывает законную гордость у тех, кто его привозит. Стоящие на берегу узнают о нем задолго до того, как нос суденышка коснется земли: об улове сообщают флажки, которыми расцвечены возвращающиеся рыбацкие лодки.

Флажки гавайских рыболовов многоцветны. Вскоре и я научился понимать, какой улов на этот раз везут с собой рыбаки. Ярко-желтые флажки означали, что в сети попались *махамахи*, красные оповещали об улове рыб *оно*, белые — о белых тунцах, а синие — о королевском улове, голубом марлине.

Голубые марлины попадались мне здесь довольно часто. Рыбаки прямо на берегу взвешивали стокилограммовые туши и цепляли их на крючки своеобразной

«рыбьей виселицы». Рыбаки-спортсмены, съезжающиеся сюда из всех уголков земного шара на охоту за голубым марлином, фотографируются рядом со своей добычей — гигантскими рыбинами. Ежегодно в Каилуа, в августе, проводится первенство мира по ловле голубых марлинов.

Гигантские рыбины — лишь один из мировых уникумов небольшой Каилуа, сердца гавайской земли Кона. Как ни странно, в «Стране богов» растет, как утверждают местные жители, лучший в мире кофе. Рядом с обеими дорогами — той, что привела меня с севера, и той, которая уводит из Каилуа на юг земли Кона,— лежат кофейные плантации. Местные жители занялись выращиванием кофейных деревьев сравнительно недавно — с 30-х годов нашего столетия. Несмотря на это, уже сейчас здесь собирают самые высокие в мире урожаи кофе, выше, чем в Бразилии, Колумбии или Коста-Рике.

Принято считать, что местный кофе хотя и самый вкусный в мире, однако и очень дорогой, поэтому его смешивают с другими, более дешевыми сортами, после чего гавайский кофе приобретает неповторимый аромат. Урожай в окрестностях Каилуа собирают осенью, когда плоды кофейных деревьев становятся темно-красными. Из-за цвета эти плоды иногда называют черешнями. Кофе высушивают, обрабатывают и размалывают на одном из местных предприятий (например, на «Сансет кофи коопирейтив мил»), после чего он поступает в продажу.

Не успел я появиться на улице Алии Драйв в Каилуа, как ко мне бросились уличные лоточники, предлагая пакетик настоящего гавайского кофе. Пакетик стоил очень дорого, но удивляться тут было нечему: ведь в нем находился лучший в мире кофе.

Кофе я так и не купил, но утверждение местных жителей, что голубые марлины здесь самые крупные, а кофе самый вкусный в мире, запомнил. Они упорно убеждали меня и в том, что в Каилуа самый лучший микроклимат на всем Гавайском архипелаге и самая лучшая в мире погода, ведь температура никогда не падает ниже пятнадцати градусов по Цельсию и не поднимается выше двадцати семи. Температура морской воды постоянна. В Каилуа можно купаться круглый год.

Поездки на склоны вулкана Мауна-Лоа позволяют в зимние месяцы насладиться катанием на горных лыжах — уникальная возможность в тропическом и субтропическом поясах. В один и тот же день здесь можно размяться на горнолыжных трассах, а потом искупаться в водах океана. Кроме самого лучшего в мире кофе, самого приятного климата и самых больших голубых марлинов, Каилуа, да и вся земля Кона, ничем не славится. Правда, если не считать развалин многочисленных гавайских святилищ хеиау, в которых «жили» полинезийские боги. Ведь до того как земля Кона стала страной великолепной природы, лучшего кофе и рыб-великанов, она была страной полинезийских богов.

КАК СКРЫТЬСЯ, ГДЕ СКРЫТЬСЯ

Миновав кофейные плантации, я подъехал к святилищу, которое на земле полинезийских богов было, бесспорно, наиболее почитаемой, самой главной святыней. Это единственная на всем архипелаге достопримечательность, полностью реставрированная под бдительным присмотром специалистов. Странное, почти таинственное место, где как бы сохранились первоначальные, полинезийские, «доевропейские» Гавайи. Оно находится недалеко от центра кофейного производства — поселения Каилуа.

Кругом деревянные идолы — изображения гавайских богов. Священный религиозный центр с трех сторон окружают остатки мощной стены высотой три и шириной пять метров, построенной вождем Кеавекуикекао. Во многих местах — своеобразные флажки, сделанные из полинезийской материи *капа*[20]. За стенами укрывалось не только святилище Алеалеа, одно из тех, которых я немало уже видел и наверняка еще не раз увижу во время путешествия по Гавайям. Священное могущество Хонаунау было поставлено на службу не

[20] Капа — гавайское произношение полинезийского слова *тапа,* материя из вымоченной и отбитой колотушкой древесной коры.

только и не столько богам острова, сколько людям, обитателям архипелага. Это святилище — надежное убежище для каждого гавайца.

Дело в том, что в прежние времена на архипелаге существовал социальный институт, называемый *пуухонуа* — «убежище». Настоящее укрытие, «спасательный круг» для каждого, кому угрожала непосредственная опасность.

В прежние времена гавайца могли убить, если он оказывался воином армии, проигравшей сражение. Захваченные в плен воины часто приносились в жертву богу войны Ку [21]. Происходило это в святилищах, сооруженных в честь гавайского Марса. В лучшем случае пленник терял не жизнь, а лишь собственную свободу, на вечные времена становясь рабом неумолимого победителя.

Полинезиец погибал и в мирное время, если нарушал одно из многочисленных табу — по-гавайски *капу*. Полинезийская система запретов и предостережений регулировала всю жизнь гавайского общества. Чтобы эта система нормально функционировала, тех, кто нарушал капу, следовало карать. Так как гавайцы не знали тюрем, нарушителей капу убивали.

Многие из строгих капу были связаны с религией. Однако укрыться в пуухонуа мог и тот, кто даже в моих глазах был преступником, не заслуживавшим никакого снисхождения, например убийца или вор. Их тоже принимали к себе здешние убежища. На каждом из Гавайских островов имелась по крайней мере одна такая обитель для преступников. Распоряжались здесь *тохунги* — гавайские жрецы. Приютам безопасности и неприкосновенности покровительствовали сами боги. Тому, кто успевал укрыться в подобных убежищах, не грозила никакая опасность. Ни один из вождей, даже самых высших, самых могущественных, ни один предводитель огромной армии ни разу — история архипелага действительно не зафиксировала ни одного подобного случая — не отважился вступить в пуухонуа, защищаемое самими богами.

С трех сторон святилище было окружено мощной стеной, а вход охранял морской залив, который и в наши

---

[21] Ку — гавайское произношение имени общеполинезийского божества Ту.

дни кишит акулами. Так что попасть в здешнее убежище было не совсем просто.

Под стенами святилища, на берегу залива, беглецов и солдат побежденной армии подстерегали воины-победители. Если кому-то удавалось пройти незамеченным мимо постов, переплыть залив с акулами и избежать остальных ловушек, то его наверняка охраняли сами боги. Таких людей жрецы пуухонуа Хонаунау приветливо и гостеприимно встречали. В течение всего времени пребывания в убежище они предоставляли этим людям кров и пищу. В то же время беглеца, если так можно сказать, «перевоспитывали», готовили к возвращению в общество, к той жизни, которая наступит, когда он покинет пуухонуа.

Жрецы «очищали от грехов» путем сложных ритуалов, притом не только тех, кто святотатственно нарушил капу, но и обыкновенных убийц и грабителей. После того как преступник с помощью ритуалов избавлялся от вины, он мог вернуться к людям. После этого никто и никогда до самой смерти не мог подвергнуть его наказанию за преступление, от которого он уже очистился.

Точно так же избегали страшной участи и побежденные воины, если им удавалось укрыться в пуухонуа. Проведя несколько дней в этом священном месте, они покидали его невредимыми. Вместе с ними без всякого страха уходили прятавшиеся в убежище во время войн их жены и дети.

Конец войны всегда сопровождался своеобразным исходом гавайцев из мест убежищ. Бывшие воины побежденной армии, их жены и дети, старики и все, кто прятался за мощными стенами пуухонуа Хонаунау, покидали этот приют спокойствия, единственный безопасный оазис в мире, где царит злоба, насилие и смерть. В последний раз они принимали участие в прощальных ритуалах, последний раз вглядывались в лица богов, последний раз видели многочисленные белые флажки капу, развеваемые морским бризом. Затем, радостные и счастливые, покидали они это прочное убежище с надеждой на мир, потому что всюду на нашей планете мир лучше войны, уносящей и радость, и счастье, и надежды.

Хонаунау не только священное убежище, но также и усыпальница правителей, верховных вождей отдельных Гавайских островов. Судя по всему, в доколониальные времена их погребали только на Большом острове. Насколько известно, существовали лишь два некрополя, куда укладывали их благородные останки. Первый, меньший по размеру, находился в долине Ваипио, около северного побережья Большого острова.

В усыпальнице долины Ваипио захоронено тело правителя Лилоа, и поэтому усыпальница названа Халеолилоа. Лилоа был отцом одного из самых знаменитых правителей Большого острова, о котором до сих пор часто вспоминают,— Уми. В «Доме Лилоа» — так дословно звучит название усыпальницы — покоятся также останки внука Уми — Лоноикамакахики.

Усыпальница в долине Ваипио, последнее убежище знаменитых властителей Большого острова, сейчас лежит в развалинах, так что трудно судить, какой она была в давние времена. Единственное описание усыпальницы, которое мне удалось обнаружить, принадлежит миссионеру Эллису. Этот посланец церкви Христовой рисует усыпальницу Лилоа как довольно крупную постройку, окруженную высокой оградой.

Как ни странно, гавайские жрецы, хранители некрополя Халеолилоа, позволили своему христианскому коллеге войти в священное захоронение, но при условии, что Эллис пожертвует богам, покровителям некрополя, молодого кабана. (Такова полинезийская традиция.) Разумеется, миссионер отказался совершить это языческое жертвоприношение и предпочел не переступать врат усыпальницы.

Второй, больший по величине некрополь оказался более «счастливым». В наши дни он полностью восстановлен, и его можно осмотреть. Должен сказать, что на меня, несмотря на легенды, связанные с ним (здесь находятся захоронения бывших правителей), некрополь сильного впечатления не произвел. Гробница представляла собой обычную хижину с островерхой крышей. Некрополь расположен на маленькой площадке, выложенной большими камнями. Погребение окружал высокий деревянный частокол.

Со стен некрополя на меня взирали искаженные гримасами лица гавайских богов, похожие на маски из восточного театра ужасов. Усыпальница была возведена примерно в 1650 году для захоронения останков великого Кеавы. Отсюда и название — Халеокеава — «Дом Кеавы». Могущественный Кеава после смерти был даже провозглашен богом. Так как его усыпальница находится там же, где и знаменитое убежище, то он, естественно, стал защитником тех, кто укрывался в этом пуухоуна. Затем здесь были погребены останки еще двадцати двух правителей Большого острова и вождей земли Кона. Все имена сохранились, а могилы не осталось ни одной. Дело в том, что этот некрополь, так же как и усыпальница в долине Ваипио, к сожалению, стал жертвой новой религии — христианства. В 1830 году королева Каауману, принявшая новую веру, распорядилась, чтобы останки двадцати трех ее предков, погребенные здесь в «языческие времена», были перезахоронены в другом месте.

С новым местом вечного сна правителей, изгнанных из усыпальницы в Хонаунау, я познакомился несколько дней спустя. Королева Каауману приказала, чтобы останки предков перенесли в пещеру Коаику в прибрежных скалах Пали капу («Священные скалы»), недалеко от поселения Кавалоа. Но даже в пещере «Священных скал» останки великих правителей не обрели долгожданного покоя. Через несколько десятилетий военный корабль перевез их, а также тела двух вождей, доставленных сюда из долины Ваипио, в столицу архипелага Гонолулу. Сначала их поместили в новом некрополе, построенном по европейскому образцу, по соседству с королевским дворцом Иолани, а затем — уже в последний раз — перенесли в некрополь в долине Нуувану. Здесь, в этом окончательном приюте властителей Большого острова, которым пришлось после смерти скитаться, подобно Агасферу, я побывал несколько раз.

Фрагменты нескольких скелетов взял для антропологических исследований гонолулский музей Бишоп. Кости как кости, сейчас даже и не отличишь, какая из них принадлежала великому правителю Кеаве, ставшему после смерти богом, а какая — заурядному вождю земли Кона.

В музее Бишоп я увидел достопримечательность,

взятую из некрополя Большого острова. Я не встречал ничего похожего ни в одном другом месте на земле, ни у одного другого племени или народа. Если попытаться наиболее точно обозначить эти предметы, их следовало бы назвать «плетеными гробами»: это своеобразные расписные «мешки для мертвых», в которых были помещены тела правителей Лилоа и Лоноикамакахики. Они как бы повторяют человеческую фигуру, но без ног и рук. Зато голова с нарисованными глазами, ртом и широким носом изображена тщательно.

Высота каждого из двух сохранившихся мешков, выставленных в музее,— около метра, а ширина — не больше тридцати сантиметров. Островитяне называют эти полинезийские «гробы», сплетенные из кокосовых волокон, *кахаи*, что на гавайском языке означает «завернуть». Перед тем как завернуть в них останки вождей, с костей тщательно снимали мясо.

Обряд погребения правителей, совершаемый и в Халеокеаве, и в усыпальнице долины Ваипио, представлял собой сложный ритуал. В течение всего времени траура по умершему властителю действовали многочисленные табу. Например, табу были все люди, которые видели властителя в последние часы его жизни. Табу был даже тот, кто встречался с родными, видевшими умирающего правителя. Эти люди считались *хаумиа* — буквально «зараженными».

После окончания траура или снятия табу — в случае смерти правителя острова табу длилось десять дней, если же умирал простой человек, то один или два дня — всех, на кого распространялось табу, жрец очищал с помощью определенного ритуала. В доме умершего вождя собирались все родственники и те, кто разделял с ними их горе. Они стенали и плакали, так как, согласно представлениям гавайцев, слезы «выплакивают» боль, читали стихи и пели песни, восхвалявшие деяния и достоинства преставившегося.

Скорбящие оставляли следы своего горя и на собственных телах: как правило, они выбивали себе один или несколько зубов, отрезали какой-нибудь из пальцев или их фаланги, устраивали самоистязания.

Здесь, в Халеокеаве, покоится король. Скорбь из-за кончины великого государя его родные и жены выразили не совсем обычным способом — сделав татуировку на языке. Во время путешествий по странам и континен-

там я встречался с различными способами татуировки. Однако на Гавайях я впервые узнал о татуировке языка. Точно так же выразила свое горе после смерти супруга, короля Лиолио, его жена — королева Камамалу.

Скорбящим родственникам королевские татуировщики накалывали на языке орнаментальные ряды. Рисунки траурной татуировки чем-то напоминают мотивы, используемые при раскраске гавайской материи тапы. Наколка производилась иголками из птичьих костей. Использовавшиеся при этом чернила позже приобретали более светлый, синий оттенок.

С родственников снимали табу после того, как они с помощью татуировки, самоистязания, выбивания передних зубов, отрезания пальцев, а позднее — прокалывания ушей и бритья головы уже достаточно выразили свое горе по поводу кончины близкого человека, и тогда гавайского правителя хоронили. До того как тело владыки укладывали в усыпальницу, его вскрывали, вынимали все внутренности и вместо них закладывали несколько килограммов соли. Засоленный труп, своеобразную гавайскую мумию, здесь называли *иа лоа,* что значит «длинная рыба». После этого *каху,* королевские могильщики, заворачивали тело повелителя в листья банана и таро. Затем в сидячей позе его помещали в *муа* — трапезную для мужчин. Наконец, на короткое время укладывали в землю, в неглубокую, временную могилу.

Десять дней и ночей над этим временным пристанищем умершего правителя горел огонь, десять дней и ночей без перерыва над могилой произносились оды и исполнялись гимны. Затем тело вынимали из места его первого погребения, чтобы избавить скелет от мягких тканей, которые в безлунную ночь бросали в океан. Очищенные кости могильщики снова собирали в скелет, который выставляли в мужской трапезной, где в результате длинных и сложных обрядов жрецы превращали его в *куа маоли* — «настоящего бога». Таким способом Кеаве стал богом, которому посвящена и чье имя носит здешняя усыпальница. После этого жрецы, собрав кости в погребальные мешки, укладывали их в усыпальницу. И этим теперь уже божественным останкам приносились жертвы.

Здесь, в некрополе в Хонаунау, жертвенные обряды

производились не менее двухсот лет, до тех пор, пока королева Каауману, одержимая борьбой с идолопоклонством и стремясь уничтожить богов своих предков, не отправила царственные кости в долгое путешествие по архипелагу, которое затем проделал и я, двигаясь вслед за останками великого Кеаве, сначала в погребальную пещеру у «Священных скал» (Пали капу), затем в современный европейский некрополь гавайских королей на остров Оаху и, наконец, в музей Бишоп в Гонолулу. Здесь скелет великого правителя, чьим именем назван некрополь, стал объектом исследования, а удивительные плетеные гробы, где хранились благородные кости, превратились в курьезные музейные экспонаты.

Кеаве давно уже мертв. Что же осталось? Лишь куча костей в плетеном мешке, а также некрополь, украшенный диковинными масками богов, глядящими, словно посланцы иных миров, пришельцы с другого берега вечной реки времени.

ВСТРЕЧА С БОГАМИ ХОНАУНАУ

Халеокеава посвящено Кеаве. Его признали богом сразу после смерти. Некрополь стоит на том же месте, что и приют для беглецов, поэтому Кеаве — бог, защищающий всех тех, кого преследует закон или чьей жизни что-либо угрожает.

Хонаунау чем-то напомнил мне своеобразный «религиозный комбинат». Это усыпальница правителя-бога, а также священное, неприкосновенное убежище. Однако он не только пристанище живых людей и мертвых властителей. Хонаунау всегда был и местом богов — знаменитым полинезийским святилищем, одним из наиболее почитаемых хеиау Большого острова.

Куда ни кинешь взор, везде гавайские боги — *акуа*. Их изображения, вырезанные из ствола дерева охиа, возвышались над стенами этого трижды священного религиозного центра. Я уже говорил, что лица гавайских богов — это не смиренные лики приветливых мадонн католических храмов, построенных в стиле барокко. Нет в них и страдания, характерного для изображения богоматери в средневековых церквах, вызывавшего глубо-

кое сочувствие в сердцах верующих. Это гордые, надменные боги с жестокими чертами лица.

Ничего удивительного, ведь это были могущественные боги, они распоряжались жизнями, судьбами людей. Деревянным идолам приносили в жертву самое дорогое — живых людей. Мне рассказывали, что однажды во время обряда в святилище долины Ваипио вождь принес в жертву восемьдесят человек! А сколько погибло людей здесь, в Хонаунау! Этого уже никто никогда не узнает.

Человеческие жизни, принесенные в жертву, давно уже канули в Лету. Однако изображения гавайских богов сохранились и поныне. Среди двух десятков изображений я стараюсь найти тех, кого знаю. Четырех самых главных акуа, наиболее чтимых гавайцами. Их звали Ку, Кане, Каналоа и Лоно[22]. Во времена, когда на архипелаг пришли европейцы, первым среди верховных божеств, судя по всему, был Кане.

Кане в гавайском пантеоне — бог возрождения. Он же божественный предок алии и простых обитателей архипелага. В то же время он как бы олицетворял собой многие природные явления. Островитяне чтили его, ведь они преклонялись перед стихией. Так, под именем Канепохаку гавайцы представляли себе бога Кане в виде камней; названный Каневахилани, он был небом, а Канелукухонуа — землей. Под именем Каневаиола он проявлял себя в виде родников и ключей. Именно эта чистейшая родниковая вода впоследствии стала символом и синонимом могущественного божества. Ее называли «живой водой». В честь ее и бога Кане пели:

Жизнь — людям!
Слава — Кане,
Живой воде — слава!

или:

Жизнь — земле!
Жизнь, рожденная Кане,
Кане, богом существования!

Следующего из верховных богов, Каналоа — в других частях Полинезии его иногда называют Тангароа,—

---

[22] Гавайское произношение имен общеполинезийских богов: Ту, Тане, Тангароа (Тагалоа), Ронго.

многие гавайцы считали другом и сподвижником Кане. Возможно, потому, что Каналоа — бог океана. В то же время у меня создалось впечатление, что на Гавайях культ Каналоа-Тангароа далеко не так всеобъемлющ, как на других полинезийских островах.

В отличие от Каналоа бога Ку, третьего представителя божественной четверки, правившей на гавайском Олимпе, всегда чтили очень высоко. Ку — бог войны, значит, божество темное, злое. Тем не менее именно ему посвящали себя сыновья гавайских вождей, потому что только Ку мог сделать из них знаменитых воинов. Бог беспощадных сражений должен быть кровожадным, поэтому именно ему, как это было принято, скажем, и у ацтеков, приносились человеческие жертвы. Жестокий Ку жаждал человеческой крови не только во время войн, но и в мирные дни.

Четвертый из великих гавайских богов — Лоно непохож на Ку. Он покровительствовал миру, считался богом плодородия, защитником крестьянских полей и, я бы сказал, народным богом.

Если Ку покровительствовал вождям в их борьбе с врагами, то акуа Лоно любил простой народ. К нему обращались гавайские крестьяне с мольбой о богатом урожае и полных закромах. Конечно, чаще Лоно просили, чтобы он ниспослал дождь на поля. В одной из гавайских молитв говорится:

Ниспошли нам теплый дождь, о Лоно,
Животворный дождь, этот великий дар,
Знак твоего благословения, о Лоно.
Пусть низкие облака выльют свою влагу,
Чтобы на наших полях взошел добрый урожай.

Храмы богу войны в основном возводили лишь вожди, святилище для Лоно мог построить каждый гаваец.

Верховным акуа, особенно этим двум — воинственному Ку и мирному Лоно, служили разные касты жрецов. В честь каждого из них совершались особые, лишь ему посвященные ритуалы и возводились свои, только для него построенные святилища.

Святилище в Хонаунау построено в честь бога войны Ку и обожествленного царя Кеаве. Кроме четырех верховных богов, островитяне чтили еще сотни и сотни божеств и, разумеется, богинь. Стоит вспомнить крас-

новолосую Пеле, владычицу вулканов, которая стала для меня первой полинезийской богиней.

Свою божественную покровительницу — Лаку — имели исполнительницы любимого на Гавайях танца — хула. Женщины, которые изготовляли гавайскую материю из лыка, чтили богиню Лаухуки. Те, кто ее раскрашивал, почитали уже другого акуа — Лаахану. Таких божеств — покровителей различных профессий было множество. Местные знахари поклонялись богу Маиола. Имели свое божество даже грабители и воры. Грабителей, например, охранял Куиалуа.

Бог Кухимана был патроном прорицателей, к которым на островах всегда относились с большим почтением. Они предсказывали будущее главным образом по форме облаков. Имелись и другие «специалисты», угадывающие грядущее по внутренностям собак и кур, принесенных в жертву во время религиозных обрядов. К этим людям, обладавшим, по мнению островитян, даром предвидения, гавайцы обращались за советом перед любым важным начинанием, чтобы узнать, окажется ли успешной задуманная операция; перед тем, как идти «на дело», с весталками советовались даже гавайские воры. Ведь и они хотели, чтобы их «работа», как и любая другая, завершалась успехом.

Я стоял в священном Хонаунау и всматривался в изображения лиц гавайских богов — четырех верховных и множества второстепенных. Разумеется, сами боги незримы. Но чтобы люди могли их себе представить, резчики по дереву с незапамятных времен придавали портретам акуа такие черты, которыми их наделяла полинезийская религия. Эти замечательные скульптуры называются *акуа кии*. Вырезанные из дерева изображения богов с течением времени как бы сами становились божествами.

«Превращение» деревянных фигур в настоящих акуа происходило в процессе длительных и сложных религиозных ритуалов. Гавайцы были убеждены, что скульптуры служат связующим звеном между верующими и невидимыми богами и обладают сверхъестественной силой — *маной*[23]. В честь разных изображений

---

[23] По верованиям океанийцев, мана — некая безликая сила, присущая знатным людям, их душам после смерти, всевозможным духам, предметам и явлениям природы.

богов совершались различные обряды, приносились человеческие жертвы.

Прежде чем совершать перед скульптурой обряд, надо ее создать. Для этого необходимо дерево, из которого можно вырезать священное изображение. На поиски пригодного дерева в лес отправлялся сам правитель вместе с жрецом — *кауна хаку охиа,* ответственным за изображения богов, сопровождающими его служителями культа более низкого ранга и охраной. Они также брали с собой человека, выбранного в качестве жертвы. Наконец жрец находил соответствующее охиа. Вся процессия останавливалась перед деревом, и жрец произносил молитву. Затем правитель приносил первую жертву — убивал свинью, и жрец, соблюдая специальный ритуал, вырезал из ствола дерева первый кусок. После этого приносили вторую жертву — убивали человека. По окончании обряда дерево сваливали, и резчик — чаще всего прямо на месте — вырезал изображение бога.

После окончания работы акуа доставляли в хеиау, для которого оно предназначалось. Здесь изображение покрывали листьями *иэиэ.* Затем, тоже после совершения определенных обрядов, выкапывали яму, в которую устанавливали священное изображение. До того как в яму опускали изображение, туда сталкивали человека и приносили его в жертву на месте будущей скульптуры. В честь нового изображения бога забивали также сотни свиней. Скульптуру опоясывали кокосовыми листьями, которые гавайцы называли пуповиной. В тот момент, когда жрец, занимающийся «превращением» деревянной фигуры, перерезал кокосовый пояс, скульптура после заключительной молитвы становилась настоящим богом — по-гавайски *акуа маоли.*

Так по велению жрецов или правителей создавались хеиау, причем изображения богов делались не только из дерева, но и из камня или даже птичьих перьев. Здесь, в Хонаунау, остались деревянные скульптуры двух десятков гавайских божеств. Другие изображения — те, которые не уничтожил гнев первых христианских миссионеров или в смутное время обращения в новую веру не разбили сами гавайцы,— я видел в музеях разных стран. Больше всего их, разумеется, на Гавайском архипелаге, в столичном музее Бишоп, где наряду с прочими экспонатами выставлены оригиналь-

ные изображения богов, украшавших Хонаунау в древности. Подобные же скульптуры имеются в Британском музее в Лондоне, в Мормонском музее в Солт-Лэйк-Сити, в венском «Фолкерунде». В Париже, в «Музее человека», мне довелось увидеть изображение богини вулканов Пеле.

В Хонаунау много скульптур вырезано совсем недавно, это лишь копии первоначальных «идолов», но они произвели на меня огромное впечатление, словно передо мной были живые существа.

Почти на всех местных божествах с устрашающим выражением лиц надеты высокие головные уборы, напоминающие индийскую чалму. В большинстве случаев скульптуры представляют собой вытянутые головы божеств, целиком покрытые столь любимыми на архипелаге перьями птиц. Здесь, в Хонаунау, *хаумакуа хулу ману* я не встречал. Зато в музее Бишоп я видел покрытое перьями изображение бога великого короля, объединившего архипелаг, Камеамеа I. Властитель архипелага называл своего личного бога Кукаилимоку.

Языческий бог, вырезанный на земле Кона, попал в руки жрецов «истинного бога» — бостонских миссионеров. Последние за приличное вознаграждение продали его музею. Лицо божества покрыто красными перышками птички ииви. Макушку Кукаилимоку и нижнюю часть его изображения покрывают перья редчайшей птицы оо.

Имени второго бога с перьями на голове, экспонируемого в гонолулском музее, я не знаю. Однако вид у него еще более устрашающий, чем у бога короля Камеамеа. Голову, покрытую перьями, украшают также и человеческие волосы, а внушающие ужас глаза сделаны из ракушечника. Над ними нависают густые брови, тоже из человеческих волос. Рот божества широко открыт, и из него торчат семьдесят четыре собачьих зуба.

После короткой экскурсии по гонолулскому музею с его богами с перьями на голове и собачьими зубами мне захотелось снова вернуться к деревянным божествам святилища Хонаунау. Эти изображения я встречал не только в хеиау, но и рядом с укрытием для преступников и над оградой, окружающей некрополь. Один из богов стоит прямо в водах залива. Как и столетия назад, о подножие его изображения разбиваются морские волны, а он вместе с другими полинезийскими богами,

установленными на суше, пристально наблюдает за течением вечного времени, охраняя Гавайские острова.

Божество в воде относится ко второй группе деревянных культовых изображений на Гавайских островах. Это скорее не скульптура, а столб. Подобные «стелы» не имеют туловища, зато у них всегда тщательно вырезана голова. У бога, стоящего в водах залива Хонаунау, выразительные круглые глаза, большой нос и эллиптический рот. На головах у священных столбов почти всегда надета «чалма́». Впрочем, головной убор здешнего божества больше похож на схематический рисунок хвойного дерева, например ели.

Изображения полинезийских акуа действительно очень разнообразны — настолько, насколько в представлениях гавайцев были непохожи друг на друга сами боги. Лица деревянных идолов, с моей точки зрения, очень «гавайские». Увиденные однажды, они запоминаются навсегда.

О МАКАИКИ, ВРЕМЯ РАДОСТИ

Резные деревянные фигуры, которые я с таким интересом рассматривал в Хонаунау, изображали полинезийских богов. Вероятно, изначально здесь преобладали скульптуры того бога, которому Хонаунау посвящено,— кровавого Ку, но в наши дни резчики по дереву украсили это священное место многочисленными фигурами других акуа. А так как у гавайцев нет точного, канонизированного предписания, каким нужно изображать то или иное незримое божество, то все зависело от фантазии самого резчика, от того, как он представлял себе образ бога. Хонаунау не пинакотека, где можно получить каталог с названиями экспонатов, поэтому я брожу по лесу деревянных скульптур и, основываясь на том, что знаю о религиозных взглядах гавайцев, стараюсь угадать, кого изображает та или иная фигура.

Среди главных гавайских богов рядом с резными портретами жестокого полинезийского Марса — акуа Ку — находится одна из лучших, как мне представляется, здешних скульптур: бог плодородия Лоно. Святилище, сооруженное в честь этого божества, в прежние

времена находилось неподалеку от Хонаунау, на берегу залива Келакекуа. Лоно высоко почитали не только там, но и по всей земле Кона. Даже в наши дни, когда повсюду возвышаются христианские церкви, жители Каилуа и соседних деревень с огромной радостью отмечают древнейший праздник Макаики, когда-то непосредственно связанный с этим языческим богом. В гавайском календаре нет особого дня, который обозначал бы день бога Лоно. Макаики — период, как мы бы сейчас сказали, свободного времени — еще совсем недавно длился целых четыре месяца: с начала ноября до начала марта!

Четыре лунных месяца были для гавайцев временем буйного веселья, песен, танцев, пирушек, любви и спортивных игр. Причем эти месяцы полинезийской *dolce vita* вовсе не были привилегией знатных гавайцев. Скорее даже наоборот: раз Лоно был богом простых крестьян, то и праздник его был народным. Таким образом, в дни Макаики гавайские крестьяне были просто обязаны веселиться, отдыхать и радоваться. Один немецкий писатель в связи с этим отметил, что по сравнению с четырехмесячным общегосударственным праздником меркнет все, чего добились в области социального прогресса на Западе.

Макаики — более чем стодневное беспрерывное торжество в честь бога Лоно — начиналось с религиозных обрядов и взимания налогов. Так как гавайцы не знали денег, то платили своим вождям дань плодами хлебного дерева, кокосовыми орехами, свиньями и собаками (мясо последних на архипелаге считалось таким же лакомым, как и свинина). В уплату налогов принималась материя из лыка, рогожи, перья редких птиц, а также изделия из перьев.

Дань отдавали жрецам, укладывая ее на специальный алтарь, над которым развевались два похожих на паруса флага из белоснежной материи — традиционный символ бога Лоно. Этот «парусный» алтарь путешествовал по всему острову, часто останавливаясь. Во время каждой такой остановки жрецы, представлявшие вождя, от имени бога Лоно принимали подати от жителей данной области.

До того момента, как сам бог получал причитающуюся ему дань, все продукты здесь были табу. Затем жрецы Лоно произносили традиционную магическую

фразу, означавшую истинное начало Макаики — долгожданного и счастливого многомесячного периода радости. Жрец возглашал: «Земля свободна (то есть избавлена от табу), предавайтесь играм». И гавайцы с удовольствием подчинялись этому, бесспорно, самому приятному предписанию их религии. Они собирались в местах, освященных традицией, чаще всего на берегу океана, на различных пляжах, и выполняли то, что от имени доброго бога приказал им делать жрец, произнося фразу, освобождающую от строгого табу,— предавались играм.

Я пытаюсь придумать, с чем можно сравнить стодвадцатидневный праздник Макаики. Быть может, с бразильским или антильским карнавалами? Нет, и это сравнение не подходит. Макаики — это Макаики. Неповторимая, несравненная гавайская феерия радости. Удовольствие ради удовольствия, одна игра, сменяющая другую.

Во время Макаики, как и любого гавайского празднества, исполнялось много песен. Так пели меле — героические песни о великих вождях, великих воинах. Танцевали священную хулу, и естественно, что в это время всеобщего раскрепощения гавайцы много предавались любви. В радостные, счастливые дни праздника легко было найти подругу или друга. И все же в первую очередь для обитателей островов Макаики был временем игр и спорта.

Я не знаю другого места во всей обширнейшей Океании, где люди занимались бы столь многими видами спорта и где знали бы столько спортивных дисциплин. Не знаю я и ни одного тихоокеанского архипелага, жители которого придумали бы такое количество игр. Некоторые из них до сих пор популярны у островитян, стремящихся сохранить от древней полинезийской культуры все, что еще можно. С одним видом спорта, ежегодно практиковавшимся во время Макаики, я сталкивался почти всюду. Это серфинг — знаменитое катание на волнах.

Во время Макаики катались не только на волнах, но и по склонам гор — это *холуа*, нечто подобное скольжению на санях, но без снега. Чтобы совершить такой весьма рискованный спуск, полинезийцы сооружали из каменных плит трассы, простиравшиеся иногда на несколько сотен метров. Одна такая трасса сохранилась

недалеко от Каилуа. Она очень крута, и спуск по ней, должно быть, представлял большую опасность. Соревнующиеся, мужчины и женщины, лежа на животе, съезжали на длинных «санях», изготовленных из хлебного дерева. Чтобы увеличить и без того огромную скорость, полозья натирали маслом ореха кукуи.

К сожалению, спуск по «санным» трассам часто заканчивался для полинезийских спортсменов трагически. Если на большой скорости «сани» не вписывались в поворот, то человек, ударяясь о каменный борт или окружающие скалы, получал тяжелые ранения. Нередко спортсмен умирал от травм.

Опасными были и многие другие виды спорта, которыми занимались гавайцы. Например, местный бокс — по-гавайски *мокомоко,*— которым островитяне увлекались задолго до того, как встретились с первым белым человеком. Во время Макаики проводились настоящие боксерские турниры с участием спортсменов, съезжавшихся со всех уголков Большого острова. У вождей некоторых областей были даже «собственные» боксеры, которых они отправляли на турниры как «официальных представителей» своей земли.

Регулярные турниры по боксу, проводившиеся во время Макаики, собирали тысячи болельщиков, съезжавшихся отовсюду. Гавайские боксеры старались кулаком попасть в голову соперника, но сами, как это ни странно, почти не защищались от чужих ударов. Проигрывал тот, кто первым падал на землю.

Если бокс был чисто народным видом спорта, то при дворах вождей культивировалась *макоко* — нечто вроде вольной борьбы.

Еще одна очень популярная на Гавайях игра — *маика.* В нее играли, пользуясь диском диаметром десять сантиметров. Диск надо было забросить в чужие ворота, обозначенные двумя колышками, забив, таким образом, гол. Раньше вместо каменного диска гавайцы пользовались диском, вырезанным из хлебного дерева. Игру в маику мне удалось увидеть, когда я посетил деревню Улу-Мау на острове Оаху — музее под открытым небом.

В прежние времена гавайцы любили также состязаться в беге. Как правило, в одном забеге участвовали лишь два спортсмена. Дистанция была довольно большой. Победителем признавали того, кто первым дотра-

гивался до деревянного столбика, заменявшего гавайцам финишную ленточку. Во время Макаики гавайцы увлекались и стрельбой из лука. В закрытое помещение загоняли крыс, и участники состязания старались в них попасть. Победителем, естественно, становился тот, кто поражал наибольшее количество живых мишеней.

Очень популярным легкоатлетическим состязанием было метание копья *(моа)*. Участники этих соревнований метали копья, сделанные из тяжелой древесины. Побеждал тот, чье копье точнее попадало в мишень десять раз подряд. Моа было тяжелым видом спорта, которым занимались только мужчины. Менее выносливые гавайцы, женщины и дети предпочитали *каэпуа* — метание легких копий из стволов сахарного тростника.

Во время Макаики проводились и спортивные состязания на воде. Наряду с катанием по волнам на досках гавайцы увлекались регатой. Я оказался свидетелем одной из гонок полинезийских лодок, находясь на борту сопровождающего судна. Состязания проводились по древним правилам, лодки должны были преодолеть расстояние от острова Молокаи до острова Оаху.

В прежние времена в дни празднеств, посвященных богу Лоно, гавайцы соревновались по прыжкам в воду со скалы и по плаванию, причем они плыли со связанными ногами! Островитяне состязались также и по другим видам спорта.

Все эти спортивные соревнования и встречи приносили радость не только самим спортсменам, но и тем, кто за ними следил,— зрителям. Особенно болельщикам, заключавшим пари, кто выйдет победителем в отдельных видах состязаний, турнирах и встречах: истинной страстью гавайцев были азартные игры.

Во время Макаики весь архипелаг превращался в своего рода «полинезийский Монте-Карло». Зрители ставили на победителей турниров по боксу, скоростному спуску на «санях», на лучшего метателя копья и стрелка из лука. Перед каждым состязанием и вожди, и простые люди советовались с предсказателями, которые по внутренностям принесенных в жертву собак и кур определяли, кто и где победит, на кого следует делать ставку.

Ставки оказывались весьма высокими. Мужчины готовы были заключать пари на все имущество, которым

они обладали. Даже на собственных жен. А если они держали пари против вождя, то и на собственную свободу! Для того чтобы потешить свою азартную натуру, гавайцы придумали и другие игры, неизвестные в остальных частях Океании. Некоторые из этих игр я видел. Например, *ноа* — примитивное перекладывание пяти лоскутов капы, при этом нужно угадать, под каким из них лежит камешек. Гавайцы сами изобрели петушиные бои. Имена бойцовых петухов, победа которых приносила тому, кто на них ставил, особенно крупные выигрыши, стали знаменитыми, вошли в фольклор наряду с именами вождей. Например, из поколения в поколение передаются рассказы о непобедимом петухе Кавеухелемоа.

Из игр островитян мне больше всего понравилась *конане*. В святилище Хонаунау я обратил внимание на каменный стол, на котором разыгрывалась сложная партия, напоминающая шашки. «Шашечный» стол был разграфлен на десять рядов. Играли два человека. У одного игрока были белые камешки, у другого — черные. Побеждал тот, кому удавалось перепрыгнуть большее число камней соперника или кто «запирал» все чужие камни.

Конане — игра сложная, требующая сосредоточенности и внимания. Играли в нее лишь взрослые. Но во время празднеств, посвященных богу Лоно, веселились не только они. Не были забыты и гавайские дети, любившие, например, запускать змеев, сделанных из лыковой материи. Однако, мне кажется, больше всего детям нравилось играть «в веревочку». Натягивая пропущенную сквозь пальцы тонкую веревку, они составляли множество фигур, каждая из которых сопровождалась песнями.

Так в течение долгих четырех месяцев веселился и радовался весь гавайский народ. От радости не устаешь. Будто бы в честь доброго бога плодородия и мира, а на самом деле ради собственного удовольствия каждый год в течение ста двадцати дней мужчины, женщины и дети на Гавайях соревновались, соперничали друг с другом, бегали наперегонки, метали копья и каменные диски, стреляли из луков, катались по волнам, плавали, прыгали в воду, занимались боксом, играли в шашки, ставили все свое состояние, улыбаясь, проигрывали его, не переставая петь, играть, танцевать. Это было время Ма-

каики — время радости. Таким был в доевропейские времена, и не только в дни бога Лоно, весь Гавайский архипелаг.

НА БЕРЕГУ ЗАЛИВА КЕАЛАКЕКУА

Неподалеку от Хонаунау, где во время четырехмесячных торжеств Макаики гавайцы пели, танцевали, развлекались, участвовали в спортивных состязаниях в честь бога плодородия Лоно, я увидел «следы» «живого» бога, который якобы однажды вернулся на свои острова в тот день, когда на архипелаг вступил первый неполинезиец.

Первая встреча, точнее говоря, первая продолжительная встреча гавайцев с негавайцами, последствия которой оказались столь неожиданными для главного героя этой драмы, произошла в «Стране богов» Кона, на берегу залива Кеалакекуа, расположенного севернее залива Хонаунау.

Об этих событиях свидетельствует небольшой обелиск, поставленный на берегу залива Кеалакекуа, на том самом месте, где когда-то два мира — гавайский и негавайский — впервые протянули друг другу руки. Но так как тот, другой мир пришел на Гавайи из океана, то обелиск возвели таким образом, что даже в наше время всеобщей автомобилизации добраться до него можно только по воде. Поэтому я арендовал в близлежащем поселке Напоопоо гавайскую лодку. Утлое суденышко, разрезая сапфировые волны, наконец достигло крутого склона противоположного берега, где стоял восьмиметровый памятник из светлого гранита. Подойдя к обелиску, я вслух прочитал надпись, выбитую здесь сто лет назад: *«В память о великом мореплавателе, капитане Королевского флота Джеймсе Куке, который открыл эти острова 18 января 1778 года и несколько лет спустя погиб на этом же месте».*

Гавайи, как и многие другие острова и архипелаги Океании, открыл миру капитан Дж. Кук. Надо сказать, что сделано это открытие было довольно поздно, ведь корабли европейцев бороздили воды Тихого океана начиная с XVI века. Со второй половины того же столетия

испанцы стали совершать регулярные плавания по величайшему океану планеты. Их шхуны связывали североамериканский город Акапулько с Манилой (Филиппины). Наряду с испанцами в Южные моря посылали свои суда Голландия, Франция, несколько позднее — Россия.

Во время этих великих морских путешествий были открыты десятки островов и архипелагов Полинезии, Меланезии и Микронезии. Однако Гавайские острова (в наши дни многие считают их самыми прекрасными среди остальных тихоокеанских земель) были обнаружены европейцами позже других крупных архипелагов. Как будто и в Океании сработало правило: «лучшее — в конце». Сам Дж. Кук открыл Гавайские острова лишь во время своего третьего путешествия, совершив до этого две другие, тоже весьма успешные экспедиции.

Со следами плаваний Дж. Кука я часто сталкивался на многих тихоокеанских островах и на берегах континентов, омываемых Великим океаном. За несколько месяцев до посещения залива Кеалакекуа я был на Таити и там, на мысе Венеры, изучал историю открытий Кука. Заключительная фаза последней экспедиции великого мореплавателя, во время которой и были открыты Гавайские острова, началась именно на Таити. Это путешествие Кук предпринял по инициативе тогдашнего первого лорда Адмиралтейства графа Сандвича. Глава Адмиралтейства настаивал на открытии Северного морского пути, по которому можно было бы из Атлантики проплыть в Тихий океан. Сандвич даже добился принятия британской палатой общин закона, который прямо предписывал английскому флоту достижение этой цели. Более того, он установил для капитана первого английского парусника, который пройдет по Северному морскому пути, премию в двадцать тысяч фунтов стерлингов! В то время это были огромные деньги, и ради такой награды любой капитан согласился бы на смелое плавание в самые северные воды нашей планеты.

Однако Сандвич стремился не только к тому, чтобы английский флот завоевывал для Британии северные воды. Он хотел, чтобы, как и раньше, англичане не уступали первенства в деле открытий новых островов Южных морей. Экспедиции Кука действительно способствовали тому, что британский флаг стал развеваться на десятках новых, до тех пор неизвестных европейцам ти-

хоокеанских островов. Согласно указаниям первого лорда, так должно было продолжаться и дальше. Поэтому всего через год после своего триумфального вторичного возвращения из Океании Джеймсу Куку пришлось снова отправиться в Тихий океан. На этот раз уже не на одном, а на двух кораблях. К тщательно отремонтированному паруснику «Резолюшн» присоединился «Дискавери».

«Резолюшн», на котором находился сам Кук, покинул порт Плимут 12 июня 1776 года. «Дискавери» под командованием страдающего чахоткой, вконец запутавшегося в долгах капитана Клерка, для которого побег в Океанию был спасением от кредиторов, отправился в плавание на несколько недель позже.

Оба корабля третьей экспедиции Кука согласно приказу Адмиралтейства встретились лишь на юге Африки — в Кейптауне. Отсюда, от мыса Доброй Надежды, парусники продолжили совместное плавание, направившись в Индийский океан. За время многодневного пути по этому океану корабли Кука сделали остановку на острове Кергелен, затем обогнули Австралию и после дальнейшего трудного плавания бросили якоря в заливе Королевы Шарлотты, у берегов Новой Зеландии.

Следующий этап путешествия привел Кука уже в «его» океан — в Южные моря. Сначала на полинезийский архипелаг Тонга, а затем и на Таити. Здесь английский капитан снова встретился со своими полинезийскими друзьями. Он даже присутствовал при жертвоприношении человека, которое совершалось в одном из таитянских храмов. Еще месяц Кук провел на священном острове полинезийцев Раиатеа. После этого он отправился на север. И в северной части Великого океана обнаружил венец Полинезии — Гавайи.

Размышляя над последней экспедицией Кука, я всегда задавал себе вопрос: почему великий мореплаватель выбрал именно этот путь? Ведь в бесконечном океане так нетрудно проскочить мимо не очень уж большого архипелага. До этого его с железным упорством обходили стороной все европейские корабли, бороздившие тихоокеанские воды уже две с половиной сотни лет. Я много раз перечитывал судовые дневники Кука. В них аккуратно занесены данные о времени и местоположении кораблей, однако ничего не сказано о том, почему начальник экспедиции двинулся именно в

том направлении. Тайна замечательного путешественника навсегда останется неразгаданной.

Я попытался объяснить «гавайскую загадку» Кука. Ответ, разумеется, вовсе не обязательно должен быть верным. Джеймс Кук, накопивший во время предыдущих экспедиций огромный опыт в мореходстве, конечно, прекрасно понимал, какими выдающимися мореплавателями были безымянные и неизвестные для европейцев полинезийцы. Кук наверняка беседовал со своими гостеприимными хозяевами о далеких плаваниях. Во время одной из таких бесед он, возможно, узнал об архипелаге, лежащем на севере океана, куда в давние времена — сотни лет назад — так часто отправлялись моряки с Таити. Кук был настолько опытным человеком, что смог отличить действительность от вымысла: он поверил рассказам о существовании островов на севере Тихого океана и отправился на их поиски. После длительного плавания точно по тому же маршруту, по которому шли таитянские «длинные корабли», 18 января 1778 года Джеймс Кук достиг Гавайев.

Сначала английский капитан обнаружил лишь западные острова архипелага — Кауаи, Оаху и маленький Ниихау. Они произвели на Кука и его команду большое впечатление. К тому же гавайцы приняли подданных его величества очень радушно и гостеприимно. За маленький кусочек железа, за один-единственный гвоздь островитяне давали англичанам столько продовольствия, что его хватало на целый день экипажам обоих парусников.

Свинина, вкусные фрукты, свежая вода — всем этим команды «Резолюшн» и «Дискавери» были теперь полностью обеспечены. Кроме того, в распоряжении моряков оказался еще более щедрый и долгожданный подарок — прекрасные островитянки. Кук, правда, не разрешал членам команды вступать в близкие отношения с гавайскими девушками, так как знал, что более половины его людей больны сифилисом. Однако этот запрет нарушали не столько моряки, сколько сами гавайки. Морякам было запрещено сходить на берег, тогда к судам стали подплывать лодки с любопытными жительницами островов на борту. Здесь были и молоденькие и постарше, и замужние и незамужние. Они желали в полной мере насладиться любовью с белокожими красавцами. Так как в те времена на Гавайях не соблюда-

лось строго единобрачие, то уже через несколько недель сотни островитян приобрели первый «дар» цивилизации — сифилис.

Через две приятные и, как показалось морякам, чрезвычайно короткие недели пребывания на Гавайях «Резолюшн» и «Дискавери» покинули воды архипелага, которые теперь уже не были гавайскими. Капитан Кук назвал прекраснейшие из открытых им островов именем первого лорда Адмиралтейства графа Сандвича, духовного отца экспедиции. Долгое время на карте красовались Сандвичевы острова. Таким образом, лорд Сандвич вошел в историю дважды: первый раз, «открыв» бутерброды — сандвичи, а второй — после того как его именем назвали тихоокеанские острова.

Капитан Дж. Кук, однако, решил выразить свою признательность лорду еще одним способом — выполнив задачу, которой Адмиралтейство придавало особое значение. Кук стремился открыть Северный морской путь, соединяющий Атлантику с Тихим океаном. Прежде всего Дж. Кук направился на восток, к берегам Северной Америки. Бросив якоря в заливе Нутка, он близко познакомился с обитавшим там индейским племенем. Затем Кук пошел дальше на север и достиг южной части Берингова пролива, отделяющего Азию от Америки. Здесь путь ему преградила огромная льдина. Тогда Кук приказал повернуть руль на шестнадцать румбов. Приближался декабрь, и надо было найти место, где экспедиция могла перезимовать. Сначала капитан подумывал о Камчатке, но затем, к огромной радости членов команды, приказал, чтобы парусники взяли курс на Сандвичевы острова. После длительного, но на удивление спокойного плавания «Резолюшн» и «Дискавери» снова достигли гавайских берегов. На этот раз моряки открыли еще один остров Гавайского архипелага — Мауи. Затем в течение шести недель они плавали вокруг Большого острова. Кук тщательно наносил на карту его береговую линию. Наконец 7 января 1779 года он приказал бросить якоря в заливе Кеалакекуа, на берегу которого сейчас в его честь стоит огромный обелиск.

В этом заливе начинались и завершались многие исторические события. Здесь был сделан первый шаг на пути истинного открытия европейцами Гавайских островов и установлен первый настоящий контакт между островитянами и белыми людьми. На этом мысе па-

всегда окончились все земные дороги и путешествия того, кто больше любого другого европейца сделал для познания тихоокеанского мира и его народов, великого капитана Джеймса Кука.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОБ УБИЙСТВЕ БЕЛОКУРОГО ЛОНО

С залива Кеалакекуа началось для европейцев знакомство с Гавайскими островами. Подобное открытие всегда имеет две стороны. Гавайцы тоже открывали европейцев, и надо сказать, многое вызывало у них искреннее удивление. Например, у белых людей изо рта шел дым — это было непонятно полинезийцам, ведь они никогда не курили. Поражало местных жителей, что на одежде пришельцев спереди зияли дырки для пуговиц. Среди чужеземцев наибольшее впечатление на островитян произвел сам капитан, человек с очень белой кожей и светлыми волосами. Кук сразу же напомнил им бога Лоно, у которого, согласно мифам, тоже была удивительно белая кожа.

Любимый бог плодородия и мира, покидая свои острова, пообещал, что однажды, во время посвященного ему прекрасного праздника Макаики, он вернется на Гавайи. «Резолюшн» и «Дискавери» бросили якоря в заливе Кеалакекуа именно в разгар Макаики.

О божественном происхождении белокурого чужеземца свидетельствовало все — и его корабли (полинезийцы приняли их за огромные плавучие святилища — хеиау), и сторожевые корзины на передних мачтах (их посчитали своеобразными небесными алтарями), и паруса (местные жители решили, что это белые флажки — символы бога Лоно, украшающие переносный алтарь, который в начале праздника Макаики путешествует по всему архипелагу). Никаких сомнений у полинезийцев не было. В залив Кеалакекуа прибыл великий бог плодородия и мира, когда-то покинувший Гавайи и пообещавший вернуться.

Действительно, гавайцы приняли Кука как своего бога, которого они так любили. Наконец-то он вернулся к ним! Когда капитан вступил на берег, островитяне пали перед ним ниц. Лишь несколько служителей культа

во главе с верховным жрецом Кооу и молодой Пале, сын правителя Большого острова (сам царь был занят военным вторжением на соседний Мауи), стоя приветствовали светловолосого бога.

Сопровождавший Кука офицер Кинг (гавайцы приняли его за сына капитана) затем вспоминал, как четыре жреца с длинными посохами, увитыми собачьей шерстью, торжественно проводили Кука в святилище Хикиау. По дороге они без устали пели гимны, в которых все время повторялось одно и то же слово, одно и то же имя — Лоно. В храме верховный жрец Кооу, чередуясь с другими жрецами, исполнял оды в честь акуа плодородия и мира. Затем служители культа натерли лица и руки Кука и его «сына» Кинга жеваным кокосовым орехом.

Теперь уже никто не сомневался: щедрый бог плодородия и мира действительно вернулся к гавайцам. И добрые, гостеприимные, сердечные полинезийцы стали ждать того, что ждут от своих богов все люди на земле,— благословения, благоденствия, наступления «золотого века».

Оправдались ли эти ожидания? Правда, всемогущий правитель Большого острова Каланиоупуу, вернувшись после нападения на остров Мауи в землю Кона, проявил по отношению к Лоно почтение и верноподданнические чувства. В качестве доказательства своего расположения он подарил Куку великолепные накидки из перьев и другие дорогие вещи. По полинезийскому обычаю, правитель обменялся с Куком именами. Однако вскоре гости — Лоно и главным образом его подданные — стали тяготить островитян.

Честно говоря, белые боги сделали все, чтобы как можно скорее испортить свою репутацию у жителей Сандвичевых островов. Так, даже отличавшийся умом офицер Кинг расположил свои астрономические приборы на бататовом поле, которое жрецы провозгласили табу. Еще большее преступление против полинезийской веры совершил экипаж парусника «Резолюшн»: он отправил команду на берег срубить деревья для ремонта корабля. Не отдавая себе отчета в последствиях подобных действий, моряки вторглись в ближайшее святилище и выдернули из земли приглянувшиеся им деревянные изображения богов. Вот что сделали слуги бога! Древесина, добытая ими, оказалась действительно

хорошей, но отзвук этот поступок имел самый печальный.

Многие действия английских моряков стали вызывать раздражение, а затем и открытый гнев жителей Большого острова. В конце концов гавайцам стали надоедать и любовные авантюры членов команд обоих парусников. И хотя жены изменяли им с богами, все-таки это было очень обидно. А те из гавайцев, которые не осуждали бесконечных любовных утех первых европейцев, не понимали, как слуги «живого» бога могли заниматься любовью с простолюдинками. Действительно, моряки были неразборчивы: они давно не видели женщин и совсем не разбирались в социальных порядках полинезийцев.

Белые люди не оправдали тех ожиданий, которые островитяне связывали с их приходом. Ведь полинезийцы были убеждены, что возвращение Лоно принесет высокие урожаи на полях и для них наступит «золотой век». Однако произошло невероятное: моряки буквально объедали своих хозяев, правда, по приказу Кука они платили за продукты железом, но это был весьма неэквивалентный обмен. Сначала гавайцы думали, что Лоно и его люди пришли на острова, чтобы накормить островитян, но постепенно полностью изменили свое представление о белых чужеземцах. Они решили, что европейцы приплыли к ним потому, что в их заморской стране, великой Британии, царит голод. 12 февраля 1779 года один моряк, по имени Уотмэн, умер, и его похоронили на берегу залива Кеалакекуа. Эта естественная кончина убила у островитян веру в бессмертие белых богов. Поэтому, несмотря на то что правитель Большого острова продолжал оказывать белокурому Лоно и его людям почтение и проявлял дружеские чувства, все, кто жил у залива Кеалакекуа, облегченно вздохнули, когда Кук объявил, что корабли отремонтированы и он собирается покинуть острова.

Островитяне с удовольствием устроили для капитана и его офицеров «прощальный вечер». И снова (они решили, что это уже в последний раз) гавайцы отдали морякам своих жен и свои продукты. Затем так же радостно, как и несколько недель назад, когда встречали бога Лоно, островитяне проводили из своего залива светловолосого чужеземца.

Однако британским морякам суждено было расстать-

ся с гавайцами лишь на короткое время. Стоило парусникам выйти в открытое море, как Дж. Кук обнаружил, что одна из мачт его корабля требует немедленного ремонта. Кроме того, морские ветры не благоприятствовали плаванию. Правда, сначала Кук хотел выбрать для остановки другое, более безопасное место, но не прошло и недели, как оба парусника вновь появились в заливе Кеалакекуа. На этот раз никто не встречал белокурого Лоно и его людей. Гавайцы не вышли к ним навстречу на своих лодках. Ни дети, ни женщины не бросились в воду, чтобы первыми добраться до плавучих «святилищ». Берега Кеалакекуа обезлюдели, а жрецы наложили на воды залива, где бросили якоря корабли белых людей, строгое табу.

Через некоторое время контакты частично восстановились, но это было уже совсем не то, что во время первого посещения Кеалакекуа. Островитяне прекратили товарообмен с англичанами, предпочитая обворовывать чужеземцев, особенно интересуясь железными предметами. Дело дошло до того, что они похитили вельбот, привязанный к корме «Дискавери», причем гавайцам потребовался не сам вельбот — лодок у них было достаточно,— а забитые в нем гвозди.

Кража вельбота переполнила чашу терпения Дж. Кука, хотя, по правде говоря, именно его Куку и не хватало. Великий мореплаватель, уставший за восемь лет бесконечных морских путешествий, все чаще терял выдержку. На этот раз он в гневе решил, что пора принимать радикальные меры, тем более что накануне островитяне украли еще одну шлюпку, долото и большие клещи. Карательная экспедиция, направленная на берег, чтобы наказать преступников, вернулась ни с чем — моряков самих чуть было не избили. Поэтому Дж. Кук новой вылазкой белых руководил сам. Кук планировал операцию большого размаха: несколько вельботов заблокировали залив Кеалакекуа, после чего Кук с двумя офицерами и двадцатью матросами появился в деревне, где жил правитель Большого острова Каланиоупуу, чтобы захватить его в качестве заложника и доставить на «Резолюшн». Пленного владыку капитан собирался отдать гавайцам лишь после того, как островитянами будет возвращено все украденное.

Каланиоупуу, который во время появления Кука преспокойно спал, не воспротивился вежливому пригла-

шению перебраться на корабль. Однако в деревне захват правителя вызвал сильное волнение. Одна из жен правителя, старая Канеикапалеи, загородила дорогу и стала убеждать мужа не слушаться указаний белого чужеземца. К ней присоединились два телохранителя, настойчиво повторявшие эту просьбу. Со всех сторон к Куку стали подступать островитяне.

От учтивого отношения к белокурому богу не осталось и следа. Уже никто не падал перед ним ниц и не прятал в пыли лицо. На бога кричали, а один из знатных гавайцев даже стал угрожать ему ножом! Потерявший самообладание Кук выстрелил в гавайца в упор, но шрапнель, которой было заряжено оружие капитана, лишь пробила рогожу, но островитянину она не причинила вреда. С этого момента гавайцы утратили всякую веру в сверхъестественную силу белокурого Лоно.

На берегу залива Кеалакекуа началась настоящая свалка. Толпа островитян бросилась на чужеземцев, и моряки в панике стали отходить в глубь залива по направлению к ожидавшим их шлюпкам. Кук снова выстрелил и на этот раз убил гавайца. В ответ один островитянин ударил мореплавателя ножом в спину. Джеймс Кук покачнулся и со стоном упал. Гавайцы не поверили своим ушам: белый бог, а страдает как обыкновенный человек! Тогда они закричали:

— Это не бог, это не Лоно, это человек! Это человек!

Человек не бог, и его можно убить, поэтому островитяне стали добивать Кука. Он приподнялся и снова упал в прибрежные воды залива Кеалакекуа, захлебнувшись в водах океана, которые он столько раз пересекал и знал лучше любого другого мореплавателя.

Белые люди потерпели поражение, а их вождь — белокурый бог Лоно — погиб на одном из самых прекрасных островов, открытых им в Тихом океане. Судя по некоторым рассказам, тело его разорвали на мельчайшие кусочки и растащили.

Кости Кука сначала поместили в близлежащее святилище, посвященное богу Лоно, а затем разделили между верховными вождями и жрецами в качестве очень ценных, обладающих сверхъестественной силой реликвий. Часть черепа и часть правой руки, а также оружие Кука островитяне позже вернули новому начальнику экспедиции капитану Клерку. На следующий день английские моряки спустили их в воды залива Кеалакекуа.

От берегов залива Кеалакекуа, из земли Кона — «Страны богов», я направился в последнюю из шести областей Большого острова — в землю Кохала, в «Страну королей».

Путь от залива Кеалакекуа, где погиб Кук, в Кохалу не близок. Сначала дорога вела в глубь острова, в Камуэлу, напоминающую городки Новой Англии середины прошлого столетия. Затем начался трудный переход через горы к самой северной оконечности Большого острова — четвертой вершине гавайского ромба, к мысу Уполу. Я вспоминаю эти места по многим причинам, но прежде всего потому, что здесь находятся развалины еще одного гавайского святилища, которое якобы построил самый известный реформатор хеиау — жрец Паао.

Неподалеку от древнего святилища на мысе Уполу мне пришлось стать свидетелем зрелища, которое вряд ли когда-нибудь еще увижу. Эта часть Большого острова, расположенная вокруг северного мыса, до сих пор в какой-то мере остается землей гавайцев, которые все еще живут не только за счет земли, но также и океана. В его щедрых и ласковых волнах рыбаков с незапамятных времен подстерегала страшная опасность — акулы, сотни акул. Неизвестно почему они облюбовали именно эти места. Много леденящих кровь историй связано с этими морскими убийцами. Хотя, разумеется, орудуют они не только в Кохале, но и вдоль берегов всего архипелага, даже около столичных пляжей. Вот как, например, описывал встречу с акулой местный коммерсант Уильям Янг:

«Вскоре после того как я открыл торговлю в Гонолулу, из Коко-Хеда пришло сообщение, что пропал белый человек... Дня через два несколько аборигенов, разбившие лагерь у въезда в порт, закричали:

— Поймать акула, большой акула, мужская нога в теле!

Герб, Джек и я провели многие часы в воде, разыскивая пропавшего рыбака или хотя бы его тело...

— Вот и твой рыбак,— пробурчал Джек,— а ведь кое-кто утверждал, что акулы не нападают на людей...

— Они могут ошибаться,— возразил я.— Сейчас мы узнаем правду. Бежим скорее...

Мы бросились к толпе, окружившей мертвую акулу. Она лежала со вспоротым брюхом, из которого торчала мужская нога в ботинке...»

Многие гавайцы погибли в пасти у этих страшных созданий, поэтому местные жители, особенно рыбаки Уполу, люто ненавидят акул. Время от времени они отправляются на охоту за ними.

Мне повезло. Я стоял на мысе Уполу и, вглядываясь в голубой океан, наблюдал, как вдали, у самого горизонта, разыгрывалась настоящая драма. Рыбаки забросили в воду крюк с куском недавно пойманной рыбины и на эту приманку собирались поймать ненавистную акулу.

Расчет оказался верным. Вскоре рядом с лодками рыбаков — а в этой карательной экспедиции приняло участие несколько лодок — море стало пениться, а затем показались острые плавники, выступившие над невысокими гребешками волн. Лакомый кусок, видимо, привлек не одного, а сразу нескольких морских хищников, которые устроили из-за него под водой настоящую драку. Море кипело, словно в этом месте на дне началось извержение небольшого вулкана.

С первой лодки приподнялся гарпунер и стал изо всех сил всаживать гарпун в невидимое мне тело. Затем встали другие рыбаки — в руках у них поблескивали ружья — и открыли огонь по «морским разбойникам». Мне казалось, что они очень рисковали: лодки буквально плясали в этом водовороте. Я боялся, что, если какая-нибудь из них перевернется... Но гавайские рыбаки не обращали никакого внимания на опасность. Это была, пожалуй, не борьба, даже не охота, а кровавая, жестокая месть за десятки, сотни жизней погибших товарищей.

Рыбаков, казалось, обуял слепой гнев. Они стреляли из ружей, били гарпунами по воде, вонзая их в узкие тела извивающихся бестий. Немало акул ушло назад, в глубины океана. Однако несколько мертвых акул победители гордо тянули за лодками к берегу. Бесспорно, гневные мстители все-таки победили.

Зрители, с которыми я наблюдал за этой схваткой, были восхищены. Я будто бы побывал в сказке: на мысе Уполу на моих глазах порок был наказан, а добродетель восторжествовала.

Здесь, на самой северной оконечности Большого ост-

рова, я не раз вспоминал о схватке с акулами вблизи мыса Уполу, которую наблюдал с берега. В крошечной гостинице селения Капалу, расположенного на севере земли Кохала, местный рыбак вместе с другими дарами моря предложил мне в качестве сувенира челюсти акулы. Отбеленные, они казались декоративными. И все-таки я решил их не покупать, потому что они всегда напоминали бы мне кровавую схватку с морскими хищниками вблизи мыса Уполу, случайным свидетелем которой я оказался.

Однако вернемся к гавайским королям, ради которых я приехал в землю Кохала, на север Большого острова. Первый и самый знаменитый из общегавайских правителей, Камеамеа, родился в селении Капаау. Тут провел он свое детство и по странной прихоти судьбы остался на вечные времена.

Правительство Гавайского королевства как-то заказало американскому скульптору статую основателя государства. Тот изваял статую во Флоренции, затем ее поместили на немецкий парусник, который направился к Сандвичевым островам. Однако вблизи Фолклендских островов парусник потерпел крушение, и весь груз, кроме тяжелой, бронзовой статуи гавайского короля, навсегда исчез в морской пучине. Невероятно, но спустя некоторое время море выбросило бронзовую скульптуру на побережье Фолклендских островов. Однако зачем нужна жителям Фолклендских островов статуя бывшего правителя Гавайев? Исчезнувшую было в океанской пучине, а затем сказочным образом выброшенную на берег скульптуру приобрел владелец местной антикварной лавки.

Прошло еще немало времени, и в Порт-Стэнли зашло американское торговое судно, направлявшееся на Гавайи. Капитану судна пришла в голову мысль, что он мог бы выгодно продать эту статую на родине Камеамеа. Так статуя короля продолжила свой прерванный путь.

Когда наконец бронзовый король добрался до столицы Гавайев, выяснилось, что в Гонолулу уже стоит другая, точно такая же статуя: Гавайи, получив за утонувшую статую большую страховку, заказали тому же скульптору ее копию.

Теперь здесь оказались две статуи основателя гавайского государства. Одна из них прочно стояла на своем месте, но что было делать с другой?

В конце концов решили, что вторую статую, чудом вернувшуюся со дна океана, установят на родине великого Камеамеа. И бронзовая скульптура совершила еще одно путешествие — с острова Оаху на остров Гавайи, где наконец и закончила свой путь — на маленькой площади небольшого селения Капаау, перед зданием окружного суда.

КОХАЛА — «СТРАНА КОРОЛЕЙ»

Я стоял на площади в Капаау, возле здания суда, и, вглядываясь в лицо великого Камеамеа, вел с ним разговор:

— Здравствуйте, ваше величество. Мой путь в Кохалу был почти столь же долгим, как и ваш. Вы, бронзовая скульптура, прибыли сюда из Южной Европы, из Италии. Я же приехал из Центральной Европы. Вы, ваше величество, здесь, в Кохале, у себя дома. Мне здесь нравится, меня здесь все интересует. И особенно вы, ваше величество, прошу простить мою дерзость. Расскажите мне о вашей жизни, чтобы я мог включить ваш рассказ в свою книгу о Гавайях.

Король не отказал в моей просьбе. Собрав воедино материалы из гавайских архивов, воспоминаний его современников, исследований историков Гавайев, из мемуаров и статей, я постараюсь воссоздать картину правления и образ жизни этого удивительного человека, которого европейцы назвали «Наполеоном Южных морей». Настоящее же его имя было куда менее пышным, даже грустным.

Гаваец по имени Покинутый родился здесь, в Кохале, возможно, прямо в Капаау или в соседней деревеньке Кокоики, под завывание ветра в одну из непроглядных ночей 1758 года. Он был родом из знатных алии, правивших на Большом острове. Его дядя — правитель Каланиоупуу. Он, как мы знаем, чуть не стал заложником Джеймса Кука из-за украденной шлюпки. Следовательно, он — косвенный виновник гибели великого мореплавателя.

Каланиоупуу был, вероятно, самым могущественным из верховных вождей, правивших отдельными острова-

ми архипелага. К тому времени Гавайи уже около двухсот лет были разделены на четыре независимых друг от друга владения. Первое — Большой остров. В состав следующего входили четыре острова — Мауи и присоединенные к нему Ланаи, Молокаи и Кахоолаве. Третье владение — это остров Оаху. И, наконец, четвертое, самое западное, состояло из двух островов — Кауаи и маленького Ниихау.

Во времена, когда благодаря экспедиции Кука Европа и весь мир узнали о существовании прекрасного архипелага, наиболее могущественными из четырех гавайских владений были Большой остров, на котором правил Каланиоупуу, и соседний с ним Мауи, где властвовал Кахекили: Эти два правителя вели в течение всей последней четверти XVIII века незатихающую кровавую войну. Победа каждый раз оказывалась то на одной, то на другой стороне. Однако правитель Большого острова Каланиоупуу умер, так и не одержав окончательной победы. Власть он еще до своей смерти передал своему сыну Кивалаа.

На высокую должность хранителя культа бога войны ушедший на покой правитель назначил своего мужественного племянника Камеамеа, который не раз отличался в схватках с воинами острова Мауи. Должность эта была действительно очень почетной: занимающий ее считался одним из самых высокопоставленных лиц на Большом острове. Камеамеа осознавал значимость своего положения. Однако вскоре он вызвал гнев своего родственника, нового владыки острова Кивалаа. Камеамеа во время одного из торжеств пожертвовал богу войны и покровителю вождей знатного пленника. Оказывается, эту жертву хотел принести богу войны сам правитель.

Гнев Кивалаа заставил Камеамеа устраниться от участия в общественной жизни. Он удалился в Кохалу, где стал жить как и другие местные вожди. В 1782 году правитель острова Каланиоупуу умер. По гавайской традиции, которая с незапамятных времен была причиной кровопролитных междоусобиц, новый правитель должен был разделить земли острова между отдельными вождями своего владения. Все, что не разделено, оставалось самому верховному вождю. После этого часть выделенной им земли вожди раздавали жителям своих деревень.

Согласно гавайскому обычному праву каждый правитель делил принадлежащую ему землю по-новому. Повторяющийся в каждом новом поколении раздел земли всегда вызывал ожесточеннейшие споры и разногласия между вождями. Всегда находился кто-нибудь, кто считал, что его обделили. Обиженные вожди начинали войны, которые были логическим следствием того, что к власти приходил новый правитель.

Та же история повторилась и на этот раз. После смерти старого Каланиоупуу Кивалаа стал готовиться к дележу территории Большого острова. Однако многие вожди опасались, что жадный Кивалаа обманет их. И пятеро самых отважных вождей земли Кона захотели перечеркнуть планы молодого правителя. Они решили объединиться, свергнуть его и таким образом сохранить землю, которая до сих пор принадлежала им.

Заговорщики из Коны искали человека, который смог бы возглавить этот заговор. Выбор пал на знатного Камеамеа, жившего в уединении в Кохале. Камеамеа принял их предложение, возглавил войска вождей земли Кона и в решающем сражении, которое произошло около деревеньки Мокуохаи, одержал победу над армией Кивалаа, а самого его убил. Таким образом, Большой остров лишился «законного» правителя и распался на три самостоятельных владения. Верховным вождем трех из шести земель — Коны, где начался мятеж, Кохалы и Хамакуу — стал Камеамеа. На юге Большого острова, в земле Кау, правил Кеоуа, брат убитого Кивалаа. И, наконец, вождем вулканической Пуны стал Кеавемаухили.

Два верховных вождя Большого острова вместе с традиционным врагом, правителем острова Мауи, пошли войной на Камеамеа. Десять лет на этом прекрасном архипелаге длилась междоусобная война, кровопролитная и жестокая, как и все войны.

Следы боев междоусобной войны на Гавайях я встречал в разных местах Большого острова, а также на Мауи и на Оаху. И, как ни странно, первые следы войны гавайцев против гавайцев оказались следами в буквальном смысле этого слова. У подножия вулкана Килауэа здешние гиды показали мне в лаве окаменевшие отпечатки ступней. Это все, что осталось от армии Кеоуа, которая проходила около вулкана в тот момент, когда началось его извержение. Оно сожгло и залило

лавой бо́льшую часть войска Кеоуа. От всей армии остались лишь отпечатки ступней в застывшей лаве.

Неожиданное вмешательство вулкана в гавайскую междоусобную войну сыграло наряду с военной также огромную психологическую роль. Оно ясно дало понять обитателям Большого острова, вся жизнь которых связана с деятельностью вулканов, что могущественная властительница огнедышащих гор, богиня Пеле, всецело на стороне «кохальского мятежника».

Свидетельство еще одной победы Камеамеа, непосредственно связанной с трагедией армии Кеоуа, я обнаружил в Кохале, в святилище, которое носит имя земли, где она возведена,— Пуу Кохала. Это хеиау приказал построить сам Камеамеа. Перед этим он обратился к знаменитому прорицателю с острова Кауаи с просьбой, чтобы тот сказал, что надо сделать, чтобы одержать победу над всеми врагами. Прорицатель ответил:

— Построй в Каваихаэ, на земле Кохала, большое святилище в честь бога войны, которому ты служишь. Если ты построишь это святилище, победишь всех, кто стоит на твоем пути. Не построишь — будешь побежден и погибнешь сам.

Камеамеа, разумеется, внял совету. Он распорядился возвести в Каваихаэ святилище в честь бога войны. Постройка получилась такой капитальной, что уцелела во всех передрягах, пережила даже время, когда уничтожались языческие божества, и благодаря этому я мог осмотреть ее целиком. Насколько можно судить, это был действительно огромный храм. Надо учесть, что строительный материал гавайцы брали за двадцать километров отсюда, а ведь они не знали, что такое колесо! Утверждают, что раствор, которым пользовались строители святилища в честь гавайского бога войны, был замешан на человеческой крови.

В Пуу Кохала, построенном Камеамеа, покоятся также останки вождей — разумеется, лишь кости, потому что все мягкие ткани знатных покойников сжигались. Многое здесь напоминает некрополь в Хонаунау. Пуу Кохала помнит еще одно событие, имеющее отношение к его создателю, событие, которое, собственно, и погасило огонь междоусобной войны на Большом острове.

К тому времени правитель третьего владения — Пуны — отказался от проведения собственной политики, пе-

решел на сторону Камеамеа, стал верным союзником и признал его власть. Тогда Камеамеа предложил мир Кеоуа, брату убитого правителя Кивалаа, чья армия была уничтожена извержением вулкана. Он отправил в землю Кау двух верных людей, вождей земли Кона, с предложением, чтобы в знак закрепления мира Кеоуа принял участие в торжественном освящении хеиау Пуу Кохала в Каваихаэ. Кеоуа, словно не понимая, какому риску он себя подвергает, принял приглашение Камеамеа. И, облаченный в праздничную накидку из перьев, в сопровождении лишь личных телохранителей приплыл в залив Каваихаэ на великолепном «длинном корабле». Камеамеа вышел на берег моря, чтобы лично встретить самого дорогого, самого знатного гостя на торжествах по случаю освящения хеиау. Он обратился к Кеоуа со словами:

— Сойди со своего корабля, о Кеоуа, и ступи на наш гостеприимный берег, на эту священную землю, чтобы мы могли лучше познакомиться друг с другом.

И Кеоуа ступил на берег. В ту же секунду его проткнуло копье одного из вернейших сподвижников Камеамеа — вождя Кеаумоку. Были убиты все сопровождавшие Кеоуа телохранители. После этого храм бога войны в Пуу Кохала был торжественно освящен.

ПО СТОПАМ КАМЕАМЕА

Смерть правителя Кеоуа вблизи святилища Пуу Кохала, уничтожение последнего противника Камеамеа на Большом острове были поворотными моментами в междоусобной войне на Гавайях. Причиной войны стал заговор нескольких вождей против верховного правителя одного из островов архипелага, а в результате впервые в истории Гавайев осуществилось объединение всех островов под единой властью. Чтобы добиться этой великой цели, Камеамеа пришлось выиграть еще немало сражений и уничтожить многочисленных противников. Самым опасным из оставшихся врагов был властитель соседнего острова Мауи — Кахекили, с которым воевал еще Каханиоупуу, дядя Камеамеа.

В междоусобной войне гавайцев против гавайцев

Камеамеа получил неожиданную помощь в лице европейских моряков, которые вернулись на Гавайи вскоре после посещения архипелага Дж. Куком. Великого мореплавателя главным образом интересовали Южные моря, однако тех, кто отправился в Тихий океан по его следам, волновала лишь нажива.

Не прошло и года после экспедиции Кука, как в гавайских водах оказались парусники «Элеонора» и «Прекрасная американка», которыми командовал лихой авантюрист, «король негодяев» капитан Саймон Меткаф. На «Элеоноре» находился сам Меткаф, капитаном «Прекрасной американки» был его восемнадцатилетний сын. Оба парусника бросили якоря на некотором расстоянии друг от друга у побережья острова Мауи, недалеко от деревеньки Оловалу. Экипажи судов расположились на берегу, на парусниках осталась лишь охрана.

На «Прекрасной американке» уснул вахтенный, парусник соскользнул с якорей и, никем не управляемый, поплыл вдоль берегов Мауи. Когда Меткаф проснулся на следующее утро и увидел, что парусник исчез, то он, естественно, решил, что судно украдено аборигенами, а вахтенный убит. Капитан был человеком решительным, поэтому сразу же стал готовиться отомстить ворам. Причем месть он задумал весьма «цивилизованную». Он попросил жителей деревни Оловалу подплыть ко второму паруснику — «Элеоноре» — якобы для того, чтобы одарить их железными изделиями, привезенными для местных жителей с далекой родины белых людей.

Гавайцы пришли в восторг. Сотни и сотни лодок сгрудились у бортов «Элеоноры» в ожидании даров. И гавайцы их получили! Жадный Меткаф на этот раз «расщедрился». Его люди расчехлили орудия большого калибра, которыми были оснащены «торговые» парусники, и открыли огонь по флотилии полинезийских лодок. Стрельба велась всем, что имелось на борту, вплоть до гвоздей и ржавых звеньев якорных цепей!

Гавайцы «получили» свое железо. Более сотни жителей деревни Оловалу заплатили за «подарок» Меткафа своими жизнями. Вскоре после этого «Прекрасную американку», разумеется, нашли. Меткаф, конечно, понимал, что после подобной «коммерции» ни о какой торговле с жителями острова Мауи речи быть не может. И он отправился к Большому острову. «Прекрасная американка» бросила якорь в заливе Кавайхаэ, по со-

седству со святилищем Пуу Кохала. «Элеонора», в свою очередь, вошла в «залив Кука» — Кеалакекуа.

Камеамеа, которому сообщили о безжалостном расстреле островитян, по-своему подготовился к встрече незваных гостей. Он отправил, как бы мы сейчас сказали, группу захвата на «Прекрасную американку», стоявшую в заливе Каваихаэ. Вылазка оказалась удачной, и парусник попал в руки правителя Большого острова. Во время этой операции был истреблен весь экипаж «Прекрасной американки», за исключением одного человека — Исаака Дэвиса.

Второй парусник — «Элеонора» — покинул залив Кеалакекуа и поспешил убраться из гавайских вод. Из членов его экипажа на берегу остался один моряк — Джон Янг. Теперь эти два белых оказались во власти гавайцев. И согласно традиции их следовало пожертвовать гавайским богам в святилище Пуу Кохала в отместку за полинезийскую кровь, пролитую безжалостным Меткафом в Оловалу. Однако мудрый, прозорливый Камеамеа принял другое решение. Он поселил обоих пленников в Каваихаэ и поручил им строить такие суда, какими пользуются европейцы.

Таким образом, Каваихаэ (теперь здесь лишь разгружают говядину) во времена Камеамеа стал главной базой гавайского флота. Под руководством Янга и Дэвиса полинезийцы начали строить суда европейского типа. В Каваихаэ были сооружены и доки, где ремонтировали поврежденные в боях корабли Камеамеа, тут же размещались главные армейские склады, добывалась из морской воды соль и находились ее основные хранилища. Всем этим сложным хозяйством разросшегося «комбината» управляли два белых моряка. Камеамеа произвел их в алии, они стали принадлежать к знати, превратились в верных сторонников и советников своего патрона, а заодно и могучее «оружие» в руках Камеамеа. Уже через год после того, как их захватили в плен, они командовали флотом Камеамеа в битве против кораблей правителя острова Мауи, который пытался высадить десант на северном побережье Кохалы. В этой же битве участвовала и захваченная у Меткафа «Прекрасная американка».

Вторжение самого опасного и упорного врага Камеамеа, Кахекили, было отражено в 1791 году. В течение следующих четырех лет оба враждующих правителя со-

бирали силы. Прежде чем наступил час решающего сражения, владыка Мауи, старый Кахекили, умер. Произошло это в 1794 году. Перед тем как уйти в мир иной, непримиримый враг Камеамеа значительно ослабил свои ряды. Он разделил свое владение между двумя правителями — братом Каэа и сыном Каланикипуле. Как и следовало ожидать, между кровными родственниками сразу же началась междоусобица. В этой мини-войне (одном из многочисленных эпизодов общегавайской междоусобной борьбы) Каланикипуле оказали помощь белые наемники — экипажи захваченных гавайцами судов «Шакал» и «Принц Ли Буо».

Благодаря белым волонтерам победил Каланикипуле. Своего дядю он убил и стал, как и его отец, властителем Мауи и прилегающих к нему островов.

В отличие от мудрого Камеамеа Каланикипуле обращался с пленными англичанами почти как с рабами. Когда представилась возможность, белые пленники нового правителя Мауи, убежав из-под стражи, покинули остров. Но они остались на Гавайях: попав в Каваихаэ, рассказали белым вождям Дэвису и Янгу и их правителю Камеамеа о том, что происходит во враждебном лагере и добровольно присоединились к военному флоту Большого острова. Не теряя времени, пользуясь благоприятными обстоятельствами, флот двинулся против Мауи. На этот раз главный остров врагов Камеамеа быстро сдался, и Камеамеа направил свои корабли под командой белых людей на захват острова Молокаи. Эта десантная операция прошла также успешно. Затем флот Камеамеа двинулся к острову Оаху — в наши дни главному острову архипелага.

Войска Камеамеа высадились на знаменитом пляже Ваикики и, продвигаясь в сторону гор, одержали решительную победу над армией Каланикипуле в долине Нууану. С вершин Нууану Пали бросились вниз последние воины Каланикипуле: они предпочли смерть постыдному плену.

Эта победа над войсками Каланикипуле в горах Оаху положила конец многолетней гражданской войне на архипелаге. Власть Камеамеа теперь распространялась на все Гавайские острова, кроме двух самых западных — Кауаи и маленького Ниихау. Естественно, что Камеамеа готовился к захвату и последних, еще неподвластных ему частей архипелага. При подготовке этой

десантной операции, которая должна была завершить планы завоевателя, Камеамеа, опять же с помощью своих белых кораблестроителей, собрал флот, в который входило более восьмисот боевых единиц. Однако десант осуществлен не был, потому что среди экипажей распространилась *маи окуу* — холера, завезенная сюда европейцами. Эпидемия совершила то, чего не удавалось ни одному из противников Камеамеа: она убила более половины его воинов.

Когда эпидемия кончилась, Камеамеа стал готовиться к новому вторжению. Однако Каумуалии, правитель самого западного из Гавайских островов, осознававший бессмысленность сопротивления огромной армаде Камеамеа, признал владыку Большого острова королем всего архипелага, согласился подчиниться ему и платить все налоги, которые тот потребует.

Камеамеа вышел из междоусобной войны победителем. Впервые за весь долгий период гавайской истории архипелаг был объединен под властью одного человека. Камеамеа создал действительно общегавайское государство и сумел сделать это в тот момент, когда «в дверь» прекрасных островов «постучались» первые европейцы. В то время почти повсюду, например в Америке, приход белых означал упадок или уничтожение аборигенных государств (империи инков или ацтеков), общегавайское королевство образовалось фактически уже после прихода сюда первых европейцев и, вопреки попыткам его разрушить, сохранилось до конца XIX столетия [24]. Вождь из Кохалы, «Наполеон Южных морей», король Камеамеа, к титулу которого позже прибавили слово «Первый», основал поистине процветающее государство, которым он правил до самой смерти. Умер он в Каилуэ в 1819 году.

Из-за длительной войны, столько лет сотрясавшей архипелаг, население островов намного уменьшилось, пришло в упадок и хозяйство. Однако через несколько лет после того, как был побежден последний из противников Камеамеа, правитель острова Мауи — Каланикипуле, Гавайи снова стали процветать. Камеамеа требовал от вождей, чтобы они побуждали крестьян интенсивнее возделывать почву, строил верфи, добывал соль,

[24] В последние десятилетия XIX века независимость Гавайев была чисто номинальной и страна находилась в полном подчинении у США.

возводил святилища, до самой смерти продолжая верно служить своему богу, благодаря которому он одержал удивительные победы.

Камеамеа заботился об упрочении полинезийской религии. За время его правления на Гавайских островах не появилось ни одного «жреца» европейских вероучений, ни одного миссионера, ни одного поборника христианства. Правда, здесь побывало немало белых людей, начиная Дж. Куком и кончая верными помощниками гавайского короля Дэвисом и Янгом. Камеамеа также строго придерживался системы полинезийских табу (капу), которые были не только частью гавайских религиозных представлений, но и основой гавайского обычного права.

Как мы уже говорили, Камеамеа сыграл большую роль в истории Гавайев. Европейцы-современники — одни с восхищением, другие с ненавистью — называли его «Наполеоном Южных морей». Откровенно говоря, мне больше по душе слова, которыми воспевал своего первого общегавайского короля простой народ:

Камеамеа — крестьянин,
Он — рыбак и делает лыковую материю.
Он помогает тем, кто в этом нуждается.
Он — отец тех, у кого судьба отняла отца.

Неудивительно, что смерть этого «самозваного узурпатора», с помощью насилия поднявшегося на самую верхнюю ступеньку государственной лестницы, оплакивал весь народ.

В тот день в Каилуэ пришли десятки тысяч гавайцев, но на этот раз они не веселились, а плакали. В течение трех дней и ночей толпы людей не ели и не спали. Громко рыдая, они выкрикивали имя умершего короля, вспоминая его великие дела. Мужчины и женщины в знак траура наносили себе физические увечья. Больше всех убивалась любимая жена Камеамеа — его военная добыча, прекрасная дочь бывшего правителя Большого острова, которого Камеамеа сверг и убил. Уже постаревшая Кеапуолани («Белое небесное облако») отрезала на обеих руках по фаланге мизинца и выбила четыре передних зуба. Она также вытатуировала на языке привычный траурный орнамент. А гаваец, которого белые люди научили читать и писать, выколол на правой руке королевы имя и дату смерти супруга.

Через некоторое время королевский двор посетил художник Араго́, и неутешная королева попросила его нарисовать на плече, на котором еще ничего не было изображено, портрет Камеамеа. Как только рисунок был закончен, королевский татуировщик уколами иглы увековечил произведение Араго.

Король умер, но его имя и изображение сохранились по крайней мере на теле любимой жены. Память о нем жила и живет в сердцах тех, кто когда-то возвел его на вершину власти,— в сердцах жителей Гавайских островов. Современники называли его «своим отцом».

БЫТЬ ВОЖДЕМ НА ГАВАЙЯХ

Камеамеа, по крайней мере в моих глазах, был самым выдающимся представителем господствующего класса — алии. На нижней ступени общественной лестницы находились простые люди — *макааинана (аина* — по-гавайски «почва», «земля». Это слово берет начало от глагола «есть», «питаться»).

Макааинана — люди, которые обеспечивали общество продовольствием. Они были связаны с землей, возделывали ее. К ним относились те, кто занимался рыбной ловлей, охотой, а также ремесленники. Бо́льшая часть этих работ — обработка земли, охота, рыболовство, приготовление пищи, сортировка птичьих перьев — считалась мужским делом. Женщины заботились о детях, плели циновки и корзины, изготовляли тапу.

Макааинана составляли подавляющее большинство гавайского общества. Еще ниже этих людей были *каува.* Заглянув в гавайско-английский словарь, я нашел такое толкование этого слова — «лишенные наследства», «парии», а также «представители обособленной общественной группы, из которой отбирают человеческие жертвы»; пожалуй, точнее всего их можно было бы назвать рабами.

Семантически слово «каува» обозначает на гавайском языке нечто такое, с чем никак нельзя согласиться, оно имеет отвратительный, гнусный смысл, принять который я решительно отказываюсь. Каким образом эти, пользуясь выражением словаря, наследственные

«парии, рабы, люди, предназначенные для жертвоприношений», оказались в столь несчастном положении, неизвестно. Возможно, каува становились те, кто нарушил какое-нибудь из священных табу. Быть может, наследственными рабами стали потомки первых обитателей Гавайских островов — легендарных пигмеев менехуне. Во всяком случае, у каува на этих райских островах была отнюдь не райская жизнь. Ведь рай остается раем лишь для избранных, а на Гавайях таковыми являются алии, вожди. Образ жизни гавайской знати привлекателен, интересен и для многих до сих пор остается завидным. Это картина примитивной, но своеобразной элитарности. Того, кто попытается найти в «полинезийском раю» подобие демократического равенства, ждет горькое разочарование.

Камеамеа создал на архипелаге поистине феодальное государство. Однако строгое деление на «господ» и «вассалов» существовало на Гавайях задолго до того, как великий король железной рукой объединил все острова. Так же как и повсюду в Полинезии, алии и простой народ являли собой два совершенно различных мира. Одни пользовались всеми правами, другим доставались лишь обязанности.

К гавайскому обществу вполне применима поговорка «Родился под счастливой звездой». Здесь действительно надо «уметь родиться». Мужчины тут всегда имели преимущества перед женщинами, а сыновья — перед дочерьми. Важнее всего было родиться первенцем, полинезийцы образно называли первого сына «носом каноэ», то есть человеком, который «прокладывает путь». Перворожденный сын в представлениях гавайцев как бы прокладывает дорогу своим братьям.

Человеку, «сумевшему родиться» на Гавайях, лучше всего быть не только перворожденным сыном, но и потомком весьма знатного происхождения, ведь не все алии стояли на одной ступени иерархии. Известно, что в Европе существовала разница между бароном и графом, князем и великим князем, королем и императором. Так и гавайские алии знали одиннадцать таких подразделений. К какой из этих «ступеней» полинезийской знати принадлежал гаваец, целиком зависело от того, кем были его родители.

Наиболее высокопоставленное положение среди гавайской знати занимали, разумеется, те, чьи родители

принадлежали к семье правителя или верховного вождя острова, особенно если посчастливилось иметь отцом правителя, а матерью — его кровную сестру. Родившиеся от этой наиболее возвышенной в глазах гавайцев связи назывались *ниаупио*. Таким сыновьям доставалась вся мана обоих родителей. Тут мы встречаемся с традицией заключать брак между родными братом и сестрой, который в понятии европейца считается кровосмесительством. На Гавайях же подобная связь — идеальная для потомства. Все полинезийское общество жаждало, чтобы новый правитель родился в результате именно такого брака. Перед заключением такого союза, несмотря на господствующие здесь вольные нравы, помолвленных родственников отделяли друг от друга. Встретиться они могли лишь в определенный день в «свадебной» хижине, точнее, в «свадебной» палатке из тапы.

Вокруг палатки, поставленной на открытом месте, собирались зрители — и алии и простой народ. Новобрачных отправляли в шатер, где вдоль стен стояли изображения богов, а присутствующие жрецы молились за удачу любовной связи. Под этот аккомпанемент молодые старались сделать то, что от них ждало все общество,— зачать сына, к которому перешла бы вся мана обоих родителей, сына, который стал бы ниаупио и святым «на все сто процентов».

Как только любовная связь новобрачных заканчивалась, они покидали «свадебную» хижину, которую тут же разбирали. Все жители острова в течение девяти месяцев в нетерпении ожидали рождения знатного потомка.

Ниаупио, перворожденный сын брата и сестры «голубых» кровей, был самым знатным среди одиннадцати категорий гавайских алии. Задолго до его появления на свет в честь него слагались песни. В течение всего периода беременности сестры и одновременно жены правителя танцовщицы исполняли специально предназначенные для этого хулы. Танцы должны были магическим образом способствовать развитию плода в материнском чреве.

Наконец рождался ребенок, зачатый знатными родителями. Если это была девочка, ее появление на свет не сопровождалось особыми торжествами. Если же сын, то его медленно несли в святилище, принадлежащее правителю, и лишь там верховный жрец отрезал новорож-

денному пуповину бамбуковым ножом. Затем ее навеки прятали в скалах. В честь знатного младенца вырезали новую скульптуру бога, и новорожденного посвящали всем четырем великим богам гавайцев, а затем еще персонально одному из них, чаще всего богу войны Ку, покровителю всех гавайских вождей. Ребенка забирали у матери и отдавали кормилицам, которые менялись почти каждый месяц, потому что страшная кара ждала женщину, осмелившуюся коснуться знатного младенца в период, когда она бывает «нечистой».

Спустя некоторое время ниаупио приносили в трапезную для мужчин. С этого момента малыш уже не мог питаться вместе с женщинами. В семь лет мальчику торжественно делали обрезание. После этого половой орган молодого наследника получал собственное имя, о нем слагали песни, его превозносили в бесконечных молитвах. Гениталии ниаупио становились священными — табу.

Именно табу, распространявшимся на алии, на части их тела, одежду, жилища и предметы, которыми они пользовались, представители высшей касты отличались от двух других классов гавайского общества. В гавайской легенде рассказывается, что там, где ступает нога алии, появляется радуга. Как головы святых украшает нимб, так и над головами представителей гавайской знати горела семицветная естественная корона. Красочные накидки из перьев — *ахуула,* судя по всему, тоже символизировали священную радугу.

Как я уже говорил, среди алии, людей, увенчанных радугой, тоже существовали различия. Еще в Микронезии, на острове Понапе, где я недавно побывал, мне пришлось познакомиться с иерархией тихоокеанской элиты.

Самым знатным был ниаупио, перворожденный сын правителя и его сестры. Вторым по знатности и святости был сын, зачатый в браке правителя и дочери его сестры — племянницы. За ними идут следующие категории алии. Каждая более низкая ступень означает определенную потерю табу и сверхъестественной силы — маны.

Чем выше степень их знатности, тем бóльшим было табу, святость. Капу правителей и верховных вождей были очень велики. Они, например, предписывали простым людям при встрече с алии падать перед ним ниц.

На носителя подобного табу простые люди не имели даже права смотреть. Они должны были падать на землю даже перед вещами, принадлежавшими знатному алии. Кто этого не делал, того тут же убивали. Подобное наказание ждало каждого, кто касался самого алии, его вещей и одежды или оказывался на участке, где стояла хижина знатного гавайца.

Многие капу касались жен алии. Им, например, строго запрещалось есть в обществе своих мужей, накладывалось табу и на многие продукты — мясо акул, черепах, свинину. Эти женщины не имели права прикасаться к бананам и очень распространенным на островах кокосовым орехам.

Знатные мужчины обязаны были соблюдать одно-единственное табу — во время каждого новолуния две ночи проводить в особой хижине, стоявшей на территории их святилища. В это время алии не смели трогать руками пищи, поэтому их кормили слуги. В такие ночи они вынуждены были отказываться от радостей любви. Женщину, к которой в такое время прикасался знатный мужчина, немедленно убивали.

Алии охраняли различные табу. Наиболее строгие, естественно, касались гавайского правителя, рожденного от идеального, по представлениям гавайцев, брака правителя со своей родной сестрой. Перед тем как Камеамеа распространил свою власть на весь архипелаг, на отдельных островах правили верховные вожди. Со временем, как я уже говорил, образовались четыре владения — Большой остров, объединенное владение Мауи, Молокаи, Ланаи и Кахоолаве, остров Оаху и, наконец, западные острова Кауаи и Ниихау. Правитель каждого острова одновременно являлся верховным главнокомандующим, законодателем и верховным судьей острова. Ему принадлежала вся земля с ее плодами и океан с рыбой и моллюсками.

Каждый вновь приходящий к власти правитель по-новому делил между своими «вассалами» землю и участки моря, а те, в свою очередь, распределяли треугольники земли среди макааинана. Участок земли тянулся от подножия гор до самого моря, поэтому каждый простой, но свободнорожденный гавaец имел доступ к океану и его дарам, где добывалась соль. Он имел землю для возделывания на ней различных культур, а также лес на склонах гор.

На Гавайях женщины
украшают себя
цветочными венками-леи

Гаваец в традиционном головном
уборе — шлеме из красных
и желтых птичьих перьев

Хижина гавайца у моря

Одно из многих полинезийских святилищ на Гавайях — хеиау (поселок Кон, на Большом острове)

Плантация орхидей в Хило

На склонах вулканов растут удивительные растения, которые местные жители метко называют «серебряным мечом» (остров Мауи)

Прекрасные леи из разноцветных орхидей — местные «ювелирные изделия»

Гавaец в национальном костюме играет на большой раковине — традиционном музыкальном инструменте

Акуа — деревянные изображения гавай-ских божеств

Знаменитая хула

Поля таро (остров Кауаи)

Китобойная шхуна на фоне «Ананасного острова» Ланаи в лучах заходящего солнца

Даже отправляясь в море, гавайцы украшают и себя, и лодку, и собаку венками из орхидей

Гонолулу — административный центр штата. Над городом возвышается потухший вулкан «Алмазная голова»

Главная улица Вайкики — проспект короля Калакауа

Гавайские ковбои *(паниоло)* на своем ежегодном празднике

Вид на город Кон с моря

У новой лодки

Вид на центр Гонолулу
с «Горы жертв»

Горы на Гавайях вулканического происхождения (остров Мауи)

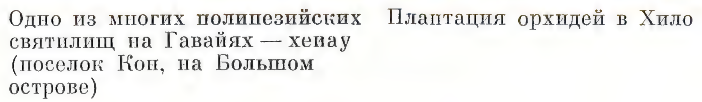
К услугам туристов на острове Мауи подземные бассейны

Прославленные «черные берега», созданные лавой на юге Большого острова

На Гавайях женщины украшают себя цветочными венками-леи

Гаваец в традиционном головном уборе — шлеме из красных и желтых птичьих перьев

Хижина гавайца у моря



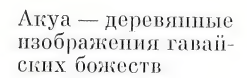
Одно из многих полинезийских святилищ на Гавайях — хеиау (поселок Кон, на Большом острове)

Плантация орхидей в Хило

На склонах вулканов растут удивительные растения, которые местные жители метко называют «серебряным мечом» (остров Мауи)

Прекрасные леи
из разноцветных орхидей —
местные «ювелирные
изделия»

Гавaец в национальном
костюме играет на большой
раковине — традиционном
музыкальном инструменте



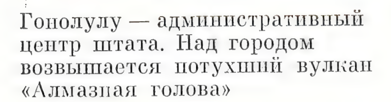
Акуа — деревянные
изображения гавай-
ских божеств

Знаменитая хула

Поля таро (остров Кауаи)

Китобойная шхуна на фоне «Ананасного острова» Ланаи в лучах заходящего солнца

Даже отправляясь в море, гавайцы украшают и себя, и лодку, и собаку венками из орхидей



Гонолулу — административный центр штата. Над городом возвышается потухший вулкан «Алмазная голова»

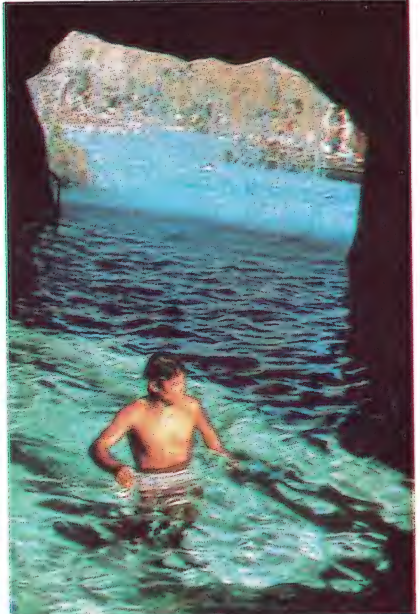
Главная улица Ваикики — проспект короля Калакауа

Гавайские ковбои *(паниоло)* на своем ежегодном празднике

Вид на город Коп с моря

У новой лодки

Вид на центр Гонолулу
с «Горы жертв»



Горы на Гавайях вулканического происхождения (остров Мауи)

К услугам туристов на острове Мауи подземные бассейны

Прославленные «черные берега», созданные лавой на юге Большого острова

От имени правителя землю среди подданных делил один из сановников — *калаимоку* («тот, кто режет островов»). Он буквально резал всю территорию на отдельные участки. Калаимоку был одним из должностных лиц.

Как и менее высокопоставленные чиновники — *конохики* и *ламуку,* исполнявшие обязанности полицейских, стражей порядка, калаимоку должен был служить интересам всего общества. К гавайской чиновничьей верхушке относились также верховный жрец *(кауна нуи),* главный придворный предсказатель — *каула* и его коллега — авгур *килолани,* «военный министр» или заместитель правителя по делам обороны — *пукауа нуи,* личный военный советник — *хоа каа кауа.* Особым подразделением — личной гвардией правителя командовал *хамоку.*

На общественных собраниях представителем правителя являлся чиновник, которого называли *олело.* Все они обязаны были служить интересам общества, но на деле заботились лишь об одном человеке — о своем правителе, его удобствах, об усилении его власти и умножении славы.

При дворе правителя жили *аиканы* — его друзья и *пуали,* в обязанность которых входило присутствие на пирах и участие в беседах. Важную роль играли и *поемоолело:* они составляли родословные правителей. Различные услуги оказывали владыкам и каху. Так, *каху алии* воспитывал детей правителя, *каху акуа* заботился о «личном» божестве владыки, многочисленные *каху меле* слагали в честь властителя песни. Главным придворным официантом был *ауупуу, малама укана* — камердинером, заботящимся об одежде правителя и накидках из перьев, а *каипоо* (буквально «охраняющий голову») следил за сном владыки и за тем, чтобы ложе его всегда было в образцовом порядке. *Паа кахили* во время выхода правителя несли его перьевые штандарты — *кахили.*

В наши дни кахили стал символом этого американского штата, флагом, который по иронии судьбы республиканская Америка заимствовала у полинезийской монархии.

Другой королевский штандарт, сделанный из человеческих зубов, носили во время процессий *паа пукуха,* а *капуо,* придворный герольд, глашатай, человек весьма

уважаемый, возвещал о приближении торжественной процессии.

Среди бесчисленного множества придворных чиновников имелись и такие, на долю которых выпадало, например, массировать ногами спину государя (этот чиновник назывался *иви куамо*), в том числе и ту часть тела, о которой в приличном обществе умалчивают. *Ломи ломи* поручался массаж живота. Если правитель съедал слишком много и уже не мог ничего в себя впихнуть, ломи ломи с помощью массажа помогал освободить желудок от излишков пищи и продолжить пирушку. У ломи ломи была еще одна задача — заботиться о ночном горшке правителя. Так как экскременты правителя тоже были табу, то следили, чтобы никто, особенно враги, не мог овладеть ими и тем самым повредить владыке. Поэтому ломи ломи собирал экскременты своего владыки и в безлунную ночь, тайком пробравшись к океану, бросал их в волны.

Еще один личный слуга — *лаве ипу какеле* — натирал священное тело маслом, хранившимся в тыквенных сосудах. В свою очередь, *пое о сами капу* заботился о детородном органе владыки и следил за всем, что было связано с его интимной жизнью.

Так что ни одна часть тела великого алии не оставалась забытой, за каждую из них, даже за каждую физиологическую функцию отвечал кто-нибудь из бесчисленных придворных слуг.

Годы перед приходом первых белых людей на Гавайи напоминали отношения, царившие в Перу во времена инков. Там вся власть сосредоточивалась в руках одного человека — Солнца нового мира,— рожденного от священного союза брата и сестры, и в этом Гавайи очень похожи на империю инков.

Если бы не Дж. Кук, наверняка вскоре на архипелаге начались бы первые проявления недовольства среди народа. Однако в период, предшествовавший прибытию «белых богов» на берег залива Кеалакекуа, гавайцы воспринимали существующий порядок как установленный божеством свыше и навечно. Они не видели в своих алии, а тем более в самом знатном из них — своем правителе жестоких эксплуататоров, узурпаторов власти, паразитирующих на широких слоях гавайского народа. Простые люди гордились своими вождями, верили в их сверхъестественное, священное могущество и доб-

ровольно подчинялись многочисленным табу. Они пели о вождях хвалебные гимны. В них часто говорилось о том, что значит быть на Гавайях вождем.

Вождю принадлежит вся земля.
Вождю принадлежат земля и океан.
Ночь — его, и день — его.
Это для него созданы времена года — зима и лето.
И Луна, и семь небесных звезд.
Все, все принадлежит вождю...
И пусть он бесстрашно идет вперед,
Он — вождь, который несет, держит весь остров...

ИНТЕРМЕЦЦО В СЕДЛЕ

Знакомство с землей Кохала я закончил в Каваихаэ, где все напоминает о последних гавайских королях и первых европейцах, посетивших Большой остров. До того как распрощаться с этим островом, мне захотелось еще раз побывать в селении Камуэла, расположенном неподалеку от Каваихаэ. Дважды я проезжал его, но ни разу у меня не было времени там задержаться. Меня интересовало не столько само селение, сколько те, кто там обитает, кого называют словом *паниоло.*

Паниоло — это искаженное «эспаньоло». Жители Камуэлы считают себя испанцами, но, судя по их смуглой коже, они — коренные гавайцы. История селения связана с поворотным в гавайской истории периодом последних королей и первых белых людей.

Уже через пять лет после памятной экспедиции Дж. Кука к берегам Большого острова подошел парусник под командованием еще одного европейского мореплавателя, который научился понимать гавайцев лучше любого из белых людей, побывавших к тому времени на архипелаге, капитана Джорджа Ванкувера. Среди подарков, преподнесенных им королю Камеамеа, было несколько быков и коров. Могущественный король принял дары с благодарностью, но провозгласил по отношению к крупному рогатому скоту строгое капу. И коровы, охраняемые грозным запретом, стали бурно размножаться — им понравились чудесные Гавайские острова. Вскоре поголовье скота настолько увеличилось, что одичавшие коровы не только стали угрожать самим

островитянам, но и нарушили экологическое равновесие гавайской природы. В конце концов король вынужден был издать приказ соорудить высокие каменные стены, чтобы как-то защититься от коров Ванкувера, которым так полюбились горные склоны Кохалы и долина Мауна-Кеа. Однако стены не помогли, тогда он отменил священное табу на коров. Кроме того, пришлось искать человека, который обуздал бы одичавшее стадо.

Выбор пал на матроса Джона Паркера из Ньютауна (штат Массачусетс). Ему по горло надоела арестантская жизнь на новоанглийских парусниках, и он был рад заняться чем-либо другим. Правитель архипелага спросил его, не поможет ли он им избавиться от «дара» белых людей, который превратился в несчастье для островитян. Джон Паркер, не колеблясь ни секунды, вызвался помочь королю и вскоре превратился в охотника на одичавших коров. Позднее он занялся коммерцией — продавал кожу и жир — и не только снискал расположение гавайского правителя, но и сколотил себе неплохое состояние. Затем Джон купил у короля большой участок земли на склонах Мауна-Кеа и основал ранчо, которое до сих пор носит его имя.

Сыновья и внуки бежавшего с парусника матроса продолжили семейную традицию, они неустанно расширяли свое ранчо, пока оно не стало самым крупным землевладением одной семьи в Соединенных Штатах Америки. Мне сказали в Камуэле, что в наши дни территория ранчо Паркера превышает триста двадцать пять тысяч акров. Итак, вовсе не на широких пространствах Техаса или Нью-Мексико, а на Большом острове Гавайского архипелага раскинулось крупнейшее американское ранчо. Хотя я не в Техасе, а на Гавайях, тем не менее окрестности Камуэлы живо напомнили мне Техас и другие южные и юго-западные штаты Америки.

Давно ли я покинул Каваихаэ? Далеко ли отсюда находятся окаймленные пальмами, благоухающие тропическими цветами пляжи Кохалы? Расстояние это я преодолел на машине за каких-нибудь пятнадцать минут, но среди здешних плантаций я чувствовал себя в совершенно ином мире. Вокруг меня раскинулись бескрайние зеленые луга, а дальше ландшафт еще менее полинезийский, еще более техасский: здесь растут кактусы, по земле рассыпаны колючки. Один гектар таких почв может от силы прокормить двух-трех коров. Тем

не менее на землях ранчо Паркера пасется более семидесяти тысяч высокопородных коров. Именно за этими бесчисленными стадами и ухаживают смуглые «испанцы» Камуэлы.

Естественно, Джон Паркер не мог в одиночку переловить весь одичавший скот. Еще труднее оказалось выращивать стадо, когда он превратился во владельца первого гавайского ранчо. Говорят, будто бы по распоряжению наместника Большого острова Куакини из Калифорнии привезли трех ковбоев-мексиканцев. Они научили гавайцев всем премудростям своей профессии.

Ранчо расширялось, и вместе с ним росло число работающих на нем полинезийцев. Правда, теперь на работу сюда нанимались исключительно местные жители, тем не менее все они называли себя испанцами — паниоло. И для «своих», гавайских испанцев внук Джона Паркера Самуэл Паркер построил селение, которое назвал своим именем. Но так как в гавайском языке отсутствует «с», то имя Самуэл превратилось здесь в Камуэл.

Камуэла, где живут гавайские «испанцы», вовсе не похожа на полинезийское селение. Она напоминает скорее маленькие городки Новой Англии во времена детства Джона Паркера: деревянные домики за высокими заборами с небольшими палисадниками, полными магнолий, азалий и камелий. В центре — магазин «Паркер Рэнч Стор», там можно купить все, что необходимо настоящему ковбою,— от широкополого «стетсона» до серебряных шпор.

В магазине и во время встреч с гавайскими ковбоями больше всего меня поразило влияние, оказанное «мексиканскими учителями» на местных жителей. Прожили они среди гавайцев недолго, но тем не менее островитяне многое унаследовали из мексиканской культуры, начиная с песен и музыкальных инструментов и кончая седлом и широким красным ковбойским поясом, которые паниоло до сих пор надевают по праздникам.

В такие дни гавайские ковбои гордо и смело гарцуют на своих лошадях, действительно во многом напоминая знаменитых наездников гаррос, которых я видел во время мексиканских фиест. Но ведь это Гавайи, и здешние ковбои носят не только широкополые шляпы и серебряные шпоры, не только восседают в замечательных

седлах, привязав сбоку лассо, но и украшают себя венком-леи. Но Гавайи есть Гавайи, и, кроме всадников-ковбоев, есть здесь и амазонки — «ковбойки». На них длинные платья по моде, заведенной здесь миссионерами, и широкая шляпа. И, конечно же, шляпы и шеи всех амазонок украшены леи. Более того, прекрасные венки уложены на головах лошадей, цветочные гирлянды прикреплены к их гривам.

Наездники и лошади, увитые орхидеями, очень живописны. Без них не обходится ни одно более или менее крупное торжество на архипелаге. Однако самый большой свой праздник гавайские ковбои отмечают в Камуэле. 4 июля они устраивают конные состязания, а в ноябре или декабре проводится настоящее ковбойское родео со всеми его атрибутами — укрощением диких быков, бросанием лассо, скачками. Все точно так же, как в Техасе. Кроме места действия. Правда, здесь в нескольких километрах от зеленых лугов с шумом бьются о берег волны Великого океана и цветут прекрасные гавайские орхидеи, которые украшают участников родео — и наездников и лошадей.

МАУИ КАК МАУИ

Неподалеку от Камуэлы находится аэропорт. Здесь у вывески «Ваимеа — Кохала — Эйрпорт» я окончательно распростился с Большим островом и отправился на соседний Мауи. Для того, кто, подобно мне, путешествует с востока на запад, Мауи — второй по счету остров Гавайского архипелага, он же и второй по величине. По размерам его превосходит лишь Большой остров.

Слово «мауи» знает каждый, кто хотя бы раз побывал на полинезийской земле, знаком с ее мифами, легендами и сказаниями. Остров назван именем самого почитаемого во многих уголках героя полинезийской мифологии. И здесь, на Гавайях, акуа Мауи — один из популярнейших героев, хотя и не входит в сонм великих гавайских богов.

В представлениях полинезийцев Мауи сыграл особую роль в истории Гавайского архипелага. Некоторые

мифы утверждают, что именно он был первооткрывателем островов и подарил их людям. Вот как это случилось.

Там, где сейчас плывут в океане восемь прекрасных жемчужин венца Полинезии, когда-то была бесконечная морская гладь. В водах этой части океана водилось много рыбы. Сюда со своими братьями и отправился на рыбную ловлю Мауи. Братья должны были грести, Мауи — ловить рыбу. Много раз Мауи забрасывал в море удочку. Наконец он почувствовал, что попалась необыкновенно большая добыча. Мауи приказал братьям опустить весла, чтобы добыча не сорвалась с крючка. Распоряжение было отдано вовремя, потому что на волшебной удочке Мауи оказался целый материк. Он хотел было вытащить его, но боялся сделать хотя бы одно неосторожное движение: материк мог разломиться. Мауи очень аккуратно вытягивал из воды необычную «рыбу». Однако его нетерпеливые братья, которым хотелось поскорее взглянуть на невиданный улов, рванули лодку, и материк развалился. Огромный кусок суши превратился в восемь Гавайских островов. Самый красивый и живописный гавайцы и назвали в честь мифологического рыбака, которому удалось «поймать» архипелаг.

Сказания о том, как Мауи открыл полинезийские острова, «достав» их из голубых вод Тихого океана, я слышал на многих островах Южных морей. Иногда мне даже описывали «рыбную ловлю» Мауи во всех подробностях, со многими деталями.

Однако на самом Мауи местные жители больше чтят своего покровителя за полезную деятельность во имя людей. О благородных поступках Мауи рассказывается в многочисленных мифах, которые как бы представляют собой небольшой законченный цикл. Я записал некоторые предания, повествующие о добрых и полезных делах мудрого Мауи.

В одном из них говорится, как Мауи приподнял небосвод. Много-много лет назад на земле было значительно меньше места, чем в наши дни. Небо висело очень низко, так, что стволы деревьев сгибались, а листья были плоскими. Из-за того, что оно было таким низким, люди не видели ни холмов, ни гор, а солнечные лучи обжигали, словно огнем. Кожа людей обугливалась, поля напоминали готовый вспыхнуть трут. Несча-

стные островитяне страдали. Тогда Мауи решил помочь людям. Он глубоко вздохнул, выпрямился и увидел, что выпрямились высокие кустарники и деревья. Небесный свод теперь висел над самыми кронами деревьев. Еще раз выпрямился Мауи, и снова небосвод приподнялся. Людям открылись холмы и горы. В третий раз выпрямился Мауи и отодвинул небо туда, где оно расположено сейчас. А солнце, запрятанное им подальше, грело теперь намного слабее, чем раньше.

В другом гавайском предании говорится о том, что сделал Мауи, чтобы вернуть солнце поближе к миру людей: теперь оно стало светить очень слабо — не более трех-четырех часов в сутки. Оказывается, солнце — я об этом до сих пор не знал — очень любит подольше поспать и понежиться в постели. Вот и стало оно быстрее завершать свой путь по небосклону, чтобы поскорее вернуться на свое ложе.

Ложем золотого солнечного диска считается вершина потухшего вулкана Халеакала («Дома солнца»). Вулкан расположен на острове Мауи и взметнулся в небо выше облаков.

Со своего горного ложа солнце поднимается очень медленно. Его диск сначала высовывает одну из шестнадцати ног, и первый солнечный луч лениво выглядывает из-за горной вершины. Потом показывается второй луч. Так постепенно солнце встает на все свои шестнадцать ног.

Это учел в своем плане хитроумный Мауи. Он собирался поймать на небе шестнадцать солнечных лучей — шестнадцать ног золотого диска. Для каждой из них Мауи приготовил длинную веревку с большой петлей на конце. С этими шестнадцатью лассо он отправился охотиться на солнце. Поднявшись на вершину Халеакала, стал ждать момента, когда после первого крика петуха с солнечного ложа поднимется первая нога. Показался луч, и Мауи поймал его первым лассо, привязав к прочному стволу дерева *виливили*.

Постепенно Мауи связал весь золотой диск, все ноги солнца, и оно совсем не смогло двигаться. Тогда солнце сказало Мауи:

— Прошу тебя, освободи меня.

Мауи поставил условие:

— Я освобожу тебя, если ты выполнишь мое желание.

— Каково же твое желание?

— Спустись, солнце, пониже к земле, двигайся по небосклону помедленней и будь на нем подольше. И не спи так много, не ленись светить, ведь полям людей нужно больше тепла, больше твоих лучей.

Солнцу не оставалось ничего другого, как согласиться. Оно спустилось к краю небосклона и теперь посылает на землю столько лучей, сколько нужно людям. Ни больше, ни меньше. Оно греет, но не сжигает. Светит, но не ослепляет. И движется по небу дольше и медленнее, чем раньше.

Мауи не только подарил островитянам благословенный солнечный свет, но и дал им огонь. Потому что раньше — об этом рассказывается в другом мифе о Мауи — полинезийцы не умели добывать огонь. Мауи, который в то время обосновался около Хило, на востоке Большого острова, каждый день, уходя в море на рыбную ловлю, видел столб дыма, поднимавшийся из одного и того же места в горах. Несколько раз Мауи отправлялся в горы, чтобы понять, что из себя представляет огонь и как его разводят. Но каждый раз он видел лишь черный, мертвый круг от костра, пепел да следы птиц *алаэ* [25].

«Что они тут делают?» — думал он.

Лишь через несколько дней Мауи подслушал разговор двух алаэ.

— Сегодня, брат, мы не сможем разжечь огонь,— сказал один алаэ.

— Ты прав, милый брат. Сегодня мы действительно не сможем этого сделать, ведь Мауи не ушел в море ловить рыбу, и он может узнать, как мы разводим огонь.

Мауи понял, что только хитростью ему удастся узнать секрет. Он попросил своего друга назавтра выйти вместо него в море на его лодке, сам же спрятался в кустах и стал ждать, что будет дальше. Алаэ не разгадали его хитрости. Они были уверены, что Мауи, как всегда, уплыл в море, и развели огонь. Однако Мауи снова увидел лишь дым, так и не заметив, как птицы

---

[25] Алаэ, или гавайская камышница *(Gallinula chloropus sandvicensis)* — семейство пастушковых *(Rallidae)*, редкая птица болотистых участков Гавайских островов. На острове Оаху сохранилось до ста птиц (1962 год), на острове Кауаи — двести (1966 год). Мировая популяция птиц — до трехсот экземпляров; занесена в Красную книгу.

высекали искры. Тогда он схватил одну птицу и пригрозил:

— Я убью тебя, если ты не скажешь, как добывать огонь.

Птица ответила:

— Потри кусок дерева о банановый лист.

Мауи попробовал это сделать, но ничего не получилось. Он страшно рассердился:

— Я буду тереть эту деревяшку о твою голову до тех пор, пока ты не скажешь мне правду, как добыть для людей огонь.

И сделал то, что обещал: у алаэ на голове выступила кровь (и по сей день на головах у всех алаэ есть несколько красных перышек). Птица молила о пощаде:

— Потри, Мауи, сухую ветку о твердую, иссохшую деревяшку,— призналась она.

Мауи так и сделал, огонь загорелся и был подарен островитянам.

Много полезного сделал для людей Мауи: он подарил им острова, поднял для них небо, сделал покорным солнце, заставив его служить людям, научил добывать огонь. Мауи захотел открыть жителям своих островов еще более великую тайну, самую важную и удивительную — тайну вечной жизни, секрет бессмертия. Но за любовь к людям, за мечту даровать им вечную жизнь он заплатил собственной жизнью. Ведь эту величайшую из тайн охраняла богиня ночи. Когда Мауи пытался похитить тайну, то был пойман и убит ее слугами.

Так погиб добрый Мауи, любивший своих полинезийцев больше самого себя, подаривший им огонь и землю.

ПОДНЯТЬСЯ К ОБИТЕЛИ СОЛНЦА

Жители Мауи твердо убеждены, что остров, носящий имя любимейшего героя полинезийцев, не может быть обыкновенным, и с гордостью говорят:

— *Мауи но ка ои* («Остров Мауи — самый лучший»).

Для меня ворота на Мауи — местный аэропорт. После сорокапятиминутного полета серебристая птица

авиакомпании «Алоха Эрлайнз» (что только не называют на этом архипелаге словом *алоха*!) приземлилась в аэропорту городка Кахулуи, расположенного почти в центре острова. На карте Мауи похож на подкову, перетянутую примерно посередине. Это узкое место называется «перешейком Мауи», на нем и находится Кахулуи.

Мауи, так же как и все другие острова архипелага, вулканического происхождения. Если Большой остров порожден деятельностью пяти вулканов, то в создании Мауи участвовали лишь два. Сначала вырос западный вулкан — Пуу Кукуи. Его высота не превышает тысячи восьмисот метров над уровнем моря. Кстати, это одно из самых влажных мест на Гавайских островах (в год здесь выпадает невероятное количество осадков — около десяти тысяч миллиметров). На восточной части острова на высоту до трех тысяч метров поднимается второй вулкан — Халеакала («Дом солнца»), тот самый, на котором когда-то Мауи удалось связать солнце, приблизить к людям и замедлить его бег по небосклону.

Эти два вулкана — Пуу Кукуи и Халеакала — словно приросли друг к другу широкими основаниями, соединенными десятикилометровым перешейком, на котором расположены аэродром и строящийся новый город Кахулуи, который в будущем станет крупным населенным пунктом.

В Кахулуи разместилась Гавайская сахарная компания. Сахарный король пользуется в городе неограниченной властью. Здесь построены крупные заводы — перерабатывающие продукцию самых обширных в США полей сахарного тростника и консервирующие ананасы. В порту эти сладкие дары мауийской земли грузят на заморские суда.

Архитекторы возводят новый город по строгому плану. Воздушные и морские ворота острова окружены поселками с небольшими коттеджами (сахарная компания строит их для своих рабочих). Удобные коттеджи приятны на вид, но уж очень однообразны. Судя по всему, таким же однообразным окажется и весь новый Кахулуи, ультрасовременный и безликий.

Не прошло и часа, как пешком от Кахулуи я добрался до его главного конкурента — городка Ваилуку, в наши дни столицы острова и всего округа, в который

также входят острова Ланаи, Молокаи и необитаемый Кахоолаве. Ваилуку красивее Кахулуи и чем-то напоминает Камуэлу. Здесь, в Ваилуку, я тоже ощущал особую, непередаваемую атмосферу XIX века — времени, когда на Гавайских островах впервые стали селиться белые люди. В Ваилуку сохранилось несколько зданий того времени, в том числе белая церковь здешней миссии и принадлежавшая ей женская школа. Фасад школы украшен благородным сандаловым деревом.

В здании школы теперь находится музей гавайской культуры. В его центральном зале, названном в честь последнего правителя острова Мауи — Кахекили, мое внимание привлекли тапа и деревянные скульптуры.

Бывшая женская школа стоит на краю великолепной долины Лао. Вообще, Мауи нередко называют «Островом долин». Ярко-зеленую Лао с обеих сторон окаймляют высокие, крутые горные откосы. Пройдя по каньону километров пять, я вышел к каменной «игле», ставшей символом всего острова Мауи. «Игла Лао» — это семисотпятидесятиметровый пик, одно из самых замечательных чудес прекрасного архипелага. «Игла Лао», думается, есть на всех открытках с изображением острова Мауи.

Как известно, король Камеамеа сражался с владыками этого острова. Именно здесь, в живописной долине Лао, произошла решающая битва между двумя армиями. Воины Камеамеа загнали защитников острова глубоко в долину, и, когда отступать им было уже некуда, началась кровавая сеча, в которой погибли все до единого воины, оборонявшие Мауи. Об этом страшном событии напоминает и река Лао, протекающая в долине. После битвы она получила второе название — Капаниваи, что по-гавайски значит «Потемневшие воды», потому что после окончания сражения тела воинов острова Мауи были сброшены в реку, и в течение трех дней чистейшие воды быстрого, искрящегося горного потока были красными от людской крови.

Из зеленой долины Лао я отправился в дальнейшее путешествие по острову. Миновав северные склоны трехкилометрового вулкана Халеакала, я добрался до сердца самой восточной части острова — поселка Хана.

К названию Хана традиционно прибавляют *хевили* («небесный»). Так называют селение потому, что благодаря его изолированности, до 1927 года сюда не

было проложено ни одной дороги. В то же время в этой земле зеленых джунглей, высоких водопадов и голубого моря удивительно мало туристов и живут главным образом полинезийцы. Больше чем в любой части острова здесь сохранились полинезийские песни и танцы, полинезийское дружелюбие, тут лучше, чем где-либо в другом месте, чувствуешь, что значит гавайская алоха.

Я посетил здесь два больших святилища, одно из которых — Пиилапихале — вообще самый крупный из сохранившихся полинезийских храмов на архипелаге. Я видел также семь священных озер, игравших важную роль в ритуалах древних гавайцев. Побывал на родине первой жены Камеамеа — знаменитой Каауману. Наконец, я оказался на самой восточной оконечности острова Мауи — Кауико. Отсюда через пролив Алленуихаха к Большому острову уходили флотилии Мауи, здесь высаживались войска соседей.

Из поистине небесной Ханы я вернулся в Ваилуку той же дорогой, петлявшей в буйной зелени джунглей. Вокруг росли дикие хлебные деревья, лоа и кукуи и, как и на других островах Южных морей, в огромном количестве панданусы. Время от времени зеленую стену джунглей прерывали белые ленты водяных каскадов. Больше всего мне понравились «Двойные водопады». Иногда сквозь джунгли открывался вид на какую-нибудь рыбацкую деревеньку, прижавшуюся к самому берегу моря, вокруг в карауле стояли бананы, папайи и другие экзотические деревья, неподалеку раскинулись возделанные поля таро.

Благословенные места! Я пожелал бы каждому медленно прогуляться по дороге в Хану. После пребывания в тропическом раю я спешил подняться на самую высокую вершину Мауи — совершить восхождение на Халеакалу, к «Дому солнца».

Отправным пунктом для тех, кто собирается совершить паломничество к заоблачной обители солнца, является Ваилуку. Здесь начинается дорога, в наши дни уже шоссе, которое через каких-нибудь шестьдесят четыре километра поднимается на высоту трех тысяч пятидесяти семи метров. Путеводители и рекламные проспекты с гордостью утверждают, что ни одно шоссе в мире не ведет так круто вверх и нигде на планете не бывает так, чтобы лишь на расстоянии шестидесяти

четырех километров от берега океана находилась вершина могучей горы. В данном случае реклама не лжет.

Сначала я решил совершить подъем на Халеакалу пешком, чтобы в полной мере испытать все этапы восхождения к «Дому солнца». Однако мне представилась возможность присоединиться к супружеской паре, которая собиралась отправиться на вершину солнечной горы на своем «лендровере». Это была удивительная поездка. Дорога мне напоминала тропу, ведущую в небесную Хану. Мы ехали вдоль широко раскинувшихся плантаций сахарного тростника и экзотических ананасов, мимо эвкалиптовых рощ.

Через несколько десятков километров, на высоте двух тысяч ста пятидесяти метров, нами была замечена табличка с надписью, что мы (а я уже второй раз — после знакомства с вулканами Большого острова) попали на территорию национального парка Хавайи-Волкейнос. Время от времени по обочинам дороги встречались смотровые площадки.

Одна из них — Лалеиви. Здесь я впервые увидел короля здешнего пейзажа, одно из уникальных явлений местной флоры. Островитяне называют его «серебряным мечом» [26]. Это весьма своеобразное растение напоминает взъерошенного дикобраза с серебряными иглами, действительно похожими на восточные мечи. Издавна оно росло лишь на Мауи. Позднее «серебряный меч» прижился и на вулканических склонах Большого острова. Утверждают, что в редчайших случаях «серебряный меч» можно встретить еще и в Гималаях, но больше нигде в мире. Ощетинившись, «серебряный меч» живет три десятилетия, но в один прекрасный день наступает миг его величия. На высоту более трех метров взлетает великолепный фейерверк красных и желтых цветов. Несколько дней на склонах вулканов горят удивительной красоты фонарики «серебряных мечей». Стоит цветам увянуть, как «серебряный меч» мгновенно гибнет. Здесь, у смотровой площадки Лалеиви, где мы остановились, поднимаясь к вершине солнечной

---

[26] «Серебряный меч» — кустарник рода *Argyroxiphium* семейства сложноцветных, покрыт серебристыми волосками, на крупном стебле — желтые цветки, растет только в обширном кратере вулкана Халеакала, на острове Мауи, другие виды того же рода встречаются на других островах Гавайев.

горы, мне улыбнулось счастье. Я увидел цветущий пурпурными цветами «серебряный меч».

Покинув Лелеиви, мы отправились по дороге к следующей смотровой площадке — Калахаку. Там постояли минуты две, полюбовались чудесным видом и отправились дальше, к вершине, туда, где находится обитель солнца. Наконец-то мы оказались у цели — «на крыше» острова Мауи, на высоте более трех километров над уровнем океана, до которого, как кажется, буквально рукой подать.

На краю кратера Халеакалы я распрощался со своими попутчиками. Они решили объездить на машине национальный парк Хавайи-Волкейнос, а мне захотелось одному, без попутчиков, не ограничивая себя во времени, полюбоваться раскинувшейся передо мной картиной.

Гавайские предания гласят, что в этом кратере живет солнце, а мне здешний ландшафт почему-то показался лунным. Жерло вулкана похоже на лунные кратеры на фотографиях, сделанных астронавтами, побывавшими на Луне. Кратер огромный. Когда-то «Дом солнца» вздымался острым пиком, но затем пустые пожны остроконечной вершины Халеакалы треснули и рухнули вниз, обнажив внутренности невероятно большого кратера. «Дом солнца» — еще один гавайский «чемпион» — самый большой потухший вулкан в мире. Честно говоря, спит он не так уж крепко. Последний раз Халеакали дымился в 1790 году, что с геологической точки зрения произошло совсем недавно.

Глядя в дремлющий кратер, я любовался открывшейся передо мной удивительной картиной. Он был похож на дупло сверхгигантского зуба: длина — пятнадцать, ширина — пять километров, глубина — почти тысяча метров. Со дна площадью пятьдесят квадратных километров торчали бородавки девяти внутренних куполов — лавовых отверстий. Богата и палитра кратера: много черного цвета, попадаются серые, коричневые, желтые и даже пурпурные пятна.

Больше всего меня восхитила не красочность вулканического жерла, а многоцветие облаков, которые заплывают в кратер, медленно движутся или висят в нем, а потом покидают его. Говорят, гавайцы даже усматривали в этой игре прообраз космических столкновений «Войны миров» Уэллса, непрекращающуюся борьбу

«юга» против «севера». Южная сторона посылает в бой облака *нуалу*, северная — *икиукиу*. Воздушные армады обеих сторон гонит ветер *киу*. Бывают моменты, когда киу выдувает из кратера все облака, все туманы, тогда наступает космический мир, время успокоения. И людям открывается ясный глаз вулкана. Согласно поэтическим представлениям гавайцев, это *Ала нуи о лани* («Великий путь, ведущий на небеса, в рай»).

Я не мог оторваться от цветных халеакальских облаков. Я наслаждался этим зрелищем. Думаю, ни одному художнику еще не удалось воспроизвести эти волшебные краски. Подобный «театр света» природа якобы воссоздала на горе Броккен.

Не знаю, удастся ли мне описать игру света, которую я наблюдал на вершине Халеакалы. Свет отбросил мою тень на клубящиеся облака. Но она была вовсе не той тенью, к которой я привык — серой или черной. Нет, плывущие облака раскрасили ее всеми цветами радуги. Эту «Латерну магику» [27] горы, где Мауи поймал и укротил солнце, бесстрастный язык науки называет «брокkенским эффектом».

Я не смогу точно описать или объяснить «брокkенский эффект», но я его видел и... сам превратился в радугу. Стал не одной, а семью красками, приняв участие в игре безостановочного калейдоскопа, в непрекращающейся борьбе света и тени, бесшумном столкновении облаков — в том самом зрелище, которое стало для гавайцев прообразом звездной войны.

Я стоял наедине со своей радужной тенью и уже не верил своим обычным ощущениям. Я не понимал, как возникает столь фантастическое видение, красочное, как грезы наркоманов. Снова я вспомнил Марка Твена, который точнее всех людей, очарованных Гавайями, выразил чувства, испытанные и мною. Много лет назад он написал здесь, на вершине «Дома солнца», такие слова:

«Я чувствую себя так, словно я единственный оставшийся на земном шаре человек, которого забыли во время последнего суда, вознесли и оставили здесь — на полпути к небесам».

---

[27] «Латерна магика» — всемирно известный чехословацкий театр, использующий в своих эстрадных представлениях самые разнообразные формы сценического искусства, широко применяющий световые эффекты.

Из Ваилуку я направился в селение Лахаина, которое понравилось мне больше других на этом острове. Расстояние между Ваилуку и Лахаиной не очень велико — менее сорока километров. Сначала дорога пересекла перешеек, у деревеньки Маалеа спустилась к южному берегу острова, а дальше петляла среди прибрежных скал, поэтому, видимо, ее и назвали гавайской Амальфитаной. Амальфитана — это живописное итальянское шоссе, которое, начиная от знаменитого Сорренто, ложится сотнями крутых поворотов вдоль скалистого берега моря до селения Амальфи.

Гавайская Амальфитана вовсе не так опасна, как ее итальянская тезка. Около Оловалу откосы вулкана Пуу Кукуи даже отступают от берега, образуя своего рода прибрежную долину, где достаточно места для возделывания сахарного тростника.

Для меня, интересующегося историей Гавайских островов, Оловалу имеет особое значение. Здесь в конце XVIII века безжалостный капитан Меткаф устроил страшную резню: он мстил полинезийцам за мнимое воровство одного из его парусников. Чуть дальше от берега находится памятник культуры, сохранившийся с еще более далеких времен. Это петроглифы — наскальные изображения.

Вглядываясь в наскальные рисунки, которым около трехсот лет, я впервые читаю «повествование» о жизни создателей рисунков, написанное их собственной рукой. Я вижу схематизированные человеческие фигурки, домашних животных — собак и кур, изображения даров моря — рыб и черепах, а также рыбацких лодок. Многие из этих рисунков воспроизведены на сегодняшних тканях. На скалах встречаются символы, смысл которых не ясен.

Я покинул Оловалу и преодолел немало километров, прежде чем прибыл в Лахаину, очаровательное местечко на острове Мауи. Прелесть ее не в красотах природы. Дело в том, что нигде так сильно не ощущается, как здесь, в Лахаине, дух тех далеких времен — первой половины прошлого века.

Встреча с давно ушедшей эпохой Сандвичевых островов начинается сразу же, с маленькой гостиницы, в

которой я остановился. Кажется, в «Пайонир Инн» ничего не изменилось с тех пор, как первооткрыватели пришли в эти края. Мой номер полностью оборудован в стиле XIX столетия. На стене в отличие от других подобных заведений нет перечня гостиничных услуг и цен на них. Например, валяться в кровати целый день разрешается только по субботам. Более того, во всех гостиничных распоряжениях и объявлениях используется название, данное архипелагу еще Дж. Куком и в наши дни почти забытое,— Сандвичевы острова.

Я вышел из старой, доброй «Пайонир Инн», в существование которой трудно даже поверить, и отправился к дому миссионера Дуайта Болдуина, чтобы посетить достопримечательность Лахаины — жилище одного из первоучителей веры Христовой на Гавайских островах. Болдуин не только нес островитянам слово божье, но и оказался первым в Лахаине настоящим врачом. Поэтому в доме-музее миссионера, построенном из кораллового известняка и могучих стволов дерева охиа, выставлены наводящие ужас хирургические инструменты первой половины прошлого века. В основном коллекция посвящена миссионерской деятельности на Гавайях Дуайта Болдуина и его фанатичных товарищей.

Однако дом-музей Болдуина — далеко не единственное напоминание о первых христианских миссионерах на архипелаге. Если отойти от дома целителя души и тела километра на два и подняться на холм, то попадешь в здание миссии Лахаиналуна, где подвизался еще более известный миссионер — Ричардс, прибывший сюда из Массачусетса в 1823 году. При этой миссии в 1831 году была открыта первая на острове школа. Кстати, это была вообще первая школа к западу от Скалистых гор.

В этой школе миссионеры обучали детей из знатных гавайских семей. Один такой привилегированный школьник, полинезиец Дэвид Мало, научившись читать и писать, создал на гавайском языке удивительное произведение «Гавайские древности». В нем он описал все, что ему было известно об угасающей культуре его полинезийских предков. Эта книга — неоценимое подспорье для каждого, кто захочет понять мироощущение далеких пращуров нынешних полинезийцев.

В Лахаиналуне миссионеры открыли также первую на архипелаге типографию «Хэйл пай» и с 1834 года

приступили к изданию первой газеты на гавайском языке «Ка Лама Хаваии» («Гавайский факел»). С огромным интересом я просматривал газетные полосы — первые тексты, отпечатанные на гавайском языке. Здесь вышел первый гавайско-английский словарь. Печатались тут и денежные знаки.

Чтобы донести до полинезийцев слово божье, слуги Иеговы прежде всего создали гавайский алфавит, гавайскую письменность. Нельзя недооценивать заслуг миссионеров в этом деле. Спустя всего два года после появления первых миссионеров, 7 января 1822 года, из-под печатного станка Элиша Луми вышли первые четыре странички печатного текста. Прежде чем издавать религиозные тексты, Элиш Луми напечатал алфавит и маленький словарик. Разумеется, вскоре были изданы и тексты молитв, первые переведенные на гавайский язык главы Библии, религиозные гимны. Наряду с ними выходили и трактаты типа «Как избежать опьянения», «Трактат о лжи», «Трактат о христианском супружестве» и др.

На Гавайях миссионеры появились сразу после смерти великого Камеамеа. Я побывал на кладбище, где покоятся кости тех, кто позвал сюда миссионеров. Здесь на открытом пространстве когда-то совершались богослужения. Теперь на этом месте возвышается церковь Ваиола, с незапамятных времен называемая Ваинеэ. Тут вечным сном спит любимая жена Камеамеа I и мать двух будущих королей — Камеамеа II и Камеамеа III, царица Кеопуолани. Здесь же покоится еще одна жена великого короля — Калакуа. Лежит и верный друг Камеамеа, наместник Мауи Хоапили, а также единственный не побежденный в бою самим Камеамеа правитель острова Кауаи Каумуалии, женившийся позже на одной из его вдов — регентше Кааумане.

Именно вдовы Камеамеа — Кеопуолани и регентша Кааумана дали толчок развитию драматических событий, благодаря которым миссионеры вступили на землю Гавайского архипелага. В наши дни эти женщины и многие герои и героини тех давних событий покоятся вместе под пальмами мирного кладбища Ваинеэ...

Главные герои событий давно умерли, превратились в прах. Дом миссионера Болдуина, здание миссии Лахаиналуна и обитель покойников освещает солнце. Всюду царит покой и тишина.

Кладбище Ваинеэ, дом миссионера Болдуина, миссия Лахаиналуна, ныне исторические достопримечательности интересного городка острова Мауи, когда-то были ареной, на которой разыгрывались события, ставшие переломными в истории Гавайев. Прежде чем Лахаина смогла осенить себя крестом, должен был умереть великий король Камеамеа. С той минуты в жизни Гавайских островов важную роль стали играть две вдовы короля.

Хотя Камеамеа в переводе значит «Одинокий», «Покинутый», на самом деле этот самодержец был не столь уж одиноким. Известно, что у него была двадцать одна жена. Первой была энергичная Кааумана, но самой любимой стала вторая — Кеопуолани, которую он получил в качестве военной добычи. Лиолио, перворожденного сына из одиннадцати детей от Кеопуолани, он назначил своим наследником, а умную Кааумацу еще при своей жизни объявил регентшей, дав ей право накладывать вето на решения нового короля. Пост верховного жреца Камеамеа отдал своему племяннику Кекуаокалани.

Естественно, что верховный жрец Кекуаокалани чтил полинезийских богов и стремился хранить гавайские традиции и полинезийскую религию. Однако вдовы Камеамеа — регентша Кааумана и царица-мать Кеопуолани придерживались другой точки зрения. Им хотелось как можно быстрее покончить с системой гавайских табу, а заодно и с верой своих предков. Такой была ситуация, сложившаяся на Гавайях после смерти Камеамеа. На другой стороне планеты, в Новой Англии (на северо-востоке Соединенных Штатов Америки), также готовились к борьбе с полинезийскими богами. Это были фанатичные христиане — кальвинисты из Массачусетса и Коннектикута, которые узнали от моряков, что в Тихом океане существуют острова, где живут десятки тысяч язычников, не знающих крещения и не слышавших слова божьего.

Пуритан из Новой Англии просили о помощи сами гавайцы, добравшиеся на утлых суденышках до побережья Северной Америки. Одним из них был Опукахаиа. Первый раз это имя я услышал на берегах залива

Коалакекуа, где когда-то произошла встреча двух миров — гавайского и негавайского.

Местные жители показали мне неподалеку от деревни Напоопоо скалу, с которой прыгнул в море шестнадцатилетний Опукахаиа, чтобы подплыть к одному из первых парусников чужеземцев, бросивших в заливе якоря. К скале прикреплена мемориальная доска, на которой написано: «В память о Генри Опукахаиа. Родился в 1792 году в Кау. С 1797 по 1808 год жил в Напоопоо, затем до своей смерти в 1818 году в Новой Англии — Корнуолли, штат Коннектикут. Его вера в Иисуса Христа и любовь к людям помогли основать первую американскую миссию на Гавайях».

Не знаю, насколько эти слова соответствуют истине. Бесспорно одно: юный Опукахаиа принял участие в междоусобной войне на Гавайских островах. Он был свидетелем страшной братоубийственной бойни: на его глазах погибли мать, отец и брат, и поэтому он решил бежать с Большого острова. Когда в заливе Кеалакекуа бросил якорь парусник капитана Бринтнелла из штата Коннектикут, Опукахаиа прыгнул в воду и поплыл к паруснику. В отличие от своих соотечественников он это сделал не для того, чтобы приобрести у белых людей какие-нибудь вещи, а для того чтобы остаться в мире пришельцев.

Капитан Бринтнелл взял юношу к себе на судно, а затем, уже в Нью-Хейвене, привел в свой дом. В Нью-Хейвене находился один из лучших американских колледжей того времени — Йелский. Тут только у Опукахаиа открылись глаза. Увидев этот храм науки, он зарыдал, поняв, насколько невежественны его соотечественники. Юношей, который принял так близко к сердцу непросвещенность своих земляков-островитян, заинтересовался профессор теологии. Опукахаиа, вскоре овладевший языком белых людей и воспринявший их образ мышления, загорелся идеей нести христианскую правду своим далеким братьям па Сандвичевы острова, тем, кто все еще жил во тьме языческого невежества.

Именно рассказы Опукахаиа о том, какие несчастья приносит гавайцам их незнание веры Христовой, способствовали тому, что приверженцы пресвитерианской и конгрегациональной церквей, объединенные в Американском совете уполномоченных по делам зарубежных миссий Бостона, решили основать в Корнуолле учеб-

ное заведение для язычников Южных морей с более чем красноречивым названием «Миссионерская школа для некрещеных варваров». Первым учеником корнуолльской школы для «тихоокеанских варваров» стал гаваец Опукахаиа.

Школа, возможно, и помогла Опукахаиа обрести блаженство, однако телу его она пользы не принесла. В 1818 году он заболел тифом и вскоре умер. Так корнуолльская школа лишилась своего удивительного ученика. Во всей Новой Англии не нашлось достаточного количества обитателей Южных морей, мечтавших о крещении, поэтому самозваные крестители «варваров» решили сами отправиться к жителям тихоокеанских островов. Воистину, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе.

Американский совет уполномоченных по делам зарубежных миссий стал готовить экспедицию, призванную донести до земляков Опукахаиа слово божье. 23 октября 1819 года бостонский порт покинул двухсотсорокатонный бриг «Таддеус». На борту парусника находилось семнадцать мужчин и женщин, задачей которых было обратить в веру Христову до сих пор незнакомых с Евангелием аборигенов Сандвичевых островов. Руководили экспедицией миссионеров два духовных отца — Аса Торстон и Хайрэм Бингхем. Последний особенно фанатично верил в спасение, которое он нес «полинезийским варварам». Именно Бингхем в конце концов стал лидером экспедиции.

Среди миссионеров, отправившихся на острова, были также врач Голмэн, два учителя — Уитней и Раглес, крестьянин Даниэл Чемберлен и даже печатник Элиш Луми, с изданиями которого я уже познакомился. Все они были сравнительно молодыми и холостыми. Однако до руководителей Американского совета уполномоченных по делам зарубежных миссий дошел слух о красоте и радушии гаваек, которые к тому же ходят почти нагими. Чтобы оградить мужчин от искуса, ждавшего их на Сандвичевых островах, совет обеспечил своих посланцев женами.

В экспедиции приняли участие и четверо земляков умершего Опукахаиа, которые также учились в корнуолльской школе для «тихоокеанских варваров»: Кануи, Хонолии, Хопу и Джордж Каумуалии. Имя последнего мне хорошо знакомо из истории Гавайев. Этот

юноша — сын правителя острова Кауаи Каумуалии, единственного из гавайских правителей сумевшего до конца жизни Камеамеа сохранить определенную независимость жителей острова. Он доверил своего шестилетнего первенца бостонскому капитану, чтобы тот отвез его в Новую Англию и научил полезным ремеслам. В Новой Англии сын гавайского владыки, удрав от своего наставника, стал бродяжничать, был чернорабочим, во время войны 1812 года служил в американском флоте и, наконец, попал к служителям культа, вернувшись вместе с ними на родную землю.

Вся эта разношерстная компания молодых миссионеров, их жен и четырех гавайских юношей отправилась вдоль берегов Северной, Центральной и Южной Америки к самой южной точке — мысу Горн, а затем через весь Тихий океан снова на север, на Сандвичевы острова.

Парусник оказался неудобным, почти все страдали от морской болезни, нехватки питания, миссионеры часто ссорились друг с другом. Таким стал медовый месяц для наспех созданных супружеских пар.

Пока пассажиры брига «Таддеус» преодолевали огромное расстояние, равное тридцати трем тысячам километров, обе вдовы Камеамеа, регентша Каауманa и Кеопуолани, мать престолонаследника Лиолио, желали, как и миссионеры из Новой Англии, покончить с властью полинезийских богов над гавайцами, уничтожив всякие запреты и «ветхозаветные» табу, все еще действующие на архипелаге.

Уже в день смерти Камеамеа обе вдовы приступили к исполнению своей воли. Однако новый король Лиолио, воспитанный в традиционной вере, воспротивился их желанию. Недели через две королева-мать осмелилась публично разделить трапезу с мужчиной — своим сыном Кауикеаоуили. Это считалось тяжким преступлением и каралось немедленной смертью. Но ничего не случилось: земля не разверзлась, и гром не обрушился на головы грешников. Еще через несколько недель вдовам Камеамеа удалось переубедить нового короля, и он на глазах у пораженных придворных сел за стол вместе со своей матерью и теткой. Этим символическим актом Лиолио упразднил *сио ноа,* одно из самых древних табу на Гавайях, и потряс устои системы гавайских традиционных запретов.

Разумеется, далеко не все гавайцы были готовы отказаться от веры и порядков, установленных предками. На защиту старых обычаев встал прежде всего племянник короля — верховный жрец Кекуаокалани. Он собрал войска и начал вооруженную борьбу за старую веру. Поборники полинезийского образа жизни и веры отцов сражались мужественно. Однако армия обеих вдов была вооружена европейским огнестрельным оружием, и довольно скоро военное счастье склонилось на их сторону. Верховный жрец отчаянно дрался. Раненный, он продолжал борьбу, упав на колени и, наконец, уже лежа на земле. В этом бою погибла и его отважная жена Манопо.

После поражения Кекуаокалани и разгрома защитников гавайских богов были уничтожены и сами боги — их деревянные скульптуры. Регентша Кааумана прежде всего распорядилась сжечь изображение личного бога ее умершего мужа, а затем еще сто две статуи в Каилуа и Хило. По ее приказу стали разрушать и каменные гавайские святилища — хеиау, которые, как поется в песне, были гордостью, драгоценностью полинезийской земли.

Языки пламени уничтожали не только полинезийские алтари, но и нечто более важное — гавайский образ мышления, гавайскую общественную систему, опиравшуюся на табу и регулируемую ими. В жизни гавайцев, их мировоззрении и представлениях неожиданно образовался вакуум. Как это часто бывает, старое было уничтожено, но не заменено новым. Насколько я знаю, ничего подобного не случилось ни в одной другой части Океании. Гавайскую веру, гавайские традиции, гавайских богов, гавайские святилища уничтожили не чужеземные миссионеры, не колониальные ландскнехты, не захватнические экспедиции. Это сделали сами гавайцы, побуждаемые двумя королевскими вдовами.

Характерно, что надругательство над традиционными богами происходило тогда, когда на Гавайи плыла экспедиция миссионеров из Новой Англии, ставившая перед собой точно такую же задачу. При этом миссионеры, огибая мыс Горн и борясь со штормами, не знали, что́ в тот момент происходило на архипелаге. Когда их изнурительное морское путешествие длиной тридцать три тысячи километров подошло к концу и судно бросило якорь в Каилуа, проповедники с удивлением и

радостью узнали, что гавайцы сами расправились с собственными богами.

Разумеется, в «идолоборчестве», в сожжении полинезийских святилищ кальвинисты из Новой Англии усмотрели перст собственного бога, помощь, которую им оказал в их благородном деле всемогущий господь. Они воздали хвалу господу богу и, чувствуя близкую победу, исполнили сочиненный еще в Бостоне религиозный гимн, в котором говорилось: «Пробудитесь, о острова юга! Ваше спасение близко».

Весть о спасении, обещанном миссионерами обитателям тихоокеанских островов, с особой радостью восприняли обе вдохновительницы гавайского «идолоборчества», вдовы Камеамеа — Кааумана и Кеопуолани. Рядовые же обитатели островов куда больше заинтересовались женами провозвестников новой веры. Гавайцы уже много раз видели белых мужчин, но еще ни разу не встречали белых женщин. Особенно островитян удивили их одежды, полностью закрывавшие тело, причем верхняя часть одежды сильно стягивала грудь. Полинезийцам понравились белая кожа и особенно, как им показалось, длинные шеи миссионерских жен, поэтому они сразу стали звать их *аиоэоэ* — «длинные шеи».

Больше всего заинтересовалась одеждой «длинных шей» регентша Кааумана. Она сразу заказала у миссионеров платье. Белые женщины выполнили ее просьбу, и на островах появилось длинное, закрытое платье *холоку*, которое по традиции носят здесь и в наши дни.

«Длинные шеи» и их мужья постепенно рассредоточились по всему архипелагу. Пастор Торстон и врач Голмэн остались при королевском дворе. Через несколько месяцев к первой группе миссионеров прибавилась вторая экспедиция из Новой Англии. Теперь уже миссии были основаны в Хило, Гонолулу, Каилуа и, конечно, в Лахаине, которая до 1845 года была столицей архипелага. Здесь появились новые здания — результат деятельности миссионеров: «Дом Болдуина», миссионерская школа Лахаиналуна, основанная Ричардсом, типография «Хейл Пай», а также миссионерское кладбище Ваинеэ.

С приходом миссионеров в Лахаине и на всех Сандвичевых островах произошли значительные перемены. Над землей, над мыслями и душами гавайцев, знавших до этого лишь полинезийских богов, вознесся далеко не

всегда служивший их благу крест. Привезли его из Новой Англии и подняли над островами кальвинистские миссионеры.

НА БОРТУ КИТОБОЙНЫХ СУДОВ

Пожалуй, нигде нельзя лучше познакомиться с обычаями, которые царили на Гавайях во второй четверти прошлого века, чем в Лахаине. После дома-музея Болдуина, миссионерской школы Лахаиналуна, основанной пастором Ричардсом, типографии «Хейл Пай», мне предстояло познакомиться с другими местными достопримечательностями. Некоторые из них благополучно пережили все превратности судьбы, первозданный облик других приходится восстанавливать нынешним обитателям архипелага. С помощью реставрационных работ многие здания, имеющие историческую ценность, в ближайшее время предстанут перед современниками такими, какими они были в прежние времена. Среди них первый кирпичный «европейский» дом, построенный на Гавайях. Он возвышался рядом с «Пайонир Инн» и принадлежал объединителю Гавайев королю Камеамеа, после того как он в 1795 году присоединил Лахаину к землям, находящимся под его владычеством. Реконструируется также и жилище его сына — короля Камеамеа III. Рядом первая королевская таможня, построенная из кораллового известняка. В том же здании помещалась и первая на архипелаге почта. Неподалеку ведутся реставрационные работы в тростниковом доме. Там в 1840 году собрался «парламент» Гавайских островов, принявший первую конституцию этого королевства.

Возле «Пайонир Инн» еще одна достопримечательность этого необычного городка — огромный, раскидистый баньян *(Ficus benghalensis)*; под тенью его гигантской кроны скрывается здешняя площадь. Это дерево было посажено во второй половине прошлого века в память о событии, которое полностью изменило течение жизни Лахаины,— пятидесятой годовщине со дня появления в тогдашней столице гавайского королевства первых миссионеров.

Каждую субботу и воскресенье местные художники выставляют в тени баньяна свои картины. Сюжетом почти всех живописных произведений служит жизнь романтической Лахаины и ее обитателей.

На противоположной стороне баньяновой площади стоит еще один памятник времен гавайского королевства — здание суда, построенное в 1859 году. Несколько орудий большого калибра защищают его, вероятно, от заморских «гостей» Лахаины. Однако в наши дни этот «дворец юстиции», подобно площадке у подножия баньяна, служит в качестве картинной галереи.

Но самый интересный памятник находится не в городке, а у берега океана. Стоит посмотреть из окна гостиницы — и видишь стоящий на якорях большой трехмачтовый парусник с довольно странным названием «Карфагенянин».

Не могу сказать, что парусник «Карфагенянин» производит в порту впечатление чего-то чуждого Лахаине, некоего анахронизма. Мне даже кажется, что он вошел в воды романтического гавайского залива только вчера. Как и все остальные достопримечательности, «Карфагенянин» открыт для посещения. Поэтому, закончив осмотр миссионерских зданий, я отправился на судно. Построено оно было в Дании. За свой век оно немало потрудилось. Затем «Карфагенянин» был передан Тукером Томсоном в музей китобойного промысла. Всего за семьдесят пять центов можно осмотреть весь музей — от бака до юта, от трюма до капитанского мостика. Правда, «Карфагенянин» никогда не был простым парусником, так же как и Лахаина — обычным портом. «Карфагенянин» — китобойное судно, а Лахаина — важнейший порт китобоев на всем Тихом океане.

В детстве я, разумеется, читал множество книг о китобоях, но в моих представлениях ловля китов всегда была связана с севером, с Арктикой или Гренландией, с полярными морями. Теперь же я встретился с китами и китобоями в теплых, быть может, самых теплых морях нашей планеты.

Мне кажется, стоит сказать несколько слов о том, какую роль сыграли Гавайи в истории китобойного промысла и как повлиял сам промысел на историю Гавайев и особенно Лахаины — китобойной столицы Тихого океана. Прежде всего обратимся к экспонатам музея, который устроил на борту своего парусника капитан

Томсон. Здесь собраны все предметы, использовавшиеся при ловле страшных тихоокеанских кашалотов [28], показано, в каких условиях трудились китобои на своих судах. Кроме того, выставлены документы, рассказывающие о жизни китобоев в Лахаине.

Я пожертвовал семьдесят пять центов и не пожалел об этом, так как провел на борту «Карфагенянина» несколько очень интересных часов. Всюду вокруг меня были китообразные. Не только кашалоты, но и синие киты, полосатики, касатки, нарвалы на картинах, гравюрах, эстампах, даже на старых дагерротипах. Здесь выставлен полный скелет кита. Между костями скелета можно ходить как по детскому лабиринту. И, конечно, есть тут все то, чем пользовались местные китобои для отлова и хранения морских гигантов. Это прежде всего гарпуны, которые китобои всаживали в тела несчастных жертв, всякого рода топорики и горшки для китового жира. В музее имеется полное снаряжение китобоя прошлого века. Я осмотрел трюм, где располагался экипаж судна. Места рядовых матросов находились на носу и корме, а офицеры и гарпунеры размещались в центральной части. Здесь же выставлены навигационные приборы — секстанты и компасы. В конце осмотра прямо на палубе показали фильм, рассказывающий обо всех этапах охоты на китов.

Парусник выходил в море в поисках стада кашалотов. Когда стадо обнаруживали, с «Карфагенянина» спускали небольшую шлюпку с шестью или семью охотниками на борту, и она почти вплотную подходила

---

[28] Кашалот *(Physeter catodon)* — семейство зубатых китов, достигает двадцати метров в длину, продолжительность жизни — пятьдесят лет, как и большинство описываемых автором видов, он — космополит Мирового океана, в год добывают несколько сотен голов; на севере Тихого океана их осталось не более двухсот четырнадцати тысяч. Синий кит *(Balaenoptera musculus)* — семейство полосатиков, самое крупное животное Земли, длиной до тридцати трех метров, весом до ста шестидесяти тонн. В акватории Тихого океана насчитывается около двух тысяч китов, всего в мире — тринадцать тысяч, включен в Красную книгу. Малый полосатик *(Balaenoptera acutorostrata)* — семейство полосатиков, до десяти метров длиной. Черная, или малая, касатка *(Pseudorea crassidens)* — семейство дельфиновых, длина — до шести метров, вес — полторы тонны. Нарвал *(Monodon monoceros)* — семейство дельфиновых, длина — до шести метров. В настоящее время встречается в природе редко.

к кашалоту. Затем с очень близкого расстояния в кашалота метали гарпун. Доставляли кашалота на парусник, из его тела вырезали огромные куски жира, тут же на палубе вытапливали, разливали по бочонкам и опускали в трюм.

Осмотрев музей, я понял, почему в начале прошлого века китобои покинули холодные воды Арктики и устремились в теплый Тихий океан. Дело в том, что люди отлавливали китов уже много столетий. Тысячу лет назад баски охотились на неуклюжих черных китов у берегов Испании. В то время китовый жир, горевший в маленьких фонарях, освещал всю Европу. Когда баски полностью истребили всех черных китов в Бискайском заливе, им не оставалось ничего другого, как двинуться за другими китообразными дальше на север, на окраину Атлантического океана. Испанские китобои добирались до Ньюфаундленда. Эти плавания они совершали намного раньше знаменитого морского путешествия Христофора Колумба, открывшего Америку.

Позже у басков научились ловить китов и другие европейские моряки — голландцы, датчане и особенно англичане. Теперь уже китобои охотились на огромных морских млекопитающих в Арктике, главным образом в Девисовом проливе, отделяющем Гренландию от Баффиновой Земли. Когда уже и тут не осталось ни одного гренландского кита, они нашли еще одно место, где их водилось множество,— у берегов Новой Англии. К тому времени ведущее положение среди китобоев стали занимать местные моряки — выходцы из Новой Англии.

Китобои Нью-Бедфорда и Нантакета уничтожали одного млекопитающего за другим, приобретая все больший опыт охоты на этих морских гигантов и поставляя все большее количество китового жира ненасытному рынку молодой Америки.

Вскоре огромный спрос на применяемый в самых широких целях китовый жир привел к тому, что китообразных уничтожили и у берегов Новой Англии. Тогда китобои, базировавшиеся главным образом в двух портах (долгое время Нью-Бедфорд и Нантакет оставались поистине столицами китобойного промысла), вышли на бесконечные океанские просторы, чтобы попытаться найти новое, нетронутое место обитания этих морских

гигантов. Так они обнаружили самого крупного из этих созданий — тихоокеанского кашалота.

Кашалоты в водах Гавайских островов еще полностью не истреблены. До сих пор они регулярно появляются здесь в мае. Где, как не в Лахаине, мне удастся принять участие в охоте на китов? Поэтому я всерьез готовился к тому, чтобы вместе с несколькими друзьями с рассветом выйти в пролив Ауау на охоту на самых крупных обитателей земного шара — страшных тихоокеанских кашалотов.

ОХОТА НА КИТОВ В ПРОЛИВЕ АУАУ

Кашалот, на которого я собирался охотиться вместе со своими друзьями,— огромное существо, достигающее двадцати метров в длину. Он весит около пятидесяти тонн. Самым характерным внешним признаком этих гигантских китообразных является угловатая, как бы «неотесанная» голова. На нижней челюсти кашалота множество зубов, весящих около килограмма каждый. Поэтому кашалоты относятся к одному из двух подотрядов китов — зубатых. Ко второму подотряду — беззубых китов — принадлежат гренландский кит, черная, или малая, касатка, на которую когда-то начали охотиться баски, синий кит, так называемые малые киты (малые полосатики) и некоторые другие виды.

На Гавайи заходят главным образом крупнейшие из гигантских морских млекопитающих — хищные кашалоты. Как известно, они приплывают в мае из района Алеутских островов, чтобы здесь, в теплых гавайских водах, произвести на свет свое потомство. У кашалотов рождается только один детеныш. Самка кашалота носит в себе плод шестнадцать месяцев. Целый год она кормит детеныша своим молоком.

Я приехал сюда в мае, а в это время инстинкт гнал морских гигантов в воды Гавайев. Разумеется, я собираюсь охотиться на них не с гарпуном, как это прежде делали китобои. Моя цель «поймать» нескольких хороших кашалотов объективом своего фотоаппарата, поэтому я готовился к своеобразному фотосафари, подобному тем, в которых я участвовал в странах Восточной

Африки, собирая в свою фотоколлекцию местных животных. Насколько я знаю, еще никто не устраивал фотосафари на китов. Почему бы мне не стать первым?

Наступило ясное гавайское утро. Теплые лучи тропического солнца, обитающего, по преданию, на вершине горы Халеакала, задорно светили в окна «Пайонир Инн». Пора идти на охоту. Я обошел номера, где жили мои друзья, разбудил их, и вскоре все четверо, включая нашего гида, владельца скоростного катера из местных жителей, собрались в холле гостиницы.

Несколько шагов, и вот мы уже на берегу океана. Здесь, вблизи «Карфагенянина», нас ждало «китобойное судно» и приключение, о котором я мечтал с детства,— охота на китов!

Наш гид завел мотор, катер рванулся вперед, и Лахаина осталась у нас за кормой. Город виднелся на фоне гор, а над всем этим возвышалась зеленая вершина Пуу Кукуи. Впереди, на противоположной стороне залива, из моря поднимался ананасовый остров Ланаи. А слева, далеко у горизонта, проплывал необитаемый, печальный восьмой остров Гавайского архипелага — Кахоолаве.

Шумно работал мотор нашего небольшого катера. Мы быстро плыли по морю. Я пристально всматривался в поверхность океана в поисках знаменитого фонтана — знака, свидетельствующего о присутствии кашалота. Прикидывая, я оглядел наш катер: его длина — не более семи метров, в то время как местные кашалоты достигают в длину двадцати метров и более. Я испугался от одной мысли, что может произойти, если лодка столкнется с кашалотом или разъяренное животное само бросится на нас.

Конечно, я читал роман Германа Мелвилла о белом кашалоте, напавшем на китобойное судно и потопившем его вместе с его фанатичным капитаном. Я поинтересовался у нашего гида, который в тот момент одновременно исполнял обязанности капитана и моториста, может ли подобный факт иметь место в действительности.

Оказывается, кашалоты не раз нападали на китобоев в Южных морях. Так, в период наибольшего расцвета китобойного промысла в Тихом океане раненный гарпуном кашалот бросился на парусник «Арабелла» и разбил несколько шлюпок. Почти в то же время другой кашалот (утверждают, что он был необыкновенных раз-

меров) напал на китобойное судно «Альбатрос», которым командовал капитан Смит. Получивший тяжелые повреждения, «Альбатрос» затонул за каких-нибудь пять минут. Экипаж китобоя спасся в четырех шлюпках. Пути шлюпок разошлись. Две направились к Маркизским островам, а две другие — к архипелагу Хуан-Фернандес. Первые две шлюпки так больше никто никогда и не видел. На двух других за пятнадцать дней умерло десять человек, а в живых осталось только четверо. Им не оставалось ничего другого, как питаться трупами своих товарищей. Несчастных подобрал парусник, который по счастливой случайности тоже направлялся к островам Хуан-Фернандес.

Одно из знаменитых нападений кашалотов на суда связано с китобойным парусником «Эссекс», оно и легло в основу замечательного романа Германа Мелвилла о Моби Дике. Водоизмещение «Эссекса» превышало шестьдесят тонн, а длина его была почти тридцать метров. Тем не менее кашалот несколько раз бросался на парусник. После первого удара головой в борт «Эссекса» морской гигант еще четырежды повторял нападение. Экипажу удалось благополучно покинуть тонущий парусник, разместившись в трех шлюпках. Имевшие минимальные запасы продуктов и воды, шлюпки потеряли друг друга из виду. Одна исчезла, а на двух оставшихся умирающие от голода моряки питались трупами.

Я так мечтал о счастливом исходе нашей охоты! В сотый раз я проверял телеобъективы фотоаппаратов, измерял экспонометром освещенность. Я был готов к охоте, но охотиться все еще было не на кого. Долгие часы снова и снова мы всматривались в голубые воды пролива, пока далеко, почти у самого горизонта, я не заметил один, а потом и второй фонтан высотой метров десять. Поднявшись на поверхность, примерно в течение десяти минут кашалот должен сделать около шестидесяти вдохов и выдохов. В это время из дыхательных отверстий под огромным давлением вылетают струи воды.

Я страшно обрадовался. Наконец-то исполнилось давнишнее мое желание. И я выкрикнул те слова, с которыми долгие столетия обращались к капитану китобойного судна матросы, обнаружившие кита:

— *There she blows!* («Там брызжет!»)

Я почувствовал себя настоящим китобоем. Будто я один из тех, кто плавал на «Карфагенянине» или «Эссексе», «Арабелле» или «Альбатросе» или других таких же парусниках. Я все кричал и кричал: — *There she blows!*

Оба кита покачивались на волнах. Но уж слишком они были далеко, сфотографировать их я не мог, любуясь великолепными китовыми фонтанами, угловатыми головами и пятнами на темных телах океанских гигантов.

В наши дни кашалоты в гавайских водах — это лишь еще одно развлечение для туристов. Уже нет тех китобоев, которые добывали себе хлеб насущный столь жестоким и тяжелым путем. Давно уже Америка освещается иным способом, а не с помощью китового жира. Так что начиная со второй половины прошлого века китобойные парусники, подобные «Карфагенянину», стали выходить из игры, а в 1925 году в Нью-Бедфорде закончил свое существование последний из них — «Маргарет».

Вот почему китобои больше не заходят в Лахаину, а киты продолжают посещать ее все так же регулярно. Ежегодно в мае сюда съезжаются сотни любопытных со всех уголков планеты. Сотни, тысячи людей прибывают в Лахаину также для того, чтобы принять участие в самом главном местном празднике. Так как это мир китобоев, то и праздник здесь, разумеется, китобойный. Называется он «уэйлин спри». С помощью словаря я перевел это название как «китобойная кутерьма». Надо сказать, уж слишком нежное название для дикой вакханалии лахаинского карнавала.

Билетом для участия в «китобойной кутерьме» служат усы и борода, и, чем пышнее, тем лучше. Так что мужчине, у которого на лице нет растительности, на празднике китобоев в Лахаине делать нечего. «Уэйлин спри» проводится в мае. Правда, усов я не ношу, но тем не менее мне хочется принять участие в этом празднике. Я все-таки решил рискнуть и проверить, чем радует своих гостей этот уникальный праздник, напоминающий о китобойных традициях Лахаины.

Первый номер программы имел самое прямое отношение к билету: это был конкурс на самые пышные бороду и усы. Победителем конкурса и обладателем круглой суммы стал тот, у кого усы и борода оказались са-

мыми длинными и по китобойной традиции самыми «дикорастущими». Проводился и такой смотр: у кого наиболее интересный наряд, пригодный для ловли китов. Первые места на этой своеобразной демонстрации мод заняли люди, наряженные в лохмотья.

Во время «китобойной кутерьмы» я побывал на соревнованиях по серфингу и регате — состязаниях гавайских гребцов. Я заглянул и во множество лавок, палаток и киосков, выставивших массу китобойных сувениров — от деревянных фигурок гарпунеров и кашалотов до довольно дорогих, но популярных изделий из китовой кости.

Те, кто не скользил па досках по волнам или не участвовал в соревнованиях по гребле, кто не выставлял напоказ свои усы и бороду или оборванный китобойный «костюм», танцевали, пели и кричали в «Пайонир Инн» или в подобных ему заведениях, во всяком случае, все вели себя как можно развязнее и шумливее. Ведь в многочисленных рассказах китобои из Лахаины представляются решительными парнями, которые ни перед чем не останавливаются. Однако ни в одном из них не удалось передать атмосферу этого удивительного городка так ярко, как в кличе «Женщины или жизнь!».

«ЖЕНЩИНЫ ИЛИ ЖИЗНЬ!»

Неподалеку от «Пайонир Инн» находится исторический памятник, о котором нельзя не упомянуть. На гавайском языке эта достопримечательность называется Хале Паахао, по-английски prison — «тюрьма». Подобно другим зданиям Лахаины, построенным во времена миссионеров и китобоев, Хале Паахао сооружено из мощных блоков кораллового известняка. Я осматриваю и этот исторический памятник, заглядываю в отдельные арестантские камеры.

В наши дни в них тихо, ибо бывшая тюрьма, как и многие другие сооружения той эпохи, превращена в музей. Однако более ста лет назад Хале Паахао было весьма полезным, совершенно необходимым учреждением для городка, в котором одни белые люди (миссионеры из Новой Англии) раньше всех других мест на Гавай-

ях стали читать проповеди о спасении души, а другие, их соотечественники, китобои из Нью-Бедфорда, показали островитянам пути, ведущие прямо в ад.

Один из жителей Лахаины писал в те времена: «Этот городок является средоточием разврата, здесь самое выгодное дело — проституция и продажа алкоголя. В Лахаине голые девушки исполняют для китобоев бесстыжие танцы, а мужчины, у которых нет совести, поставляют китобоям своих дочерей и жен». Все написанное соответствовало действительности. Китобойный промысел способствовал экономическому процветанию Лахаины. Она стала для китобоев тихоокеанской столицей, но для обитателей городка так и не наступили благословенные времена, обещанные первыми посланцами белой цивилизации. Скорее наоборот: экономическое процветание способствовало тому, что островитяне погрязли в страшных грехах, подвергавшихся суровому осуждению миссионера Болдуина и его коллег.

Из окна моего номера в «Пайонир Инн» виден лишь один парусник — «Карфагенянин», а во времена наивысшей славы гавайских китобоев в Лахаину заходило более четырехсот судов в год. Абсолютный рекорд был поставлен в 1846 году — четыреста двадцать девять судов. В те времена здесь обитало около трех тысяч человек, имелись восемьсот восемьдесят две гавайские хижины и пятьдесят девять каменных или деревянных домов.

На каждом из четырехсот китобойных парусников находились парни, которые до появления здесь много месяцев скитались в океане. Впереди их ждали долгие странствия по морским дорогам. Это был сброд, принадлежащий к низшим слоям люмпен-пролетариата. Ни один капитан более или менее приличного торгового судна не взял бы их себе на борт. Правда, встречались среди них и «белые вороны». Однако исключения лишь подтверждают правила. Эти суровые люди, не знавшие угрызений совести и правил хорошего тона, не признававшие законов, здесь, на Гавайях, и вовсе руководствовались девизом: «К западу от Горна бога нет». К западу от мыса Горн все дозволено. Первой и часто единственной землей к западу от этого мыса для китобоев оказывались Гавайи — Лахаина, та самая Лахаина, о которой китобои грезили как о рае, полном женщин удивительной красоты.

Если эти парни и мечтали о чем-то, то мечтой их были Гавайские острова. И вовсе не потому, что здесь красивая природа или замечательный, мягкий климат, их манили горячие объятия островитянок. Каждый моряк, когда-либо побывавший на архипелаге, вспоминал прекрасных девушек, которые без приглашения подплывали к парусникам, не стыдясь, поднимались на них и не только не сопротивлялись, но и сами предлагали себя членам экипажей. Они не могли забыть, как пели и танцевали гавайки, украшенные венками из душистых цветов. Такое представление о полинезийском рае долгое время соответствовало действительности. Однако скоро все в Лахаине переменилось. Причем конец горячим объятиям островитянок, которых так жаждали китобои, положили их соотечественники — миссионеры из Новой Англии.

В 1825 году, как всегда в мае, парусники охотников на кашалотов бросили якоря у Лахаины, но ни одна местная девушка не раскрыла своих объятий навстречу китобою: миссионер Ричардс, возглавлявший миссию в Лахаиналуна, сумел убедить местных вождей и наместника острова Мауи наложить табу на связи местных женщин с китобоями. Гавайки, естественно, подчинились запрету, зато резко воспротивились ему китобои.

Первыми, кому отказали в удовольствии поразвлечься с аборигенками, стали моряки английского парусника «Даниэл». Бесстрашные ловцы кашалотов, разумеется, не обратили внимания на какое-то там полинезийское табу. Они решили взять силой то, в чем им было отказано по наущению миссионеров.

Их капитану Уильяму Баклу следовало бы образумить своих моряков, но у него самого рыльце было в пушку. Во время промысла, пока его ребята постились, он развлекался в каюте с молоденькой островитянкой Леолики, бывшей ученицей миссионера Ричардса, удравшей из его школы. Бакл тайно купил ее за пятьдесят долларов для «постоянного использования» во время прошлогоднего посещения Лахаины. Теперь его ребята хотели получить такое же удовольствие. Они вышли на улицы города, чтобы самим навести здесь порядок. У дверей здания миссии они настигли Ричардса и, приставив нож к его горлу, потребовали: «Женщины или жизнь!»

Я знал из детективных романов, что грабители в похожих выражениях требуют от своих жертв деньги, но возглас «Женщины или жизнь!» услышал впервые, изучая историю городка Лахаины.

Миссионер Ричардс не сдавался. Видимо, вспомнив христианских мучеников, брошенных в римском цирке на растерзание львам, он с достоинством ответил морякам: «Наши жизни (он имел в виду себя и супругу) вы взять можете, но наших женщин — никогда!»

Казалось, Ричардсу действительно придется заплатить жизнью за «ущерб», нанесенный китобоям, но в тот момент миссию окружила толпа возбужденных гавайцев, сторонников Ричардса. Они бросились на английских моряков с ножами и пиками. Бунтари были рады, что им удалось унести ноги. На следующий день «Даниэл» покинул Лахаину.

Вскоре из-за местных женщин разразился новый конфликт. Экипаж английского китобойного парусника «Джон Палмер» тайком пригласил к себе на борт группу гавайских девушек. Наместник острова Мауи Хоапили потребовал от капитана Уолтера Клерка, чтобы женщины вернулись на берег. Капитан отказался выполнить это требование. Тогда местные власти стали угрожать, что будут мстить всем, кто украл их жен и дочерей. Рассерженный Клерк воскликнул:

— Никто не смеет отказывать англичанам в женщинах!

И вслед за китобоями «Даниэла» провозгласил:

— Женщины или смерть!

В подтверждение того, что он серьезно относится к слову «смерть», Клерк приказал обстрелять Лахаину из корабельных орудий. Островитянам не оставалось ничего иного, как капитулировать. И «Джон Палмер» вместе со своей добычей отправился в более спокойные воды.

В память об этих драматических событиях в Лахаине хранят ядро — одно из тех, которыми охотники на кашалотов бомбили миссию Ричардса. В наши дни здесь царят тишина и покой. Из четырехсот парусников, ежегодно приплывавших сюда во времена гавайской китобойной лихорадки, в Лахаине остался лишь один-единственный — «Карфагенянин», а от экипажей — некоторые предметы, выставленные в музее, да здание тюрьмы — заведение, без которого городок обой-

тись не мог. История помнит также грозные слова, раздававшиеся на улицах Лахаины: «Женщины или жизнь!»

ЛАНАИ — ОСТРОВ С ПРИВКУСОМ АНАНАСА

Вернувшись на Мауи с охоты на китов, специфически гавайского мероприятия, которое вряд ли когда-нибудь забудется, я впервые за все время своего пребывания на архипелаге позволил себе отдохнуть, в течение нескольких дней предаваясь сладостному ничегонеделанию, приятному безделью в местах, словно нарочно предназначенных для такого *dolce far niente*,— в области, расположенной на север от Лахаины. Иностранцы называют ее Мауийской Ривьерой, а сами гавайцы — Каанапали. В свой первый «отпуск» на Гавайях я отправился из Лахаины на транспорте, по сегодняшним временам более чем необычном для архипелага,— на поезде, в составе из нескольких вагонов, по железной дороге, носящей гордое название «Лахаина — Каанапали энд Пасифик Рейлроуд».

Узкоколейная десятикилометровая Тихоокеанская железная дорога построена в прошлом веке, в период, когда лахаинские миссионеры перешли от прозелитизма к выращиванию сахарного тростника. В те времена из Каанапали по ней вывозились его сладкие дары. Ныне по этим плантациям паровозы везут из Лахаины восторженных туристов, проходя по настоящему стодвадцатиметровому железнодорожному мосту, с тем чтобы, исчерпав все свои силы, добраться в конце концов до вокзальчика в Каанапали, напоминающего наши доисторические вокзалы. Именно здесь я и вышел из тихоокеанского экспресса и впервые увидел Гавайи такими, какими знают их туристы эпохи реактивных самолетов. Действительно, для гостей такого рода, посещающих Каанапали, архипелаг должен представляться настоящим раем.

Райские сады Мауи опоясаны длинным, в несколько километров, пляжем, отливающим золотом песков; над ним возвышается ряд отелей, центральный из которых — «Шеретон Мауи». За ним, среди других местных

отелей, расположены площадки для игры в гольф, содержащиеся в образцовом состоянии (ведь недаром Гавайи — американский штат). Многие ездят в Каанапали насладиться прелестью зеленых газонов для игры в гольф, а вовсе не голубыми водами океана. Игроки в гольф здесь в особом почете. Это заметно хотя бы по тому, как, вооруженные современной автотехникой, они беспрепятственно колесят на своих электромобилях по дорогам Каанапали.

Для меня посещение Каанапали не только отдых, но и продолжение моего пребывания в памятной мне Лахаине. И этот город, целиком живущий под знаком современного туризма, тем не менее напоминает о других «туристах», прибывавших сюда в прошлом веке,— о китобоях. В центре города выстроена целая «уэйлерз виллидж» — китобойная деревушка, возле которой открыт небольшой музей. Музей и деревушка призваны напоминать о временах крупного китобойного промысла на Мауи. Однако в действительности они лишь красочные кулисы, завлекающие своим «китобойным» колоритом в местные магазинчики и способствующие увеличению их товарооборота.

Проведя в Каанапали несколько прекрасных дней, я по той же своеобразной Тихоокеанской железной дороге вновь вернулся в Лахаину. В бывшем китобойном порту я перебрался на водный транспорт: сменил паровоз на парусник. Он понесет меня по водам пролива Ауау. Я направлялся на очередной остров цепочки Гавайев — Ланаи.

Именно потому, что Ланаи расположен как раз напротив Лахаины, я использовал для достижения своей цели не самолет, а парусник. Он перевозит экскурсантов из Лахаины через пролив Ауау шириной пятнадцать километров на короткую прогулку по ланаийскому побережью, а затем, когда день склоняется к вечеру, парусник с теми же экскурсантами на борту отправляется в Мауи. Однако, оплатив полную стоимость проезда, я проехал лишь «туда». После того как парусник преодолел пролив Ауау и бросил якорь у берегов Ланаи, я распрощался с экскурсантами и, к их удивлению, остался на острове.

В то время как Гавайи являют собой мечту каждого туриста и некоторые места архипелага буквально захлестывают могучие волны туристского прибоя, острову

Ланаи удалось избежать такой участи. Пусть в Ваикики вырастают десятки гигантских отелей, на весь же Ланаи хватает одного-единственного предприятия такого рода — гостиницы «Ланаи Лодж», располагающей всего девятью номерами. Это все.

Ланаи — это не край туристов, Ланаи — край ананасов. Ананасов, и только. Когда позже, уезжая с Ланаи, я записывал свои впечатления от этого гавайского острова, я свел их к трем словам: «Слишком много ананасов». Кажется, это короткое предложение действительно может служить исчерпывающим определением того, что такое Ланаи. Первый ананас я увидел на Ланаи вскоре после того, как, удивив остальных туристов, «дезертировал» с экскурсионного парусника.

Машина местной ананасной компании, везущая меня в центральный населенный пункт острова — Ланаи-Сити, потихоньку взобралась на центральную равнину, где от горизонта и до горизонта заполняют все пространство бесконечные ряды столь привольно чувствующего себя здесь растения. Вероятнее всего, ананас прошел до Ланаи тот же путь, что и я, то есть через пролив Ауау с острова Мауи. Там его уже давно выращивали местные земледельцы. Постепенно мауийские плантаторы освоили и бóльшую часть территории острова Ланаи. В конечном счете почти вся площадь острова стала принадлежать двум братьям — Фрэнку и Гарри Болдуинам. Кажется, я уже сталкивался с этой фамилией в Лахаине. Я вспомнил. Миссионер Болдуин, прибывший из Новой Англии, с большим успехом отвращал гавайцев от их богов. Позднее сыновья и внуки добродетельного церковника с не меньшим рвением принялись отнимать у гавайцев их землю.

Болдуины живут на Мауи по сей день. Однако их ланаийские земли были приобретены у них другим, еще более предприимчивым и вместе с тем чрезвычайно расчетливым и инициативным плантатором по имени Джеймс Д. Доул. Хотя Доула уже давно нет в живых, с его именем на Гавайских островах встречаешься на каждом шагу, да и за пределами архипелага оно известно многим гораздо лучше, чем имя кого-либо из других обитателей Гавайев.

Почти все ананасы, экспортируемые с архипелага на пять континентов, обозначены именем «Доул». На каждой консервной банке с ананасами читаешь: «Доул»,

«Доул», «Доул». Это имя стало просто синонимом ананаса. Может, по праву, потому что Джеймсу Д. Доулу действительно принадлежит большая заслуга в том, что ананас завоевал Гавайи, а Гавайи с помощью этого плода завоевали мир.

Сначала Доул вынужден был развернуть в Америке — да и за пределами Соединенных Штатов — широкую кампанию, рекламирующую почти неизвестный тропический плод. Замечу, что и этот рекламный крестовый поход Доула сам по себе вошел в историю. Таким образом, Джеймс Д. Доул, бесспорно, сыграл решающую роль в превращении Гавайев в крупнейшего производителя ананасов в мире. Именно ему принадлежит большая заслуга в том, что эти прелестные острова известны миру не только как родина самых красивых женщин, красивых песен, но и как родина несравненных ананасов. Многое об этом удивительном человеке я узнал, объезжая в сопровождении служащих ананасной компании (которая, между прочим, и по сегодняшний день носит имя Доула) необозримые поля местных, действительно крупнейших в мире ананасных плантаций.

Я узнал, что ананас, родиной которого является Америка, пытался разводить в масштабах всего сельского хозяйства Гавайев еще испанец Марин во времена правления великого короля Камеамеа. Однако попытка окончилась неудачей. К концу прошлого столетия к разведению ананасов на архипелаге обратилось уже несколько десятков плантаторов, но лишь в 1899 году, когда на Гавайи приехал этот человек (между прочим, родственник и однофамилец известного здесь политика), ананас, тропический плод, принадлежащий к семейству бромелиевых, стал все более завоевывать острова архипелага. Уже через два года после своего приезда в Гонолулу Доул основал Гавайскую ананасную компанию. В 1903 году компания представила на рынок первые 1893 ящика высококачественных плодов. Однако экспорт требовал консервации ананасов. Поэтому тремя годами позднее Джеймс Д. Доул выстроил в знаменитом Ивилеи, известном до той поры по всему Тихому океану лишь своими публичными домами для моряков, большую консервную фабрику.

Попав через несколько недель на ивилейскую фабрику, я вспомнил о своем интересном путешествии по

острову Ланаи. Она доступна для туристов. Здесь я имел возможность узреть огромное чудовище — машину, названную по имени своего изобретателя «Джинака». Это чудовище за одну операцию поглощает ананас и лишает его твердой середины. Но отнюдь не один ананас. В Ивилеи я узнал, что подобным образом «Джинака» способна обработать сотню ананасов за каких-нибудь шестьдесят секунд. Именно Доулу принадлежала инициатива в изобретении этого металлического чудовища. Когда в 1913 году «Джинака» появилась на свет божий, Гавайская ананасная компания получила возможность производить сладкие колечки в огромных количествах и экспортировать их по всему миру. Однако, подобно мифической гидре, она пожирала все больше и больше гавайской земли.

В окрестностях Ивилеи, в Гонолулу, на всем острове Оаху свободной земли уже не хватало. Взор Джеймса Д. Доула устремился к Ланаи — острову малонаселенному еще со времен переселения полинезийцев, месту, на котором осел всего один-единственный европейский фермер, острову, который в ту пору почти целиком принадлежал потомкам преданного слуги божьего миссионера Болдуина. За миллион сто тысяч долларов Гавайская ананасная компания Доула приобрела у семьи миссионера почти весь Ланаи. Ныне девяносто восемь процентов всей земли острова принадлежит компании, носящей имя Доула (сейчас она входит в крупный концерн «Касл энд Кук»).

Собственно говоря, сегодня Ланаи населяют практически одни ананасы. Около трех тысяч человек, разместившихся на острове, почти без исключения прислуживают ананасам, работая на компанию, которая их выращивает. Это она, компания Доула, построила центральный поселок острова — Ланаи-Сити с его прелестными небольшими виллами, кинотеатром и даже церквами, а также той самой гостиницей «Ланаи Лодж», в которой я жил, ибо здесь, как ни крути, никакой другой возможности устроиться у меня не было. Потому что, повторяю, туристы на остров практически не заглядывают.

Представители компании Доула провезли меня по бесконечным ананасным полям Ланаи. В их сопровождении я отправился по десятикилометровому шоссе в направлении порта Каумалапау. По обе его стороны,

куда ни глянь, распростерлась основная часть этой крупнейшей в мире (площадью пятнадцать тысяч акров) ананасной плантации. Я узнаю от своих проводников, что поля здесь все без исключения имеют точную ширину — сто тридцать шагов. Это связано с тем, что машины компании, обрабатывающие, удобряющие поля и распыляющие инсектициды, охватывают ширину в шестьдесят пять шагов. Ананасы высаживают вручную, если верить сказанному, семнадцать тысяч саженцев на полгектара.

На молодые ананасы я смотрел не без удовольствия. У них слегка розоватая окраска. Они похожи на ягодицы новорожденных. Во многих местах ананасы покрыты длинными полосами бумаги, пропитанной, кажется, дегтем. Это повышает температуру почвы, регулирует влажность и предохраняет поля от нежелательных сорняков, семена которых могут быть занесены сюда ветром.

Через двадцать месяцев наступит долгожданное время сбора ананасов. Последнее слово здесь снова за машиной. За час агрегат компании Доула способен убрать — конечно, не без помощи людей — двадцать пять тысяч спелых плодов. Я спросил, каким образом можно узнать, созрел ли ананас. Оказывается, вовсе не по типичной золотистой окраске, известной мне по консервным этикеткам, а по звуку, который издает ананас, если по нему постучать. Пустой звук подсказывает, что плод еще не вызрел. Напротив, звук глухой говорит о том, что ананас уже полон соков и окончательно созрел.

Тогда на остров Ланаи приходит золотое время сбора урожая. Как правило, уборка начинается в начале июня. Это впечатляющая картина. Геометрически правильные поля острова, кажущегося с виду необитаемым, вдруг заполняют рабочие. Всюду гудят машины. Работа кипит днем и ночью. Когда приходят сумерки, плантации заливает свет прожекторов, в котором четко видны ряды спелых ананасов.

Рабочие одеты на удивление основательно (ведь я же почти в тропиках!), плотно, на руках прочные рукавицы, которые защищают их не от холода, а от острых ребер ананасных листьев.

Люди и машины доуловской компании собирают сотни тысяч плодов в день. Меня удивило, что крупнейшая

ананасная плантация находится здесь, на Ланаи, а весь урожай обрабатывается совсем на другом гавайском острове — на той огромной фабрике в Ивилеи, которую Джеймс Д. Доул когда-то выстроил в Гонолулу. Так как плантации компании расположены в одном месте, а консервная фабрика — в другом, «Доул компани» вынуждена была построить большой порт, служащий для перевозок одного-единственного товара — золотого ананаса, сотен и тысяч тонн знаменитых гавайских плодов.

Шоссе, по которому представители компании Доула везли меня по просторам колоссальной плантации, упирается в приморскую деревню Каумалапау, постепенно превращенную «Доул компани» в своеобразные гигантские ворота, через которые покидает остров весь урожай ананасов. Вдоль стопятидесятиметровой набережной несут караул огромные подъемные краны. Вот и сегодня в порту ждет своего груза один из кораблей доуловской флотилии. В период сбора плодов краны погружают на корабли более миллиона ананасов в день! Миллион ананасов — я пытался представить себе эту золотисто-желтую гору великолепных плодов, но моей фантазии явно не хватало.

Ананасы на Ланаи можно увидеть не только на плантациях: из ящиков и коробок в местном порту, с расставленных повсюду рекламных щитов компании ухмыляются ананасы — и везде ананасы. В Праге во время воскресного обеда на десерт я с удовольствием позволю себе полакомиться вкусным кружочком консервированного ананаса из банки с именем Доула. Но здесь — ради бога, хватит! Не хочу больше видеть ни одного ананаса!

Я вежливо дал понять своим спутникам, что немного устал и с удовольствием бы перекусил. Они охотно откликнулись на мое пожелание и привезли меня обратно, в Ланаи-Сити, в «Ланаи Лодж», и даже пригласили на обед. В меню стояло: «шницель по-гавайски». Вскоре появился официант со шницелем. Но это оказалась обыкновенная ветчина, а на ней — все тот же ломтик ланаийского ананаса!

— Что будет пить господин? — спрашивает официант и, не выслушав ответа, приносит мне бокал ананасного сока!

Буквально захлебнувшись ананасами, с ананасами в глазах, ушах и желудке, я сел в самолет в Ланаи-Сити, чтобы проследовать на четвертый гавайский остров — на соседний Молокаи. Мы перелетели через пролив — на этот раз Паилоло — и с востока приблизились к аэродрому Хоолехуа, воздушному порту острова, вытянутого на шестьдесят километров при ширине всего пятнадцать.

Мне кажется, что Молокаи напоминает остров Ланаи. Во-первых, его пока что обходят стороной туристы. Если на Ланаи одна гостиница, то на большем по площади Молокаи их две (одна так и называется «Молокаи», другая — более дешевая и потому более для меня приемлемая — «Сисайд»). Во-вторых, на Молокаи множество ананасных плантаций. Часть из них сосредоточена вокруг местечка Каунакакаи, центра Молокаи, где расположены обе гостиницы.

Молокаийский Каунакакаи разительно отличается, скажем, от Ланаи-Сити, откуда я прибыл. Он построен не богатой компанией, а гавайскими рыбаками и земледельцами. Для строительства своего поселка они использовали преимущественно дерево. Прогуливаясь по центральной улице Каунакакаи с двухэтажными деревянными домами, я легко представил себе, что нахожусь в одном из городков дальнего Запада, верном старым традициям. Меня вовсе не удивило бы, если в Каунакакаи нагрянула банда разбушевавшихся ковбоев, угоняющих скот, стреляющих в местного шерифа.

Однако ни ковбоев, ни шерифа в Каунакакаи я так и не увидел, зато навстречу мне шли гавайцы. Чему же удивляться? Встрече с гавайцами на Гавайях? Дело в том, что по целому ряду причин — об этом я еще расскажу подробнее — число чистокровных полинезийцев с годами значительно уменьшилось. Кроме того, гавайцы-полинезийцы, традиции которых предоставляют свободу от расовых предрассудков, предпочитают жениться и выходить замуж за представителей других народностей, а их на архипелаге живет предостаточно. Такое положение дел не давало спокойно спать принцу Кухио, потомку гавайского королевского рода, представлявшему своих сограждан в конгрессе в Вашингтоне.

После многолетних споров в конгрессе Кухио удалось настоять на принятии так называемого «Хавайен Хоумс Акт» — закона о предоставлении каждому гавайцу, в жилах которого течет хотя бы половина полинезийской крови, права на получение бесплатного участка земли из государственных фондов на острове Молокаи. Гавайцы, которых до сих пор только лишали земли на всех их островах — компаниям и частным предпринимателям она была нужна под плантации,— с величайшей радостью приняли этот дар, хотя в действительности людям даровали то, что и так исконно им принадлежало. Со всего архипелага на Молокаи стали съезжаться полинезийские гавайцы, да в таком количестве, что только за один год население острова возросло в шесть раз: с тысячи ста семнадцати до шести тысяч шестисот семидесяти семи человек!

Каждый переселенец в соответствии с этим законом бесплатно получал сорок акров земли. Поэтому сегодня в Каунакакаи и на всем Молокаи мне довелось встретить больше полинезийских гавайцев, чем на всех других островах Гавайев.

Гавайцы начали обрабатывать свои молокаийские участки, причем точно так же, как это делали еще их полинезийские предки. Однако они быстро ощутили нехватку воды (во многих районах острова она отсутствует совсем). Поэтому некоторые гавайцы, получившие участки (называемые здесь *кулеана*), сдавали их в аренду ананасным компаниям, которые при богатстве своих средств всегда могли обеспечить их водой.

Наиболее известны на Молокаи ананасная компания «Калифорния пэкинг компани» и столь же знаменитый пищевой концерн «Либби». Позже, когда правительство выстроило на Молокаи крупные мелиоративные сооружения, благодаря которым и поля гавайцев стали получать нужное количество воды, многие арендодатели вновь вернулись на свои участки. Поэтому и по сей день здесь действительно больше всего коренных гавайцев, ведь климат Молокаи более «полинезийский», чем в любом другом районе архипелага. Особенно хорошо я понял это на следующий день, продвигаясь на «лендровере» по шоссе вдоль южного побережья Молокаи на восток, к самой прекрасной части острова — мысу Халава. По пути мое внимание привлекали не только многочисленные небольшие поля, принадлежащие гавайцам,

по и столь же типичные для этих краев рыбопитомники, построенные прямо в море. Только от одного поселка до другого (от Коло до Вайалуа) таких водоемов восемь.

Там, где встречаются южный и северный берега острова, у мыса Халава, в глубь Молокаи врезается знаменитая долина, носящая то же название. Так же как, скажем, долина Ваипио на Большом острове, где я бывал, долина Халава, насчитывающая шесть километров в длину и восемьсот метров в ширину, еще в самые далекие времена использовалась гавайцами до последней пяди. Археологи музея Бишоп доказали, что Халава была густо населена уже в VI веке нашей эры. Позже люди освоили и ее склоны, построив на них террасы и два святилища — Мана и Папа, развалины которых я осмотрел.

Там, где начинается долина Халава, кончается Молокаи, переходя в мыс того же названия. Это самая западная его точка. Я приблизился к ней с востока, продвигаясь по южному побережью острова. Теперь настал черед проехать по северному побережью. Но это исключается. Северное побережье Молокаи — это очень высокие, красивые склоны, в которых есть даже что-то драматическое. Они тянутся по всему северному берегу до полуострова Калаупапа, выступающего из моря словно огромный горб.

Тем же «лендровером» я возвратился назад, в Каупакакаи, продолжая свой путь по единственной дороге, ведущей к северному берегу острова и обрывающейся у края отвесной каменной стены над полуостровом Калаупапа, который, если не считать этого пути, остается совершенно изолированным. Прежде чем закончить свое автопутешествие по Молокаи и отправиться пешком дальше, я остановился среди многочисленных холмов, чтобы осмотреть так называемый Палаауский природный парк, украшенный множеством деревьев *коа* и другими жемчужинами растительного царства Гавайев. Я увидел здесь памятник древних времен — огромный, высеченный в скале фаллос, обращенный кверху. Эта каменная скульптура, несомненно, имела отношение к гавайскому культу плодородия. Принося жертвы у огромного изображения фаллоса, гавайцы хотели купить у богов плодородие своим полям и женам.

От своеобразного монумента, строго обходимого

школьными экскурсиями, я прошел по узкой тропинке дальше, на калаупапскую площадку обозрения. Как подсказывает само название, отсюда открывается вид на полуостров, отрезанный от северной части Молокаи высокими, отвесными скалами. Это моя цель.

Я оставил свой «лендровер» там, где у крутых утесов кончается единственная дорога, ведущая на берег острова. Взял с собой только самое необходимое — продукты, воду, фотоаппараты; надел отличные альпинистские ботинки и начал спуск по скале, крутизной своей напоминающей альпийскую. Внизу меня ждало отрезанное от мира место, о котором ходят темные слухи и грустные легенды: «полуостров прокаженных — молокайский Калаупапа».

КАЛАУПАПА — ПОЛУОСТРОВ ПРОКАЖЕННЫХ

Есть на свете слово, услышав которое человек немеет от ужаса. Это слово — «проказа», «лепра». Точно так же на людей наводила панику чума. Однако времена этой средневековой болезни давно ушли в прошлое, оставив после себя лишь чумовые столбы на площадях европейских городов. Проказа, к сожалению, встречается до сих пор. Только те, кто, как я, видел изъеденные лепрой, скрюченные, парализованные человеческие тела, изуродованные лица, называемые здесь, в тропиках, «львиной мордой», руки игроков в карты, лишенные пальцев, ноги, обглоданные язвами, словно крысами, поймут, почему люди испытывают перед этим заболеванием такой панический страх.

И все-таки я добровольно вступил в мир прокаженных, в самый знаменитый лепрозорий, считавшийся когда-то опаснейшим из всех существующих в Океании, в лепрозорий на полуострове Калаупапа, столь надежно изолированный самой природой. Он представляет собой естественную крепость в полном смысле этого слова. С южной стороны лепрозорий защищен неприступными, необычайно крутыми скалами высотой до тысячи метров. Стоит посмотреть вниз, как начинает кружиться голова, словно игрушечный волчок. С севера, востока и запада Калаупапа охраняем океаном. Но самая надеж-

ная защита — страшные рассказы о нечеловеческой, чудовищной болезни. Преодоление страха — одна из достойнейших человеческих черт. Чтобы узнать, что такое Калаупапа, я обязан был преодолеть страх, который, естественно, испытывают перед проказой, и продолжить свой путь. По узкой пустынной тропинке, на которой я так и не встретил ни одного прохожего, мне надо было спуститься на ровный полуостров, в селение, которое тоже называется Калаупапа; здесь живут прокаженные гавайцы.

Разрешение посетить лепрозорий я получил от Отдела болезни Ганзена медицинского департамента штата Гавайи, в ведомстве которого он находится. Разумеется, я должен был дать расписку, что отправляюсь в лепрозорий по собственному желанию и на свой страх и риск, а также пообещать, что я буду там фотографировать только строения, море и скалы, но ни в коем случае не самих прокаженных. С этим вполне понятным мне условием я согласился, после чего мне было разрешено посетить Калаупапу. С официальной бумагой на руках я отправился в самый трагичный, по крайней мере таким он был когда-то, уголок Гавайев.

Прежде всего я представился женщине-врачу, директору лепрозория. Как ни странно, доктор Ли — китаянка. Ей помогает ассистент, тоже врач. Я познакомился с медицинской сестрой — монахиней Марией Гаденцией из католической конгрегации «Сестры третьего ордена святого Франциска». Гаваец, пациент лепрозория, заметив, что я не всматриваюсь в его изъязвленное проказой лицо и не боюсь подать ему руку, охотно сопровождал меня по селению прокаженных и по всему довольно обширному полуострову.

Сначала мы осмотрели три больших здания, где живут больные. В так называемом «доме Бишопа» поселены женщины, в «доме Мак-Вейга» — мужчины, в третьем, ироническое название которого — «Вид на залив» — возникло как-то само собой, живут слепые прокаженные и те несчастные, которые кроме лепры больны еще какой-либо тяжелой болезнью. Мы вместе зашли и в небольшие домики вроде простейших бунгало, в которых тоже обитали больные, причем не только гавайцы, но и жители других островов Океании.

Сегодня в Калаупапе живет около двухсот человек. Не все эти люди больны. Говорят, кое-кто из них уже

вылечился. Однако они решили остаться здесь, в привычных им местах, где не чувствуют на себе пристальных взглядов окружающих. Именно здесь я узнал, что сейчас лепра считается излечимой болезнью. Во всяком случае, течение ее можно затормозить.

Доктор Ганзен обнаружил возбудитель проказы, а в 1946 году было получено лекарство, содержащее сульфоновую кислоту, которое способно останавливать развитие болезни и исцелять больного. Скоро проказа исчезнет с лица земли, так же как почти ушедшая в прошлое чума, и это будет великой победой человека, но сегодня эта болезнь — или, как ее здесь называют, *маи паке* — продолжает терзать Гавайи. Поэтому все еще существует в Калаупапе печальная колония.

Мой проводник повел меня на противоположную, восточную сторону полуострова, к развалинам селения Калавао. Жалкие строения, лачуги, среди которых я бродил по опустевшему ныне Калавао, были первым прибежищем прокаженных, а Калавао — их первым селением сразу после того, как в 1866 году была открыта эта резервация — место принудительной ссылки гавайцев, страдающих проказой.

Декрет о создании на полуострове лепрозория вышел по распоряжению короля Камеамеа V в 1863 году. 6 января следующего года судно доставило на север Молокаи первых несчастных, страдавших страшной болезнью. Проказа оказалась одним из «даров цивилизации», завезенных сюда иностранцами. Вскоре после того как в заливе Кеалакекуа побывал капитан Дж. Кук, на архипелаг на одном из английских кораблей прибыли первые китайцы. Они-то и завезли из Поднебесной империи проказу, до тех пор здесь неизвестную. Гавайцы стали называть ее «китайской болезнью», указывая тем самым родину тех, кто их столь щедро одарил.

«Китайская болезнь» нашла на Гавайях благодатную почву. Таким образом, сразу после принятия Камеамеа V закона о выселении прокаженных на полуостров к берегу Калаупапы стали подходить суда, привозившие все новых и новых прокаженных.

Через несколько лет после открытия лепрозория впервые была проведена перепись, показавшая, что уже тогда в Калавао жило шестьсот пятьдесят три прокаженных гавайца. Проказой в те времена болел примерно каждый сотый житель гавайского королевства. Учи-

тывая число детей в полинезийских семьях, можно сказать, что в каждой десятой семье кто-то был заражен «китайской болезнью».

История свидетельствует, что проказа была самым страшным и коварным из всех «благ цивилизации», носители которой являлись на острова без всякого приглашения. И этот поистине данайский дар более, чем что-либо другое, способствовал истреблению гавайского населения островов.

«ПОТОМУ ЧТО Я БОЛЕН ПРОКАЗОЙ»

Лепрозорий на полуострове Калаупапа был создан для того, чтобы изолировать прокаженных от других жителей гавайского королевства. Надо сказать, что место принудительного пребывания больных выбрано правильно. Однако впоследствии королевство не слишком заботилось о своих подданных, изгнанных на полуостров на севере Молокаи. Само собой разумеется, что люди, которые, как и большинство гавайцев, занимались дома земледелием (а для архипелага это в первую очередь разведение таро), должны были вести на «полуострове прокаженных» прежний образ жизни и обеспечивать себя пропитанием.

Однако на полуострове таро не рос, а кучка бататов, которым удавалось здесь вызревать, не могла накормить тысячу голодающих. Несчастные изгнанники страдали не только от ужасной болезни, но и от голода и даже жажды: в Калавао, так же как и на большей части территории Молокаи, всегда ощущалась нехватка питьевой воды. Поэтому никто не считал Калаупапу приютом или оазисом для прокаженных гавайцев: они боялись его больше, чем своей страшной болезни и чувства отвращения, которое они вызывали у здоровых людей.

В представлении кандидатов на принудительное выселение такая мера приравнивалась почти к смертному приговору, не подлежащему обжалованию. История архипелага знала целый ряд примеров отчаянной и вместе с тем трогательной борьбы гавайцев, волей властей осужденных на высылку по болезни. О наиболее трагичном из них (основываясь на действительных событиях) по-

ведал великий мастер слова, один из двух писателей, некогда посетивших остров прокаженных,— Джек Лондон. Вторым знаменитым гостем Калаупапы был большой друг полинезийцев Роберт Льюис Стивенсон. Подобно Стивенсону, Джек Лондон был совершенно очарован Гавайями. Впервые он появился здесь в 1907 году на своей яхте «Снарк», на которой отправился в путешествие в Южные моря на несколько лет.

Впечатление от первого посещения архипелага было настолько велико, что Джек Лондон решил обосноваться здесь на продолжительное время. И действительно, в 1915 году, в период громкой славы, он прожил на Гавайях почти год. Позже истории, услышанные и записанные им на архипелаге, вошли в две книги гавайских рассказов — «Храм гордыни» и «Кулау-прокаженный». В одном из них он повествует о судьбе гавайца по имени Кулау, жителя острова Кауаи, заболевшего проказой. Решив избежать медленной смерти в принудительной ссылке на севере Молокаи, вместе с тридцатью прокаженными он бежал на остров Кауаи, где они скрылись в горном ущелье. Я вовсе не собираюсь пересказывать историю Кулау, прекрасно описанную Джеком Лондоном. Мне только хочется привести слова, вложенные писателем в уста этого «прокаженного партизана», ибо они точно отражают чувства того, кто их произносит, более того, великолепно воссоздают социальный климат Гавайев того времени.

Кулау, обращаясь к товарищам по несчастью, скрывающимся вместе с ним в горах Кауаи, говорит: «Оттого что мы больны, у нас отнимают свободу. Мы слушались закона. Мы никого не обижали. А нас хотят запереть в тюрьму. Молокаи — тюрьма. Вы это знаете. Вот Ниули, его сестру семь лет как услали на Молокаи. С тех пор он ее не видел. И не увидит. Она останется на Молокаи до самой смерти. Она не хотела туда ехать. Ниули тоже этого не хотел. Это была воля белых людей, которые правят нашей страной. А кто они, эти белые люди? Мы это знаем. Нам рассказывали о них отцы и деды. Они пришли смирные, как ягнята, с ласковыми словами. Оно и понятно: ведь нас было много, мы были сильны, и все острова принадлежали нам. Да, они пришли с ласковыми словами. Они разговаривали с нами по-разному. Одни просили разрешить им, милостиво разрешить им проповедовать нам слово божье. Другие просили разре-

шить им, милостиво разрешить им торговать с нами. Но это было только начало. А теперь они все забрали себе — все острова, всю землю, весь скот. Слуги господа бога и слуги господа рома действовали заодно и стали большими начальниками. Они живут, как цари, в домах о многих комнатах, и у них толпы слуг. У них ничего не было, а теперь они завладели всем. И если вы, или я, или другие канаки голодают, они смеются и говорят: „А ты работай. На то и плантации“» [29].

Так рассуждал герой рассказа Джека Лондона, встречавшийся с несчастными изгнанниками на полуострове прокаженных. Дж. Лондон так описывает обитателей Молокаи: «Их было тридцать человек, мужчин и женщин, тридцать отверженных, ибо на них лежала печать зверя... Когда-то они были людьми, но теперь это были чудовища, изувеченные и обезображенные, словно их веками пытали в аду,— страшная карикатура на человека. Пальцы — у кого они еще сохранились — напоминали когти гарпий; лица были как неудавшиеся, забракованные слепки, которые какой-то сумасшедший бог, играя, разбил и расплющил в машине жизни. Кое у кого этот сумасшедший бог попросту стер половину лица, а у одной женщины жгучие слезы текли из черных впадин, в которых когда-то были глаза. Некоторые мучились и громко стонали от боли. Другие кашляли, и кашель их походил на треск рвущейся материи. Двое были идиотами, похожими на огромных обезьян, созданных так неудачно, что по сравнению с ними обезьяна показалась бы ангелом. Они гримасничали и бормотали что-то, освещенные луной, в венках из тяжелых золотистых цветов. Один из них, у которого раздувшееся ухо свисало до плеча, сорвал яркий, оранжево-алый цветок и украсил им свое страшное ухо, колыхавшееся при каждом его движении» [30].

И все же эти страшилища, или, как называет их Лондон, «монстры», люди, почти утратившие человеческий облик, может быть, лучше, чем кто-либо другой в то время, понимали не только причины своего собственного «личного» несчастья, но и причины, по которым в конце концов было уничтожено все гавайское государство.

---

[29] Джек Лондон. Собрание сочинений. М., Т. 9, 1976, с. 162.

[30] Там же, с. 163.

Кулау вопрошает: «Братья, не удивительно ли? Нашей была эта земля, а теперь она не наша. Что дали нам за нашу землю эти слуги господа бога и господа рома? Получил ли кто из вас за нее хоть доллар, хоть один доллар? А они стали хозяевами... Теперь, когда нас поразила болезнь, они отнимают у нас свободу» [31].

И прокаженные, потерявшие человеческий облик, боролись за неё не только в горах Кауаи, но и на всех других островах Гавайев, сражались с оружием в руках против тех, кто высылал их на полуостров.

В истории островов Карибского моря известны маруны — негры, бежавшие от порабощения в глубь островов. Такими же марунами были и эти прокаженные. Чтобы не лишиться свободы и избежать смерти, неизбежно подстерегавшей их в Калаупапе, несчастные с оружием в руках уходили в горы, ибо даже те, кто был поражен лепрой и утратил всякую надежду на выздоровление, мечтали сохранить свободу до конца своего земного существования.

Кулау, историю которого так ярко и трогательно описал Джек Лондон, был одним из десятков гавайских «прокаженных партизан» (пожалуй, по-другому их и не назовешь) — мужчин, женщин и даже детей, которые восставали против изгонявших их в ненавистный лепрозорий.

Философию, смысл этой особенной вооруженной борьбы объясняет в рассказе Лондона гавaец Капалеи, бывший когда-то важной фигурой гавайского королевства — судьей гавайского государственного суда. Но и его настигла проказа, и он, по выражению Кулау, стал «затравленной крысой». Когда-то высокий представитель своей страны, теперь он — «человек вне закона, превратившийся в нечто столь страшное, что он был теперь и ниже закона и выше его» [32]. Капалеи, «идейный вдохновитель» партизанской борьбы кауаийских прокаженных, говорит: «Мы не затеваем раздоров. Мы просим, чтобы нас оставили в покое. Но если они не оставляют нас в покое,— значит, они и затевают раздоры и пусть понесут за это наказание. Вы видите, у меня нет пальцев. Но вот от этого большого пальца еще сохранился сустав, и я могу нажать им на спуск так же

---

[31] Там же, с. 164.
[32] Там же, с. 165.

крепко, как в былые дни. Мы любим Кауаи. Так давайте жить здесь или умрем здесь, но не пойдем в тюрьму на Молокаи. Болезнь эта не наша. На нас нет греха. Слуги господа бога и господа рома привезли сюда болезнь вместе с китайскими кули, которые работают на украденной у нас земле. Я был судьей. Я знаю закон и порядок. И я говорю вам: не разрешает закон украсть у человека землю, заразить его китайской болезнью, а потом заточить в тюрьму на всю жизнь»[33].

Так говорили умудренный опытом Капалеи и гавайец Кулау, воспетые великим Джеком Лондоном: осужденные болезнью на смерть, они все-таки боролись за свою жизнь, за родину, за свободу с оружием в руках. Лепра действительно беспощадна к тем, кого раз коснулись несущие смерть персты, но и сама ссылка на полуостров прокаженных означала смерть. И все-таки в этот мир прорвался луч надежды. Веру в то, что нет на свете ничего безнадежно обреченного, принес в Калаупапу бельгиец. Он стал первым белым, поселившимся на «полуострове прокаженных». Имя его — Жозеф Дамье де Вестер. В историю Гавайских островов он вошел как «отец Дамье», ибо, так же как и другие миссионеры, прибыл на острова, чтобы обратить местных жителей в христианство. Не будучи горячим проповедником той или иной веры, он прислушивался только к голосу своего сердца, своей совести, чем отличался от других миссионеров. Отец Дамье (его называют еще «молокаийским мучеником») внял голосу сердца и совести, поступив по их велению.

В Калаупапе бельгийский проповедник оказался случайно. Увидев, в каких ужасающих условиях живут прокаженные, он решил поселиться среди них. По мере сил отец Дамье пытался улучшить условия существования несчастных, по принуждению изгнанных на полуостров.

Дамье подавал петиции, требовал у властей и отдельных лиц помощи жителям Калаупапы, помогал им строить хижины и даже лично участвовал в сооружении первого водопровода, по которому в эти засушливые края впервые пришла питьевая вода. Он строил церковь — все-таки он оставался католическим священником — и, принимая во всем деятельное участие, зара-

[83] Там же, с. 165.

зился от калаупапских обитателей проказой. Став с тех пор одним из них, Дамье перестал обращаться к своим прихожанам «Братья мои!» и во время торжественной мессы называл их «Прокаженные мои!», ибо с этой минуты его связывало с паствой нечто очень значительное — опасная болезнь с неизбежным трагическим исходом. Через несколько лет отец Дамье сам скончался от проказы.

Я стоял на маленьком кладбище в Калавау, которое основал сам Дамье, рядом с церковью святой Филомены, в строительстве которой он участвовал. На кладбище сохранился лишь небольшой памятник, гроб с прахом покойного в 1936 году с большими почестями был перевезен на родину, в Бельгию.

На кладбище осталась могила без умершего. Лишь после своей смерти Дамье — прокаженный Дамье — посмел покинуть Калаупапу. Но «молокаийский мученик» оставил после себя в Калавау нечто большее — свой завет, который не имеет ничего общего с религией, призыв: «Если ты человек, помогай другим людям. Особенно помогай тем, кому, как этим прокаженным, уже неоткуда ждать помощи. Ибо умирает не тот, кому отказано в лекарствах, врачебной помощи, хорошем уходе. Умирает тот, кому отказано в надежде. Уходит тот, кто не чувствует рядом протянутой руки помощи. Эта рука, готовая бросить спасательный круг, и есть человечность, истинная гуманность».

ПО КАНЬОНАМ И РЕКАМ ОСТРОВА КАУАИ

Я снова вернулся на остров Кауаи, самый западный из островов архипелага, на котором я уже был недавно. Тогда я искал следы его загадочных древних обитателей — полинезийских карликов менехуне. Цель моего нового путешествия — познакомиться с другими полинезийскими легендами острова, а также полюбоваться его знаменитыми пейзажами. Так же как и на Молокаи, значительную часть кауаийского побережья занимают скалистые утесы дивной красоты, через которые, к счастью, не удалось прорубить ни одного шоссе. Вот почему невозможно объехать остров за один раз —

путешествие распадается на два, и дороги ведут в разные концы Кауаи.

Из административного центра Лихуэ я отправился на север острова и остановился на этот раз в весьма необычном месте. В зарослях кокосовых пальм, бывших когда-то священной рощей кауаийских правителей, некто Лайл Гуэлендер построил уникальный отель «Коко памз» («Кокосовые пальмы») — несколько зданий, оформленных в чисто полинезийском стиле. В приятной, романтической, типично гавайской обстановке я прожил несколько дней.

Буквально за порогом отеля меня ждали сюрпризы. Во-первых, очередное полинезийское хеиау — святилище Хохолоку в честь бога войны Ку (об этом говорит его название), требовавшего, чтобы именно на этом месте ежемесячно делались человеческие жертвоприношения.

В хениау Хохолоку я видел камень, на котором убивали несчастных. В непосредственной близости от места, на котором приговоренные гавайцы прощались с жизнью, я нашел так называемые «родильные камни»: здесь должна была рожать своего знатного потомка королева острова, причем на глазах у публики.

Как я уже писал, пуповину гавайских принцев и принцесс, произведенных на свет на королевских «родильных камнях», прятали в скалах. Есть здесь еще и камни, выполнявшие третью функцию: под ударом они издавали выразительный звук. Так сообщали о рождении очередного потомка гавайских королей.

Отель «Коко памз» и святилище построены в устье Ваилуа, единственной на всем архипелаге судоходной реки. По ней регулярно курсируют теплоходы, направляясь вдоль живописных зеленых равнин к «Папоротниковой пещере».

Согласно преданиям, которые пересказывают туристам местные гиды, в этой прекрасной пещере, по стенам которой как бы стекают заросли папоротника и хвоща, заключали брачный союз гавайцы. Разумеется, велеречивые проводники не демонстрируют путешественникам свадебных обрядов. Однако они исполняют долгую благозвучную песню, которую пели, вероятно, друзья жениха и невесты, пока новобрачные за зеленым занавесом папоротника скрепляли свой супружеский союз.

Это необычное место, исполненное особой красоты, пока еще не разорили туристы, среди которых немало любителей пошлых шуток.

Я решил свернуть от многоводной Ваилуа и продолжить путь на север, через поселки Капаа и Анахоладо, в долину Ханалеи, местность, которую многие считают красивейшей на архипелаге. Не раз и не два привлекала она внимание кинематографистов, искавших для своих фильмов натуру, соответствующую привычным представлениям о Южных морях. Здесь, в Ханалеи, был снят известный фильм «Саут Пэсифик» о Бали Хаи, который я никогда не забуду хотя бы из-за прозвучавшей в нем песни. Потом здесь было снято еще несколько картин примерно на ту же тему.

Фильмы о Южных морях, особенно если они делались в Голливуде, зачастую передают чисто субъективные впечатления их создателей. Мне захотелось увидеть острова и их обитателей своими глазами. История Кауаи и его природа действительно во многом отличаются от других Гавайских островов. Я неоднократно слышал об этом, но нигде я не ощутил этого так явственно, как на краю великолепного гигантского кауаийского каньона Ваимеа («Красная вода»), крупнейшего во всей Океании.

Такой каньон скорее всего увидишь где-нибудь в Аризоне или Колорадо, там, где я восторгался знаменитым Большим каньоном и другими ущельями, а он оказался посреди Тихого океана! Вот уже более пяти миллионов лет каньон Ваимеа украшает гавайский остров Кауаи.

Своим рождением он обязан, во-первых, тому, что окрестности горы Ваиалеале (она находится в центре острова) — самый влажный район нашей планеты. Как известно, осадки измеряются в миллиметрах. В 1948 году в районе Ваиалеале их выпало пятнадцать метров! Бесконечный поток, миллионы лет низвергающийся с небес на «крышу» острова Кауаи, стекает по склонам горы.

Другая причина возникновения столь необычного каньона заключается в том, что местное плато Кокеэ, по которому проходит эта гигантская борозда, с трудом впитывает воду, поэтому ей не остается ничего другого, как день за днем, год за годом прокладывать глубокий ров.

Я шел по левому, западному краю Ваимеа и заглядывал, как Фома неверующий, в глубочайший овраг. Кауаийский каньон имеет поистине гигантские размеры. Он прекраснее своего аризонского собрата. В отличие от каньонов Аризоны и Колорадо Ваимеа включает в свой спектр синий и ярко-зеленый цвета. Как и во многом другом, мнения гавайцев, касающиеся его максимальной глубины, значительно расходятся. Чаще всего мне приходилось слышать, что глубина Ваимеа достигает тысячи (!) метров. Каменные стены высотой в километр, раскрашенные яркими, разноцветными полосами, похожи на тело гигантской зебры.

Внизу, глубоко подо мною, преобладал уже лишь один темный цвет: солнце никогда не проникает на дно каньона Ваимеа. Выше солнечные лучи озаряли исполинские полосы самых разных оттенков.

В кауаийский каньон я заглядывал с нескольких специально оборудованных площадок, расположенных вдоль его змееобразного тела. Наиболее впечатляющим был вид с Пуу Хинахина, откуда просматривается вся линия каньона и, кроме того, соседний, самый западный из восьми Гавайских островов — недоступный Ниихау.

Почти в конце каньона, ползущего к южному берегу острова, где возле города Ваимеа впадает в море река, создавшая каньон и протекающая по нему и в наши дни, была основана своеобразная экспедиционная база для тех, кто отваживается посещать прекрасный Кауаи,— лагерная стоянка «Коки Кэмпс». По соседству с ней открыт небольшой краеведческий музей. Здесь посетителей знакомят с геологическими, зоологическими и ботаническими достопримечательностями каньона.

От комплекса «Коки Кэмпс» я отправился по дороге, которая вела через густой тропический лес с буйной ярко-зеленой растительностью к последней «площадке» этой удивительной трассы — сердцу острова Кауаи. Это место называется Калалау. Отсюда открывается вид не на каньон, а на расположенный вблизи и тем не менее абсолютно неприступный северный берег Кауаи и на столь же недосягаемую долину, также носящую название Калалау.

Я стоял на скале. Ее ровные, отвесные стены уходили вниз на тысячу триста метров. Сверху хорошо был виден желтый песок совершенно неприступного, но та-

кого близкого пляжа, дальше был только бесконечный океан. Перед кауаийскими Нууану Пали — скалами Нууану — бессильна даже современная техника. Это мир скал, куда даже сегодня не может ступить нога человека. Именно здесь, в хранимой утесами долине Калалау, в гигантской каменной пасти, скрывался мужественный человек, послуживший Джеку Лондону прообразом Кулау. Здесь, совсем недалеко от его прибежища, выяснилось, что этот гаваец был реальным лицом. Весь остаток своей трагической жизни он провел именно здесь, в долине Калалау, отрезанный от мира скалами Нууану Пали.

В 1889 году, когда ему не было еще и тридцати лет, он, больной проказой, поселился здесь со своей женой и маленьким, но уже зараженным этой болезнью сыном. В этом неприступном краю Кулау стал вождем группы двадцати двух прокаженных, которые, уйдя в мир скал, пытались избежать ссылки в Калаупапу. Позже прокаженные сдались и были отправлены в молокаийский лепрозорий. Все, кроме Кулау. Когда явился начальник кауаийской полиции, чтобы арестовать его и в наручниках сопроводить на Молокаи, беглец, скрывавшийся в Калалау, застрелил его.

С той минуты несчастный прокаженный превратился «во врага общества», в «человека вне закона». Поскольку полиция острова Кауаи не справилась с «преступником», из столицы королевства на борьбу с ним послали большую группу солдат. Гавайская национальная гвардия выставила против прокаженного пушку! Несколько выстрелов смели крепость Кулау. Трупа «предводителя прокаженных» не обнаружили. Солдаты вернулись в Гонолулу, уверенные в своей победе. Кулау же удалось еще до начала обстрела спрятаться в другом уголке труднодоступной, охраняемой скалами долины. Никем более не преследуемый, он прожил здесь еще пять лет, пока его, непобежденного, не одолела проказа, против которой бессильно все. В Калалау умер от лепры его сын. Лишь мужественная жена Кулау, столько лет доставлявшая своей семье продукты, преодолевая для этого тысячеметровый гребень на пути к югу Кауаи и обратно, вернулась в селение к своим родственникам... Здесь я узнал наконец окончание истории, начавшейся для меня на Молокаи.

Из Калалау другой дороги назад нет, кроме той, по которой я сюда добрался. Значит, мне снова придется идти по западному берегу каньона Ваимеа. Однако, прежде чем отправиться в обратный путь, мне очень хотелось задержаться там, где кончается каньон Ваимеа, где река Ваимеа впадает в море, где с давних времен стоит важный, хотя небольшой по кауаийским масштабам городок Ваимеа. У него богатая история, и в ней есть страницы, которым могут позавидовать другие селения Кауаи. Дело в том, что именно здесь еще до своей высадки в заливе Кеалакекуа в 1778 году капитан Дж. Кук впервые ступил на землю Гавайев; высадились прибывшие на этот остров миссионеры; тут, как правило, жили гавайские правители Кауаи, сохранившие свою независимость от Камеамеа.

Великому Камеамеа не суждено было побывать на Кауаи, что явилось следствием умной, прозорливой политики правителя острова Кауаи легендарного Каумуалии. Более того, в то время как Камеамеа, а позже и его преемник, король Лиолио, попадали во все бо́льшую зависимость от Великобритании, правитель острова Кауаи установил тесные связи с Россией.

Гуляя по городу, я обратил внимание на небольшое изображение гавайского воина на одном из фасадов. Этим знаком по всему архипелагу отмечены исторические или ландшафтные достопримечательности. Под фигуркой воина было написано: «*Russian fort*» — «Русская крепость».

Следуя указателю, я поднялся по лестнице и увидел развалины крепости, построенной на мысе у реки Ваимеа в 1817 году. От самой крепости остались, конечно, только руины. Однако я заметил, что в плане она представляла геометрическую фигуру — щит Давида, как многие фортификационные сооружения тогдашней Европы. Эта крепость, над которой когда-то развевался русский флаг,— свидетельство отношений, сложившихся у Каумуалии с Россией. Меня заинтересовало, когда и каким образом русские оказались на Гавайях.

История появления первых славян на полинезийском архипелаге не проста. Еще в начале XIX века Российско-Американская компания создавала фактории

на Аляске с целью налаживания пушной торговли. Такие же базы она пыталась организовать в Калифорнии и здесь, на Гавайях. В 1804 году, всего через шесть лет после высадки Дж. Кука, на Гавайские острова пришли два первых русских корабля: «Надежда» под командованием знаменитого Ивана (Адама) Крузенштерна и «Нева» во главе с капитаном Юрием Лисянским.

В 1809 году «Нева» под командованием капитана Гагемейстера вновь подошла к Гавайям, пробыв в водах архипелага целых три месяца. Судьбу русско-гавайских связей в значительной степени определило одно событие, происшедшее в Калифорнии. В 1812 году по приказу правителя владений Российско-Американской компании А. А. Баранова здесь был основан поселок «Форт Росс» («Колония Росс», что также означало «русская крепость»). Два года спустя А. А. Баранов отправил на Гавайи русский парусник «Беринг». Парусник потерпел крушение у берегов Кауаи. Тогда А. А. Баранов послал на этот остров служащего компании, врача Шеффера, чтобы тот разузнал, что произошло с грузом потерпевшего аварию судна.

Оказавшись на Кауаи, Шеффер благодаря своему искусству врачевания быстро снискал расположение короля Каумуалии, единственного из правителей Гавайских островов, не подчинившегося воле Камеамеа и надеявшегося, что Россия поддержит его независимую политику. Считая Шеффера посланцем самого царя, Каумуалии установил с ним тесный контакт, дал разрешение на строительство здесь, в Ваимеа, «Русской крепости» и даже позволил поднять над ней русский флаг.

Позднее властный Камеамеа принудил Каумуалии выслать представителя русской компании с острова. Здание «Русской крепости» в Ваимеа вплоть до 1853 года перешло в пользование гавайской королевской армии. Несмотря на это, русские корабли продолжали бывать в Ваимеа на Кауаи, на других островах архипелага.

Пожалуй, следует упомянуть о плавании русского путешественника О. Е. Коцебу на судне «Рюрик». Художнику, оказавшемуся на его борту, мы обязаны многими портретами гавайцев тех времен.

В 1824 году Коцебу вновь оказался на Гавайях. На этот раз он бросил якорь в Гонолулу. Ему удалось расположить гавайцев не только к себе, но и к своей роди

не. Самой знаменитой из полинезийских «русофилов» была одна из вдов Камеамеа — Номаана. Она благосклонно отнеслась к рассказам о России первого гавайца, посетившего славянские страны,— полинезийца Лаули. На шлюпе «Камчатка» под командованием капитана В. М. Головнина (русского мореплавателя, уже ранее бывавшего на Гавайских островах) Лаули отправился в Петербург и пробыл в России довольно долгое время. Подробные рассказы Лаули о жизни в России чрезвычайно заинтересовали королеву.

Встретившись с русским мореплавателем О. Коцебу лично, Номаана сказала ему:

— Лаули действительно был прав: в России живут очень умные люди.

Однако теперь королева симпатизировала не только далекой России и русскому народу, но и самому капитану, которого она принимала в своем доме. Поскольку гавайки не привыкли скрывать своих чувств, а Номаана умела к тому же читать и писать, влюбленная полинезийская королева написала русскому мореходу любовное письмо, сохранившееся благодаря другому мореплавателю — Дюмон-Дюрвилю.

Это первое признание в любви полинезийки славянину полно очарования, и мне хочется его процитировать: «Приветствую тебя, русский. Люблю тебя всем сердцем. Когда я увидела тебя на своей родине, я почувствовала такую радость, что даже не могу ее описать... Прошу тебя от моего имени приветствовать своего царя. Передай ему, пожалуйста, что я сделала бы это сама, но нас разделяет Великий океан. Не забудь от моего имени поприветствовать и весь русский народ... Голод вынуждает меня закончить это письмо. Желаю тебе, чтобы и ты съел поросячью голову с аппетитом и удовольствием. Остаюсь верной тебе любящая королева Номаана».

Таким образом, русские оставили о себе долгую память в Ваимеа и на всем архипелаге, в сердце влюбленной королевы и стенах крепости на острове Кауаи. Как мы уже говорили, крепость в конце концов оказалась в руках правителя всего архипелага: кауаийский король Каумуалии, столь расположенный к России и к русским, все-таки утратил свою независимость. К тому времени великий Камеамеа уже умер, и Каумуалии лишился своей власти весьма оригинальным образом ста-

раниями сына Камеамеа и его преемника Лиолио. Произошло это именно здесь, в Ваимеа, где была написана не одна страница гавайской истории.

Итак, в 1821 году Лиолио посетил Ваимеа. Каумуалии, будучи опытным политиком, вновь публично признал сына Камеамеа правителем Гавайских островов, присягнув на верность и послушание. Однако в глубине души Каумуалии волновало только одно: как бы и в дальнейшем сохранить как можно бóльшую независимость Кауаи от Лиолио. Но тот уже не верил Каумуалии. Он пригласил правителя Кауаи на свой корабль якобы для небольшой прогулки по заливу Ваимеа. Однако стоило Каумуалии ступить на палубу парусника Лиолио, как королевский корабль поднял якоря и покинул Ваимеа. Каумуалии сошел на берег уже на острове Оаху и никогда более не возвращался в Ваимеа, это было запрещено ему до конца жизни. С тех пор Камеамеа II (Лиолио) стал единоличным владыкой всего архипелага. И хотя он великодушно оставил за Каумуалии титул правителя Кауаи, признав все его привилегии и предоставив ему возможность предаваться безделью, жизнь Каумуалии была ограничена пределами двора Лиолио. Правитель Кауаи превратился в настоящего пленника, пусть утопающего в роскоши, но все-таки пленника короля Гавайского архипелага.

Нелегко пришлось Каумуалии при королевском дворе: статный владыка Кауаи пришелся по сердцу бывшей первой жене умершего Камеамеа I, всесильной регентше гавайского государства королеве Каауману. Она решила женить на себе пленного Каумуалии. Таким образом, Каумуалии в Гонолулу еще и женили, причем не по собственной воле. Однако через некоторое время властной Каауману приглянулся другой член семьи Каумуалии, родной сын ее нынешнего мужа — Кеалииаонуи. Будучи дамой чрезвычайно энергичной, она решила взять в мужья и этого кауаийского принца, то есть в очередные мужья: ведь ее нынешним мужем был не кто иной, как отец Кеалииаонуи, король-пленник Каумуалии.

Если гавайские короли могли иметь по нескольку жен, почему бы и гавайским королевам не поступать подобным образом? Таким образом, она приходилась принцу Кеалииаонуи одновременно и супругой и мачехой. Каауману рьяно пропагандировала в своем государ-

стве христианство. Именно она заставила короля Лиолио отменить все табу, приказала сжечь полинезийских богов, опустошить гавайские хеиау. Теперь эта «образцовая христианка» регулярно ездила вместе с обоими мужьями на церковные мессы в карете, запряженной двенадцатью гавайцами.

Каахуману, подобно другим полинезийкам, была склонна к полноте и весила около двух центнеров, поэтому в карету вмещалась только она сама. Первый ее муж, Каумуалии, сидел на козлах, а второй, Кеалииаонуи, ехал на запятках. Так эта оригинальная супружеская троица прибывала в пуританские храмы первых миссионеров из Новой Англии.

Интересно, что же делала законная супруга Каумуалии, Капуле, мужа которой король Лиолио пленил по причинам политическим, а регентша Каахуману — по причинам, прямо скажем, личным. Оказывается и Капуле (между прочим, она тоже весила добрых двести килограммов) встала на путь христианства. Она стала строить в Ваимеа просторный храм, который был завершен в 1846 году. Я имел возможность посетить его. В местном хеиау, дабы доказать, что и она покончила с языческими обычаями своих полинезийских предков, Капуле устроила хлев.

ВЗГЛЯД НА ЗАПРЕТНЫЕ ОСТРОВА

Из Ваимеа я продолжал свой путь на самый запад Кауаи, в небольшое селение Мана. Далее дорога обрывалась: передо мной снова бушевал океан. На противоположной стороне последнего из гавайских проливов Куалакахи словно плыл по морю еще один, последний, самый западный из Гавайских островов — небольшой Ниихау, но путь туда закрыт. На этот остров, так же как на совсем крошечный Кахоолаве, «иностранцам вход строго запрещен». Итак, Гавайи — это шесть открытых для посещения и два запретных острова.

Два острова недоступны для иностранцев по разным причинам. Например, Кахоолаве, самый маленький из восьми Гавайских островов, лишили жизни солдаты и козы. Этот небольшой, довольно засушливый участок

земли в XIX веке захватили два белых арендатора и стали разводить на нем овец, а затем и коз. Ненасытные животные за короткое время полностью уничтожили всю растительность Кахоолаве, постепенно превратив его в настоящую пустыню с сухим, красноватым песком.

Когда пастбища Кахоолаве истощились, остров прибрали к рукам американская военная авиация и военно-морской флот. Пилоты «Юнайтед Стейтс Эйр Форс» и артиллеристы «Юнайтед Стейтс Нейви» вот уже десятки лет используют Кахоолаве в качестве мишени для своих учебных бомбардировок. Так был окончательно опустошен объеденный козами островок. Не знаю, есть ли какая-нибудь надежда, что Кахоолаве когда-нибудь воскреснет из «мертвых» и станет таким, как и остальные Гавайские острова. Во всяком случае, совершенно ясно, почему строжайше запрещено посещение этого несчастного, столь негостеприимного ныне островка, усеянного сотнями и тысячами невзорвавшихся бомб, гранат и торпед.

Второй из недоступных Гавайских островов — Ниихау. Я видел его через пролив Куалакахи, и он вовсе не производил впечатления мертвого. Не постигла его и трагическая судьба Кахоолаве. Скорее можно сказать, что рок сыграл с островом странную шутку. Когда-то весь Ниихау стал собственностью одной женщины, причем при довольно необычных обстоятельствах. Имя этой женщины — Элизабет Синклер Робинсон. Родом она из Шотландии. Эта энергичная капитанская вдова успешно занималась разведением овец. После смерти супруга Элизабет погрузила на парусник «Бетси» все, что у нее было: детей, внуков, овец и коз, а также пианино — память о родителях! — и сундук с золотыми монетами. Миссис Синклер встала за штурвал парусника и отправилась в путешествие. Да еще в какое! Из холодной Шотландии она взяла курс на далекие теплые моря Океании. Сначала «Бетси» бросила якорь у берегов Новой Зеландии, но миссис Синклер решила преодолеть на своем судне весь Тихий океан. В 1863 году парусник «Бетси» прибыл в Гонолулу.

Гавайские острова понравились вдове капитана с первого взгляда. В свою очередь, она сразу же расположила к себе тогдашнего правителя архипелага. Глубокая взаимная симпатия легла в основу купли-прода-

жи Ниихау. Вдова Синклер приобрела весь остров за каких-нибудь десять тысяч долларов! Более того, король предложил ей в придачу южное побережье острова Оаху, включая портовые районы Гонолулу и Ваикики. Однако за эту обширную территорию правитель, несмотря на свою симпатию к шотландке, затребовал пятьдесят тысяч долларов. Но поскольку, как утверждают бесчисленные анекдоты, шотландцы отличаются скупостью, цена показалась миссис Синклер завышенной, и сделка не состоялась.

С тех пор прошло всего сто лет, а цена этой земли возросла не меньше чем в миллион раз. Да и за пятьдесят миллиардов вряд ли кто-нибудь смог бы сегодня купить знаменитый Ваикики, не говоря уже о Гонолулу с его портом. Однако для экономной миссис Синклер сумма пятьдесят тысяч долларов была слишком большой, поэтому она удовлетворилась островом Ниихау.

После смерти предприимчивой женщины Ниихау остался частной собственностью ее семейства. Робинсоны (удивительно подходящая фамилия для владельцев тихоокеанского острова!) и до сих пор являются хозяевами этого самого западного из Гавайских островов. И, надо сказать, к счастью. Робинсоны запретили посещение Ниихау. В первую очередь для того, чтобы оградить его жителей (здесь живут лишь чистокровные гавайцы) от плодов так называемой «цивилизации», столь щедро пожинаемых на других островах этого архипелага.

Во времена, когда предприимчивая Элизабет приобрела Ниихау, обитающие на нем гавайцы уже были обращены в христианскую веру. Одевались они «по-христиански», во всем же остальном продолжали соблюдать свои обычаи. С тех пор ничего не изменилось. Строжайший запрет все еще в силе, и благодаря ему на Ниихау сегодня живут только чистокровные гавайцы. Всюду на острове звучит только гавайский язык, более того, старинный его диалект.

Ниихау, расположенный по соседству с Кауаи, самым влажным районом на земле, страдает — какая ирония! — от нехватки воды. Поэтому жители острова не возделывают землю, а разводят овец (тридцать тысяч голов), крупный рогатый скот и, кроме того, арабских скакунов. Такое достижение цивилизации, как автомобиль, к счастью, не привилось на Ниихау: на всем ост-

рове нет ни одной автомашины! Нет здесь ни полицейских, ни тюрьмы.

Жители острова совершенно добровольно отказались от таких «радостей жизни», как алкоголь и табак (действует только одно исключение: иностранцу, директору местной школы, обитатели острова Ниихау разрешают курить сигары в его собственном кабинете). На Ниихау нет ни телевизоров, ни кинотеатра. До конца второй мировой войны не было ни одного телефона и радиоприемника! Те приемники, которыми население пользуется сегодня, работают на батарейках. Связь с окружающим миром (то есть в данном случае с Кауаи) до недавнего времени поддерживалась (и это в XX веке!) совершенно удивительным способом: знаки передавались с помощью огней, зажигаемых по обе стороны пролива, отделяющего запретный остров от Кауаи. Новейшие времена ознаменованы некоторым прогрессом во взаимоотношениях Ниихау с жителями соседнего острова: послания на Кауаи отправляются теперь с почтовыми голубями.

Это «гордое одиночество» Ниихау было нарушено — к счастью, лишь на несколько недолгих часов — во время войны. Бои на Тихом океане разгорелись, как известно, после внезапного нападения Японии на Гавайские острова — на военно-морскую базу в Перл-Харборе. В то время полинезийцы, живущие на Ниихау, не имели ни одного радиоприемника. Неудивительно, что ни о какой бомбардировке столицы, тем более об объявлении войны они и понятия не имели.

В свою очередь, жители Кауаи были так поражены новостями, которые донесло радио, что забыли сообщить о случившемся своим соседям (это можно было сделать только с помощью огня). Известие о войне не заставило себя долго ждать на Ниихау. Спасая свою жизнь и самолет, на остров приземлился один из японских пилотов, принимавших участие в нападении на Перл-Харбор. Не раз слышал я на Гавайях рассказы о приключениях этого непрошеного гостя Ниихау, первого чужеземца, проникшего на запретный остров. Собственно говоря, история, приключившаяся с японцем на Ниихау, превратилась уже в легенду, известную всему архипелагу. Я знаю столько ее вариантов, что даже не решился бы отстаивать тот, который мне кажется наиболее правдивым и повествует о своеобразной «битве

за Ниихау» в полном соответствии с исторической действительностью.

Однако вернемся к началу этой удивительной истории и к ее герою — японскому пилоту, участнику вероломного нападения на Перл-Харбор. Когда кончилось горючее, пилот в последнюю минуту произвел вынужденную посадку на Ниихау. Во время приземления он потерял сознание. Гавайцы с интересом разглядывали незваного гостя и завладели его планшетом с картами и другими документами.

Придя в себя, летчик с удивлением обнаружил, что оказался на неизвестном острове, принадлежащем американцам. Он понял, что небольшая территория заселена одними только полинезийцами, с первого же взгляда показавшимися ему существами весьма примитивными, но решительными: они отняли у него планшет с документами. Японец тут же смекнул, что на всем острове, пожалуй, не сыскать ни одного ружья, ни одного пистолета! У него же, воина императорской армии, в руках был автомат — в данной ситуации оружие весьма грозное. Он потребовал:

— Верните карты, а то стрелять буду!

Однако ни его слова, ни автомат не произвели на гавайцев никакого впечатления. Тогда пилот приставил дуло автомата к груди старушки, но та преспокойно стала читать молитву. Японец выбрал в толпе человека, который, как ему показалось, наверняка был причастен к краже. Подозреваемого звали Канаеле. Пилот набросился на него с бранью, но Канаеле, как и остальные гавайцы, ни слова не понимал по-японски. Тут императорский воин пришел в ярость и выстрелил в непослушного островитянина. Пуля попала в бедро, однако полинезиец и бровью не повел. Пилот выстрелил еще раз и ранил Канаеле в пах. Третьим выстрелом он угодил ему в живот. Только тогда пилот заставил Канаеле обратить на себя внимание. Гавaец, схватив летчика за горло, изо всех сил швырнул его о каменную стену. Пилот тут же скончался. Что же произошло с Канаеле? Прежде чем потерять от боли сознание, он успел сказать:

— Никогда не стреляй в гавайца больше двух раз, на третий он может рассердиться!

На самом деле Канаеле употребил другие, прямо скажем, совсем нелитературные выражения, которые я

не осмеливаюсь здесь приводить. Афоризм вошел в историю, став на архипелаге крылатым выражением, а сам Канаеле превратился в героя архипелага.

Так жители острова Ниихау, исповедующие миролюбивую философию алоха, одержали свою первую победу над японцами. После того как Канаеле размозжил пилоту голову о каменную стену, на острове снова воцарился мир. С той минуты и по сей день, когда я пишу эти строки, прошло четыре десятка лет, и за это время незваные гости на Ниихау больше не появлялись. Правда, в 1960 году в этом районе архипелага пропал еще один пилот вместе со своим самолетом. По этому случаю с Кауаи был послан почтовый голубь с вопросом, не оказался ли случайно исчезнувший летчик на Ниихау. Жители острова отправили с тем же голубем лапидарный ответ в телеграфном стиле. В нем вся философия, на которой основывается их существование: «На острове ни одного чужого. Никого не ждем».

Даже в наше время, когда люди уже побывали на Луне, на землю Ниихау ступить нельзя. Должен сказать, что я особенно тяжело воспринял этот строгий запрет. Дело в том, что это не первая моя книга о Гавайях. Много лет назад я написал историю молодого гавайца, и действие ее развертывалось именно на этом острове. Насколько мне известно, это единственная книга, действие которой происходит на Ниихау. Тем не менее доступа туда не имеет даже ее автор.

Нет ничего удивительного в том, что запрет посещать Ниихау порождает всевозможные легенды и слухи о загадках этого острова. Всегда находились люди, во что бы то ни стало стремившиеся разгадать тайну острова, проникнуть на него любым, часто совершенно невероятным путем: сюда приплывали на частных подлодках или пытались пристать к берегу на небольших надувных шлюпках, но все попытки оказывались безуспешными. Остров Ниихау по-прежнему упорно хранит свою тайну.

Однако разгадка ее не так уж сложна: вполне понятно желание верно хранить свои традиции, свои обычаи, свой язык, свой образ жизни. Эту «тайну» могли бы перенять у обитателей Ниихау народы некоторых других, куда более развитых и прогрессивных стран, ибо нет верности более истинной, чем верность самому себе.

Наконец-то я попал на Оаху — главный остров «венца Океании». Здесь находится столица архипелага город Гонолулу, унаследовавший в 1845 году этот почетный титул от селения Лахаины на острове Мауи.

Гонолулу — большой, яркий город. Иногда хочется назвать его городом с тысячью лиц. Я прошагал по архипелагу дорогами, связанными с судьбами его исконных обитателей, поэтому из всего, что предлагает Гонолулу вниманию туристов, я в первую очередь выбрал достопримечательности, имеющие отношение к жизни самих гавайцев, их правителей, к истории, к тем временам, когда Гонолулу стал сердцем этого тихоокеанского королевства. Устроившись в гостинице, я сразу же отправился по историческим местам Гонолулу — осмотрел королевский дворец, святилище и усыпальницу королей.

В каждой столице есть свой Кремль, Тауэр или Градчаны. В Гонолулу это район вокруг резиденции гавайских королей, строения, носящего прекрасное и, как мне показалось, по-восточному поэтическое название — Иолани («Дворец Небесной птицы»).

Сначала я остановился возле совсем нетипичного для Гавайев строения, находящегося невдалеке от величественного дворца королей. Это простой деревянный разборный домик, изготовленный в Новой Англии и присланный сюда в 1821 году. Он служил первым прибежищем для миссионеров. Соседние дома — тоже свидетели тех времен, когда христианство впервые постучало в двери Гавайев.

Я прошел по улице Каваихао к зданию, имеющему значительно бóльшую историческую ценность,— храму Каваихао. Это красивое каменное строение отличает необычная строгость. *Кахили* — королевские штандарты из птичьих перьев, стоящие внутри храма по обе стороны алтаря,— свидетельствуют, что некогда Каваихао был настоящим «кафедральным собором» гавайских правителей. В самом деле, в этом «официальном» храме происходила коронация гавайских королей (например, Луналило), а позднее, после принятия христианства, здесь крестили и венчали владык страны и островов. Проходили здесь и торжественные похоронные церемо-

нии перед погребением правителей гавайского государства.

Прежде чем войти в центральный зал, я рассмотрел памятные таблички с именами мужчин и женщин, трудом которых был воздвигнут главный храм Гонолулу. Первым стоит уже знакомое имя вдовы Камеамеа, регентши гавайского государства Каауману. На следующей табличке перечисляются заслуги фанатика из Новой Англии преподобного Бингхема (гавайцы называли его Пинаму).

В храме Каваихао словно продолжается старая жизнь Гавайев. На стенах можно прочесть написанные по-гавайски распоряжения. Например, табличку *Э аму!* («Соблюдайте тишину!»). Ее нарушают лишь христианские гимны, которые звучат в Каваихао по-полинезийски. Кстати, настоятелем Каваихао и по сей день остается полинезиец — его преподобие Акака.

У ворот храма я заметил гробницу гавайского короля Луналило. Останкам последних гавайских правителей я уже поклонился в королевском некрополе, расположенном в Гонолулу, на улице Нууану. Там покоится вся династия Камеамеа, кроме Луналило, похороненного здесь, у ворот святилища, и самого родоначальника этой династии Камеамеа, который был погребен еще по-полинезийски — в неизвестном месте, где-то в скалах на Большом острове.

В королевской усыпальнице покоятся останки и других гавайских правителей, например Калакауа, которого гавайцы нарекли «веселым королем». Его каменный саркофаг украшен реалистическим изображением этого любимого народом правителя. Похоронена здесь его жена, королева Капиолани, и другие представители правившего рода. Принц Кухио выстроил перед усыпальницей королевскую часовню, окруженную ныне высокими пальмами. Там я тоже видел кахили.

Основатель династии Камеамеа, погребенный на Большом острове, все-таки здесь присутствует. Его огромная, тринадцатиметровая статуя обращена лицом к окнам «Дворца Небесной птицы», где обитали его преемники. Этот памятник уже знаком мне. Точно такую же статую мне удалось увидеть в Кохала на Большом острове.

Основатель объединенного гавайского королевства изображен облаченным в *малола* — накидку из перьев.

Голову Камеамеа украшает убор вроде античного, левая рука сжимает копье, правая поднята — он словно указывает своему народу путь в будущее.

Возле памятника Камеамеа I много венков. 11 июня, когда на архипелаге празднуется день его рождения, огромная статуя вместе с постаментом буквально утопает в прекрасных леи.

До 1967 года площадь, на которой возвышается памятник, украшали высокие пальмы. Но какому-то остряку пришла в голову дикая идея послать в Управление лесного хозяйства поддельный приказ о вырубке этих деревьев. И чинуши мигом привели его в исполнение! Небольшая деталь: «шутник» подписал приказ именем выдающегося французского писателя Альбера Камю. Увы, начальник лесоуправления, не знавший французской литературы, тут же распорядился вырубить на площади все пальмы.

Неподалеку от памятника правителю, которому помимо многих других добродетелей гавайцы приписывают справедливость, стоит здание. Оно должно быть «Дворцом справедливости»,— верховный суд гавайского государства.

Я перешел на противоположную сторону улицы и оказался во владениях «Дворца Небесной птицы». Прежде чем посетить эту официальную резиденцию гавайских королей, я впервые зашел в дом, где провел несколько прекрасных дней, погружаясь в прошлое архипелага, его историю,— в Гавайский государственный архив. В нем собран богатейший, доступный исследователям материал, хранятся оригиналы договоров, заключенных королевством. Здесь можно полистать подшивку «Полинезийца» — первой в Гонолулу газеты. Я нашел тут и оригинальные иллюстрации. Никогда еще я так не ощущал духа старых Гавайев, как в тихих залах Гавайского государственного архива. Символично, что по соседству находится здание, в котором на самом деле происходило все то, что хранит архивная память,— королевская резиденция, «Дворец Небесной птицы» — Иолани.

Честно говоря, внешний вид королевского дворца не произвел на меня особого впечатления. Вряд ли можно определить, в каком стиле он построен. Один австралийский архитектор определил его как «американо-флорентийский».

Снаружи «Дворец Небесной птицы» кажется сложенным только из кирпича и цемента. Однако внутри здание отделано красивейшими породами гавайских деревьев: коа, охиа, камани, коу. Сначала я вошел в тронный зал. Главное внимание по-прежнему приковывают к себе троны короля и королевы, вырезанные из твердого дерева коа. Над тронами государственный герб Гавайев, каким он был при короле Калакауа, жившем во дворце. Герб гавайского государства украшен королевской короной и двумя скрещенными копьями. В период правления преемницы короля Калакауа, его сестры, королевы Лилиуокалани (единственной в истории Гавайев женщины, правившей государством), сюда, в тронный зал, попали и знаменитые кахили.

Стены тронного зала украшают портреты нескольких гавайских правителей. Напротив расположена просторная трапезная. На втором этаже, куда снизу ведет лестница, построенная из разных пород гавайских деревьев, размещены королевские спальни, библиотека. В одной из спален в бурные годы последнего десятилетия XIX века в течение девяти месяцев находилась под арестом королева Лилиуокалани.

Сегодня «Дворец Небесной птицы» превращен в музей, хранящий память о славных и менее славных временах гавайского королевства. Во времена моего первого визита на архипелаг в некоторых помещениях дворца все еще располагались различные учреждения. Так, в покоях короля жил губернатор штата Гавайи, а сенат заседал в трапезной. Обычно палата представителей штата собиралась для своих совещаний в тронном зале.

Лишь в 1969 году губернатор, депутаты и деятели штата Гавайи перебрались из королевского дворца в новые, ультрасовременные здания. В Иолани воцарилась тишина.

Кажется, что замок погружен в сон. Да, он спит и видит сны о тех давних временах, когда в его залах и покоях столько раз решалась судьба жемчужины в «короне Океании» — маленького полинезийского королевства, а вместе с ним судьба всего гавайского народа.

Иолани, единственный королевский дворец на территории Соединенных Штатов Америки, вновь заставил меня окунуться в жизнь полинезийских правителей архипелага. Меня интересовали не столько короли, сколько гавайский народ, ибо известно, что судьба правителей влияет и на судьбу народов.

У гавайцев сменилось восемь самодержцев — семь королей и одна королева. Самой крупной из этих фигур, по-моему, остается тот, кто впервые в истории островов объединил их под своей властью,— Камеамеа I. В Гонолулу он не жил. Камеамеа I прочно обосновался на Большом острове. Его родными местами были области Кохала и Кона, город Каилуа. Официальной резиденцией первого преемника Камеамеа, Лиолио (или Камеамеа II), стал город Лахаина на острове Мауи. Долгое время — до 1840 года — Лахаина оставалась официальной резиденцией следующего короля Гавайев — Кауикеаоули (принявшего позже имя Камеамеа III).

Изучая историю Гавайев и их правителей, я остановился на Лиолио, который, похитив правителя острова Кауаи, осуществил мечту своего великого отца и окончательно объединил Гавайи. После исторического — хотя и достаточно курьезного — присоединения острова Кауаи к королевству, Лиолио сосредоточил свое внимание на установлении связей с другими странами. Ему самому захотелось побывать в них, в первую очередь в Великобритании, стране, откуда на Гавайи прибыли Дж. Кук и Ванкувер, а также верные советники отца — моряки Янг и Дэвис. В те времена из всех держав Великобритания оказывала самое большое влияние на полинезийское королевство.

Гавайский король отправился в Великобританию без приглашения британского короля. Вероятно, своим экзотическим путешествием за океан Лиолио рассчитывал укрепить свои позиции, а может быть, даже хотел предложить Великобритании взять острова под опеку. В то время стали просачиваться первые сведения о намерениях Соединенных Штатов Америки присоединить к себе Гавайи. Распространению влияния США способствовало то обстоятельство, что все миссионеры в королевстве были американцами. Лиолио приказал выслать из

своей страны всех иностранцев, но королевский приказ так никогда и не был исполнен. Наконец-то у короля появилась возможность посетить Великобританию, державу, игравшую столь значительную роль в жизни Гавайев. Капитан китобойного судна «Лэгл», некто Старбак, готов был за солидное вознаграждение доставить знатных пассажиров в Лондон.

Перед отплытием Лиолио на всякий случай объявил своего брата Кауикеаоули, совсем еще мальчика, наследником трона. Однако дело управления государством по-прежнему продолжало оставаться в руках регентши Каауману. «Премьер-министром» после долгих раздумий был назначен верный последователь и помощник отца Лиолио — Каланимоку. Лиолио осталось выбрать жену, которая должна была сопровождать его в поездке в Великобританию. У Лиолио их было пять. Миссионер Бингхем уже давно настоятельно требовал, чтобы король отказался от четырех из них, ибо лишь после этого Лиолио мог бы стать истинным христианином. Король долго не соглашался, но в конце концов заявил, что будет отдалять от себя жен постепенно, каждый год расставаясь с одной из них. Таким образом, через неполных пять лет он должен был покончить со своей греховной жизнью.

Из всех своих жен государь явно отдавал предпочтение молоденькой Камамалу. Она-то и была избрана его спутницей в далеком путешествии. Кроме нее короля сопровождали правитель острова Оаху Поки, его жена Лилиа, сын советника Камеамеа Великого Джеймс Янг Камелоа и еще несколько гавайцев и гаваек.

После долгого плавания «Лэгл» бросил якорь в Рио-де-Жанейро, где бразильский император Педру оказал своему собрату почести. Затем, проведя еще несколько недель в открытом море, в мае 1823 года «Лэгл» пристал в Портсмуте. Великобритания встретила необычных и неожиданно нагрянувших визитеров чрезвычайно радушно. Заботу о гостях взял на себя министр иностранных дел Джордж Кэнинг. В Лондоне королевскую чету поселили в роскошном отеле «Кэлидониэн», она участвовала во всех событиях общественной жизни и даже присутствовала в «Ковент-Гарден» на спектакле, тема которого была весьма подходящей: в нем рассказывалось о завоевании Мексики белыми и трагической судьбе исконных жителей — индейцев.

По прошествии нескольких недель после приезда гавайские гости должны были быть представлены королю Георгу. Однако этой исторической встрече, на которую Лиолио возлагал столько надежд, не суждено было осуществиться: и Лиолио, и его супруга заболели корью. Болезнь быстро унесла хрупкую Камамалу, а через несколько дней умер и Лиолио, потрясенный смертью любимой жены. Дипломатический вояж в Лондон, от которого он столько ждал, был закончен. Лиолио возвращался домой в деревянном гробу на корабле «Блонд».

После долгого пути судно бросило якорь в Лахаине, а затем прибыло в Гонолулу. Останки Лиолио были перенесены на берег и захоронены со всеми почестями.

После неожиданной кончины Лиолио бразды правления королевством по-прежнему оставались в руках неутомимой, полной сил и энергии регентши Каауману. От имени юного короля Каауману правила островами почти десять лет. После ее смерти в 1832 году функции регентши взяла на себя одна из жен Лиолио — по имени Кинау. Наконец, в 1833 году Кауикеаоули объявил гавайскому народу, что считает себя достаточно взрослым для того, чтобы взвалить на свои плечи бремя власти.

Первые годы правления носили отпечаток незрелости, однако позже ему, принявшему имя Камеамеа III, удалось приобрести необходимый опыт, завоевать авторитет и продвинуть свое государство по пути прогресса. Кауикеаоули решил изменить порядки, все еще царившие в этом чисто феодальном государстве. Свою собственную абсолютную власть он ограничил первой конституцией, принятой в Лахаине в 1840 году. В конституции помимо всего прочего говорилось: «Бог создал из одинаковой крови все народы, чтобы жили они на земле в единстве и блаженстве. Бог дал одинаковые права всем народам, всем вождям и всем жителям всех стран. Он дал им право на жизнь, на свободу, на плоды труда их рук и ума».

Либеральная конституция Кауикеаоули стерла резкую грань между алии и всеми остальными гавайцами. В ней говорится: «Вожди и народ в равной степени охраняемы единым общим законом». Конституция объявила о разделе власти. В соответствии с ней исполнительную власть осуществляли король и наместники четырех главных островов страны. Законодательная же

власть перешла в руки парламента, состоявшего из двух палат. Палату благородных составляли король и вожди, а в палату представителей входили депутаты, избранные народом. После такого важного юридического акта, как принятие конституции, последовало мероприятие еще более значительное. В истории Гавайев за ним закрепилось название Великое маэле — раздел земли. Однако земельная реформа, формально покончившая с господствовавшими до сих пор феодальными отношениями в землевладении, по существу, оказалась выгодной только для чужеземцев — латифундистов, создававших на островах огромные плантации сахарного тростника и нуждавшихся при этом в каком-либо административном подтверждении своего права на владение землей.

В гавайской конституции 1840 года говорилось лишь о правах гавайцев. Богатые же плантаторы, приехавшие в основном из Америки, желали, чтобы их интересы тоже были защищены. Действуя через советников короля, большинство из которых составляли миссионеры, они заставили Камеамеа III провести «аграрную реформу» — «Великое маэле».

Слово *маэле* на гавайском языке означает «раздел, разделение». Действительно, земля в королевстве была разделена, причем значительную ее часть оставил за собой король. Вся остальная территория делилась на три части: первой распоряжалось правительство, вторая была поделена между алии, третья же досталась простому народу. Бедняки должны были платить землемерам за нарез сумму, которая часто превышала цены на отдельные участки. Кроме всего прочего гавайцы вместе с участком должны были получать письменный ордер. Но полинезийцы не могли взять в толк, почему право на владение землей, которую обрабатывали еще их деды и прадеды, должно было подтверждаться какой-то бумажкой, поэтому свидетельства о наделе не требовали. Те же, кто настоял на обмере участков и заплатил за это, с радостью продавали их (как правило, за гроши) агентам компаний, создающих здесь плантации. Таким образом, когда земельная реформа была завершена, итоги «Великого маэле» были довольно неожиданными: народ, то есть девять десятых населения архипелага, владел лишь двадцатью восьмью тысячами акров, в то время как вожди удерживали в

своих руках миллион шестьсот тысяч акров земли. Однако истинными победителями в этой игре вышли американцы — владельцы плантаций сахарного тростника и только что созданных крупных компаний, а также миссионеры, среди которых было много и тех, кто совсем недавно приехал на острова с «чистыми помыслами» — якобы только затем, чтобы «нести местным варварам светоч истины».

Так, компания, владеющая сегодня обширными ананасными плантациями на острове Ланаи, была основана «служителями бога» Сэмюэлом Мортропом Каслом и Эмосом Старром Куком, прибывшими на Гавайи с восьмой миссионерской экспедицией в 1837 году. После четырнадцатилетнего пребывания на архипелаге эти преданные вере «бостонцы» объединились и основали фирму, которая уже через десять лет владела плантациями сахарного тростника не только на острове Оаху, но и на Кауаи, Мауи и острове Гавайи.

Таким же образом росло и умножалось имущество четырех других крупнейших компаний. Члены этой «большой пятерки», как здесь их принято называть, особенно главы пяти мощных компаний, и по сей день играют решающую роль в экономической жизни архипелага. В Гонолулу высятся их дворцы и небоскребы, построенные на местной Уолл-стрит — улице Бишопа. В середине XIX века, после спада китобойного промысла и сандалового бизнеса, решающей отраслью народного хозяйства Гавайев стало выращивание сахарного тростника. Однако жители королевства — полинезийцы — отнюдь не жаждали превратиться в наемных рабочих, в рабов, от зари до зари гнущих спину на плантаторов. Это неизбежно привело к тому, что происходило когда-то на Антилах: хозяева начали искать рабочие руки для своих латифундий в других местах.

На Антильские острова плантаторы привозили негров. «Неграми» гавайских плантаций стали жители Азии. В 1852 году Гавайское сельскохозяйственное общество доставило в Гонолулу первую партию законтрактованных рабочих — двести китайцев. Вскоре последовали новые партии. К китайцам прибавились японцы, филиппинцы, корейцы, а также рабочие из Европы: португальцы с острова Мадейра, немцы и норвежцы. Компании, владевшие плантациями, постепенно лишали острова их исконного облика. Все укреплявшаяся власть

плантаторов поставила под угрозу не только национальный характер Гавайских островов, но и все существование Гавайев как независимого государства.

Над независимостью Гавайев нависла опасность извне. Великобритания, Франция и США проявляли то больший, то меньший интерес к островам на севере Тихого океана. Период правления Камеамеа III был отмечен несколькими попытками со стороны этих держав подчинить себе или аннексировать Гавайские острова. Первыми покусились на них мореплаватели французского короля Луи-Филиппа, лелеявшего мечту о присоединении полинезийских островов к своей разраставшейся колониальной империи в Тихом океане, в состав которой уже вошли Таити и Маркизские острова. Предлогом для вторжения на Гавайи французам послужило не только преследование католиков на островах, но и, как это ни странно, чрезмерно высокая пошлина, взимаемая гавайским королевством за ввоз французских алкогольных напитков. В 1839 году в Гонолулу бросил якорь французский фрегат «Артемиз». Капитан Лаплас высадил на берег двести французских солдат и пригрозил, что будет обстреливать город из всех шестидесяти пушек, если королевство не выполнит его условия: не выплатит в трехдневный срок залог в размере десяти тысяч долларов. Он не сомневался, что полинезийское государство этой суммы в такой короткий срок не соберет.

Однако, к великому удивлению Лапласа, через несколько дней залог был Гавайями выплачен, а королевское правительство снизило пошлину на французские напитки на пять процентов. Лапласу не оставалось ничего другого, как удалиться на «Артемизе» от берегов Гонолулу.

Очередное посягательство на гавайскую независимость последовало с британской стороны. Точнее, со стороны некоего Ричарда Чарлтона. Этот нечистый на руку торгаш исполнял на Сандвичевых островах функции британского консула и, занимаясь одновременно разведением крупного рогатого скота, несколько раз вступал в конфликт со своим соседом-гавайцем, на земле которого без всякого на то позволения пас свой скот. В конце концов терпению соседа пришел конец, и тот застрелил одну из чарлтоновских коров. На «убийство» коровы дипломат отреагировал поистине «дипломати-

ческим» образом: набросив лассо на шею «преступника», он поволок его за собою по улицам Гонолулу.

«Дипломатический протест» Чарлтона окончился тем, что гаваец умер. Это было уж слишком даже для островитян, исповедовавших алоха, и король Камеамеа III потребовал у лондонского правительства отозвать консула и заменить его более сдержанным дипломатом. Телеграфа тогда еще не было, письма с Гавайев в Европу шли месяцами, и, прежде чем прошение достигло Лондона, английский консул бежал из Гонолулу в Мексику, где встретился с командиром британского фрегата «Кэрисфорт» капитаном Полетом. А так как во времена колонизации морские капитаны играли совсем иную роль, нежели в наши дни, и обязанности их выходили далеко за рамки командования судном, то Полет, не имевший на то никаких инструкций из Лондона, решил отправиться на своем фрегате в Гонолулу, чтобы «навести там порядок».

«Кэрисфорт» бросил якорь в Гонолулу, и капитан Полет немедля отправился в королевский дворец. Он выдвинул изумленному правителю ряд требований во искупление несправедливости, постигшей Чарлтона и его корову. Кроме того, Полет, подобно французам, настаивал на выплате штрафа в размере ста тысяч долларов! Королевство, разумеется, такой суммой не располагало. Так как гавайское государство вообще не проявило никакой готовности компенсировать ущерб, якобы нанесенный Чарлтону, капитан Полет заявил, что аннексирует острова.

Полет высадил на берег своих людей и стал «наводить порядок»: приказал уничтожить все гавайские флаги, а гавайским судам дать английские названия. Чтобы развлечь своих матросов в новой британской колонии, Полет отменил введенный в королевстве запрет на проституцию, аннулировал гавайские законы, ограничивающие торговлю алкоголем, и, конечно же, запретил выход судов из Гонолулу, чтобы мир не узнал, как хозяйничает в новой британской колонии самозваный губернатор.

Однако гавайцам каким-то образом удалось послать в Лондон известие о том, что творит на островах Полет. Через некоторое время в Гонолулу прибыл другой англичанин — командующий Тихоокеанской флотилией его величества адмирал Томас, который заявил, что остро-

ва были аннексированы Полетом незаконно. Томас также подтвердил, что Великобритания по-прежнему признает независимость и суверенитет гавайского государства. Вскоре независимость Гавайев была официально признана и Францией.

После визита Томаса вновь были подняты гавайские флаги, а в королевском «кафедральном соборе» Каваихао состоялась большая торжественная служба по случаю восстановления независимости страны. Камеамеа произнес во время богослужения долгую речь, закончившуюся словами: *Уа мау кеа эа о ка аина и ка поно!* («Справедливость — основа существования государства!») Это мудрое заверение короля впоследствии стало лозунгом гавайского королевства. Даже сегодня, глядя на современный официальный герб Гавайских островов, я читал на нем все тот же — по-прежнему написанный по-гавайски — лозунг, требующий, чтобы только справедливость, и лишь она одна, определяла любое начинание и лежала в основе всей жизни государства.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОДА КАМЕАМЕА

Камеамеа III, устоявший перед попытками Великобритании и Франции аннексировать гавайское государство, умер в 1854 году. Этому королю суждено было править своей страной дольше, чем всем его предшественникам и преемникам. За время своего правления Камеамеа провел на Гавайских островах много реформ. Феодальное государство за эти годы превратилось в конституционную монархию. Была провозглашена либеральная конституция, а во время «Великого маэле» произведен раздел земель.

Хотя Камеамеа III и удалось сохранить независимость своего государства, влияние чужеземцев, особенно владельцев плантаций сахарного тростника, год от года росло. На полях работало все больше сельскохозяйственных рабочих, привезенных в основном из Азии. Процесс этот продолжался и даже ускорился при Камеамеа IV — Александре Лиолио.

Александр Лиолио был сыном Кинау, дочери Камеамеа Великого, и наместника острова Оаху Какуа-

ицой. Таким образом, Камеамеа III он приходился племянником. Поскольку своих детей у Камеамеа III не было, он усыновил умного, способного мальчика, объявив его своим преемником. Александр Лиолио не был похож на своих предшественников. Он получил хорошее образование, и его можно было скорее принять за европейского аристократа, нежели за полинезийского алии. Свой кругозор Александр Лиолио существенно расширил еще в юности, путешествуя по Франции, Великобритании, Канаде, Соединенным Штатам Америки. Эти поездки сыграли не последнюю роль в формировании его отношения к Америке и американцам. В то время как в других странах Александра встречали как наследника трона, в Филадельфии проводник однажды ссадил его с поезда, приняв смуглого полинезийского принца за негра. Нанесенной обиды Александр Лиолио не забывал всю жизнь. Вспоминая этот случай, он говорил:

— Они набросились на меня, как цепные псы.

Столь же недвусмысленно высказывался принц и об американцах вообще:

— Вести себя не умеют, о вежливости не имеют понятия, не проявляют элементарного человеческого уважения к иностранцам.

В конце 1854 года «полинезийский негр» вступил на гавайский трон, приняв имя своего великого деда, и стал Камеамеа IV.

Основное внимание новый правитель уделял проблеме, которая, несомненно, того заслуживала,— неуклонной убыли коренного населения государства. Уже в первом «отчете», представленном в парламент, он указал на трагические последствия болезней, занесенных чужеземцами на «острова счастья». Так, еще моряки Дж. Кука завезли сюда сифилис. Много болезней распространили китобои. Дело в том, что гавайцы не обладали против новых, столь обычных, скажем, для европейцев заболеваний достаточным иммунитетом. Вспомним, что Камеамеа II и его жена Камамалу умерли от обыкновенной кори.

Уменьшению коренного населения способствовало и появление на островах многочисленных плантационных рабочих со всех концов мира. Они завезли сюда проказу, или, как называли ее гавайцы, «китайскую болезнь». Болезни буквально косили полинезийцев. Матросы с ко-

рабля «Мэллори» распространили на архипелаге страшную эпидемию оспы. Ею заболело около семи тысяч гавайцев, почти три тысячи человек умерло. Так что у короля были все основания уделять вопросам здравоохранения первостепенное внимание.

По его инициативе была построена первая в Гонолулу больница. Позже открыли известный лепрозорий на Молокаи. Однако существенных результатов это не дало, и число коренных гавайцев по-прежнему уменьшалось. К тому же на Гавайи прибывали все новые и новые партии плантационных рабочих. Владельцы крупных компаний все более влияли на политику королевства.

В 1856 году в торжественной обстановке в «кафедральном соборе» Каваихао был освящен брачный союз короля. Королеве, вошедшей в историю под именем Эмма, предстояло сыграть значительную роль в судьбе гавайского государства. От этого брака у короля вскоре родился сын, получивший титул *ка хаку о Гавайи* («гавайский престолонаследник»).

Однако принц так и не дождался коронации. Его отец, человек крайне импульсивный, в качестве наказания окунул непослушного четырехлетнего отпрыска в ледяную воду. Принц простудился и умер. Поэтому после Камеамеа IV, как это уже однажды было в истории Гавайев, на трон взошел брат короля Лот Камеамеа, или Камеамеа V.

Камеамеа V имел внешность типичного полинезийца: рост — около двух метров, вес — почти двести килограммов. Представления этого дюжего короля об управлении государством соответствовали его облику. Лот Камеамеа стремился быть достойным полинезийским алии и править Гавайями железной рукой. Он ввел новую конституцию, по которой отвел себе и своему правительству более важную, чем прежде, роль, существенно урезав при этом права парламента. Последний состоял теперь только из одной палаты.

При Камеамеа V окончательно завершился «золотой век» китобойного промысла. Китобойные суда обходили гавайские порты. Доходы королевства стали целиком зависеть от производства тростникового сахара, а следовательно, от владельцев плантаций. И те добились учреждения иммиграционного комитета, задачей которого — в полном противоречии с намерениями покой-

ного короля Камеамеа IV, понимавшего необходимость оберегать коренное население,— было доставлять на Гавайи новых плантационных рабочих.

Сам Камеамеа V, не прославивший свое имя хоть сколько-нибудь значительными делами, умер довольно молодым, в день, когда ему исполнилось сорок два года. Как и у его предшественника, потомства у него не было. И так как на Гавайях уже не оставалось ни одного прямого потомка Камеамеа Великого, а король Лот никого из своих родственников или знатных гавайцев наследником не объявлял, впервые в истории очередной — шестой по счету — гавайский король должен был определиться путем выборов.

Со смертью Лота Камеамеа прекратила свое существование одна из крупнейших во всей Полинезии династий.

Многое на Гавайях ушло в безвозвратное прошлое. Теперь страной правили короли, носящие совсем другие имена: Луналило, Калакауа, Лилиуокалани.

ЛУНАЛИЛО И КАЛАКАУА

Итак, со смертью короля Лота на Гавайских островах кончилось господство династии Камеамеа. Хотя к тому времени (вторая половина XIX века) практически все полинезийские острова, за исключением островов Тонга, подчинялись чужеземцам, Гавайи все еще были независимым полинезийским государством.

После смерти Камеамеа V объявилось немало претендентов на королевский престол. Однако очень скоро их осталось только двое, причем оба весьма знатного происхождения. Первым из них был Луналило — самый могущественный из всех алии, потомок двоюродного брата Камеамеа Великого. Луналило пользовался любовью вождей и всего гавайского народа. Результаты выборов соответствовали ожиданиям: двенадцать с половиной тысяч голосов за Луналило и лишь пятьдесят один за его главного соперника — Калакауа.

Победивший на выборах Луналило был торжественно коронован в Каваихао. Сразу же после вступления на престол новый глава гавайского государства пред-

ложил парламенту проект закона, расширявший права рядовых жителей королевства. Король отменил прежний закон, по которому избирательным правом пользовался лишь тот, кто располагал достаточным имуществом.

Прошел год, и на Гавайях снова надо было проводить выборы: король Луналило скончался от чахотки, которой страдал с детства.

Вдова Камеамеа IV — королева Эмма Калелеоналани выдвинула свою кандидатуру. Она была чрезвычайно популярна среди полинезийцев. Гавайцы уважали ее в первую очередь за то, что она дала решительный отпор американцам, посягавшим на священную гавайскую землю, когда американский военно-морской флот намеревался расположить свою базу в Перл-Харборе в Гонолулу.

Естественно, что для американских адмиралов эта кандидатура была более чем нежелательной. Еще больше противников у королевы Эммы Калелеоналани было на самом архипелаге, среди местных белых плантаторов. Симпатии королевы были на стороне англичан. В случае ее победы на выборах британское влияние на островах, несомненно, усилилось бы.

В этом не было ничего удивительного: ведь Эмма долгое время жила в Лондоне, где подружилась с королевой Викторией.

На освободившийся трон гавайского короля вновь претендовал и Калакауа, потерпевший поражение в борьбе с Луналило. Ко времени проведения выборов на его стороне оказались вожди, а также американцы, влияние которых на Гавайях было уже весьма ощутимым. Он вполне устраивал и наиболее влиятельных местных белых плантаторов.

Тридцать девять членов избирательной комиссии, собравшихся в здании Верховного суда королевства, отдали свои голоса за Калакауа. За королеву Эмму Калелеоналани проголосовало лишь шесть. Результат выборов возмутил простых гавайцев. Недовольные даже напали на членов избирательной комиссии, один из которых был убит, остальные ранены. «Восстановлением порядка» пришлось заняться американской морской пехоте — экипажу фрегата «Тускарора», а также командам других кораблей, стоявших в то время на рейде в местном порту.

Итак, седьмым гавайским королем стал Калакауа. Народ протестовал, и новый правитель был вынужден отказаться от традиционной торжественной коронации в «кафедральном соборе» Каваихао. Во избежание распрей в будущем Калакауа тотчас же после вступления на престол объявил преемником своего младшего брата Лелеиохоку.

Так Калакауа против воли абсолютного большинства гавайского населения стал новым главой государства. Как и Камеамеа III, Калакауа правил довольно долго. За это время в королевстве произошло много перемен. Судить о личности этого правителя, его решениях, роли, которую он сыграл в жизни своего государства, чрезвычайно трудно хотя бы потому, что Калакауа уже по самому своему характеру резко отличался от других гавайских королей: любил веселье, развлечения, роскошь.

В то же время он не был праздным гулякой: по мере своих сил старался действовать на благо народа, боролся за сохранение и развитие традиций полинезийской культуры. Не надо забывать, что это было время, когда колониальные державы прибирали к рукам одно за другим государства Азии, Африки и Океании, превращая в свои владения, подчиненные им как в политическом, экономическом, так и в культурном отношении. Впоследствии Калакауа завоевал сердца многих полинезийцев, и в наши дни «веселого короля» вспоминают добрым словом.

Вступив на трон, он сразу же столкнулся с одной из наиболее важных и трудных экономических проблем. Так как доходы государства целиком зависели от урожая тростникового сахара, король решил, что пришло время устранить препятствия на пути к американскому рынку. Высокая ввозная пошлина на гавайский сахар вынуждала американцев обходиться своим собственным сахаром из Луизианы и других южных штатов.

Через год после вступления на престол Калакауа нанес визит в Вашингтон. Благодаря врожденному таланту дипломата и личному обаянию ему удалось заключить договор, нежелательный для плантаторов юга Америки, по которому сахар, рис и некоторые другие продукты гавайского экспорта стали поступать на американский рынок без пошлины. Такой привилегии удостоились только Гавайи. В свою очередь, королевство

обязалось не облагать налогом американские товары, поступавшие на гавайский рынок.

На первый взгляд гавайское государство и особенно плантаторы негавайского происхождения после заключения договора оказались в явном выигрыше. Однако американо-гавайский договор прочно связал народное хозяйство королевства с Соединенными Штатами Америки. Влияние же других держав, в первую очередь Великобритании, было вновь значительно ослаблено.

Затем Калакауа взялся за внутригосударственные дела. Ему хотелось создать правительство, целиком подчиненное его воле, но состоящее при этом из одних гавайцев. Может быть, самым главным в его правлении было то, что он выступал принципиальным сторонником лозунга «Гавайи — гавайцам» и даже, как мы убедимся в дальнейшем, «Полинезия — полинезийцам». Калакауа был не только патриотом Гавайев. Он первым из гавайских и полинезийских правителей высказал панполинезийские идеи, исповедуя идеалы всеполинезийского единства.

Идеалы короля находились в глубоком противоречии с тем, к чему стремились местные белые плантаторы. Правитель, совсем еще недавно избранный на престол с их помощью и пользовавшийся их поддержкой, сразу превратился во врага. В политической жизни королевства обозначились две силы, резко отличные по своим интересам и целям. Одна из них — «плантаторская» или «миссионерская», представленная большей частью негавайским населением страны. Вторую вскоре начали называть «королевской». Она пользовалась поддержкой абсолютного большинства коренных гавайцев. Для укрепления международного престижа своего государства и поддержки политической независимости Гавайев Калакауа решил предпринять кругосветное путешествие, чтобы получше познакомиться не только с Соединенными Штатами Америки, но и с рядом других стран и держав.

Во время этого путешествия король посетил Японию, Китай, Сиам, Бирму, Индию, Великобританию, Францию, Германию, Испанию, Италию, Австрию и некоторые другие европейские страны. В Ватикане он был принят папой римским. В Европе Калакауа заказал две золотые короны для торжественной коронации в Каваихао, в которой когда-то отказали ему гавайцы.

Кругосветное путешествие, позволившее общительному, веселому и достаточно светскому гавайскому правителю завоевать симпатии в странах Европы, Азии и Америки, без сомнения, можно причислить к успехам Калакауа на дипломатическом поприще. По возвращении из поездки король почувствовал свое полное право на официальную коронацию: в феврале 1883 года, во время торжественного богослужения в «кафедральном соборе» Каваихао, на его голову была возложена золотая корона, которую я видел в тронном зале дворца Иолани.

Подобно Наполеону, он проделал эту процедуру сам, короновав таким же образом свою супругу, королеву Капиолани, внучку Каумуалии, правителя острова Кауаи.

Веселый нрав щедрого, до глубины души любящего Полинезию и свои Гавайи Калакауа проявился и в том, что обряд коронации вылился во всенародный праздник. На торжество собралось около семи тысяч гавайцев и много высоких гостей из разных стран. Все пели, танцевали, как на любом истинно гавайском празднестве. Расходы на пышное торжество привели в негодование противников короля из числа плантаторов, считавших себя единственным источником доходов в государстве. Но еще больше возмутились христианские священнослужители, ибо впервые за долгое время народ опять танцевал гавайскую хулу — танец, запрещенный миссионерами как «порождение сатаны».

Однако не только хулу возродил Калакауа. Укрепив свои позиции, он в полную силу начал обновление национальных традиций гавайской культуры. По его инициативе было учреждено нечто вроде полинезийского научного общества, названного «Ка хале кауна» (буквально «Храм мудрости»). Калакауа стал выискивать полинезийских *кауна* — традиционных гавайских жрецов и мудрецов. При своем дворе он собрал всех оставшихся знатоков родословных, которые должны были записывать генеалогические сведения, народные легенды и предания. Именно к тому времени относится первая запись великолепной гавайской «Песни о сотворении» — «Кумулипо».

Калакауа очень любил литературу и театр, но особенно музыку. До вступления на трон он часто музицировал, играл в небольшом оркестре, а позже сочинил

официальный государственный гимн страны — песню «Гавайи Понои» (хотя и на Гавайях и за рубежом большей популярностью до сих пор пользуется знаменитая «Алоха оэ»).

Любовь короля ко всему полинезийскому вскоре нашла свое выражение и в его стремлении к объединению всех полинезийцев. Ему хотелось создать единое полинезийское государство, всеполинезийское королевство и стать его самодержцем.

Мечту о крупном самостоятельном государстве в Океании, которое было бы способно противостоять напору колонизаторов, Калакауа задумал как раз в то время, когда многие державы предпринимали активные попытки прибрать к рукам все острова, формально остававшиеся независимыми. В составе полинезийской империи Калакауа хотел объединить архипелаг Самоа, королевство Тонга, острова Гилберта и еще не подвергшиеся колонизации Новые Гебриды. Так как в островном мире осуществление любого плана такого рода упирается в наличие военно-морского флота, король предпринял попытку его создания. В 1886 году Калакауа уже располагал первым военным судном «Каимила». Оно сразу же было послано к берегам островов Самоа, которые как раз пыталась аннексировать имперская Германия. Король Калакауа вступил в спор с самим канцлером Бисмарком, угрожавшим, что в случае интервенции Гавайев на Самоа он будет вынужден пойти на военное вмешательство в дела Гавайев.

В ответ на заявление Бисмарка правитель Самоа Малиэтоа поддержал предложение Калакауа создать федерацию полинезийских государств. В марте 1887 года гавайский король торжественно подписал договор о политическом объединении двух полинезийских архипелагов в Океании. Этим двусторонним соглашением были положены формальные основы для создания будущего всеполинезийского государства. Однако вскоре взбунтовался экипаж первого гавайского военного корабля «Каимила», стоявшего у берегов Самоа. На Гавайях же усилили давление на короля местные плантаторы, в результате чего в 1887 году их организация Гавайская лига (название отнюдь не соответствовало ее характеру), и в первую очередь ее вооруженный отряд — так называемые «гавайские стрелки», вынудила короля принять новую конституцию, которая недаром

вошла в историю архипелага под названием «кинжальной».

Теперь власть гавайского короля была существенно ограничена, а позиции плантаторов значительно укрепились. Гавайцы, которые еще несколько лет назад выступали против кандидатуры Калакауа, встали на защиту своего государя, своей независимости. Возглавил это движение молодой человек по имени Роберт Уилкокс. Несмотря на свое имя, по происхождению он был гавайцем (по крайней мере процентов на пятьдесят, а по убеждениям — на все двести).

Личность Роберта Уилкокса меня очень заинтересовала. Он был молод, искренен, полон энтузиазма и чем-то напоминал мне нынешних героев в развивающихся странах. Можно сказать, что Уилкокс в определенном смысле опередил свою эпоху. Он был родом из знатной гавайской семьи и одним из первых полинезийцев получил образование в Европе — в Военно-технической академии в Турине. Гавайский юноша стал горячим поклонником великого Гарибальди, мужественного сына Италии, ставшего для него примером.

Когда плантаторы силой заставили короля принять реакционную «кинжальную» конституцию, Уилкокс начал подготовку к вооруженной борьбе. Он собрал вокруг себя несколько десятков молодых полинезийцев и в июле 1889 года, облаченный в парадный итальянский мундир, в сопровождении патриотов отправился в Гонолулу. Заняв «Дворец Небесной птицы», Уилкокс взял на себя командование королевской армией. Роберт рассчитывал предложить королю проект новой конституции, по которой право владеть землей предков принадлежало бы исключительно гавайцам. Однако Калакауа увидеться с повстанцами не довелось: гвардию Уилкокса встретили огнем так называемые «гавайские стрелки» — военная сила плантаторов.

После недолгого боя, в котором пало семь гавайцев, Уилкокс сдался. Его судили как государственного преступника. Однако во время разбирательства присяжные — все они были гавайцами — полностью сняли с него обвинение в «государственной измене».

Вскоре после выступления «гавайского Гарибальди» умер Калакауа. Народ скорбел о смерти «великого короля», которого в свое время не хотел признавать. Теперь все надежды, не сбывшиеся при Калакауа, воз-

лагались на его преемника, точнее, преемницу — первую женщину, вставшую во главе гавайского государства, королеву Лилиуокалани.

КОНЕЦ НЕЗАВИСИМОСТИ ГАВАЙСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Калакауа уехал на лечение в Сан-Франциско и там умер. За день до своей кончины он пытался записать свое завещание на восковой валик фонографа, только что изобретенного Т. Эдисоном. Однако аппарат сохранил лишь первые слова короля: «Передайте моему народу, что я хотел...» Больше Калакауа ничего не успел сказать. Но гавайцы хорошо знали, чего добивался для своего народа король.

Спустя несколько недель после смерти Калакауа крейсер «Чарлстон» доставил тело государя в Гонолулу. Калакауа похоронили в королевской усыпальнице, и опустевший было трон заняла его сестра Лилиуокалани (сам Калакауа определил своим преемником брата Лелеиохоку, но тот умер еще до смерти правителя).

Это была истинная королева, не страдавшая слабостями, присущими покойному брату. Еще более решительно, чем он, Лилиуокалани пресекала попытки плантаторов полностью завладеть гавайским государством. Более того, она публично заявила, что не согласна с «кинжальной» конституцией, которую вынужден был принять брат.

Энергичная Лилиуокалани мечтала заменить ее другим основным законом, должным гарантировать избирательное право каждому гавайцу, независимо от размеров его состояния, и оберегать полинезийцев от эксплуататорских притязаний чужеземцев — *хаоле*.

Белые плантаторы, которых насчитывалось в стране менее двух тысяч, имели значительно больше политических прав, чем коренные гавайцы, в двадцать раз превосходившие их по числу. Более того, белое меньшинство населения владело более чем двумя третями всей обрабатываемой земли, притом что многие землевладельцы не только не были уроженцами Гавайев, но даже и их гражданами. Однако горстка хаоле пыталась отстоять и расширить свои привилегии. А тот,

кто их ограничивал, становился врагом номер один. Впервые в истории перчатку им отважилась бросить женщина! Нет ничего удивительного, что плантаторы, откровенно поддерживаемые американским послом Стивенсом, решили выступить против энергичной, умудренной опытом королевы.

Партия плантаторов распалась на две группировки. Одна была за сохранение гавайского государства при ограничении функции его правителей до чисто представительских. Вторая, менее многочисленная, но зато более агрессивная, стремилась к уничтожению гавайского государства, свержению его правителей с последующим присоединением архипелага к Соединенным Штатам Америки. Считалось, что только так можно обеспечить свободное поступление гавайского сахара на американский рынок.

Дело в том, что с начала девяностых годов гавайские плантаторы вновь были вынуждены платить высокий налог за ввоз сахара в США, поэтому их сладкие, как сахар, прибыли резко пошли вниз. Именно эти темные деньги за белый сахар стали одной из основных причин переворота, осуществленного боевыми отрядами плантаторской партии всего через два года после вступления Лилиуокалани на гавайский трон.

Драматическими событиями переворот не изобиловал. Декларацию о свержении полинезийской правительницы и упразднении гавайского королевства член хунты плантаторов «обнародовал» перед пустым залом, куда в качестве публики пригласили шесть полицейских.

После переворота власть на Гавайях перешла в руки так называемого «временного правительства», вынудившего Лилиуокалани подписать декларацию об отказе от гавайского трона. Мятежники без промедления послали в Вашингтон делегацию, чтобы предложить Соединенным Штатам Америки аннексировать Гавайские острова.

Как ни странно, события в США развивались вовсе не так, как представляли себе господа из «временного правительства». Именно в тот момент, когда в американскую столицу прибыла миссия с Гавайев, в Белом доме произошла смена декораций. Новый американский президент Стивен Гровер Кливленд, на удивление подробно информированный о захвате власти на Гавай-

ских островах горсткой чужеземцев, всего через пять дней после принятия присяги снял в конгрессе предложение об аннексии Гавайев. Более того, вместо переговоров с представителями нового правительства он послал в Гонолулу доверенное лицо — Джеймса Блаунта, который со всей объективностью должен был информировать его об истинном положении вещей.

Уполномоченный президента был объективен: он сообщил Кливленду, что все коренное население архипелага полностью отвергает так называемое «временное правительство», продолжая считать единственным главой государства свергнутую Лилиуокалани. Исходя из этого, Блаунт, пользуясь своими полномочиями, приказал спустить американские флаги, поднятые над Гавайями, а морская пехота из Гонолулу и других портов вернулась на свои корабли.

Мятежники чувствовали себя загнанными в угол. Так как Америка их не поддержала, а возвращать трон королеве Лилиуокалани они не собирались, был найден следующий выход из положения: они провозгласили независимое государство плантаторов, своего рода «океанийскую Родезию», которая с этого момента должна была называться Гавайской республикой.

«Назло» неблагодарной Америке, не принявшей их предложения, мятежники провозгласили Гавайскую республику 4 июля 1894 года, то есть в день американского государственного праздника. Президент Соединенных Штатов Кливленд продолжал поиски иного пути. Он надеялся вновь приступить к переговорам с законным главой гавайского государства королевой Лилиуокалани.

Тут в истории Гавайев вновь появляется имя полинезийского революционера — восторженного, но наивного дилетанта Роберта Уилкокса: при поддержке многочисленной армии гавайских патриотов он поднял новое восстание, целью которого было и на этот раз возвращение всей власти в руки коренных гавайцев. Две недели боев — и глубоко патриотическое, но плохо подготовленное выступление полинезийцев было подавлено. На этот раз восставших гавайцев судили чужеземцы из «временного правительства». Двести приговоров отличались чрезвычайной суровостью. Даже королева, не принимавшая участия в восстании против тех, кто ее сверг, была обвинена самозванцами из «временного прави-

тельства» в «заговоре» и осуждена на пять лет принудительных работ! Позже наказание было заменено домашним арестом. Она оказалась узницей одного из залов «Дворца Небесной птицы», который совсем недавно был ее официальной резиденцией. Так Гавайская республика избавилась от своего самого опасного противника, вернее, противницы.

Республика щедро отблагодарила тех, кто приложил руку к уничтожению гавайского государства. Их состояние быстро увеличивалось. Промышленность и торговля процветали. Урожаи сахарного тростника росли. Но все-таки странное это было государство, первое и единственное такого рода в целой Океании за всю ее историю.

Вопрос же о присоединении Гавайев к Соединенным Штатам Америки, несмотря на отказ Кливленда принять мятежников, не был снят с повестки дня. Постепенно в американском общественном мнении произошел раскол. Одни были ярыми сторонниками аннексии Гавайских островов. Второй лагерь, куда целиком вошла демократическая партия, выступал резко против присоединения. Президент заявил:

— Даже если бы я сам был за аннексию, я возражал бы против присоединения силой или обманом.— И добавил: — Я верю, что существует нечто вроде международной морали.

Мой любимый писатель Марк Твен с бесподобным юмором показал, что принесла бы такая аннексия самим гавайцам.

В своей статье, носящей ироническое название «Почему нам следует аннексировать Сандвичевы острова», он призывает: «Аннексируем эти острова прямо сейчас... Давайте осуществим аннексию! Мы получили бы отличные гавани для наших тихоокеанских пароходов и удобно расположенные базы снабжения для военного флота; мы могли бы разводить там хлопок и кофе: раз не будет пошлин, дело это должно оказаться выгодным и дать немалые барыши. Кроме того, мы стали бы владельцами самого мощного вулкана в мире — Килауэа. Непременно осуществим эту аннексию! Что касается принца Билла и остальной знати, то их нетрудно усмирить: переселим их в резервацию! Что может быть приятнее для дикаря, чем резервация? Собирай себе каждое лето урожай кукурузы да выменивай

библии и одеяла на порох и виски — дивная жизнь! Благодаря аннексии мы по дешевке получили бы пятьдесят тысяч туземцев с их нравственностью и прочими недугами в придачу. Никаких расходов на образование — они уже образованные; никаких забот по обращению их в христианство — они уже крещеные; даже на одежду не придется тратиться — по весьма очевидной причине.

Мы должны аннексировать Сандвичевы острова. Мы можем осчастливить островитян нашим мудрым, благодетельным правлением. Мы можем завести у них новинку — воров, от мелких карманных воришек до важных птиц в муниципалитетах и растратчиков государственных денег,— и показать им, как это забавно, когда таких людей арестовывают, предают суду, а потом отпускают на все четыре стороны — кого за деньги, кого в силу политических связей. Им придется краснеть за свое простое, примитивное правосудие. Мы можем образовать там суд присяжных, набрав заседателей сплошь из самых умилительно-простодушных тупиц. Мы можем учредить у них железнодорожные компании, которые будут скупать законодательные учреждения, как старое платье, и давить колесами поездов лучших местных граждан, а потом жаловаться, что убитые пачкают рельсы. Мы можем превратить эту группу сонных островов в оживленнейший уголок земного шара, украсить его нравственным величием нашей превосходной священной цивилизации. Аннексия — вот что необходимо бедным островитянам! „Братьям, во мрак погруженным, откажем ли в светоче жизни?“» [34].

Спор «аннексировать — не аннексировать» разрешили не президент Кливленд и мудрый Марк Твен, а, как это происходит слишком часто, война. В 1898 году США вступили в войну с Испанией. Бои с испанцами шли не только на Пуэрто-Рико и Кубе, но и на Дальнем Востоке, на Филиппинах. Но эти острова удалены от берегов Америки более чем на двенадцать тысяч километров. Американские военные суда, бороздившие Тихий океан, никогда не добрались бы до Филиппин, не будь у них базы на Гавайях.

На первый план стали выдвигаться стратегические интересы. Американцы припомнили, как Германия, ко-

[34] М. Твен. Собрание сочинений. Т. 10, М., 1961, с. 662—663.

лониальная империя которой быстро разрасталась, угрожала в свое время, что не оставит в покое и Гавайи. Росла мощь государства на другом берегу Тихого океана — императорской Японии. Американцы с опаской думали: что будет, если Гавайями завладеет кто-нибудь из них? В результате верх в сенате взяли сторонники аннексии Гавайских островов — не дай бог, их приберет к рукам другая страна!

Испано-американская война окончательно решила судьбу независимого гавайского государства. В день, когда было объявлено перемирие с Испанией, американцы официально аннексировали Гавайи. На троне «Дворца Небесной птицы» не суждено было более появиться ни одному гавайскому королю или королеве.

Живы воспоминания о Лилиуокалани, живы сотни полинезийских песен, сочиненных правительницей, столь любившей музыку. Самую прекрасную из них, песню «Алоха оэ», известную всему миру, играл оркестр в тот печальный день 1917 года, когда гавайцы укладывали тело последней королевы независимых Гавайев в каменный саркофаг. Установив его в усыпальнице правителей в долине Кууану, скорбящие соотечественники возложили на него корону королевы. Корона Лилиуокалани соскользнула с крышки саркофага и упала на землю. И никто не поднял ее. С тех пор никто не брал в руки корону гавайских королей и не возлагал ее на голову полинезийского избранника, ибо с лишением власти Лилиуокалани пришел конец гавайской независимости, а с ее смертью навсегда умерло гавайское королевство.

ВЫЙТИ ИЗ ОДИНОЧЕСТВА

Когда Гавайи были окончательно присоединены к США, бывший американский президент Гровер Кливленд прокомментировал это событие так: «Теперь Гавайи наши. Однако, оглядываясь на первые шаги на этом пути и вспоминая о средствах, с помощью которых был осуществлен этот насильственный акт, я, признаюсь, испытываю чувство стыда за всю эту аферу».

Испытывал ли бывший американский президент стыд или нет, факт остается фактом: в 1898 году Гавайи

действительно были аннексированы США, получив через два года статус «территории».

К удивлению тех, кто еще недавно организовывал переворот, свергал Лилиуокалани и основывал Гавайскую республику, абсолютное большинство на первых же выборах, проходивших под управлением американцев, получила полинезийская «Хоум Рул Парти», которая, даже когда над островами развевался звездно-полосатый флаг, провозглашала лозунг: «Гавайи — гавайцам». Первым гавайским депутатом в американский конгресс[35] от «Хоум Рул Парти» стал Роберт Уилкокс! После него этот пост более двадцати лет занимал племянник свергнутой королевы Лилиуокалани принц Кухио Каланианаоле, инициатор плана, по которому земля острова Молокаи была разделена между коренными гавайцами.

Сорок лет гавайской истории, с момента окончательного присоединения архипелага к США до начала второй мировой войны, были заполнены, по существу, только одним — борьбой за преодоление изолированности островов, которые, принадлежа Америке, «плавали» в крупнейшем океане нашей планеты на расстоянии четырех тысяч километров от ее берегов. Все более значительную роль стал играть морской транспорт. Меня поразило во время моих посещений Гонолулу то, что пассажирские суда заходили в местные порты еженедельно, а ведь почти везде трансокеанский пассажирский транспорт отжил свое, даже между Европой и Америкой практически нет регулярного морского сообщения.

Гонолулский порт расположен недалеко от Иолани. В нем возвышается башня под названием Алоха Тауэр (снова алоха!). Стоит на якоре великолепный «Фолз оф Клайд», одно из тех старинных судов, на которых перевозили тростниковый сахар.

По соседству со старым парусником обычно бросают якоря суда двух крупных компаний — «Мэтсон Лайн» и «Американ Президент энд Ориент Лайн». Последняя компания (ее бюро расположено на улице Бишопа) выдала мне бесплатный пропуск на посещение судов компании.

---

[35] Гавайи посылали в те годы в конгресс своего представителя с правом совещательного голоса.

Суда, стоящие под Алоха Тауэр, внешне ничем не отличаются от пассажирских судов в любом порту мира. Правда, здесь каждому пассажиру вешают на шею огромный венок из свежих цветов, а гавайские девушки на пристани танцуют хулу. Громко играет оркестр, да не какой-нибудь захудалый, а «Ройял Хавайен Бэнд» — придворный духовой оркестр гавайских королей. Этот оркестр пережил сам полинезийское королевство и уже стал достопримечательностью, но по-прежнему дает концерты в Гонолулу. Стоит оркестру заиграть «Алоха оэ» — песню, сочиненную Лилиуокалани, мелодию, словно родившуюся в сердце гавайцев, каждый раз ее подхватывают все.

В первый «Боут дейз» (так называют здесь дни отправления или прибытия кораблей) я, заслышав сладкие, чарующие звуки «Алоха оэ», почувствовал, как слезы навернулись на глаза, хотя я был просто сторонним зрителем. На морском судне «Марипоса», отплывавшем к далеким островам Фиджи, не было ни одного знакомого, ни одного близкого мне человека, и все-таки кто-то бросил мне с палубы бумажную змейку-серпантин. Я поймал змейку, связав себя узами дружбы с незнакомым пассажиром.

Все, что происходит здесь во время «Боут дейз», освящено древней традицией алоха — всеобъемлющим стремлением к сближению, дружбе и взаимопониманию. И когда бы я ни приезжал в Гонолулу, я старался не пропускать ни одного «Боут дейз». Когда корабль отходит далеко от берега, пассажиры бросают в море венки, при этом они загадывают какое-нибудь желание. Существует поверье, что бросившие в море венок обязательно вернутся сюда еще раз.

В такие моменты мне всегда становилось немножко грустно, хотя я никого не провожал. Может быть, потому, что на оторванных от мира островах как нигде ощущаешь потребность в общении.

Что касается судов, они приплывают сюда с первых же дней заселения Гавайев. В двадцатые годы нашего столетия были предприняты попытки установить воздушное сообщение. Разумеется, я прилетел в Гонолулу на самолете. Местный аэропорт в отличие от всех других, похожих друг на друга, как вокзалы, полон особого очарования. Здесь, как и повсюду на островах, смуглые гавайки продают тяжелые венки из фраджипаний и тан-

цуют хулу. Такое чувство, словно вы попали не в аэропорт, а в экзотический ресторан. Умелый дизайнер украсил аэропорт своеобразным «гавайским садом» с папоротниками, хвощом, небольшой плантацией ананасов и сахарного тростника. На Гавайях теперь живут и восточные народы; чтобы удовлетворить их вкусы, в аэропорту есть китайский и японский садики. Поэтому, случалось, я без всякой нужды приезжал в гонолулский аэропорт: просто насладиться особой атмосферой, созданной в столь утилитарном, казалось бы, заведении.

История воздушного транспорта, сыгравшего свою роль в преодолении изоляции Гавайев, более короткая по сравнению с мореплаванием, зато изобилует драматическими эпизодами. Впервые люди попытались преодолеть по воздуху колоссальное пространство, отделяющее Америку от Гавайских островов, в 1925 году. Как ни странно, инициатором этого полета стал «конкурент» авиации — военно-морской флот США. В океане была расставлена цепь судов на всем протяжении от Калифорнии до Гонолулу; днем дымом, а ночью прожекторами они указывали путь пилотам, пытавшимся пересечь Тихий океан по этой трассе.

31 августа 1925 года из Окленда (Калифорния) должны были вылететь три гидроплана курсом на Гавайи. Один из них, перегруженный запасами горючего, вообще не смог оторваться от земли, второй рухнул в океан из-за серьезной поломки мотора через четыре часа лета. К счастью, экипажу удалось спастись. Лишь третий гидроплан, управляемый Джоном Роджерсом, продержался в воздухе более двадцати четырех часов!

Капитаны судов, указывавшие курс гидроплану, предупредили пилота: «Прекратите полет, начинается шторм!» Однако Роджерс не внял совету. Вот три последних его сообщения: «Бензина осталось меньше чем на пять минут лета»; «Падаем в океан. При таком шторме наш гидроплан разнесет на куски. Мы погибнем»; «Тринадцать часов тридцать четыре минуты, мы оказались в волнах океана...».

Отважных колумбов неба искали десятки, сотни судов и даже гавайские рыбаки на своих лодках. Но все было напрасно. Спасителями пропавшего экипажа стали американцы с подводной лодки. Оказалось, гидроплан Роджерса выдержал шторм. Когда буря немного утихла, Роджерс снял с крыльев самолета полотно, сде-

лал из него парус, поднял над фюзеляжем гидроплана и со скоростью двух узлов продолжил на этом оригинальном «паруснике» путь к Гонолулу — к цели, которой он хотел достигнуть любой ценой! Диковинный парусник-гидроплан был замечен в перископ капитаном американской подводной лодки, которому пришлось применить силу, чтобы заставить Роджерса покинуть его «судно» и перебраться на борт подводной лодки. Итак, мужественный летчик достиг заветной цели — правда, на подводной лодке! Гавайцы устроили Роджерсу бурную встречу.

Вскоре после полета Роджерса капитан Линдберг перелетел Атлантический океан. Стоило известию об этом дойти до Гонолулу, как гавайцы принялись искать своих героев. Уже известный нам предприимчивый Джеймс Д. Доул, основавший Гавайскую ананасную компанию и покоривший мир гавайскими ананасами, предложил устроить невероятные по тому времени трансокеанские воздушные соревнования «Калифорния — Гавайи». Пилотам и штурманам двух первых самолетов, долетевших из Америки в Гонолулу, он обязался выплатить по тридцать пять тысяч долларов каждому!

Когда-то давно я смотрел фильм о героях «на летающих машинах» — о пилотах, на заре аэронавтики принимавших участие в перелете через Ла-Манш, из Британии во Францию. Такие же смельчаки, воодушевленные не только самой идеей, но и щедрыми посулами, начали съезжаться в Калифорнию. 6 сентября 1927 года был дан старт «ананасному дерби», как его тогда окрестили. В соревновании принимали участие лишь опытные пилоты. На борту разрешалось оставаться только пилоту и штурману, кроме того, правила «ананасного дерби» требовали, чтобы в машине имелось достаточное количество бензина для перелета из Калифорнии в Гонолулу плюс пятнадцать процентов резерва. Этим условиям отвечали лишь девять самолетов, которые и стартовали из Окленда в присутствии более чем пятидесяти тысяч зрителей.

И на этот раз некоторые самолеты, перегруженные топливом, так и не поднялись в воздух. Номер третий, взлетев, тут же рухнул на землю. Пилот восьмой машины был дисквалифицирован, так как в последний момент сбросил часть топлива и до Гонолулу бы не до-

летел. В конечном счете в соревновании приняли участие лишь четыре машины. Меня больше всего заинтересовала «четверка»: на ней летела двадцатилетняя учительница из Мичигана — первая женщина, попытавшаяся достигнуть Гавайских островов на самолете. Правда, победила в этом соревновании не она, а самый опытный из летчиков — каскадер из Голливуда Артур Гебел, один из первых авиаакробатов в истории воздухоплавания. Из своей четырехместной машины «Вулрок» пилот убрал два кресла, чтобы освободить место для запасов горючего. Штурман Гебела Дейвис сидел в другом конце самолета. Во время полета они не слышали друг друга и, чтобы как-то общаться, передавали по веревочке записки в пустой консервной банке из-под печеночного паштета. Несмотря на трудности, через двадцать шесть часов непрерывного полета два смельчака на «Вулроке» приземлились в Гонолулу. Они стали победителями и по праву вошли в историю Гавайских островов, стремившихся преодолеть свою оторванность от мира.

Часа через два после них прилетела седьмая машина. Ее полет оказался более опасным. В один из моментов аэроплан опустился так низко, что волны повредили ему крыло. Несмотря на это, самолет продолжал полет, в конце концов достигнув цели — аэродрома «Уилер-Филд» в Гонолулу, так что и летчик и штурман получили по тридцать пять тысяч долларов, оговоренных условиями «ананасного дерби».

Два других аэроплана, удачно стартовавшие в Калифорнии, пропали без вести в водах Тихого океана. В одном из них погибла молодая учительница из Мичигана.

На поиски пропавших с Гавайев вылетели два самолета. Но и они исчезли в океанских волнах. Так закончилось «ананасное дерби», проложившее наконец воздушную трассу на Гавайи. С каждым годом и с каждым полетом эта трасса все больше обживалась. Через два года чуть севернее Гавайев приземлился и первый дирижабль — немецкий «Граф Цеппелин», следовавший из Азии в Америку. Не прошло и восьми лет после «ананасного дерби», как американская компания «Пан Америкэн Эйруэйс» начала регулярные авиарейсы из Америки на Гавайи. Через несколько месяцев авиатрасса была продолжена до Китая.

По этой трассе над океаном летали знаменитые воздушные «клипперы» — «Чайна Клипперз», по их стопам летают на Гавайи нынешние реактивные самолеты. Я не раз путешествовал этими невидимыми небесными дорогами. Все удобства, и никакого риска. Каждый раз, совершая полет на Гавайи, я говорил себе: «Ведь все это было совсем недавно!», и тем не менее романтические истории покорения воздушного океана над голубыми водами Тихого океана кажутся мне пришедшими из старых-старых сказок.

Сегодня здесь, в Гонолулу, садятся и взмывают к облакам гигантские машины из Японии, Филиппин, США, Канады, Австралии и многих стран, омываемых Южными морями.

Благодаря кораблям и самолетам, телефонным и телеграфным кабелям, соединившим архипелаг с Америкой и Азией, Гавайи сумели преодолеть свое тысячелетнее одиночество. Расположение в центре крупнейшего океана планеты, некогда обрекавшее их на полную изоляцию, превратилось ныне в главное достоинство архипелага, ставшего лакомым кусочком для военных и политических стратегов, не сомневавшихся, что за первой мировой войной последует вторая. Они понимали, что овладевший Гавайями сможет контролировать значительную часть Тихого океана.

Итак, Гавайи приобрели дополнительное стратегическое значение, которое вот уже сто лет связывается с одним-единственным, известным теперь каждому географическим названием — Перл-Харбор («Жемчужная гавань»).

ТАМ, ГДЕ БЫЛИ ЖЕМЧУЖНЫЕ РАКОВИНЫ

К. Маркс и Ф. Энгельс назвали Гавайские острова «важнейшей станцией Тихого океана»[36]. Позднее В. И. Ленин в своих «Тетрадях по империализму» отмечал: «Гавайские острова — $1/2$ дороги от Панамы в

[36] К. Маркс и Ф. Энгельс. Третий международный обзор с мая по октябрь.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 7, с. 462.

Гонконг»[37]. Вот этот-то ключевой пункт Тихого океана на полпути от одного материка до другого и мечтали прочно и навсегда прибрать к рукам американские генералы.

По договору с королем Калакауа Соединенные Штаты Америки получили гарантию, что гавайское королевство не предоставит ни одного порта, ни одной части своей территории другой стране. Перл-Харбор в этом договоре еще не упоминался. В соглашении 1887 года уже конкретно говорилось об этой удобнейшей естественной бухте на юге Оаху. Как ни странно, до самого присоединения Гавайев к США американцы никак не использовали Перл-Харбор, в том числе и в стратегических целях. Активное освоение этого «Гибралтара Южных морей» началось лишь в нашем веке. В 1941 году Перл-Харбор приковал к себе внимание всего мира.

Я впервые встретился с этим названием, еще будучи мальчишкой, в книгах и фильмах о второй мировой войне. Естественно, мне всегда хотелось побывать в Перл-Харборе, расположенном западнее Гонолулу, в местах, которые сыграли столь важную роль в истории не только Гавайев, но и всего современного мира.

Честно говоря, я и не надеялся, что смогу не только увидеть этот военно-морской порт, но и побывать на крупнейшей в Океании военной базе, являющейся ключом ко всей северной части Тихого океана. К огромному удивлению, я узнал, что раз в неделю военно-морской флот США устраивает в этом районе прогулочные поездки и желающие осмотреть Жемчужную гавань со стороны океана должны в определенное время явиться на пристань Халава. Я неоднократно пользовался этой возможностью, отправляясь в Перл-Харбор на катамаране «Але Але Каи» или на судне с названием «Эдвенчер» («Приключение»). Во время экскурсий я узнал об истории этих мест много нового, в том числе то, о чем умалчивали историки в своих трудах о тихоокеанской войне, не считая этот материал достойным какого-то внимания.

Сами гавайцы называли это место «Ваи Моми» (буквально «Жемчужные воды»). В давние времена в этой бухте водилось множество жемчужниц. Не только

---

[37] В. И. Ленин. Тетради по империализму,— Полное собрание сочинений. Т. 28, с. 186.

они облюбовали этот уголок: когда-то в Жемчужной гавани обитали гавайские боги, например Каапаау — полинезийская богиня акул. В этих водах жил и ее столь же могущественный брат.

После аннексии архипелага генералы решили, что отныне на Гавайях им принадлежит абсолютно все, даже обители богов. Не внимая бурным протестам местных жителей, они приступили к строительству в Перл-Харборе первого военного сооружения — огромного сухого дока (такого не было тогда даже в Америке).

Один из местных жителей, рыбак Капуна Канакеаве, промышлявший в водах залива сбором нежных белых жемчужниц, всеми силами защищал приют богини акул, пытаясь прогнать из Перл-Харбора строителей сухого дока — рабочих и инженеров. Сначала уговорами, а потом и силой. Он все время повторял:

— Вы, белые, понятия не имеете, на что способны гавайские боги. Разве вы не знаете, что на это место наложено табу, что гавань священная?

Однако строители не вняли словам рыбака Канакеаве, и старик пытался сам задобрить богиню акул жертвоприношениями. Это было странное зрелище: вместо того чтобы выносить улов на берег, Капуна Канакеаве нырял посредине Жемчужной гавани, где, по его словам, жила богиня, и оставлял ей свою добычу, привезенную из других мест. Несмотря на все старания Канакеаве, богиня и не думала сменить гнев на милость. Почти каждый день здесь случалась беда: кто-нибудь попадал в аварию или тонул.

Прошло два года, и терпению Каапаау пришел конец: словно подтверждая слова рыбака, она продемонстрировала, на что способны полинезийские боги. Залив начал кипеть, выбрасывая высоко вверх гейзеры. Дерево не выдерживало, бетонные стены рушились, как спичечные коробки. Всего пять минут — и вся конструкция первого в Перл-Харборе дока рухнула в океанские воды. Американские инженеры объясняли эту первую трагедию в Перл-Харборе «неожиданным извержением подземных источников». Но гавайцы-то знали, в чем дело. Случилось то, что неминуемо должно было произойти; разъяренная богиня акул увлекла на дно все сооружение вместе с его создателями. Лишь разрушив все полностью, свирепая Каапаау успокоилась.

Однако люди — инженеры и солдаты — вновь посяг-

пули на ее владения. На этот раз до того, как приступить к строительству, с огороженного участка выкачали воду, обнажив дно Перл-Харбора. Удивительно, но на том месте, где, по преданию, обитала богиня акул, был найден прекрасно сохранившийся скелет «суперакулы» колоссального, до сих пор невиданного в гавайских водах размера! Это не сказка и не вымысел рассказчика, наделенного богатой фантазией. Естественно, я задал себе вопрос: может, это и была та самая легендарная Каапаау, гавайская богиня акул?

Я не знаю, так это или нет, зато твердо уверен, что гавайцы и вся Полинезия живут в мире удивительных, чарующих легенд и преданий, в мире, где часто возможно то, чего, по нашим понятиям, быть не может.

ЧАС «ЧЕРНЫХ ДРАКОНОВ»

Подняв со дна «Ваи Моми» — обители злой богини Каапаау — огромный скелет акулы, американские генералы вместе с инженерами вновь принялись за возведение военных объектов в Перл-Харборе. Теперь-то им уже ничто не мешало. За два десятилетия здесь, к западу от Гонолулу, выросла крупнейшая во всей Океании военно-морская база. В случае военного конфликта в Океании Перл-Харбор, несомненно, должен был сыграть решающую роль. А война и в самом деле уже подступала к этому «раю». Она приближалась, словно буря, чтобы, достигнув цели, разразиться громом и молниями.

По существу, тучи над Тихим океаном сгущались уже давно. В самом начале века молнии грядущей войны начали зарождаться в императорской Японии. Обстановку нагнетали генералы и политики, мечтавшие о господстве Страны восходящего солнца над значительной частью мира, особенно над бескрайними просторами Южных морей. Японские милитаристы, стремившиеся захватить другие страны, еще в 1878 году объединились в тайную организацию. Основал ее Тояма Мицуру, дав ей символическое название «Черные драконы».

Влияние «Черных драконов», желающих заполучить также полную власть над народом своей собствен-

ной страны, росло очень быстро. Именно «Черные драконы» Тоямы вынудили премьер-министра Иту начать империалистическую войну против царской России. Тайная организация «Черные драконы» стояла за кулисами всех японских аннексий во время первой мировой войны: уже тогда Страна восходящего солнца почти целиком захватила территорию одной из трех частей Океании — Микронезию. Они же в 30-е годы втянули трудолюбивый японский народ в империалистическую авантюру в Маньчжурии, а потом, вновь использовав силу своего влияния, принудили тогдашнего премьер-министра страны Инукаи послать японские войска и в другие части Китая.

Инукаи, один из немногих японских политиков, отважился воспротивиться давлению со стороны «Черных драконов» и потому был убит. Его преемники выполняли желания и приказы военно-политической мафии уже беспрекословно и без проволочек. Так продолжалось до тех пор, пока не пало правительство принца Коноэ и «Черные драконы» не поставили во главе японского правительства своего члена — ультрамилитариста генерала Тодзио.

Гитлер в результате мюнхенского сговора захватил Чехословакию, в результате «аншлюса» поглотил Австрию. 1 сентября 1939 года, напав на Польшу, развязал вторую мировую войну. Позже оккупировал Францию, угрожал Англии, а в 1941 году совершил вероломное нападение на Советский Союз.

Теперь, когда главный противник экспансионистских планов был занят войной с немцами, «Черным драконам» и их ставленнику, генералу Тодзио, показалось, что наступил подходящий момент для осуществления мечты их основателя, положившего начало движению «драконов». Существенной преградой для японской экспансии были и Соединенные Штаты Америки, потому что президент Ф. Рузвельт был решительным противником фашизма. Но была и другая Америка — чрезвычайно влиятельные реакционные круги, желавшие, чтобы их страна сохраняла в этом крупном международном конфликте нейтралитет, мечтавшие, чтобы японские милитаристы направили свою агрессию против Советского Союза, его восточных территорий. Но в тот момент высшие милитаристские круги Японии жаждали захватить не столько Сибирь, сколько другие

области земного шара, особенно те, где имелась нефть, в первую очередь Индонезию. Генералам мечталось о бесконечных просторах Тихого океана, об островах и атоллах Полинезии и Меланезии и омывающих их океанских водах. Таким образом, к великому сожалению американских недругов Советского Союза, Страна восходящего солнца в конечном итоге напала не на СССР, а на Соединенные Штаты Америки. Первый решительный удар был нанесен по Гавайям, по Жемчужной гавани. Это вероломное нападение принесло столько жертв, сколько не могла бы убить сама грозная богиня акул Каапаау.

Японские цели завоевания Тихого океана определялись постулатом, который гласил: кто держит в руках Гавайи и Перл-Харбор, тот владеет большей частью Океании. Поэтому война на Тихом океане, которая должна была принести Японии власть над Южными морями, могла начаться только в Перл-Харборе — так считал человек, более других размышлявший над этим вопросом. Этим теоретиком, автором «гавайского варианта» начала японско-американской борьбы был адмирал Исороку Ямамото.

Ямамото отнюдь не был опрометчивым, начинающим военачальником. Уже более сорока лет он служил в императорском военно-морском флоте. Опыт, приобретенный им за четыре десятка лет, привел его к убеждению, что США можно победить только путем внезапного нападения на Перл-Харбор и полного разгрома американского Тихоокеанского флота, базирующегося на гавайском острове Оаху. Ямамото приказал выстроить на японском острове Сикоку точную копию Перл-Харбора, где были размещены огромные модели кораблей Тихоокеанского флота США. На этом «макете» Ямамото до мельчайших подробностей разработал коварный план нападения на Гавайи.

По замыслу Ямамото нападение на Перл-Харбор должно было произойти без объявления войны одновременно с активными действиями японских дипломатов в США, убеждавших американцев, что правители Страны восходящего солнца заинтересованы только в примирении и заключении соглашения с их государством. В строжайшей тайне шла разработка нового типа торпеды для нападения с воздуха на корабли, стоявшие в относительно неглубоких водах гавайской бухты, кон-

струирование сверхмалых подводных лодок, способных проникнуть прямо в воды Перл-Харбора, обучение пилотов, призванных осуществить план адмирала Ямамото.

Сам же адмирал, будучи верховным главнокомандующим японских военно-морских сил, организовывал в это время флотилию авианосцев для доставки к берегам Гавайев смертоносных самолетов. И все это Исороку Ямамото, один из «Черных драконов», предпринимал без всяких санкций правительства или главы государства императора Хирохито. План нападения на Перл-Харбор никем не обсуждался и не принимался. Адмирал слишком хорошо знал, что его идеи созвучны планам большей части офицерской элиты во главе с генералом Тодзио, правившей тогда в Стране восходящего солнца.

Когда 29 ноября Хидэки Тодзио собрал в военном министерстве совещание, чтобы окончательно решить, быть в Южных морях войне или миру, все его участники высказались за войну. За кровь и огонь, за уничтожение и завоевание, за экспансию и покорение если не всего мира, то хотя бы большей его части, куда входила вся Океания, в том числе и Гавайи, за которые в первую очередь велась эта жестокая «шахматная игра».

Несмотря на то что совещание 29 ноября проходило вне императорского дворца, Хирохито на нем присутствовал. Правда, говорил он о другом, продекламировав генералам и адмиралам прекрасные восточные стихи о прелестях мирной жизни, которые когда-то сочинил его дед, император Мэйдзи. Выступление Хирохито не произвело ожидаемого им впечатления: участники совещания, сплошь члены тайной военно-политической организации «Черные драконы», единогласно высказались за войну, то есть за разработанный Ямамото план вероломного нападения на Гавайские острова еще до объявления войны. Совещание прошло именно так, как и предполагал адмирал.

Исороку Ямамото приступил к осуществлению своего плана. Вблизи Курильской гряды был сосредоточен многочисленный флот, который в нужный момент должен был доставить к берегам Гавайев самолеты для нападения на Перл-Харбор. Флот состоял из шести авианосцев, быстроходных крейсеров, линкоров, девяти эсминцев, восьми танкеров и трех огромных подводных

лодок класса «Е». Кроме того, в военную эскадру новоявленных самураев входило пять карликовых подводных лодок, которые должны были скрытно выдвинуться на ближние подступы к Гавайским островам, чтобы незаметно проникнуть непосредственно в Жемчужную гавань.

Львиная доля успеха всей операции зависела от японских пилотов. Они должны были с воздуха уничтожить американский военно-морской флот в Тихом океане, ибо в то время он почти целиком находился на своей базе на Гавайских островах.

В нападении участвовало огромное по тем временам число самолетов — почти пятьсот. Среди них было сто тридцать четыре одномоторных двухместных штурмовика «Аити К-99», сто четыре бомбардировщика, тридцать торпедоносцев «Накадзима-96» с высокой боеспособностью, знаменитые истребители «Мицубиси-00», вошедшие в историю под названием «Зероуз» («Нули»), однако для своего времени они были отнюдь не «нулями», а пожалуй, лучшими самолетами в мире.

Группу военно-воздушных сил, нацелившихся на Гавайи, возглавлял молодой офицер ВВС капитан Мицуо Фукида. Тридцатью военными кораблями, которые должны были незаметно доставить летчиков Фукиды к берегам Гавайев, командовал вице-адмирал Нагумо, пожилой человек с большим военным опытом. Нагумо отличали качества, наиболее высокоценимые адмиралом Ямамото,— исключительная осторожность и бдительность. Только они могли помочь огромному флоту незаметно пройти путь, отделяющий Японию и Курилы от Гавайских островов, ставших целью этой авантюры. Нападением на Гавайи должно было начаться осуществление далеко идущих планов «Черных драконов».

В истории островов наступал роковой час, трагический для короны Океании час «Черных драконов».

ШПИОНЫ НА ГАВАЙЯХ

Вице-адмирал Нагумо вел авианосцы, крейсеры, эсминцы и подводные лодки своей многочисленной флотилии холодными водами северной части Тихого океа-

на. Знаменитый своей осторожностью, Нагумо опечатал все радиопередатчики. Его корабли не послали в эфир ни единого сигнала, который мог бы подсказать службе перехвата противника, что к берегам «райских островов» приближается японский флот. При этом японцы нуждались в подробнейшей информации о положении противника. Недаром в истории, закончившейся нападением на Гавайи, важную роль играли разведчики и дешифровальщики кодов противника.

Бесспорно, в этой шпионской игре, жертвой которой стали Гавайи, более активными и хитрыми оказались японцы. В то время как американская разведывательная служба в Токио, по-видимому, не послала в свой центр в Вашингтоне ни одного конкретного сообщения о планах «Черных драконов», японские разведчики на Гавайях уже долгое время работали в высшей степени прилежно.

Хотя Гонолулу не входил в число крупнейших городов Америки, здесь имелось японское консульство, на самом деле выполнявшее роль японского разведывательного центра на Гавайях. О том, как работала японская разведка, свидетельствует один факт, вообще характерный для новейшей истории этих островов. В XX веке соотношение различных групп населения на Гавайях все время менялось. Во время войны наиболее многочисленную часть населения составляли не гавайцы и даже не новые хозяева острова, «настоящие американцы», а... японцы. Японская разведка рассчитывала на то, что японцы на чужбине всегда остаются верными своей родине, и надеялась без труда отыскать среди своих гавайских земляков множество помощников, готовых к сотрудничеству в осуществлении коварного замысла.

Однако, к большому удивлению токийского штаба, гавайские японцы не проявили особого желания участвовать в подготовке к новой войне, тем более уничтожении своей новой родины. Наоборот, когда произошло столкновение фашистских и антифашистских сил, AJA, то есть «американцы японского происхождения», в первую очередь гавайские японцы, стали самыми доблестными солдатами в рядах союзнических войск. Но в то время вооруженный конфликт существовал лишь в планах токийских милитаристов, и гавайские японцы отвергли сотрудничество с разведкой своей родины.

Нескрываемое презрение, которое испытывало большинство японских гавайцев к японцам-шпионам, было столь явным, что токийским милитаристам не оставалось ничего другого, как обратиться за помощью к представителям другой национальности, живущей на Гавайях,— немцам. Последних на Гавайских островах было, естественно, очень мало. Сначала резидент японской разведки на Гавайях вице-консул Такео Йосикава, известный в Гонолулу под именем Моримура, за большие деньги завербовал местного немца по фамилии Кюн. Но тот никак себя не проявил. Потом своим японским союзникам предоставили помощь сами нацисты. Они «уступили» им двух отличных шпионов, уже давно обосновавшихся на Гавайях и имевших множество контактов, в том числе и с целым рядом американских офицеров, служивших в Перл-Харборе.

Эти немецкие шпионы японского резидента на Гавайях — вот это каша! — представляли собой... милое семейство. Его главой был личный друг Генриха Гиммлера, бывший морской офицер, позже занявший высокую должность в гестапо, Ганс Крамм. Его сын Лютер Крамм стал личным секретарем Геббельса. Дочь Крамма, красавица Роза, была в свое время фавориткой Геббельса среди его многочисленных любовниц. Почти ежедневно перед виллой Краммов останавливался правительственный лимузин. Роза незаметно впархивала в машину и ехала выполнять свои обязанности по отношению к нацистской партии в постели Геббельса. Она делала это с таким рвением и пылом, что постепенно ее патриотизм совершенно истощил министра. Вызвав генерала Хаусхоффера, он потребовал каким-нибудь образом избавить его от не в меру пылкой патриотки, не умаляя при этом ее заслуг перед нацистской партией. Генерал Хаусхоффер виртуозно исполнил приказ, учтя все тактичные намеки шефа.

Награда, полученная заслуженной любовницей и ее семьей, с энтузиазмом уложившей Розу в министерскую постель в интересах нацистской партии, была действительно щедрой: нацистская разведка отправила капитана Крамма с его красавицей дочкой на Гавайи. Бывший морской офицер, ныне гестаповец, Ганс Крамм должен был демонстрировать здесь профессиональный интерес к полинезийским и восточным языкам! И новоиспеченный немецкий языковед в «научных целях» принялся

устанавливать контакты с местным населением. Красавица Роза, несколько переусердствовав с Геббельсом, начала играть роль простушки, заглядывающейся на белую форму морских офицеров. Единственным ее желанием стало научиться хорошо говорить по-английски, чтобы свободно общаться с этими симпатичными ребятами из военно-морского флота и авиации. Очень скоро благодаря своей первой жертве, наивному офицеру Элберту Лаккету, Роза Крамм получила доступ на суда, стоящие в Перл-Харборе. Премиленькая болтушка на очаровательном ломаном английском языке задавала Элберту отнюдь не детские вопросы. Например, о противолодочных устройствах или о количестве орудий на крейсерах. Чуть позднее «наивная Розочка» переключилась на капитана Уэртхолла, который, занимая более высокое положение, знал о Перл-Харборе еще больше, а свою немецкую подружку любил еще горячее.

Шпионская семейка Краммов выудила о Перл-Харборе и американском флоте на Гавайях больше, чем стотысячная колония гавайских японцев.

Немецкая разведка передала всю гонолулскую шайку Краммов в руки своих японских коллег и их гавайского резидента вице-консула Йосикавы Моримуры. Они сотрудничали до последнего мирного дня на Гавайях. Когда после нападения на Перл-Харбор американцы опечатывали здание японского консульства в Гонолулу, ими были замечены световые сигналы, посылаемые в окна консульства с другого конца города. Конечно, этот человек был арестован. К своему удивлению, американцы узнали в главном информаторе японской разведки «любителя восточных языков» «профессора» Крамма.

Вся семья шпионов была отправлена туда, куда всегда попадали лучшие шпионы, если не считать непобедимых, не пробиваемых пулями джеймсов бондов,— на скамью подсудимых. Капитан Крамм был приговорен к смертной казни, которая позже была заменена пожизненным заключением. Роза, пустив в ход очарование молодости, вероятно, произвела на трибунал неизгладимое впечатление, получив лишь двадцать лет. Но свой срок до конца она не отбыла. Говорят, сегодня ее можно встретить в одной из популярных пивных Мюнхена. Годы ушли, красота поблекла. Теперь она занимается раздачей любимого баварского напитка. Но экс-шпионка Роза Крамм недовольна ни своим нынешним положени-

ем, ни своими доходами. По слухам, она обратилась к федеральному правительству с требованием предоставить ей пенсию, а также вознаграждение за безупречную службу нацистской Германии сначала в постели министра, а затем в Гонолулу — уже тогдашним японским союзникам третьего рейха.

Чем закончилось дело Розы Крамм, я не знаю. Буду в Мюнхене, попробую ее разыскать. Не сомневаюсь, она расскажет много интересного.

НА БОРТУ «ЭДВЕНЧЕРА»

Я отправился в знаменитый Перл-Харбор. На этот раз для посещения крупнейшей военно-морской базы Тихого океана я отказался от услуг американского экскурсионного судна и, заплатив двенадцать долларов, поднялся на палубу элегантного, не слишком быстроходного «Эдвенчера».

Судно отошло от причала у бульвара Ала Моана, в восточной части Гонолулу. Не торопясь оно обогнуло город и вошло в воды Жемчужной гавани. Владельцам «Эдвенчера», получающим приличные деньги, приходится веселить пассажиров в баре. После пяти порций джина Перл-Харбор кажется весенним яблоневым садом. Для непьющих включают длинную магнитофонную запись детального рассказа о предыстории и нападении на гавайскую базу.

Так как я ехал туда не для того, чтобы снова увидеть корабли-гиганты, а глубже познакомиться с историей и поклониться праху погибших, я с интересом слушал рассказ о событиях, начавшихся 7 декабря 1941 года здесь, в Жемчужной гавани, где раньше обитали только жемчужницы да акульи боги гавайских жрецов. Большинству путешественников моя заинтересованность казалась непонятной. Среди пассажиров судна были представители только двух стран, главных участниц трагедии в Перл-Харборе,— американцы и японцы.

Из рассказа магнитофонного гида меня больше всего удивило то, что Перл-Харбор вполне мог дать отпор японцам: перед бомбардировкой пришло несколько со-

общений о готовящемся нападении на Гавайи. Одними из первых послали достоверное предупреждение дешифровальщики вражеских кодов. Никогда не державшие в руках оружия, они в силу своих способностей и высокой квалификации могли повлиять на ход событий в большей мере, чем несколько дивизий и десятки военных кораблей. Своим гражданским видом они невыгодно отличались от подтянутых офицеров американской армии. Среди них были математики, лингвисты и другие чуждые, с точки зрения профессиональных военных, армии люди.

Однако, когда над их родиной нависла непосредственная военная угроза, их призвали на действительную службу и составили группы по изучению кодов и дешифровке секретных сообщений армий иностранных государств. Больше всего пришлось поработать над так называемым «пурпурным» японским кодом, по тем временам одним из наиболее сложных в мире. И все-таки к середине 1940 года американские контрразведчики справились с ним. Более того, старший лейтенант Фридмэн и капитан Крэмер сконструировали одну из первых математических машин, предшественницу сегодняшних ЭВМ, с помощью которой механизировался, то есть существенно ускорялся, процесс дешифровки. Благодаря тому что Фридмэну, Крэмеру и другим удалось разгадать «пурпурный» код, разведчики уже с середины 1940 года читали тщательно зашифрованные, строго секретные инструкции из Токио раньше, чем прочитывал их японский посол в Вашингтоне.

6 декабря (за сутки до вероломного нападения на Гавайи) Фридмэн и Крэмер приняли и расшифровали длинное, состоящее из четырнадцати частей сообщение токийского правительства своему послу в Вашингтоне. Это была нота, предназначенная для вручения правительству США. Тринадцать пунктов ноты были посланы заранее, четырнадцатый, заключительный, как говорилось в инструкции, должен быть сообщен посольству на следующий день. В этом последнем пункте, дошедшем до Вашингтона в четыре часа утра (то есть еще задолго до нападения на Перл-Харбор), говорилось, что японское правительство вынуждено сообщить американскому правительству: в связи с американской позицией невозможны какие-либо уступки, и японское правительство не несет более ответственности за дальней-

шее развитие событий. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять: Токио с присущей Востоку деликатностью сообщает Соединенным Штатам об объявлении войны.

Расшифровав последний пункт, Крэмер побледнел. Он сразу понял, что через несколько часов где-то будут падать бомбы и умирать люди — солдаты армии, в которой он служил сам. Бросив свои текущие дела, Крэмер, несмотря на низкий чин, начал искать самого начальника штаба американского военно-морского флота адмирала Старка. Найти адмирала не удалось. Тогда он стал разыскивать начальника генерального штаба американской армии генерала Маршалла. Но и его не оказалось на месте, в это время он как раз объезжал коней в одном из вашингтонских парков. Обойдя пустые кабинеты, Крэмер вернулся в свое бюро и вновь погрузился в текст токийской инструкции, предназначенной послу Номуре. Дойдя до предпоследней, тринадцатой части, он понял, что посольство должно было вручить полный текст ноты государственному департаменту 7 декабря, примерно в тринадцать часов по вашингтонскому времени.

Крэмер высчитал, который час будет в этот момент на Гавайях. Оказалось — половина восьмого утра. Воскресное утро! Солдаты будут отсыпаться после бурно проведенной ночи, самые набожные из них пойдут в церковь. Так что, если завтра японцы в это время нападут на Гавайи, оказать сопротивление будет некому. Крэмер не раздумывал больше ни минуты. Он сел в автомобиль и снова отправился к адмиралу Старку, которому тогда подчинялась база в Перл-Харборе и весь американский флот на Гавайях. Адмирал не принял человека, принесшего столь важное известие. Лишь после томительного ожидания Крэмера впустили в штабную канцелярию. Поданная им шифровка ничуть не смутила адмирала. Сначала он вообще отказался послать своим морякам какое-либо предупреждение и лишь позже согласился позвонить в Гонолулу. Но телефонная линия оказалась поврежденной. В конце концов шифрованное предупреждение было отправлено как обычная телеграмма — через посредничество коммерческой телеграфной компании «Уэстерн Юнион».

Сообщение о непосредственной угрозе важнейшей военно-морской базе в Океании, которое могло сохра-

нить жизнь многих людей, спасти суда, самолеты и другую технику, было послано по обычному телеграфу! И кем? Людьми, отвечающими за безопасность Гавайев! В Гонолулу телеграмму принял молодой почтовый рассыльный, почти мальчик. Те, кому она предназначалась, получили ее слишком поздно, когда гавайский флот уже был разбит, а в водах Перл-Харбора были навеки погребены тысячи солдат.

Признаки готовящегося нападения не ускользнули также от внимания тех, кто находился в это время на островах. Как правило, это были низшие чины или рядовые.

Первыми заговорили о зловещих сигналах радисты, следившие за работой японских передатчиков. Один из солдат, «сидевший» на сообщениях Токийского радио, обратил внимание, что 5 декабря впервые передача последних известий закончилась сообщением метеорологов *«Хигаси-но Кадзе»*. Более того, странное для данной передачи сообщение было повторено дважды. *Хигаси-но Кадзе* по-японски значит «восточный ветер, дождь». Солдат, ведущий запись регулярных передач японского радио на монитор, заподозрил нечто необычное в том, что «метеорологическая сводка» прозвучала именно в данной программе, почувствовав в ней зашифрованный знак к каким-то чрезвычайно важным действиям.

Он поделился своим подозрением с начальником восточного отдела контрразведки капитаном Сэффордом. Последний, как и Крэмер, уведомил об этом адмирала Старка. Адмирал сунул бумажку в ящик, не предприняв абсолютно никаких мер. А ведь метеорологическое сообщение «восточный ветер, дождь» по приказу японского генерального штаба означало непосредственную подготовку к вооруженному нападению Страны восходящего солнца на Соединенные Штаты.

Отмечались и другие признаки приближающегося нападения. Так, американский патрульный самолет увидел в водах возле Гавайских островов пятнадцатиметровое масляное пятно — след подводной лодки. За несколько часов до атаки небольшое военное судно обнаружило японскую подводную лодку и даже вступило с ней в бой! Судно называлось «Уорд». Это был «старичок» времен первой мировой войны. Ему давно пора было «на пенсию», но с наступлением неспокойных вре-

мен его пощадили и отправили к берегам Гавайев в качестве патрульного тральщика. На отжившем свой век корабле пятого класса служили исключительно «запасники». Только капитан «Уорда» старший лейтенант Оутэрбридж был офицером.

В половине четвертого утра рокового дня новоиспеченный выпускник Северо-Западного университета, матрос запаса Оскар Геппнер доложил капитану, что экипаж тральщика «Кондор» заметил прямо в водах Перл-Харбора подозрительное судно, что-то вроде сверхмалой подводной лодки, которая намеревалась проникнуть в самый центр Жемчужной гавани, ибо противолодочные заграждения в это время были подняты. Оутэрбридж стал прочесывать воды бухты, и в половине седьмого утра (то есть за полтора часа до нападения) Оскар снова увидел подозрительный предмет. Безмятежно спали адмиралы, отсыпались после веселой ночи солдаты, а утлый «старичок» «Уорд» уже вступил в бой. Он сбросил несколько бомб, и новые масляные пятна на поверхности воды подтвердили, что цель наконец достигнута.

Капитан «Уорда» немедленно пытался доложить о чужой, оказавшейся в заливе подводной лодке командующему американским флотом на Гавайях адмиралу Шорту. Но в семь утра тот был недосягаем. Оутэрбридж позвонил заместителю Шорта адмиралу Блоху. Его не оказалось дома. Тогда капитан «Уорда» обратился к начальнику штаба капитану Эрлу. Эрл еще спал. Когда супруга наконец разбудила его, он «успокоил» возбужденного Оутэрбриджа, сказав:

— Надо подождать, посмотреть, что будет дальше!

В это время японские самолеты уже взяли курс на Перл-Харбор. Так снова было проигнорировано предупреждение об опасности, сделанное капитаном, который не только обнаружил в водах Перл-Харбора вражескую подводную лодку, но и уничтожил ее. Однако и на это событие командование базы не обратило должного внимания. И, наконец, американцы собственными глазами увидели японские самолеты, приближавшиеся к Гавайям. Дело в том, что к середине 1941 года до Гавайев дошло новейшее изобретение — радар. Одна из первых на Гавайских островах радиолокационных станций была размещена на самом севере Оаху, в пустынном месте Опана.

По существу, она состояла из грузовика, на крыше которого вращалась антенна. У радиолокатора в Опане дежурили по восемь часов, всегда по двое. В этих пустынных краях наблюдать было нечего, разве что красоты моря. Парням, дежурившим в ночь с 6 на 7 декабря 1941 года, ничто не мешало вести наблюдения.

К своему великому удивлению, рядовой Джордж Эллиот вдруг увидел на экране многочисленную группу самолетов, направлявшихся к Гавайям. Вместе с более опытным Локартом они точно рассчитали курс, по которому самолеты приближались к Оаху, а также то, что в данный момент они находились на расстоянии ста тридцати семи миль от берега. Было послано сообщение в Форт-Шафтер, ставку командования обороной Гавайев. Но... было воскресное утро, и рапорт попал в руки тоже рядовому Джозефу Мак-Дональду. Лишь после долгих поисков ему удалось найти нужного офицера — лейтенанта Тайлера. Последний, чтобы с утра отвязаться от «паникеров», «успокоил» их такими словами:

— Ну и что же, ведь это наши собственные самолеты!

Но из Опаны пришло новое сообщение: «Наблюдаемая эскадрилья приближается. В настоящий момент удалена от побережья Гавайев всего на девяносто миль».

Однако Тайлер и на этот раз преспокойно ответил, что это американские самолеты, летящие в Перл-Харбор из Калифорнии, хотя каждому гавайскому школьнику известно, что Калифорния находится совсем в другой стороне. Эллиот и Локарт продолжали следить за самолетами. Они послали еще один рапорт в Форт-Шафтер, вообще не получив ответа. Потом приехал джип и привез им завтрак. Раз им никто не верил, надо хоть поесть как следует! Эллиот и Локарт выключили радар и принялись было за трапезу, когда машины с красным восходящим солнцем на крыльях подлетели к Оаху. Было 7 декабря 1941 года. На Гавайях начинался ад, о котором предупреждало столько сообщений и рапортов, оставленных без внимания теми, кто отвечал за безопасность Гавайев!

Судно «Эдвенчер» бросило якорь у белого здания, словно построенного из каррарского мрамора и похожего на мост, плывущий по океану. С палубы судна я перешел на этот «мост», который когда-то тоже был линкором «Аризона», одним из многих кораблей, стоявших на рейде Перл-Харбора.

Сегодня в Жемчужной гавани линкоров уже нет. Впрочем, в Перл-Харборе я наблюдал много такого, что вряд ли можно увидеть где-либо еще: огромный авианосец с ультрасовременными истребителями на палубе, несколько крейсеров и даже атомную подводную лодку. В Перл-Харборе ежедневно останавливается на «ночлег» около семидесяти кораблей.

По форме он показался мне похожим на тройной подсвечник с широким, сужающимся книзу основанием. Узкая часть — вход в Жемчужную гавань — легко перекрывается противолодочными сетками. Там, где он расширяется, «плывет» Форд — маленький остров, омываемый водами Жемчужной бухты. На нем размещены гидросамолеты, обширные склады оружия и боеприпасов, различные технические сооружения, необходимые столь крупной военно-морской базе.

Тогда, 7 декабря 1941 года, в гавани находилось девяносто шесть военных кораблей разного класса. Вокруг острова Форд, особенно вдоль его восточного берега, на якоре стояли лучшие суда американского военно-морского флота — линкоры, каждый из которых носил название одного из штатов. Лишь флагманский корабль огромного флота — линкор «Пенсильвания» расположился напротив, в том самом сухом доке, строительству которого так отчаянно сопротивлялась рассерженная гавайская богиня акул, некогда обитавшая в Жемчужной гавани. Кроме «Пенсильвании» на ремонте в доке стояли два эсминца — «Кэссин» и «Даунес». Дальше к востоку, около «полуостровка» с красивым названием Каууа, находилась база подводных лодок. На другой стороне, ближе к Перл-Сити, стояли другие линейные корабли — «Юта», «Детройт» и «Рели». Непосредственно у Перл-Сити — «Кертисс» и «Медуза».

Абсолютно неприступная морская крепость «держала ключи» от Океании. Американские моряки завидо-

вали солдатам, служившим на Гавайях, и называли их «ананасными солдатами», а весь флот, размещенный на Гавайях,— «ананасной армадой». Жизнь моряков, военных летчиков и пехотинцев здесь, на «ананасном» архипелаге, действительно была сладкой, как ананасный сок.

Ведь они служили там, куда все остальные американцы мечтали съездить на отдых. Здесь ярко светит солнце, у ног плещется полинезийское море, чудесные пляжи, красивые женщины, незабываемые гавайские вечера...

...7 декабря 1941 года. Воскресное утро. Адмирал Ямамото не мог выбрать для нападения более подходящего момента. Спали все — от простых матросов до командующего военно-морскими силами.

Высших военачальников на Гавайях к тому времени было двое. Военно-морскими силами Гавайев и всем американским флотом в Тихом океане командовал адмирал X. Киммел. Сухопутные силы американской армии на Гавайях подчинялись генералу Уолтеру Шорту. В тот день их ждал настоящий бой: партия в гольф! В прошлое воскресенье выиграл адмирал Киммел. Сегодня бой закончился трагически, особенно для тех, кем командовали эти люди, одержимые игрой в гольф.

Итак, 7 декабря 1941 года ни офицерам, ни рядовым солдатам, ни тем более экипажам кораблей, стоящих в водах Жемчужной бухты, в гольф сыграть не пришлось. Многие из тех, кто служил на Гавайях, в том числе местные жители, погибли. 7 декабря 1941 года над Жемчужной гаванью появились эскадрильи под командованием капитана Мицуо Фукиды. В первую ударную группу, стартовавшую в 6 часов 45 минут утра, входили два разведывательных самолета, сорок девять штурмовиков-бомбардировщиков, сорок штурмовиков-торпедоносцев, пятьдесят один бомбардировщик и сорок три истребителя, которым было дано задание прикрывать ударную группу.

Вторая «волна» поднялась с авианосцев минут через двадцать: восемьдесят бомбардировщиков, пятьдесят четыре штурмовика и тридцать шесть истребителей. Флот прикрывали еще тридцать девять самолетов, оставшихся на палубе шести авианосцев армады Нагумо.

По плану Ямамото первый удар по американским

кораблям должны были нанести торпедоносцы — ударить по целям, еще не закрытым дымом. Потом наступит очередь бомбардировщиков, а завершат дело истребители. Несмотря на то что из-за ошибок в сигнализации не удалось осуществить нападение точно по плану, итоги его были настолько внушительными, что и Ямамото, и генерал Тодзио, и токийские «Черные драконы» остались вполне удовлетворены. Более того, американцы не оказали почти никакого сопротивления самолетам первой «волны», так что потери японцев были еще меньше, чем предполагалось.

План Ямамото преследовал четкую цель — уничтожить, потопить, вывести из строя линкоры и авианосцы: только они могли помешать японцам начать экспансию в Тихом океане и на побережье Юго-Восточной Азии. К счастью для американцев и всей зарождавшейся антифашистской коалиции, в тот момент все три тихоокеанских авианосца находились за пределами Перл-Харбора: «Лексингтон» с тремя эсминцами был на учении совсем в другой области гавайских вод; «Энтерпрайз» двигался от Перл-Харбора к отдаленному острову Уэйк; третий авианосец стоял на ремонте в Калифорнии. Не увидев 7 декабря 1941 года американских авианосцев в Перл-Харборе, японские летчики сосредоточили удар на линкорах, выстроившихся, словно на параде, вдоль берегов острова Форд. Остальные корабли японцы сначала вообще проигнорировали.

Первый удар торпедоносца пришелся по «Оклахоме». Из тысячи трехсот пятидесяти человек более четырехсот погибло в трюмах тонущего корабля. В «Западную Вирджинию» попали сразу две торпеды, и здесь уже в первую минуту погибло более ста моряков. «Калифорния» после взрыва торпеды, словно раненая утка, стала крениться на правый борт. В боевой корабль «Теннесси» попали две тысячекилограммовые бомбы, нанесшие ему тяжелейшие повреждения. Однако человеческих жертв на «Теннесси» было мало. По другую сторону острова Форд японцы бомбили сразу же вышедшую из строя «Юту», которую пилоты по ошибке приняли за один из авианосцев, то есть за свою главную цель. В сухом доке ударам фугасных бомб подверглось флагманское судно тихоокеанской флотилии США «Пенсильвания». Летчики пощадили вспомогательные суда, небольшие военные корабли и стоящий на якоре

в Перл-Харборе плавучий госпиталь военно-морского флота.

Одновременно с Перл-Харбором удар был нанесен и по другим военным объектам на Оаху. Например, по аэродрому «Уилер-Филд». Небезынтересно, что почти за четыре месяца до этого его командующий подал начальству донесение, в котором описывалось, как легко могут японцы при желании напасть на Гавайи и вывести из строя Перл-Харбор. Однако его рапорт, как и многие другие сигналы об опасности, был отправлен в сейф военно-морского министерства в Вашингтоне на вечное хранение.

Одновременно самолеты с изображением восходящего солнца на крыльях бомбили еще один, меньший по размеру аэродром острова Оаху. Но главный удар был нанесен по Перл-Харбору, базе американского Тихоокеанского флота. Был уничтожен линкор «Невада». Первая торпеда попала в него в тот момент, когда под звуки национального гимна, исполняемого корабельным оркестром, торжественно поднимали государственный флаг. Эта церемония происходила каждый день в восемь утра. Песня о звездно-полосатом флаге так и не прозвучала до конца. Один из валторнистов, служивший ранее в противовоздушной артиллерии, бросился к орудию и открыл по самолетам стрельбу. Это соло было единственной попыткой защитить «Неваду». От бомбежки в считанные минуты погибло несколько десятков моряков. Капитан каким-то чудом довел «Неваду» до берега мыса Ваипио, где оставшимся в живых удалось спастись с гибнущего линкора. Совсем плохи дела были на «Аризоне», той самой, на которую я ступил с палубы «Эдвенчера», чтобы обойти всю бухту — свидетельницу страшной гавайской трагедии.

На «Аризоне» вопреки всем инструкциям хранился резервный боезапас. Когда японские бомбы попали в этот склад, огромный корабль водоизмещением более тридцати тысяч тонн буквально взлетел на воздух. На «Аризоне» погибли тысяча сто человек — практически весь экипаж, включая его командира контр-адмирала Айзека Кидда.

И все-таки я смог ступить на «Аризону» — часть ее уцелевшего корпуса стала основанием уникального бетонного памятника,— я имею в виду тот самый белый «мост» длиной шестьдесят метров. Я прочел здесь исто-

рию этого и других линкоров, посмотрел на фотографии, запечатлевшие гавайский апокалипсис, пробежал глазами списки тех, кто служил на «Аризоне» и задохнулся на глубине нескольких метров на дне бухты.

Стоя над морским кладбищем, я думал о том, кто виноват в их смерти: в гибели всего экипажа «Аризоны» — более тысячи человек, моряков «Невады», «Оклахомы» и других судов, безоружных жителей архипелага, многие из которых тоже стали жертвами вероломного нападения на Гавайи.

Сначала мне, как и всем приезжающим сюда, хотелось во всем винить японцев — к этому взывает и памятник. Но я вспоминаю Японию и японцев. Каждый раз, бывая там, не перестаю восхищаться добросовестностью, трудолюбием и гостеприимством жителей этой страны. Жаль, что именно японский народ был так безжалостно втянут в экспансионистскую авантюру такими безответственными военачальниками, как адмирал Ямамото, военный преступник Тодзио и подобные им милитаристы. Этому даже слишком дисциплинированному народу пришлось кровавой ценой расплачиваться за амбицию своих генералов и адмиралов.

Одно преступление порождает другое, и в конце кровавой огненной цепи, первым звеном которой стали прекрасные Гавайи и Перл-Харбор, за несколько мгновений превратившиеся из «последнего рая» в ад, полыхнуло поистине адское атомное пламя. Пеплом легли огромные японские города, от вспышки испарялись человеческие тела. От Гавайев до Хиросимы, от Хиросимы до Бикини горел Тихий океан. Вспыхнул этот огонь на Гавайях, в Перл-Харборе, по вине рвущихся к власти офицеров, для которых и не придумать лучшего названия, чем то, которое они дали себе сами,— «черные драконы». У драконов милитаризма ядовитое семя. И все-таки жаль, что впервые взошло оно на прекрасных Гавайях. И горел мир, и умирали люди на Гавайях и во всей Океании.

Нападение на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года явилось одним из событий, определивших ход мировой истории. О нем написано много работ и исследований. Оценка этого события, сыгравшего важнейшую роль в истории, иногда бывает односторонней: японцы представляются восточными «злыми духами», а американцы — несчастными жертвами вероломной агрессии. Но

империалистические, экспансионистские идеи вынашивали не только генерал Тодзио, адмирал Ямамото и банда «Черных драконов». Мечту о власти над миром, основанной на силе и превосходстве в оружии, лелеяли многие деятели во многих странах. В ту роковую для Гавайев минуту, в час «черных драконов» к ней рвались те, кто стал убийцей тысячи ста ни в чем не повинных парней с «Аризоны», праху которых я приехал поклониться сюда, в Перл-Харбор, где стоит обнаженный белый скелет затонувшего судна.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА «ГОРУ ЖЕРТВ»

Я направился на юг острова Оаху, чтобы поклониться праху погибших солдат. Оаху, как и все Гавайские острова, вулканического происхождения. Здесь есть несколько потухших вулканов. Самые знаменитые из них — «Алмазная голова» и Коко. Я решил подняться на первый вулкан и заглянуть в его огромный кратер, называемый полинезийцами Пуоваина, что значит «Гора жертв».

Я доехал на автобусе до центра острова — Папаколеи, а к кратеру поднялся пешком. Первым английским и американским колонистам «Гора жертв» напоминала перевернутый вверх дном бокал, поэтому они окрестили ее и до сих пор называют «Бокалом для пунша».

Каким только целям не служил этот широкий кратер мертвого вулкана за последние сто лет! Сначала, во времена гавайского королевства, здесь располагались артиллерийские позиции королевской армии. С этого места, возвышающегося над столицей государства Гонолулу, пушечные батареи должны были обеспечивать его безопасность. Позже, в начале нашего века, кратер «Горы жертв» стал крупным испытательным полигоном.

После нападения японцев на Гавайи и гибели на этом острове тысяч людей гавайский народ предложил американскому правительству похоронить здесь тех, кто так бессмысленно погиб в Перл-Харборе. Правительство приняло это предложение, и теперь в кратере на горе, которую задолго до этого местные полинезийцы,

словно обладая даром провидения, назвали Пуоваина — «Гора жертв», находится самое крупное военное кладбище во всей Океании.

Прямо скажем, грустная это была прогулка. Куда ни глянь — кругом бесконечные ряды однообразных белых камней с именами погибших. На «Горе жертв» от людей, сражавшихся тогда на Гавайях, остались лишь имена. Иногда и того нет. Первым воином, останки которого были навечно захоронены на «Горе жертв», стал неизвестный солдат, погибший во время нападения на Перл-Харбор. С годами к нему присоединилось еще двадцать тысяч человек, павших в боях за Тихий океан.

Я несколько раз приходил на это кладбище, бродил среди бесчисленных рядов небольших каменных памятников. Последний раз я посетил его в День поминовения, когда по традиции на Пуоваину поднимаются гавайцы со всех концов архипелага и украшают могилы цветочными венками из орхидей. Я принес венок и возложил на могилу того, кого я знал: известного журналиста и писателя Эрни Пайла. В качестве военного корреспондента он принимал участие почти во всех боях в Океании и пал смертью храбрых.

В 1969 году гавайцы возвели на этом кладбище мемориал. В первую очередь внимание привлекает галерея — настенное изображение главной битвы в Океании, а также несколько церемониальных лестниц, по обе стороны которых высокие мраморные стены густо исписаны именами восемнадцати тысяч погибших и захороненных здесь воинов.

Самое замечательное и в то же время самое грустное зрелище на «Горе жертв» — это огромное число собирающихся здесь ветеранов войны. В так называемую «белую субботу», в тот момент, когда первый луч утреннего солнца достигает Пуоваины, на кладбище начинают богослужения священники всех религий, представленных на Гавайях. Это даже не богослужение, а воспевание жизни и мира, манифестация против войны. Люди отвергают смерть, напоминающую о себе именами тысяч и тысяч погибших. Правда, не все похороненные тут пали в честной борьбе, как бойцы Перл-Харбора. Здесь лежат и те, кто участвовал в войнах менее справедливых и даже агрессивных, например в войне во Вьетнаме Однако в основном вечный покой в кратере гавайского вулкана обрели воины, нашедшие свою

смерть во время бойни 7 декабря 1941 года, не имевшие возможности даже обороняться. Я не раз задавал экскурсоводам по Перл-Харбору вопрос:

— Неужели никто из этих воинов не оказал сопротивления?

В самом деле, в борьбу вступали единицы, проявляя подчас подлинное мужество. Так, первый японский самолет-штурмовик сбил над аэродромом в «Уилер-Филде», подвергшимся бомбардировке, прапорщик Грин, который затем извлек из разбитой американской машины пулемет и обстрелял истребитель «Зероуз».

Половину всех японских самолетов уничтожили два пилота — Джордж Уэлч и Джон Тайбер, служившие на расположенном в стороне от мест бомбардировок аэродроме «Халеива». Во время нападения японцев их командир охотился на оленей, а все подразделение безмятежно отсыпалось. Лишь летчики Уэлч и Тайбер, которые, так же как и все остальные, не знали, что случилось в Перл-Харборе, и не получали никакого приказа, по собственной инициативе подняли в воздух свои машины и в течение пяти минут сбили сразу несколько истребителей. Точно так же на кораблях в Перл-Харборе, по которым пришелся основной удар, дали отпор агрессорам лишь одиночки. На «Неваде» — валторнист, музыкант корабельного оркестра. На «Новом Орлеане», принявшем на себя первый удар, в бой вступил капеллан Хауэл Форджи, который в этот момент служил утренний молебен. Швырнув в сторону дарохранительницу, капеллан бросился к зенитному орудию. Снаряды подавал корабельный врач. Все остальные разбежались. Так на защиту «Нового Орлеана» встали... священник и врач. Капеллану даже удалось сбить один из торпедоносцев.

Однако мужество и даже героизм отдельных защитников не повлияли на трагический ход событий. Американские военно-морские силы, последнее препятствие на пути «Черных драконов» к овладению Тихим океаном, были уничтожены. Нападение на Гавайи стало первым шагом японских империалистов к захвату огромных тихоокеанских просторов, к подчинению многих островов Океании. Однако оно имело и положительные (странно, что приходится употреблять это слово) результаты: Ф. Д. Рузвельт смог подавить реакционную оппозицию в своей стране, и сразу вслед за нападением

на Гавайи США присоединились к антифашистской коалиции.

День 7 декабря 1941 года превратил европейский конфликт во всемирный. США вступили в него бесславно. Японцы застали бо́льшую часть размещенных на Гавайях войск, весь американский флот и военно-воздушные силы, врасплох. Последние оказались совершенно беспомощными. Для американцев 7 декабря 1941 года стало «днем позора». До сих пор его именно так и называют.

Вопрос, кто и в какой степени виновен в этой трагической неподготовленности страны к войне, неоднократно обсуждался и обсуждается в США поныне. Были даже учреждены официальные комиссии для установления истины. Первую такую комиссию образовали сразу после нападения на Гавайи, вторая работала с 1945 по 1960 год — целых шестнадцать лет! По-видимому, бюрократия живуча всюду, даже в армии. Разумеется, непосредственными виновниками гавайской трагедии нельзя считать американских солдат и их беспечных командиров. Виноваты те, кто послал к архипелагу самолеты и флот, призванные убивать,— японские генералы, и в первую очередь тот, кто задумал план нападения на Гавайи и разработал его до мельчайших подробностей,— адмирал Ямамото. После войны тяжесть вины каждого из высших японских военачальников устанавливалась официально. Многие из них как бесспорные военные преступники были судимы Международным трибуналом. Некоторых казнили, в том числе и лидера «Черных драконов» генерала Хидэки Тодзио.

Однако участники трагедии в Перл-Харборе сами свели счеты с ее зачинщиками еще во время войны. Главная роль в этом принадлежала все тем же *гениальным* — не побоюсь употребить это слово — дешифровальщикам японских кодов. Тогда, за несколько часов до нападения на Перл-Харбор, им удалось понять из японских инструкций, какая опасность угрожает Гавайям. 7 декабря 1941 года, когда их предупреждения так жестоко подтвердились, эти люди приобрели огромный авторитет. Они стали работать непосредственно в ставке вооруженных сил на Гавайях. Им было отведено особое помещение, куда имели доступ только они,— так называемая «черная комната».

Так как люди из «черной комнаты» в совершенстве овладели кодом японского военно-морского флота, то вскоре, расшифровывая инструкции японского адмиралтейства и личные приказы Ямамото, им удалось установить, что эта «тихоокеанская лиса» готовит против американцев новый «Перл-Харбор» в Океании. Хотя ни в одной из японских шифровок ни разу не указывалось название цели операции, дешифровальщики смогли понять, что «Перл-Харбор номер два» японцы намерены устроить в другой части Океании — на микронезийском острове Мидуэй, лежащем, как подсказывает его название, на полпути между двумя берегами Тихого океана.

Японцы планировали не только напасть на Мидуэй, но и захватить его. Главной целью новой операции Ямамото были три американских авианосца, стоявшие у берегов Мидуэя, те самые, которые, к великому сожалению адмирала, незадолго до нападения на Перл-Харбор покинули гавайские воды. К тому времени американцы не имели в своем распоряжении ни одного боеспособного линкора, японский же тихоокеанский флот насчитывал их более десятка.

Ямамото считал, что «Перл-Харбор номер два» должен целиком повторить «Перл-Харбор номер один». Даже командующие были те же: во главе военно-морского флота стоял вице-адмирал Нагумо, во главе военно-воздушных сил — капитан Мицуо Фукида. Все разыгрывалось по тому же оказавшемуся удачным сценарию. Японские авианосцы незамеченными приблизились к берегам Мидуэя. Вскоре самолеты обрушились на остров и военные объекты. Японцы даже не подозревали, что на этот раз за их продвижением велось тщательное наблюдение. Когда часть японских самолетов поднялась в воздух и взяла курс на Мидуэй, с американских авианосцев, находившихся поблизости, поднялись американские машины и совершенно неожиданно атаковали врага.

И на этот раз исход был трагическим, но роли поменялись: большие потери понесли силы Ямамото. Япония лишилась у берегов Мидуэя четырех авианосцев, более двухсот пятидесяти самолетов и нескольких тысяч моряков и летчиков. Вот так неприметные люди из «черной комнаты» на Гавайях свели счеты с агрессорами. Но им хотелось по заслугам воздать и тому, кто нес непосредственную ответственность за нападение на

Гавайи,— адмиралу Ямамото. Месяц за месяцем они внимательно следили за японскими шифровками, пока в один прекрасный день (через полгода после Перл-Харбора) не «извлекли» из них информацию: в апреле 1943 года Ямамото собирается проинспектировать Соломоновы острова. В шифрованном сообщении по минутам указывались пункты его следования.

Люди из «черной комнаты» передали точное «расписание» движения Ямамото верховному главнокомандованию, и воздушные соединения, находящиеся в Меланезии, получили соответствующие приказы. «Р-38», знаменитые самолеты, которые летчики по праву называли «молниями», были заправлены дополнительным топливом. В день, указанный японцами в шифровке, шестнадцать пилотов вылетели с Гуадалканала навстречу Ямамото.

Автор «гавайского варианта» летел в большом бомбардировщике в сопровождении шести истребителей «Зероуз». Для шестнадцати самолетов «Р-38» задание оказалось несложным. Через несколько минут возле одного из островов Океании рухнул в волны океана самолет, на борту которого находился самый агрессивный из всех, кто руководил нападением на Гавайи,— «черный дракон» адмирал Ямамото. После этого гавайцы в какой-то степени почувствовали себя отомщенными.

Я перебирал в памяти эти истории (интересные, хотя и не всегда объективно отражающие действительность), проходя между бесконечными рядами могил на «Горе жертв». Герои отомщены, но разве убийство — это лучший способ постоять за правое дело, оплатив несправедливую гибель одного человека смертью другого? Разве эта земля, прекрасные Гавайи, не исповедует свое алоха не только ради дружбы и терпимости, но и во имя мира, тоже входящего в понятие алоха?

Я всегда был и буду противником войны, я — за жизнь, за прекрасный мир. Если бы я захотел перефразировать слова своего земляка, которого считаю одним из умнейших и гуманнейших представителей своей нации, Йозефа Швейка, я призывал бы, не щадя сил:

— Не стреляйте, ведь те, в кого вы целитесь, тоже люди! Не стреляйте, ведь это люди!

Я призывал бы ценить жизнь каждого человека на «земле людей». На земном шаре мало таких мест, как Перл-Харбор — свидетель того, к чему приводит пре-

небрежение к человеку. То же щемящее чувство испытал я и в других местах Океании — на Гуадалканале в Меланезии, на атоллах Бикини и Эниветок в Микронезии.

С ЮГА НА СЕВЕР ОСТРОВА ОАХУ

После Пуоваину я отправился в Нууану Пали. Эта горная область также возникла в результате вулканической деятельности. Местность расположена там, где Кулауский гребень делит остров на две почти равные части. Одну его половину называют «наветренной», другую — «подветренной». С этих высоких романтических скал открывается вид на обе стороны острова. «Наветренный», восточный Оаху — его низменности, береговая линия, городки Каилуа и Канеохе — лежит как на ладони. Жестокие бои велись когда-то и на том самом месте, где я побывал,— в Нууану Пали. Именно здесь, среди высоких скал, в 1795 году Камеамеа Великий одержал решающую победу над своим противником на Оаху, завершив тем самым объединение всего архипелага. Чтобы не попасть в руки победителя, побежденные совершили массовое самоубийство, бросившись с вершин Нууану Пали. Так, по их понятиям, они сохранили свою воинскую честь.

Нууану Пали — место необыкновенной красоты. Маршрут самого дорогостоящего круиза вокруг света на знаменитой «Франконии» проходил по многим местам, считающимся меккой туристов. Путешественникам показывали Рио-де-Жанейро, пляжи Флориды и многое другое. Заезжали они и в Гонолулу, а оттуда в разные места Оаху. В конце каждого путешествия руководитель группы туристов Рой Скиннер (четырнадцать раз он организовывал этот круиз) просил участников назвать самое красивое из виденных ими мест на земном шаре. Все без исключения (четырнадцать раз подряд!) заявили, что красивейшее место планеты — это вид со скал в Нууану Пали...

Я снова в Гонолулу. Город, в котором живет не менее половины обитателей всего архипелага, конечно, полон достопримечательностей. Всего не перечислить, назову

лишь два места, где наряду с гавайскими государственными архивами я провел бо́льшую часть моих дней на островах.

Я имею в виду музей Бишоп, образованный еще во времена гавайского королевства. Он создан в 1889 году Чарлзом Ридом Бишопом, человеком весьма образованным, в память о покойной супруге — принцессе Веронике Пауаи, последней из династии Камеамеа Великого. Музей Бишопа — память не только о женщине с красивым именем, но и о гавайских королях: в его экспозиции королевские накидки из перьев, золотые регалии, полученные от европейских монархов, исконно гавайские штандарты из желтых и алых перьев — знаменитые кахили. Здесь выставлено бесчисленное множество деревянных фигур гавайских богов, уже виденных мною в Хонаунау и других сохранившихся полинезийских святилищах, а также замечательной красоты тапа — гавайская материя из лыка — и поделки народных умельцев и ремесленников всех этнических групп, населяющих Гавайи.

По количеству собранных здесь экспонатов музей принцессы Вероники Бишоп — крупнейшая коллекция в Океании, рассказывающая об искусстве и культуре населяющих ее народов. Хотя мне хорошо известны центральные этнографические музеи во всех пяти частях света, я нигде не видел таких богатых собраний, как здесь, в экспозициях и хранилищах музея Бишоп в Гонолулу.

Сегодня музей Бишоп — национальный музей Гавайских островов. Он знакомит посетителей не только с этнографическими экспонатами, но и с флорой и фауной архипелага. Так, к потолку одного из залов подвешен двадцатиметровый скелет кита, весящий не одну тонну,— он похож на огромный дирижабль.

Столь же интересным объектом для моей работы в Гонолулу оказался и Гавайский университет, также расположенный в предгорье Кулауского гребня. Из всех его современных зданий я чаще всего посещал то, в котором расположена кафедра этнографии, или, как здесь ее называют, «институт культурной и социальной антропологии».

Так как Гавайский университет вырос на островах Океании, то среди двадцати пяти тысяч его студентов много слушателей, приехавших из других стран Юж-

ных морей и Восточной Азии. В целях взаимного изучения разных культур и народностей, живущих в районе Тихого океана или на его островах, Гавайский университет учредил так называемый «Ист-Уэст Корнер», где действительно имеют возможность общаться многочисленные представители разных народов, населяющих эту область океана.

В университетский комплекс входят несколько ультрасовременных зданий, украшенных настенной живописью на сюжеты гавайской истории, прекрасный театр имени Дж. Кеннеди, галерея изобразительных искусств, ботанический сад и многое другое.

Гавайский университет построен в одном из красивейших мест Оаху — долине Маноа. Не раз я с удовольствием бродил по ней среди тропических растений, находя здесь много такого, что напоминало мне о добрых доколониальных временах. Например, в одном из небольших зданий Ваиоли большой друг Океании писатель Роберт Льюис Стивенсон встречался с полинезийской знатью. Встречал я в долине Маноа и следы тех, кто приплыл на Гавайи из другой части Тихого океана,— небольшие японские храмы и огромное китайское кладбище с кумирней. Но чаще всего я бывал в верхней части долины Маноа, там, где расположен «Райский парк». Наверное, правильнее было бы называть это место «Райским садом». Здесь пытаются сохранить гавайскую флору и фауну. В густых джунглях щебетали птицы, которым по праву принадлежит этот «Райский парк». В «орнитологическом раю» живут не только местные обитатели, но и «чужеземцы» — спокойные и дружелюбные попугаи ара и какаду. В местной лагуне обитают десятки прекрасных фламинго. Сюда, в этот гостеприимный, звонкий мир птиц, я с радостью бежал от работы, когда голова шла кругом от дат и имен, которыми изобилуют рукописи государственного архива и библиотеки, расположенной недалеко от университета.

Для большинства приезжающих на Гавайи Оаху — это Гонолулу, а Ваикики — фактически один из районов Гонолулу, предназначенный для отдыха и развлечений. Но мне хотелось проехать по всем основным дорогам «главного» гавайского острова. По четырехрядной автостраде имени Камеамеа Великого я направился на северо-запад, в географический центр

Оаху — Вахиава. Это довольно большой и столь же скучный город, выстроенный преимущественно для военного персонала баз. Здесь живут офицеры, несущие службу в Перл-Харборе и на аэродроме «Уилер-Филд». По соседству находится огромная казарма Шолфилд, описанная в замечательном антивоенном романе «Отсюда в вечность».

В Вахиаве повсюду солдаты и ананасы. Невольно вспоминается остров Ланаи, где одна плантация ананасов за другой. Но и тут я нашел интересное для меня место. Так же как и на Кауаи, недалеко от дороги, ведущей из Вахиавы на север, сохранились королевские «родильные камни» — огромные плиты, на которых, по гавайскому обычаю, жена правителя острова Оаху должна была произвести на свет своего высокородного потомка. Сфотографировав этот своеобразный гавайский «роддом» в Кауконаау, я сворачиваю налево, к заливу Ваимеа, расположенному на западном берегу Оаху.

В заливе Ваимеа очень высокие волны. Это излюбленное место любителей серфинга — катания на волнах. Неподалеку я осмотрел остатки крупнейшего когда-то хеиау — огромного полинезийского святилища Пуу о Маука. Оно известно тем, что здесь гавайским богам приносились человеческие жертвы, в числе которых в 1792 году оказались три моряка из экипажа знаменитого мореплавателя Джорджа Ванкувера.

В Ваимеа я повернул назад и проселочной дорогой пошел в Алеиву, на северный берег острова. Во время войны здесь был небольшой военный аэродром. Возле Алеивы дорога стала лучше. Потом, уже с помощью местного транспорта, я попал наконец в самую северную точку Оаху, в городок Лайе, занимающий в моей гавайской программе одно из первых мест. О Лайе, живущих в нем полинезийцах, его истории я расскажу подробнее.

НЕ ТОЛЬКО МНОГОЖЕНСТВО

Из всех городов, где я бывал на Гавайях, в городе Лайе, на севере Оаху, самый высокий процент полинезийцев среди населения. В Лайе я видел не только

гавайцев, но встречал здесь тонга и таитян, выходцев с Туамоту, Маркизских островов и островов Кука, рослых маори из отдаленной Новой Зеландии. Иногда мне казалось, будто я попал в организацию объединенных полинезийских наций. Интересно отметить, что всех этих людей привела в Лайе вера. Вы думаете, исконная полинезийская вера? Нет, это не так. Все полинезийцы, живущие в Лайе,— мормоны. Дело в том, что ни одно религиозное учение, кроме, пожалуй, свидетелей Иеговы, не привлекает в свое лоно столько верующих, как Церковь Иисуса Христа святых последнего дня на островах Южных морей (так звучит полное название секты мормонов).

Впервые мормоны появились на Гавайских островах в середине XIX века. Одно время центром их деятельности был Ланаи. Позднее они сосредоточились в Лайе, на севере острова Оаху. Город строился общиной гавайских мормонов в соответствии с их представлениями и взглядами. Поэтому, прогуливаясь по Лайе, я часто просто не верил своим глазам. Гордость Лайе — храм мормонов, от которого гигантскими ступенями спускаются бассейны, окаймленные рядами пальм. Часто его называют просто Гавайским храмом.

Его белоснежные стены отражаются в голубых водах бассейнов. Эту великолепную постройку часто сравнивают с Тадж-Махалом (правда, художественная ценность последнего кажется мне неоспоримо более высокой).

Гавайский храм — вполне современное здание, построенное в 1919 году. Так как я не принадлежу к мормонской секте, вход в Гавайский храм мне запрещен. Меня провожают в зал, находящийся по соседству, где местные мормоны с помощью аудиовизуальных средств знакомят гостей Лайе с основными догмами своего учения. Сюжет этой своеобразной «Латерны магики» — иллюстрированный рассказ о пребывании Иисуса Христа среди индейцев до открытия Колумбом Америки. Особенно важно то, как мормоны трактуют «воспоминания» полинезийцев о белокожем пришельце.

Хотя я и не мормон, меня это весьма интересует: всю жизнь я занимался историей и культурой исконного населения Америки и Океании, а мормоны — единственные христиане, которые большое место в

своей вере отводят индейцам и аборигенам Океании. В индейцах доколумбовой эпохи и некоторых полинезийских народах, в том числе гавайцах, мормоны видят потомков еврейских племен, покинувших древний Израиль.

Действительно, Библия повествует о неких пропавших израильских племенах. Мормоны же отождествляют их с коренным населением Америки. Более того, считается, что среди них был сам Иисус Христос. Мормоны приводят легенды коренного населения Мексики о всемогущем боге Кецалькоатле, ушедшем за океан, но обещавшем снова вернуться к своим ацтекам. Упоминают аналогичное сказание о легендарном учителе перуанских индейцев (инков) и их предшественников — мудром Виракоче. Не забыта и легенда о белом боге Бочике, покровителе индейцев, которому воздавали почести в древней Колумбии. Американские индейцы приветствовали первых белокожих — того же Кортеса, принимая их за вернувшегося бога.

В этих древних преданиях мормоны видят подтверждение того, что сын божий посетил доколумбовый Новый Свет. Что же нового добавили полинезийцы к представлениям мормонов о пребывании Иисуса Христа в старой Америке? На этот вопрос попытался ответить мне мормон, демонстрировавший спектакль в просмотровом зале гавайского «Тадж-Махала» в Лайе. Текст и иллюстрации были посвящены знаменательному событию: приезду первого белого человека — капитана Дж. Кука — на Гавайские острова. Гавайцы встречали его как вернувшегося бога Лоно. Мормоны расценивали эту восторженность как свидетельство того, что Иисус Христос действительно бывал в Новом Свете. Естественно, я тут же обратился к своим проводникам-мормонам с вопросом, почему жители Океании вспоминают о его посещении Америки. Ведь Америка лежит почти за четыре тысячи километров от Гавайских островов!

Догматическое положение мормонов перекликается, как это ни странно, с воззрениями некоторых современных ученых, прежде всего с мнением Тура Хейердала, который считает, что первоначальное заселение Гавайских островов шло из Америки, то есть первыми пришельцами на Гавайях были американские индейцы. Именно так объясняют происхождение гавайцев мои

здешние проводники. Таким образом, являясь по происхождению индейцами, гавайцы занесли с собой на Гавайи и свою веру, в которой столь важную роль играла память о посещении Нового Света Иисусом Христом. Пришествие Христа в Америку описано в одной из пятнадцати частей так называемой «Книги Мормона», пророка, по имени которого и называют себя сегодня мормоны.

В «Книге Мормона», представляющей собой своеобразный «второй том» Библии, описаны события в период между 600 годом до нашей эры и 421 годом нашей эры, когда последний из летописцев, пророк Мормон[38], закончил свое повествование. В 1827 году пророк Мормон якобы воскрес и передал записи Джозефу Смиту, расшифровавшему их.

В своем учении, священных книгах и практической деятельности Мормон значительное место отводил коренным жителям Америки (индейцам) и островов Южных морей. Его последователи, мормоны, построили в Лайе второе высшее учебное заведение на Гавайях, открытое в 1958 году. В «Чёрч Колледж» получили высшее образование многие молодые мормоны, прибывшие на Гавайи из Полинезии, Меланезии и Микронезии. Недавно «Чёрч Колледж» реорганизован в настоящий университет, носящий имя одного из основателей религии мормонов — Брингэма Янга. Так в конце 70-х годов на Гавайях возник второй университет, привлекший мое внимание хотя бы потому, что его главной задачей стало предоставить высшее образование коренным жителям Океании — полинезийцам, меланезийцам и микронезийцам. Университет в небольшом городке на севере острова Оаху содержится мормонской сектой, и слушатели — исключительно ее последователи. Он похож на мексиканские университеты: главное здание украшает прекрасная мозаика, большой зал — огромные настенные росписи.

Через некоторое время я снова встретился со студентами университета в Полинезийском культурном центре — самой интересной достопримечательности Лайе. Передо мной словно прошла вся Океания — все были в традиционных племенных костюмах. Мормоны, проявляющие особый интерес к жителям Океании,

[38] В Библии имя этого «пророка» не встречается.

построили этот своеобразный полинезийский музей под открытым небом, состоящий из шести деревушек — копий тех, которые можно увидеть на Гавайях, Таити, Самоа, Тонга, Новой Зеландии и даже Фиджи (строго говоря, фиджийцы — это уже не полинезийцы, а меланезийцы).

Сотни студентов университета после занятий демонстрируют посетителям культурного центра самые разные виды деятельности — от производства лыковой материи тапы до характерной для маори резьбы по дереву. В небольшой лагуне они показывают лодки, плоты, иногда танцуют на них и тут же демонстрируют свои ремесленные способности. Сначала трудно поверить, что это не декорация, но в Полинезийском культурном центре все подлинное. Ведь это сделано для того, чтобы студенты университета мормонов могли побыть в тех же условиях, что их родители, братья и сестры на островах и атоллах Океании. С наступлением темноты двести юношей и девушек из разных уголков Южных морей устраивают настоящий фестиваль народных песен и танцев.

Сумма, заплаченная мною и тысячами других посетителей Полинезийского культурного центра за входной билет, идет в общий фонд, финансирующий другие учебные заведения, которые мормоны открыли или намереваются открыть на островах Южных морей. Вместе с экспонатами музея Бишоп Полинезийский культурный центр в Лайе дает наиболее точное представление о культуре и искусстве жителей Океании, ибо Гавайи, к сожалению, наводнены безвкусными кустарными сувенирами.

В общем, Лайе не обманул моих ожиданий. И местные мормоны тоже представляют определенный интерес, тем более что мы, европейцы, знаем об этой религии довольно мало. В Европе ее приверженцев практически нет [39]. Например, в Чехословакии я не встречал ни одного мормона. Впервые я познакомился с мормонами там, куда ехал на поиски иных богов и святынь,— у индейцев Северной Америки, навахов, живущих в огромной аризонской резервации. Один из индейцев спросил меня, не мормон ли я. Когда, к сво-

[39] Это не совсем верно. В Европе (Англии и других странах) мормоны имеются, хотя численность их и невелика.

ему удивлению и сожалению, он услышал от меня, что мормонов в Европе очень мало, он подарил мне с дарственной надписью «Книгу Мормона», чтобы я, читая Священное писание мормонов, познал наконец истину.

Я тщательно прочел библию мормонов. Мне так хотелось побольше узнать о том, чему так завидуют многие мужчины, считая мормонов многоженцами. Мормоны, в том числе и местные, давно отказались от полигамии. Что касается их взглядов на историю, в которой народы Южных морей, в том числе и гавайцы, и американские индейцы играют столь важную роль, они для мормонов — непререкаемая догма. Они никогда от нее не отказывались и не откажутся.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ОКЕАНА, ЧЕЛОВЕК ДЛЯ ОКЕАНИИ

Из рассказов темнокожих проводников-мормонов, сопровождавших меня по Лайе, я узнал, что их секта существует на Гавайях уже более ста лет. Молодые словоохотливые полинезийцы поведали много интересного из истории гавайских мормонов. Однако из их рассказов, на мой взгляд, несправедливо выпало имя человека, который кажется мне самой яркой личностью в истории мормонов. Имя его — Уолтер М. Гибсон. Океан и Океания стали его судьбой.

Уолтер М. Гибсон родился в 1822 году на корабле, который вез его родителей, бедных британских эмигрантов, из Англии в Соединенные Штаты Америки. Уолтер появился на свет во время страшной бури, разыгравшейся в Бискайском заливе, где в тот момент находился корабль. Бурные волны океана словно навсегда оставили след в его судьбе, так же как и рассказы его много повидавшего дядюшки о чудесных островах, затерянных в океане. Воспоминания дяди заменяли юному Уолтеру М. Гибсону сказки, которые другим детям рассказывали бабушки.

Дядя Гибсона действительно изъездил всю Океанию. Служа у арабского торговца, он побывал и в Индонезии (в то время она была голландской колонией). Дядя рассказывал мальчику о большом и красивом городе в центре Суматры, который некогда был центром малай-

ской цивилизации и резиденцией местных правителей, а теперь погибал в джунглях, как гибнут под гнетом колонизаторов аборигенные народы и их культура.

Рассказ о городе, который разрушают джунгли Суматры, в самом деле сказка, но, что касается вымирания народов на островах Тихого океана, находящихся под властью чужеземцев, это уже не вымысел, а правда. Мальчиком Уолтер М. Гибсон поклялся встать на защиту угнетаемых и отдать этой борьбе все силы. А упорства и таланта молодому Гибсону было не занимать.

Гибсон говорил, что сердце его «на стороне тихоокеанского племени». Он выступал в защиту всех угнетенных народов мира. В стране, ставшей его родиной, таким народом были ее коренные жители — индейцы. Едва Уолтеру исполнилось четырнадцать лет, он, окончив начальную школу, бежал из дому и долгое время жил среди «краснокожих».

Позднее Гибсон на время вернулся в «цивилизованный мир». Шестнадцати лет он женился и стал отцом троих детей. В двадцать один год овдовел. Все заботы о семье легли на плечи молодого человека. Нужно было обеспечивать детей, зарабатывать на жизнь, а его звал океан. Благодаря своему упорству и способностям вскоре он встал на капитанский мостик необычного корабля. На небольшом паруснике «Флирт» под командованием Гибсона контрабандой переправлялось из США оружие для повстанческой армии гватемальского генерала Карреры. Молодому Уолтеру Гибсону было обещано, что в случае победы за помощь, оказанную повстанцам, он станет верховным главнокомандующим гватемальских военно-морских сил и получит звание адмирала! Но американские таможенники обнаружили спрятанное оружие, и с карьерой адмирала было покончено.

Вскоре Гибсон снова вышел на «Флирте» в море. Он повел парусник через Атлантический океан к берегам Африки, затем в Бразилию, снова к Африке, обогнул мыс Доброй Надежды, пересек Индийский океан и наконец добрался туда, где на островах Индонезии жили малайцы. Те самые малайцы, которых Гибсон с детства мечтал освободить от чужеземного ига.

Власти заинтересовались судном, прибывшим без всякого груза. В Палембанге, крупном городе на Суматре, Гибсон нанял переводчика, продиктовав ему

письмо одному из султанов. В нем Гибсон предлагал малайскому правителю свои услуги в качестве перевозчика оружия, с помощью которого жители Суматры могли бы свергнуть господство голландцев. Однако послание попало прямо в руки тех, против кого Гибсон намеревался бороться. Он был арестован и заключен в колониальную тюрьму Вельтеверден, на окраине Батавии (современной Джакарты).

В заключении Гибсону жилось не так уж плохо. Ему разрешили каждый день встречаться в камере с местной принцессой Сахиэпу, которая влюбилась в молодого вдовца-американца. Позднее малайская принцесса организовала Гибсону побег. На американском судне «Палмер» неудачливый борец за освобождение малайцев добрался до Великобритании, а затем до США, где издал свои воспоминания о пребывании в яванской тюрьме.

Мемуары Гибсона вызвали живой интерес читателей, США вынуждены были даже потребовать от королевства Нидерландов сатисфакции за арест американского гражданина. Пока вашингтонское правительство вело с Голландией переговоры по его делу, Гибсон в Вашингтоне свел знакомство с главой зарождающейся секты мормонов.

В мормонах Гибсона привлекало их отношение к жителям островов Южных морей. Между сектой и американским правительством отношения были очень натянутые, и Гибсон предложил главе мормонов Брингэму Янгу, по имени которого назван второй гавайский университет, находящийся в Лайе, покинуть неблагодарную Америку вместе с его немногочисленными сторонниками и обосноваться на прекрасных островах Южных морей. Этому замыслу так и не суждено было осуществиться, но мормоны, оценив любовь Гибсона к Океании и глубокую привязанность к полинезийцам, отправили его на Гавайи в качестве миссионера и своего официального представителя. Мормоны на Гавайях были, но у них не было руководителя, который бы разбирался в учении мормонов. Гибсон призван был стать главой тех, кого полюбил еще с детства. Поэтому не с Суматрой, а с Гавайями он связал свою дальнейшую судьбу.

В качестве представителя секты он приехал в Гонолулу, на остров Оаху, затем перебрался на Мауи и,

наконец, купил на свои личные сбережения и средства своих полинезийских собратьев более половины всей территории «ананасного» острова Ланаи. Позабыв о своих демократических идеалах, Гибсон стал править, подчас деспотически, островом гавайцев-мормонов, как заправский король. Островитянам это пришлось не по вкусу, поэтому они послали жалобу на Гибсона в Солт-Лэйк-Сити — центр мормонов.

Руководители общины мормонов отправили на Ланаи «инспекторов», которые подтвердили, что жалобы на Гибсона были обоснованными. Уолтера исключили из секты мормонов, но, так как вся земля Ланаи была записана на его имя, практически весь остров оказался собственностью Гибсона. Мормонам, которые успели возделать здесь всю землю, пришлось перебираться в другое место. Своим новым центром они избрали — на этот раз окончательно — местечко Лайе, на севере острова Оаху. Гавайские мормоны разбили тут большие плантации сахарного тростника, которые вскоре начали приносить крупные прибыли. В Лайе открылись первые на Гавайях школы мормонов и был построен главный храм — уже упоминавшийся «Тадж-Махал» Тихого океана.

Обладатель всей земли острова Ланаи, Гибсон, через некоторое время перебрался в столицу королевства и на вырученные от урожая средства основал газету «Нухоу», выходившую на гавайском языке. На ее страницах Гибсон продолжил борьбу за тех, к кому он был искренне привязан,— за полинезийцев.

Выступления бывшего американца (к тому времени Гибсон уже стал гражданином гавайского королевства) на страницах «Нухоу» поставили его в ряды тех, кто боролся против присоединения Гавайев к Соединенным Штатам Америки. Своей решительной борьбой за Гавайи и гавайцев он настолько завоевал расположение полинезийцев, что в 1878 году они выбрали его одним из депутатов в парламент гавайского королевства, где бывший американец и бывший мормон продолжал упорно отстаивать интересы жителей Южных морей.

Во время выборов 1882 года, когда жители архипелага должны были проголосовать за одного из двух претендентов на престол, Гибсон с присущей ему решительностью поддержал кандидатуру Калакауа. Оказавшись на троне, Калакауа щедро заплатил своему сто-

роннику, назначив его министром, а затем премьер-министром гавайского правительства. Наконец у Гибсона было то, о чем он мечтал еще мальчиком,— власть в одном из государств Океании.

Этот белый человек много сделал на благо полинезийцев. Так, он издал на гавайском языке брошюру о лечении завезенных на острова болезней, резко снижавших численность местного населения. На собственные средства поставил памятник Камеамеа Великому в Гонолулу. Решительно поддержал строительство резиденции гавайских королей — «Дворца Небесной птицы».

Гибсону, для которого Гавайи стали не менее близкими, чем для самих гавайцев, было очевидно, что главная опасность, грозящая полинезийским народам, заключается в их разобщенности. Король Калакауа I и Гибсон приступили к обдумыванию плана создания федерации народов Южных морей — тихоокеанской унии во главе с монархом Гавайских островов.

Уже в 1880 году Гибсон внес в преамбулу гавайской конституции следующие слова: «Благодаря своему географическому положению Гавайские острова призваны играть ведущую роль в семье полинезийских государств». Став премьер-министром Гавайских островов, Уолтер Гибсон попытался осуществить мечту юношеских лет об освобождении народов Южных морей, в чем его целиком и полностью поддерживал «веселый король» Калакауа. Именно в то время гавайское королевство послало свой военный корабль на Самоа, заключив в итоге союз с его правителем.

Следующим членом федерации Южных морей должны были стать острова Гилберта — вождь одного из островов этого архипелага обратился к гавайскому королевству с просьбой о защите. Предполагалось, что в нее также войдут Таити, Тонга, Соломоновы острова и другие архипелаги Южных морей. Хотя подобная попытка объединения островов Океании в единое государство не имела ни внешних, ни внутренних объективных предпосылок, намерения Гибсона и Калакауа I заслуживают добрых слов. Конечно, в то время эти планы были обречены на неудачу, но нетрудно себе представить, что некоторые из многочисленных народов Океании не сегодня-завтра решат снова объединить свои силы для общего блага. Если архипелаги Океании действительно объединятся в некую федерацию народов

Южных морей или по крайней мере в организацию государств Океании наподобие Организации африканских государств, то тем самым будут воплощены в жизнь идеи «человека из океана, человека для Океании», бывшего мормона Уолтера М. Гибсона и его монарха, «веселого короля» Калакауа.

Думая о благе Гавайев и полинезийцев, Гибсон тем не менее не забывал и о себе. За долгие годы жизни на Гавайях он разбогател. Одни завидовали ему, другим не нравилось его стремление способствовать процветанию гавайского народа, так что за эти годы он нажил много недругов. Наиболее рьяно выступали против него белые миссионеры и плантаторы. Однажды в погоне за деньгами Гибсон злоупотребил своим положением, предоставив за взятку монополию на продажу опиума двум китайским коммерсантам. Эта афера попала на страницы газет, вызвала скандал и в конечном счете стала причиной падения Гибсона.

«Опиумная афера» ослабила также позиции его покровителя и друга — короля Калакауа I. Миссионеры и плантаторы немедленно воспользовались этим, навязав Гавайям пресловутую «кинжальную» конституцию, носившую ярко выраженную антигавайскую направленность. Первым делом с Гавайев был изгнан Уолтер Гибсон — решительный защитник интересов гавайцев.

Вскоре после этого Гибсон умер, ненамного пережил его и «веселый король» Калакауа I. С их уходом погасла — будем надеяться, не навсегда — идея объединения народов Океании. Короля Калакауа I в Лайе до сих пор вспоминают добрыми словами. О Гибсоне же не упомянул ни один из моих гидов, а ведь они — полинезийцы. Правда, Гибсон некоторым образом предал мормонов, но только не полинезийцев — им он был верен всегда. Я рассказал о человеке, которого одни считают авантюристом, другие — спасителем, а третьи — местные мормоны — предателем. Для него Океания всегда оставалась «моей». Он говорил:

— Я буду любить эти острова до конца моих дней.

В завещании Гибсон писал: «После моей смерти меня будут вспоминать как человека, который больше жизни любил народы Южных морей. Я был их настоящим другом, другого такого у них нет».

С севера Оаху я возвращался на юг — в Гонолулу. Дорога была необыкновенно красивой. По пути я видел много такого, что не может не привлечь внимание путешественника. Конечно, больше всего поражал своей красотой окружающий ландшафт и вечный спутник Гавайев — океан.

Мы проезжали мимо живописных бухт. Рядом в море плыли острова. Один из них похож по форме на китайскую соломенную шляпу. Гавайцы так и называют его «Шляпа китайца».

В бухте Кохана, напротив «Шляпы китайца», расположилась традиционная полинезийская деревня Улу Мау. С этнографической точки зрения она весьма интересна. Гавайцы живут и работают здесь почти так же, как пять веков назад. Местные жители охотно показывали гостям, как они возделывают свои поля таро, демонстрировали старинные способы плетения тапы и леи. С гордостью они предлагали вниманию посетителей предметы, изготовленные умелыми руками лучших ремесленников, исполняли перед туристами хулу, пели гавайские народные песни, играли на национальных музыкальных инструментах.

Канеоэ — еще одна бухта так называемого «подветренного» побережья Оаху. Она заполнена «подводным лесом» коралловых рифов. Миновав ее, я оказался на мысе Макапуу — вечном мученике, терзаемом огромными волнами. Почти невероятно, с какой ловкостью демонстрируют здесь местные гавайцы свое искусство езды по волнам на специальных досках — *серф-бодз*. Можно сказать, на мысе Макапуу гавайское море «вышло» на сушу: в 1964 году предприимчивые супруги Кэрин и Тэп Прайор, специалисты по морской биологии, основали здесь парк «Си Лайф» («Жизнь моря») — своеобразный памятник морским обитателям Гавайев. Я видел там почти невероятные вещи. Например, дельфины поднимали со дна океана обломки орбитального спутника Земли и делали многое другое, свидетельствующее о том, насколько умны эти животные. Я видел выскакивающих из воды китов и «гавайский коралл» — настоящий коралловый риф, «живущий» здесь в неволе. В так называемой «Китобойной

бухте» парка «Си Лайф» помещена точная копия парусника «Эссекс», потопленного гигантским кашалотом и вдохновившего писателя и китобоя Германа Мелвилла на создание знаменитой книги о Моби Дике. Чуть поодаль от шумного, всегда переполненного парка его основатели создали научно-исследовательское заведение — Институт по изучению фауны гавайского моря.

За мысом Макапуу, самой восточной точкой острова Оаху, дорога начинает петлять среди прибрежных вулканических скал, свидетельствующих, что Оаху, так же как и другие острова, вулканического происхождения. На юго-востоке Оаху часто встречаются давно потухшие вулканы. Первый из них уже почти ушел под воду, туда, откуда он некогда появился. Этот вулкан называется Анаума. Он был создан в течение нескольких часов около десяти тысяч лет назад. Одна половина кратера сейчас почти целиком под водой, другая является краем прелестной бухточки, заросшей коралловыми «садами». Подводная охота здесь строго запрещена, поэтому остается лишь любоваться подводным миром сквозь стекла огромных аквариумов в парке «Си Лайф».

Еще на один вулкан юго-восточного Оаху — Коко — море пока не посягнуло. Он, так же как и тысячи лет назад, стоит на страже острова. Собственно говоря, здесь два вулкана Коко — «Голова Коко» и более высокий «Кратер Коко», где, по гавайским преданиям, обитала скитавшаяся по островам красноволосая богиня Пеле.

«Кратер Коко» тоже чуть было не стал жертвой строительной мании. Существовал даже проект постройки канатной дороги, ведущей к самому краю кратера, и ультрасовременной гостиницы на его вершине. В конце концов предпочли другой проект, предложенный нынешним директором ботанического сада Болом Вайссихом, по которому решено создать посреди «Кратера Коко», под охраной его отвесных стен, сад растений засушливых поясов планеты: «Кратер Коко» — самое сухое место на Гавайях. Проект уже начали претворять в жизнь, но деревья растут медленно, и волшебный сад расцветет лет этак через сто. Этот своеобразный заповедник, «обнесенный» стенами кратера, напоминает мне другой, в котором я побывал в Нгоронгоро в Танзании, где в огромном «загоне» кратера по-

тухшего вулкана живут представители восточноафриканской фауны.

На запад от «Головы Коко», уже на подступах к Гонолулу, высится еще один потухший вулкан острова Оаху, самый знаменитый из них — «Алмазная голова». Выразительные очертания этого вулкана, легенды, сложенные о нем, способствовали тому, что он стал символом острова Оаху и города Гонолулу, покорно раскинувшегося у его ног.

Согласно легендам, «Алмазная голова» также долгое время служила обителью богини вулканов Пеле. В те времена вулкан носил другое название — Леахи («Прибежище огня»). Исконно гавайское название было заменено на нынешнее первыми английскими моряками, нашедшими на склонах Леахи небольшие вулканические кристаллы, которые полинезийцы называли «слезами богини Пеле». Английские же моряки приняли этот типичный продукт вулканической деятельности за алмазы, назвав их «месторождение» «Алмазной головой».

Сейчас люди уже не ищут здесь драгоценных камней, используя «Алмазную голову» для иных целей: внутри вулкана ученые разместили чувствительную аппаратуру, регистрирующую процессы, происходящие в самых отдаленных уголках Тихого океана. Оберегая архипелаг, они следят за волнами смерти — цунами.

Отвесные склоны «Алмазной горы» вели прямо в Гонолулу, в его восточный район Ваикики — знаменитый центр развлечений. Формально Ваикики действительно считается одним из районов Гонолулу. Однако Гонолулу и Ваикики, по существу, два самостоятельных, непохожих друг на друга города. Гонолулу вот уже почти сто пятьдесят лет является столицей Гавайев, их административным, культурным и экономическим центром. Мне не раз доводилось бывать в Гонолулу. Я работал там в архивах, в музее Бишоп, в библиотеке Гавайского университета. Гонолулу — город, в котором трудятся работницы одного из крупнейших в мире консервных заводов в Ивилеи и докеры, от зари до зари снующие в порту. Гонолулу — город всех цветов кожи: здесь живут не только полинезийцы и белые, но и японцы, филиппинцы, корейцы. Здесь, так же как и в Сан-Франциско, есть большой китайский район. Так живет и работает Гонолулу. А Ваикики? Как

мне показалось сначала, там только отдыхают, предаются, как говорят гавайцы, *хооманавануи*. Это слово трудно точно перевести, пожалуй, оно эквивалентно английскому *take it easy* — «смотри на вещи просто», «не принимай близко к сердцу». Ваикики словно создан для развлечений и удовольствия. Рай посреди рая. Этот удивительный микромир живет как бы в себе и плывет во вселенной вне времени и пространства.

Каков же Ваикики на самом деле? Что значит само слово *Ваикики,* ставшее уже понятием? Вряд ли кто-нибудь возьмется в точности ответить на этот вопрос и дать исчерпывающее определение. Приехав сюда впервые, я сделал пометку в своем дневнике: «Ваикики — призрак и сладкий сон». Это впечатление не изменилось до сих пор. Мне кажется, самая большая загадка Ваикики заключается в том, что он может вызывать одновременно множество противоречивых чувств. Любовь, восхищение и вместе с тем отвращение к тому, что происходит на этой территории в несколько квадратных километров. Словно кто-то поставил рядом прекрасное вино и отвратительную сивуху. Таков Ваикики. Может, он совсем другой? Сумеет ли кто-то описать этот удивительный уголок гавайской земли!

«ВАИКИКИ — ПРИЗРАК И СЛАДКИЙ СОН»

Ваикики, как мы уже говорили, резко отличается и от Гонолулу, и от Оаху, и от Гавайев вообще. И, пожалуй, от всего мира. Это небольшой прямоугольник, ограниченный с юга своей «жемчужиной», золотистым пляжем, с севера — голубой лентой канала Ала Ваи, с востока — парком Капиолани, с запада — «Ала Моаной». Туристов здесь собирается больше, чем где бы то ни было на Оаху и других Гавайских островах. Да что там говорить: на нескольких квадратных километрах туристов больше, чем во всей Океании!

Каков ежегодный приток туристов, точно никто не знает. Говорят, два-три миллиона человек. Их влекут сюда лазурное, удивительно спокойное море и прекрасный климат. Ваикики по праву называют «краем вечной весны». Редко температура воздуха падает здесь

ниже восемнадцати градусов по Цельсию или поднимается выше двадцати восьми. Больше всего привлекает людей это место своей репутацией «фантастического уголка» земли. Конечно, туристы — название условное: так называют на языке статистики и финансовых отчетов всех приезжающих. Сегодня Гавайи, когда-то страдавшие от своего одиночества, переживают эпоху массового туризма. По воздушному океану плывут серебряные супергиганты, доставляющие туристов в Ваикики.

Каждый раз, приезжая сюда, я думаю об одном и том же: массовый туризм — это и благо, и одновременно проклятие для Гавайев. Достаточно прогуляться по главной улице Ваикики, носящей имя гавайского короля Калакауа, по обе стороны которой возвышаются гигантские фешенебельные отели, в которых день и ночь кипит жизнь. Этот проспект похож на парижские Большие бульвары. Для туристов здесь построены рестораны и шикарные клубы, театры и кино, магазины под стать Пятой авеню в Нью-Йорке. Повсюду торгуют якобы гавайскими изделиями: гавайскими рубашками, длинными свободными женскими платьями *муумy*, нежными цветочными гирляндами — леи и букетиками орхидей, доставленными сюда самолетом с Большого острова. Из репродукторов несутся якобы гавайские мелодии. В этом оживленном экзотическом мире нет места только тем, кому Гавайи исконно принадлежат,— гавайцам.

Разумеется, огромные толпы туристов в Ваикики считают, что они проводят свои отпуска на Гавайях. Они пишут об этом в открытках, которые посылают отсюда своим близким. Однако, по статистике, девяносто девять процентов всех приезжающих на Гавайи ограничиваются пребыванием в Ваикики. Какая ирония, какой жестокий парадокс: о настоящих Гавайях они не получают никакого представления!

По существу, современные Гавайи — это два мира: мир туристов, ограниченный несколькими роскошными «резервациями», сконцентрированными вокруг пляжей, и мир местного населения, отделенный от первого высокой стеной. Я вовсе не хочу сказать, что Ваикики — место некрасивое и неинтересное. Ведь отели «Моана», «Алекулани», «Ваикикиан» построены по последнему слову архитектуры. Вверх и вниз по стене

отеля «Иликаи» скользит стеклянная кабина, суперлифт, откуда открывается незабываемый вид на ночные огни города. Отель «Хилтон» может по праву гордиться своим великолепным тропическим парком, шестью бассейнами и прекрасными фресками Жана Шарло. В Ваикики есть национальные парки, морской аквариум, большой зоопарк, плавательный бассейн, а также «Полинезийский базар» или, как его еще называют, «Международный базар».

Среди высоких деревьев стоят шестьдесят лавочек без дверей, решеток и застекленных витрин. Здесь островитяне торгуют всякой всячиной. На ветвях огромного баньяна развешаны небольшие домики, похожие на клетки для экзотических птиц. Гавайцы-новобрачные часто проводят здесь свой медовый месяц, живя в этих домиках. Сюда, на этот нехитрый дешевый рынок, я приходил всегда, когда бывал в Ваикики. Жизнь здесь бьет ключом.

Кроме американских старух, густым слоем косметики маскирующих свои бледные лица, я встречал тут людей со всех концов Тихого океана. Микромир Ваикики привлекает студентов без гроша в кармане, хиппи, любителей природы, побывавших уже в Гималаях и Андах, в Атлантическом океане и на всех морских островах и надеющихся найти на Гавайях утраченный мир красоты. Все они приезжают на «Полинезийский базар», где под раскидистыми ветвями огромных деревьев выстроились магазины без решеток, кафе без окон и официантов, чтобы поговорить, посмеяться, пофилософствовать.

Напротив «Международного базара», по другую сторону улицы Калакауа, теснятся друг к другу гигантские суперотели. Там живут туристы. Они проводят вечера в барах и ресторанах, потягивают коктейли с гавайскими названиями, глазеют на экзотические гавайские шоу и убеждают себя, что окунулись в гавайскую жизнь.

Состав многочисленных туристских групп на первый взгляд довольно однообразен. Чаще всего попадаются американские старушки, которые к своим восьмидесяти или более годам пришли к выводу, что теперь самое время попутешествовать. Они отправляются в Ваикики. Первое, что они здесь покупают,— это изящную гавайскую блузку алоха, затем украшают грудь

цветочным венком и обильно поливают себя духами, пахнущими фраджипаниями. У этих старух, как правило, много денег. Их судьбы мало отличаются одна от другой: муж всю жизнь работал, затем инфаркт, потом второй, третьего он уже не выдержал. Вдова получила крупную сумму денег. Так неожиданно в их руках впервые в жизни оказались большие деньги. Случайно они обратили внимание на безукоризненно выполненные рекламные фотографии с изображением прекрасных, молодых, украшенных цветами гавайских девушек, танцующих хулу. Плакаты словно зовут: «Будьте такими же, как и они. Приезжайте на Гавайи, в Ваикики! Здесь вы узнаете, что такое земной рай». Ваикики действительно рай, но для тех, у кого туго набит кошелек.

Четыре раза я приезжал на Гавайи, но самое сильное потрясение от увиденного — по-моему, оно было значительнее, чем извержение вулкана на Большом острове,— я пережил в Ваикики. Участницы одного из туристских заездов (так бывает почти со всеми) решили пройти ускоренный курс освоения гавайского национального танца — хулы. Известно, что полинезийки пляшут этот огненный и чувственный танец, гимн всему прекрасному, каждой частичкой своего тела. На моих глазах высохшие, но полные благих намерений старушки извивались в ритме хулы, пытаясь изобразить невозможное.

Зрелище напоминало отвратительную пантомиму, причудливое искажение чего-то прекрасного. Глядя на ужасную хулу, пасквиль на все гавайское (танцевали к тому же на чудесном пляже, возле моря, на фоне величественной «Алмазной головы»), я впервые понял диалектику Ваикики. Это совершенно особенный, неподражаемый микромир, о котором я могу без конца твердить, что он — призрак и одновременно сладкий сон. Правда и ложь. Подлинное и фальшивое. Безвкусица и истинная красота. Небольшой, но такой известный мир с гавайским названием «Ваикики».

За гигантской ширмой из великолепных отелей, выстроившихся вдоль южной стороны улицы короля Калакауа, протянулся золотистый пляж. Он-то и есть главная достопримечательность этого удивительного — сумасшедшего и прекрасного — уголка мира. Правда, теперь пляж уже не такой золотистый, каким был когда-то, но, если верить рекламе, это красивейший пляж на земле. В таких случаях трудно с чем-либо сравнивать и тем более выносить столь категорический приговор. Однако нужно отдать должное: после того как пляж пустеет и мусорщики выносят отсюда тонны бумажных стаканчиков, бутылок из-под пива, консервных банок, ваикикский песок предстает во всей своей дивной, первозданной красе. Очаровательной игрушкой кажется небольшой, омываемый волнами прибоя коралловый риф, расположенный в километре от берега. Море здесь часто похоже на ласкового, мурлыкающего котенка. Правда, иногда высокие волны набрасываются на берег Ваикики, и тогда наступает время серфинга, катания на волнах, распространенного здесь больше, чем где-либо в другом месте Гавайев.

Есть и на Ваикики места, которые не только волнуют мое сердце, но и интересуют меня как специалиста. Например, знаменитые ваикикские «магические камни». По преданию, в этих огромных кубах заключена целебная сила, вложенная в них четырьмя таитянскими жрецами — Капаэмау, Кахалоа, Капини и Кинохи. Они посетили Оаху во времена правления вождя Какуива и, отдав свою магическую целебную силу этим камням, вернулись на родину.

Этот отрезок побережья долгое время принадлежал полинезийским правителям. Подчинив себе Оаху, король Камеамеа I приказал выстроить на острове небольшой дворец из дерева и камня. Во времена гавайских королей здесь была возведена первая на архипелаге гостиница. До сих пор она называется «Гавайский королевский отель». Это претенциозное строение розового цвета, о котором иногда говорят, что такое может привидеться только во сне. По крайней мере оно отличается от нынешних модернистских суперотелей.

Отсюда, из этих гигантских зданий, устремляются

на пляж туристы. Среди них преобладают безобидные, готовые вкусить все радости жизни американские прабабушки. Рядом с ними, собравшись в группы, греются на солнышке туристы из Японии и западноевропейских стран. Тут же устраиваются и те, кто не имеет отношения к туристскому кочевому народу,— многочисленные хиппи и особая категория «пляжных» бездельников, которые прямо тут и живут. Их называют «бичи», от английского *бич* — «пляж».

На пляже много девушек в бикини. Своими мини-трусиками и мини-лифчиками они намекают мужчинам, как и на что можно легко истратить деньги. Из Калифорнии и других американских штатов в поисках приключений приезжают сюда молоденькие девчонки. Они едут сюда так, как их сверстницы из Европы, например, на Ривьеру. На пляже довольно большое число детей. Среди них встречаются красивые лица, особенно из местных. Одни играют на песке, другие пытаются играть в жизнь. Рядом со мной лежала девчушка лет десяти, не больше, в белой майке с красной надписью *Virginity is curable* («Девственность излечима»).

Кто знает, может, кто-нибудь ее уже «излечил». Во всяком случае, надпись недвусмысленная, и ее трудно не заметить. Откровенно говоря, этот чертенок и более зрелые пляжные красотки меня мало интересовали. Мое внимание было приковано к ребятам полинезийского происхождения, съехавшимся со всего Оаху, чтобы «оседлать» волны Ваикики, ибо одно из главных достоинств лучшего пляжа в мире — то, что это самое удобное место для серфинга. Здешний прибой как бы создан для занятий этим видом спорта. Вот и собираются сюда со всех концов острова видавшие виды покорители волн. Некоторые из них водружают доски на плечи. Их часто можно увидеть на улице Калакауа — загорелые, просоленные, словно ланаийские китобои, пробираются они сквозь толпу на пляж.

У самого берега они садятся на доски и гребут в открытое море. Отплыв как можно дальше, они вдруг прыгают на приглянувшуюся им волну и несутся на ее белоснежном гребне, словно в седле благородного жеребца, балансируя при этом на огромной волне,— зрелище, прямо скажем, захватывающее. Любители серфинга достигают в Ваикики и некоторых других местах Оаху скорости семьдесят километров в час! Такие

ridable surf, волны, пригодные для серфинга, высотой до десяти метров, встречаются и в некоторых других уголках мира, например в Южно-Африканской Республике. Но только здесь, на Гавайях, у них особая форма, определенная скорость и высота, зависящие от подводных коралловых рифов. Именно поэтому гавайский серфинг — занятие далеко не безопасное. Однажды я сам стал свидетелем того, как участник соревнования заплатил за свою лихость собственной жизнью. Огромная волна, на которой он хотел прокатиться, увлекла его в пучины океана, так и не выбросив тело несчастного на берег.

Мне кажется, в серфинге, которым смуглые юноши и мужчины увлекаются, словно вином и любовью, есть что-то от древних Гавайев — увлекательный риск, страстная мечта взлететь, не замечая и презирая опасность.

СРЕДИ ПОКОРИТЕЛЕЙ ВОЛН

Как известно, серфинг был и остается любимым видом спорта гавайцев. Это спорт гавайских королей и король гавайского спорта. Действительно, ни одна из спортивных дисциплин не получила здесь такого распространения, как серфинг, или по-гавайски *хее налу*.

Коренные гавайцы пользовались для катания на волнах двумя видами серф-бодз, специальных досок, называемых по-гавайски *папа хее налу*. На досках *алаиа* катался простой народ. Они были довольно короткими (до трех метров в длину) и весили не более десяти килограммов. Их вырезали из куска хлебного дерева или из прочной древесины коа. Знатные гавайцы катались на других досках, поистине королевских — до шести метров в длину и ста килограммов веса. Их называли *оло*. Я видел несколько сохранившихся оло, сделанных из дерева виливили. Одну из них я с трудом оторвал от земли. Однако алии носились на них по гребням пенящихся волн со скоростью семьдесят километров в час!

Гавайцы берегли свои оло. Иногда их на долгое время погружали в грязь, красили соком коры дерева кукуи, но чаще всего оло и алаиа покрывали защитной

черной краской, полученной из корней растения ти. Как правило, после катания оло и алаиа тщательно высушивались, и затем их, словно младенцев, заворачивали в гавайскую материю. Как и многое другое, процесс создания папа хее налу сопровождался целым рядом религиозных обрядов. Сначала выбиралось подходящее дерево. В жертву дереву, из которого намеревались сделать папа хее налу, торжественно приносились красные рыбы *куму*. Когда наконец оло или алаиа были готовы, следовал обряд освящения. Только после этого гаваец относил папа хее налу на берег моря, чтобы кататься на волнах.

Гавайцы хорошо изучили скорость, высоту волн, ритм прибоя прибрежных вод океана. Не каждая волна и не каждый прибой годятся для серфинга. Прибой, наиболее благоприятный для катания, получал, как и человек, свое собственное «имя». Здесь, на Ваикики, самым любимым был прибой по имени Келахуавеа. Любители серфинга на Ваикики назвали мне шесть разных «имен» различных типов волн!

Испокон веков гавайцы устраивали соревнования в этом виде спорта. Правила были предельно просты: недалеко от берега закреплялся буй, и по знаку судьи двое соревнующихся бросались на волну, чтобы на ее гребне как можно быстрее достичь финиша. Если оба приходили к ней одновременно или обоих волна сбрасывала, то победителя не объявляли.

Успех спортсменов зависел не только от его владения папа хее налу, но и от характера волн. Когда море «ленилось» и волны были низкими и медленными, гавайцы вызывали их из глубин океана традиционным кличем: *Ку маи, ку маи, ка налу маи каики!* Если море слушалось и посылало высокие волны, счастливые гавайцы катались на них целыми днями, а те, кто владел искусством езды на белой пене океана лучше всех, пользовались особой любовью и уважением полинезийцев. До сих пор живы на Гавайях воспоминания о здешнем вожде Паки, который сто пятьдесят лет назад «укрощал» волны как никто другой. Кстати, я видел в музее Бишоп две его папа хее налу, где их бережно хранят.

У искусного покорителя волн Паки есть последователи. С одним из них, лучшим из лучших, я познакомился лично. Впервые приехав на остров Оаху, я уви-

дел на пляже в Ваикики человека, который выделялся среди тысяч отдыхающих. Это был рослый, крепкий старик лет семидесяти пяти с белыми, словно посеребренными волосами. С первого взгляда можно было угадать в нем чистокровного гавайца. Мои гавайские друзья познакомили меня с ним, и вскоре я понял, что этот чудесный пляж принадлежит не толпам туристов, нежащихся на солнце, а ему, Дюку Паоа Каананоку, человеку из легенды, в которой в отличие от других преданий нет никакого вымысла. Это он вместе со своими друзьями в начале века возродил почти забытое искусство езды на волнах, которое, как и другие гавайские обычаи, отвергли миссионеры.

Дюк Паоа Каананоку родился в семье вождей острова Оаху. Будучи мальчишкой, он разыскал старые полинезийские папа хее налу и вместе со своими друзьями как бы заново открыл этот замечательный вид спорта. Ему должны быть благодарны страстные любители серфинга во всем мире.

Как и все гавайцы, Дюк Паоа Каананоку увлекался также и другими видами водного спорта. Он был замечательным гребцом и отличным пловцом. В 1911 году чемпионат Соединенных Штатов Америки по плаванию впервые проходил на Гавайях. К участию в соревнованиях был допущен один местный спортсмен с необычными для американцев внешностью и именем.

Ко всеобщему удивлению, первый заплыв — на двести метров — двадцатилетний гавaец выиграл с большим преимуществом! Через несколько минут начался второй заплыв — на сто метров. Несмотря на то что Дюк только что участвовал в предыдущем состязании, он не только победил и на этот раз, но и улучшил американский рекорд на целых четыре с половиной секунды!

Результаты, показанные на чемпионате США по плаванию никому не известным гавайцем, были настолько невероятными, что специалисты, не поверив секундомерам, просто отказались их признать.

Полинезийского юношу пригласили в США, где он должен был продемонстрировать свое мастерство. Там Дюк Паоа Каананоку повторил свои фантастические результаты, и его включили в состав национальной сборной США, которая в следующем году приняла участие в Олимпийских играх в Стокгольме. Так гавайский

юноша попал в Европу. И снова победил Дюк Паоа Каананоку. В двадцать один год он получил из рук шведского короля золотую медаль чемпиона Олимпийских игр и стал первым полинезийцем, первым жителем Океании, который добился столь высоких спортивных результатов. Стиль, созданный Дюком Паоа Каананоку, благодаря которому он встал на высшую ступень олимпийского пьедестала, получил название «американского кроля».

В течение шестнадцати лет, он, участник четырех Олимпийских игр, ставший живой легендой, не переставал удивлять спортивный мир своими всесторонними талантами. Завоевав очередную медаль в соревнованиях по плаванию, Дюк Паоа Каананоку решил попытать счастья в легкой атлетике и был включен в число участников эстафеты на восемьсот метров на Олимпийских играх в Антверпене. Американская команда не только завоевала золотые олимпийские медали, но и установила новый олимпийский рекорд.

Олимпийские победы принесли Дюку Паоа Каананоку всемирную славу. Простым полинезийским парнем заинтересовался даже Голливуд. С его участием было снято несколько фильмов. Но «фабрике иллюзий» не удалось удержать Каананоку, ставшего кинозвездой первой величины. Он вернулся на Гавайи, в любимый Ваикики, откуда начался его спортивный путь, где он когда-то возродил гавайский серфинг. Именно здесь, в Ваикики, я познакомился с ним незадолго до его смерти.

Представляясь мне, он четко полностью произнес свое имя — Дюк Паоа Каананоку. Однако все называли его просто Дюк. Я спросил почему. Ведь Дюк отнюдь не гавайское имя, по-английски это слово значит «герцог». Каананоку объяснил мне: когда много лет назад Гавайские острова посетил герцог Эдинбургский, сын королевы Виктории, дедушке Каананоку довелось познакомиться с ним. По гавайскому обычаю, дед назвал сына, отца Каананоку, именем своего высокородного друга и гостя. В 1890 году у Дюка Каананоку-отца от брака с Паакони Лонокаикини родился сын, унаследовавший кроме родового имени еще и это — Дюк, то есть «герцог».

Я бы назвал Дюка Паоа Каананоку не герцогом, а королем. Королем многих видов спорта. Королем Ваи-

кики, знаменитого пляжа, среди легенд которого выделяется сказание о блестящем полинезийском спортсмене, покорителе волн Дюке Паоа Каананоку.

ЧЕРНАЯ КАРТИНА ИЗ «АЛА МОАНЫ»

Прежде чем продолжить свой путь по Ваикики в поисках многочисленных легенд и преданий, я зашел туда, куда обычно почти не заглядываю и о чем никогда не пишу,— в огромный местный торговый центр, носящий благозвучное гавайское название «Ала Моана» («Морской путь»).

Гавайская «Ала Моана» во многом отличается от торговых центров крупных городов; это скорее парк, украшенный многочисленными скульптурами, сочетающими в себе элементы традиционного и современного искусства, фонтанами и разноцветными бассейнами с золотистыми китайскими карпами. На многочисленных скамейках сидят люди, многие приходят сюда просто отдохнуть. Магазины, рестораны и культурные заведения, ради которых создан центр, скромно отступают на второй план. Я очень не люблю ходить по магазинам, но сюда заглядывал с удовольствием, может быть, из-за особой атмосферы, царящей в «Ала Моане». Здесь мне даже удалось записать одну интересную историю. Трудно сказать, добрая она или злая, «белая или черная».

Пожалуй, стоит начать с «черного цвета». Знаменитый художник, о котором пойдет речь, писал свои картины всегда только на темном фоне — на черном бархате. Прежде чем познакомиться с этими черными картинами, рассказывающими о жизни полинезийцев, в «Ала Моане», я встречался с ними на Таити. Тогда отметил про себя необычность двух пейзажей, которые видел в одном доме. Хозяин этих картин, по-видимому, не слишком высоко ценил их. Там я впервые услышал имя этого художника — Эдгара Литега — второго ваикикского человека-легенды.

Я мог бы рассказать об этом художнике, верном полинезийским мотивам, в книге «Последний рай», где шла речь о Таити. Однако мне кажется, о нем следует говорить именно в связи с «Ала Моаной», где я обна-

ружил настоящий храм, целиком посвященный творчеству Литега.

В «Ала Моане» можно купить все, но меня привлекла единственная надпись над одним из магазинов: «Блэк Вэлветс» — «Черный бархат». Строчкой ниже стояла фамилия художника: Литег из Таити. Здесь были выставлены для осмотра и на продажу богатым покупателям картины этого художника. Насколько же прочно вошел он в жизнь Полинезии, если к его имени, как правило, прибавляют название полинезийского острова, словно речь идет вовсе не об американском самоучке, случайно заброшенном на острова Южных морей!

Я зашел в магазин и сразу почувствовал себя как дома. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что именно такие картины на полинезийские сюжеты, написанные на черном бархате, я уже видел у моего таитянского друга. Когда-то они были куплены хозяином дома за несколько долларов — у бедного, как церковная мышь, начинающего художника, и он хранил их, свернув трубочкой. Сегодня такой «сверток», проданный когда-то Литегом так дешево, стоит в тысячи раз дороже. Цена их продолжает расти, чему немало способствует легенда вокруг имени их создателя.

В отличие от Дюка Каананоку, с которым мне довелось познакомиться лично, ко времени моего первого приезда на Гавайи Литега, «человека-легенды номер два», уже не было в живых. Но в храме, где царил культ Литега, я подружился с Барни Дейвисом, создателем и владельцем этой галереи, «верховным жрецом» поклонников покойного художника. Его судьба созвучна прошлому и настоящему неповторимого Ваикики.

Барни Дейвиса в детстве звали Бранислаусом. Он родился в Литве, но страшная нищета первых десятилетий нашего века вынудила семью литовского крестьянина покинуть родину и отправиться за океан, в Америку. Не знаю, как сложилась судьба родителей Бранислауса в Новом Свете, но сын их, носивший теперь имя Барни, быстро приспособился к американскому образу жизни и воспринял все американское — и хорошее и плохое. На теле появилась татуировка. На жизнь зарабатывал игрой на гармошке, пока в конце концов не попал в руки вербовщиков и не оказался на службе в военно-морском подводном флоте США. Так американ-

ский литовец Барни Дэйвис попал на Гавайи, в Перл-Харбор, и, демобилизовавшись через много лет, навсегда остался на прекрасных островах.

Мастер на все руки, моряк с подводной лодки нанялся подсобным рабочим в гонолулский театр. В этом же театре художником по декорациям работал потомок немецких иммигрантов Эдгар Литег. Он был продолжателем семейной традиции Люттагов (так звучала эта фамилия по-немецки): его дед делал прекрасные надгробные памятники, прадед был архитектором. Молодой Литег, единственный сын своих родителей, начинал в Америке «с нуля» — работал подручным у мясника, рабочим на сталелитейном заводе в Иллинойсе, был ковбоем в Техасе. В Калифорнии он рисовал рекламы. Скопив немного денег, молодой Литег предпринял «королевское» путешествие на Таити. Как и многие другие, он был сразу очарован «последним раем». Затем судьба забросила его на Гавайи, где он познакомился с Дейвисом. Когда Литег вернулся на Таити, он обосновался на красивейшем острове Южных морей — Муреа. Здесь он построил сначала маленький, а позднее и большой дом и каждый вторник на лодке «Митиаро» отправлялся на весь день в столицу Таити Папеэте. Об этих «вторниках» в Папеэте рассказывают до сих пор. Худой, низкорослый (всего полтора метра), невзрачный Эдгар был пьяницей и забиякой. В порту он дрался с кем угодно и по любому поводу, волочился за портовыми девчонками, а к вечеру, обессиленный от драк и любви, возвращался в свой «рай» на острове Муреа, в свой дом на берегу «прекраснейшей в мире бухты» Пао-Пао. Там он усердно, до изнеможения работал в течение шести дней, создавая одно полотно за другим.

Сначала Литег рисовал на обычном холсте. Но однажды в магазине Папеэте кончились белые холсты и все, что могло их заменить. Продавщица-китаянка предложила ему черный бархат, который в тропиках никто не покупал. Литег скупил весь бархат. Очень скоро он понял, что краски на таком «холсте» по-особому светятся, а черный фон придает картинам необычное настроение. Литег принялся за работу с еще бо́льшим энтузиазмом. За шесть дней одиночества он писал столько картин, что, похоже, создавал их одним взмахом кисти. На седьмой день, во вторник, он, как обыч-

но, продавал свой товар в Папеэте по пять-десять долларов за штуку, выменивал на еду, выпивку, а чаще всего на любовь.

Однажды в Гонолулу приехал миссионер-мормон с Таити, рассказавший Дейвису, чем промышляет его приятель на Таити и какой разгульный образ жизни он ведет. Барни Дейвис решил, что он должен что-нибудь сделать для заблудшего друга, и предложил тому попробовать продавать его картины на Гавайях по более высокой цене, с тем чтобы прибыль делить пополам. Дейвис обладал тонким художественным вкусом и чутьем. Он стал хорошим советчиком своему другу, жившему на другом конце Полинезии. К тому же Дейвис оказался непревзойденным «рекламным агентом» и писал о Литеге статьи. Он подарил мне написанную им самим, прекрасно изданную в Японии книгу о Литеге. Распознав в своем друге большой талант, он причислил его к крупнейшим мастерам изобразительного искусства. Один мой гонолулский знакомый вспоминал, как Барни Дейвис много раз приглашал его посетить выставку картин Литега. Так, в 1950 году он сообщил, что «открыл художника рембрандтовского масштаба», в 1951 году утверждал, что «Литег волнует больше, чем Гоген», добавляя: «Это новый Рубенс». В 1952 году Дейвис сравнивал Литега с «великим Гойей». Но приглашенный не появился и на этот раз. В 1953 году Дейвис коротко и с грустью сообщал своему другу: «Литега больше нет. Ты слишком долго собирался. Теперь он уже среди бессмертных».

Вряд ли можно отнести картины Литега к бессмертным творениям. Более чем смело было бы сравнивать его с Гойей или Рубенсом. Но факт остается фактом: полинезийские картины Литега волновали зрителей и до сих пор возбуждают большой интерес. Каждое его полотно стоит несколько тысяч долларов. Творчество художника воспето крупным гавайским поэтом Блэндингом. Тот оценивал Литега более трезво, чем татуированный моряк, американский гармонист литовского происхождения Барни Дейвис. Однако, по мнению поэта, Литег достоин сравнения с Гогеном.

Слава Литега подогревалась легендами о его бесконечных любовных похождениях. Были у него подружки и на Гавайях, но его постоянным окружением стали вахине с островов Таити и Муреа. Литег похож на Го-

гена тем, что еще при жизни стал человеком-легендой Южных морей. Так же как и Гоген, он в конце концов заразился от одной подружки дурной болезнью. Художник трагически погиб в 1953 году: возвращаясь с очередной пьянки, он на мотоцикле врезался в бетонную стену и разбился.

Барни Дейвис навсегда остался в Ваикики. Каждый раз, приезжая сюда, я заставал его в полном здравии и довольстве. Даже в своем преклонном возрасте он продолжает оставаться большим оригиналом. Барни по-прежнему верен памяти друга. Он тщательно отбирает картины и письма, которые тот писал ему с Таити, для экспозиции в своем магазине-галерее, где можно увидеть также таитянские фотографии художника. Как и прежде, пишет о нем статьи и репортажи и искренне верит в его исключительный талант. По-доброму он относится ко всем, кто, подобно ему и Литегу, по достоинству оценил и полюбил полинезийцев. Он подарил мне свою книгу о Литеге с надписью: «Я дарю эту книгу именно тебе, Мило, одному из нас, истинных друзей Полинезии. С алоха твой друг Барни». Передавая мне книгу, он не преминул еще раз заметить:

— И помни, Мило, Литег действительно был новым Гогеном!

Я мог лишь поблагодарить его за подарок, за честь осмотреть музей и картины Литега, но судить о них я не вправе. Оценку художнику, его искусству, его жизненности, как и всему в нашем мире, может дать только время, только мудрая и бескомпромиссная история.

НЕДЕЛЯ ПОД ЗНАКОМ АЛОХА

Каананоку, Калакауа, Литег, Барни Дейвис. Несколько имен, несколько легенд Ваикики, маленького кусочка земли, так непохожего на остальные Гавайи. Однако именно улица короля Калакауа и весь Ваикики становятся ареной главного гавайского торжества, праздника праздников, который, конечно же, не может называться иным словом, кроме алоха. Вернее, Неделя алоха, так как целая неделя проходит под знаком алоха.

Чтобы быть абсолютно точным, следует сказать, что

Неделя алоха делится на несколько этапов, охватывающих не одну, а несколько недель, обычно в начале осени. Празднество проходит на всех островах по очереди. Сначала торжества начинаются на Большом острове, затем переходят на Мауи, а потом на Кауаи, Молокаи и, наконец, на Оаху, в Ваикики, достигая апогея 10—16 октября.

Торжество не обходится без «монархов». На неделю выбирают «королей» и «королев». Избранные «монархи» вступают в свои права во время торжественного обряда, который повторяется на каждом острове. На Большом острове сегодняшние полинезийские «короли» и «королевы» принимают «символы власти» в великолепном кратере Халемаумау, сердце действующего вулкана Килауэа, там, где обитает богиня вулканов Пеле. Огонь Недели алоха, огонь радости, зажигающий сердца всех гавайцев, рождается здесь, в недрах гавайского вулкана. Нет такого города и селения на Гавайях, где бы не праздновали *хуулаулеа* или *хеике,* где бы не пели, не танцевали и не веселились.

Местные Недели алоха — это как бы репетиция к главной, проходящей в Ваикики. Апофеоз ее — ваикикская хуулаулеа, великолепное красочное шествие, продолжающееся многие часы по Калакауа, главной улице Ваикики. На празднике Недели алоха я видел здесь жителей со всех концов Гавайев. А все те, кто видит в Ваикики лишь землю обетованную,— туристы, путешественники, баловни фортуны, искатели любовных приключений, хиппи и богатые восторженные американские старушки — превратились лишь в гостей, стали зрителями великолепного праздника, олицетворяющего все то, что полинезийцы подразумевают под чарующим словом *алоха,* ставшим знаменем их веры и победы.

Неделя алоха чем-то напоминает «китобойную кутерьму», в которой я принял участие в Лахаине, на Мауи. Это бесчисленные концерты гавайской музыки, выступления и состязания певцов со всего архипелага, конкурсы на лучшее исполнение национального танца — хулы, фольклорные представления различных этнических групп, живущих на Гавайях, а также вечера классического балета, театральные и оперные спектакли, вернисажи художников, посвятивших свое творчество Гавайям и гавайцам.

Так повторяется из года в год, но каждый раз уст-

роители Недели алоха придумывают что-нибудь новое. Во время той Недели, в которой я участвовал, проходил фестиваль королевской гавайской музыки, в том числе песен, сочиненных королевой Калелеоналани. Я оказался свидетелем и грустной церемонии *Кеики о ка аина* («Дети гавайской земли»), когда вспоминают замечательных сынов Гавайев, умерших со времени прошлогодней Недели алоха.

Во время праздника проходят многочисленные спортивные соревнования, прежде всего красивейшие состязания по серфингу и по плаванию в ваикикском «Натории». Больше всего меня заинтересовали традиционные заплывы полинезийских лодок на шестьдесят пять километров по трассе, ведущей к пляжу Ваикики из молокаийской бухты Хале о лоно через пролив, отделяющий Молокаи от Оаху. Я следил за этой регатой с парусника, который вышел навстречу ее участникам и на протяжении восьми часов следовал за лодками до берегов Ваикики.

Не обходится Неделя алоха без конкурса, на котором выбирают королеву красоты. Судьям приходится нелегко: на мой неискушенный взгляд, по крайней мере десять девушек могли претендовать на этот титул.

Как во время карнавалов в Ницце или Канне, в шествии принимают участие десятки аллегорических колесниц. Каждая из них представляет одну из эпох гавайской истории. Тут и предки гавайцев, приплывшие с Таити, и полинезийские алии, и рыбаки, и крестьяне. Особенно любят гавайцы изображать на своих аллегорических колесницах гавайских королей и сценки из жизни при дворе.

Рослый гавaец играет роль основателя королевства — могущественного Камеамеа Великого. Неделя алоха, разумеется, не может обойтись и без другого короля, которого можно считать покровителем. Участники шествия обычно не забывают и сестру Калакауа, любимую народом Лилиуокалани, единственную за всю историю Гавайев женщину-королеву, сочинившую к тому же много песен, одна из которых — бессмертная «Алоха оэ». На нескольких колесницах орхидеями изображены ноты мелодии этой песни. Ее играют одновременно несколько оркестров в разных местах. В торжественном шествии принимает участие государственный духовой оркестр гавайских королей — знаменитый «Ройял

Хавайен Бэнд» — единственное, что осталось от когда-то независимого гавайского государства.

Колесницы украшают на одних островах гвоздиками, на других — розами и орхидеями. Я побывал в Локарно, в Швейцарии, на знаменитом Празднике цветов. Однако, пожалуй, ни один такой праздник не может сравниться с прекрасной цветочной феерией на Гавайях, где видишь тончайшие оттенки, которыми так богата тропическая растительность.

Словно загипнотизированный, следил я за бесконечным шествием. Аллегорические колесницы, окруженные толпами людей, медленно проплывали по улице, распространяя удивительное благоухание. Участники шествия несли транспаранты с названиями родных мест, цветы — официальные символы их островов, роскошные венки-леи, сплетенные из ароматных фраджипаний. Все это чем-то напоминало мне праздник Первомая в Праге и карнавал в Рио-де-Жанейро. К счастью, это красочное зрелище лишено какой бы то ни было искусственности, псевдоромантики, которая обычно окружает участников организованных туристских заездов в Ваикики.

Здесь были и докеры гонолулского порта, и рабочие ланайских ананасных плантаций, и садоводы из Хило, и рыбаки с Кауаи. В толпе я видел не только полинезийцев, одетых в национальные костюмы, но и представителей других национальностей, населяющих Гавайи: филиппинцев, китайцев, корейцев, белых американцев, португальцев и многочисленных «эмерикэнз оф джепэниз энсистри», американцев японского происхождения, гавайских японцев. Все эти люди, чьи родители или давние предки пришли на Гавайи с разных концов земли, восприняли лозунг, программу, философию гавайцев — алоха. Столько раз спекулировали на ней агенты по рекламе и авторы слащавых книг и фильмов о Гавайях, торговцы и организаторы массового туризма, но алоха продолжает жить. Знак веры, под которым гавайцы одержали верх над своими победителями. Как покоренные греки оказали влияние на своих завоевателей, так и полинезийские гавайцы, теряя свои острова, передают другим свою веру алоха. «Новые гавайцы» воспринимают алоха, меняя свое мировоззрение, и здесь, в Ваикики, шествуют по улице Калакауа с этим символом ставших им родными Гавайев.

Когда большим шествием по улице Калакауа в Ваикики, массовым праздником хуулаулеа закончилась Неделя алоха, я, простой зритель, почувствовал себя уставшим. Перебрав в памяти все увиденное, я задал себе вопрос: что в этой многоцветной, многоликой феерии понравилось мне больше всего? И отвечал сам себе — преданность сегодняшних гавайцев и так называемых «неогавайцев», в которых часто нет уже ни капли полинезийской крови, полинезийской философии мира и терпимости — алоха.

— Что тебе больше всего понравилось на празднике алоха? — задал я вопрос молодому человеку, с которым, чтобы сэкономить деньги, мне пришлось жить в одной комнате второразрядного пансиона в Ваикики во время Недели алоха.

Не задумываясь, он уверенно ответил:

— Больше всего мне понравились гавайские женщины и гавайская музыка.

И он тоже был прав. Без них нет гавайских легенд, волшебства завораживающих Гавайев. Знаменитая гавайская музыка принесла островам всемирную славу. Эта музыка заслуживает внимания еще и потому, что она непосредственно связана с другими элементами полинезийского искусства, показанного во всем его великолепии во время Недели алоха, и в первую очередь с гавайскими танцами, главный из которых — хула, а также с народным поэтическим творчеством.

Когда родилась гавайская музыка — этого, наверное, никто никогда не узнает. Но я уверен, что она пришла на эти острова вместе с первыми их обитателями. Переселенцы из Южной и Центральной Полинезии принесли с собой и музыку. Я не отважился бы описывать древнюю культуру гавайцев и не представляю себе, как звучала полинезийская музыка в те далекие времена. Слушая местные народные ансамбли, можно лишь догадываться, что сохранилось от нее до наших дней, с тех пор как на архипелаг проникли первые белые люди.

Гавайскую музыку определяет, как это ни странно, слово. Музыка всегда была неразрывно связана с ним. В давние доколониальные времена сочинение песни начиналось со стихов. Так же как и у ацтеков, тот, кто

хотел выразить свои чувства, делал это с помощью слов — рифмованной фразы или целого стихотворения. Свое сочинение автор не декламировал, а пел. Поэтому в гавайском языке слово *меле* означало раньше и песню и стихотворение. Современный гавайский язык имеет в виду под словом *меле* только песню.

В песне сначала всегда были слова, потом подбиралась мелодия. Она отличалась монотонностью: полинезийцы обходились тремя или даже двумя нотами. В памяти гавайцев сохранились древние стихи-песни. Все их даже трудно перечислить. Самыми важными из них были: *пуле* — молитвы, *ванана* — пророческие песни, *меле иноа* — «песни во имя», во славу имени какого-либо из знатных алии, *коиопуа* — генеалогические, родовые песнопения. Большой популярностью до сих пор пользуются *хооипоипо* — любовные песни. Столь же любимы были раньше и знаменитые гавайские *меле каул* — военные, солдатские песни. Но это только основные типы, помимо которых полинезийцы знали — еще совсем недавно — огромное количество других стихов-песен. Слушая их сегодня, я в первую очередь слежу за текстом: он всегда очень метафоричен, образен. Неудивительно, что создание текста считалось большим искусством.

Текст гавайской меле строился по своим особым законам, отличавшимся большой строгостью. Автор меле (по-гавайски *хаку меле*) должен был владеть определенными литературными приемами и главным образом хорошо знать родной язык, гавайские традиции, легенды и предания, родословную полинезийской знати, огромное количество географических названий (ими насыщены тексты песен), а также названий ветров, прибоев и т. д. Но и этого мало. Хаку меле должен мастерски владеть *каона* — внутренним смыслом слов, связанным с их вторым, наделенным тайной силой значением. Одновременно хаку меле не разрешалось использовать «плохие», труднопроизносимые слова: они могли принести и автору и исполнителю несчастье. Так что сочинение меле было делом чрезвычайно трудным.

Несложные меле сочинял один автор. Там, где нужно было учитывать традиции, религиозные обычаи, исторические события (особенно это относилось к родовым и пророческим песням), за работу принимались лучшие хаку меле (их называли *хаку меле акамаи* —

буквально «особенно одаренные поэты»), жившие при дворе гавайских правителей. Иногда главный поэт сочинял всю песню и отдавал ее на суд остальных, либо — что было чаще — вся группа сочиняла стих за стихом, которые шлифовались до тех пор, пока мело не становилась настоящим шедевром. Недаром сложенные ими песни не забываются веками.

Стихи, предназначенные только для вокального исполнения, гавайцы называли *оли*. Пение оли не сопровождалось игрой на музыкальных инструментах, ими пользовались лишь при исполнении танцев, скажем хулы. Мелодии, под которые танцуют на архипелаге, отличаются гораздо большей сложностью, нежели мелодии гавайских оли. У гавайцев немного музыкальных инструментов, что кажется странным, если учесть, что полинезийская музыка весьма популярна. Самый популярный из них *ипу хула* — тыквенный бубен. Разновидность гавайского бубна — *ипу хеке*. Делают его так: соединяют две тыквы и меньшую закрепляют на большей. Сегодня эти инструменты на Гавайях — редкость. Причин много, но главная заключается в том, что с гавайских полей постепенно исчезают тыквы: их вытесняют сахарный тростник и ананас.

Другой знаменитый ударный гавайский инструмент — высокий деревянный *паху*. Он появился на Гавайях в XII веке. Привез его сюда один из таитянских вождей, по имени Лаа Маи Каики («Лаа с Таити»), часто упоминаемый в легендах. Если верить преданиям, вождь был покровителем священной хулы. Паху — этот редкостный инструмент — он продемонстрировал на всех островах, поражая гавайцев его «темным», таинственным звуком. Так как Лаа Маи Каики «руководил» всеми школами хулы, то учил сопровождать этот священный танец звуками паху.

По сравнению с «серьезным» паху гавайский бубен *пуниу* звучит по-детски весело. Гавайцы делают его из кокосового ореха, покрывая чешуей рыбы кала. Из инструментов, поддерживающих ритм танца, гавайцы до сих пор пользуются погремушками *ули-ули* и палочками *лаау*. Духовых инструментов у них и того меньше: это *пуну* — раковина тритониум, звук которой слышен на расстоянии многих километров, хорошо известная носовая флейта *оэ иу* с одним, двумя или тремя отверстиями для пальцев и бамбуковая флейта *каэкеэке*, ко-

торая вновь стала популярной на Гавайях сравнительно недавно.

Немногочисленны и гавайские струнные инструменты. Собственно говоря, все известные им струнные инструменты были лишь разновидностью одного — *укеке*, напоминающего лук. Укеке были одно-, двух- и трехструнными. Струны укеке изготовлялись из пальмовых волокон, а основа — из пальмовой древесины. Во время игры музыкант, он же певец, придерживал этот своеобразный инструмент собственным ртом, заставляя струны звучать с помощью пальцев или медиатора.

Укеке позволило гавайцам быстро освоить знаменитый ныне инструмент, завезенный на архипелаг белыми людьми, в шутку называемый *укукеле* («скачущая блоха»). Укукеле — прелестная маленькая гитара, заимствованная гавайцами у первых португальских иммигрантов. Впервые эту будущую королеву гавайских музыкальных инструментов привез на архипелаг бедный португалец Жуан Гомиш ди Сильва, прибывший сюда в 1879 году на паруснике «Рэвенскрейдж». Гомиш ди Сильва и его приятель Жуан Фернандиш играли на этой маленькой гитаре столь темпераментно и заразительно, что в течение нескольких дней «скачущая блоха» завоевала сердца гавайцев. Несколько видоизменив инструмент и назвав его укукеле, островитяне стали играть на нем все чаще и чаще.

Несомненно, укукеле — самый любимый и популярный гавайский музыкальный инструмент. Однако португальцы «подарили» гавайцам и настоящую гитару. Сколько гавайских гитар, тоже немного видоизмененных, и укукеле слышал я во время Недели алоха! Хотя эти инструменты и не исконно гавайские, они доказывают, что полинезийцы обладают удивительной способностью органично воспринимать и развивать все лучшее, что пришло извне, не замыкаясь в раковине собственных представлений и идеалов.

Иностранные музыкальные инструменты привнесли в песни гавайцев новую мелодику. Гавайская музыка пережила свой расцвет в период правления последних королей архипелага. «Веселый король» Калакауа, королева Лилиуокалани, принцесса Ликелике и принц Леленхоку — все они были одаренными музыкантами и сочиняли удивительно «певучие» стихи. Созданные ими песни вошли в историю островов, а некоторые даже

приобрели мировую славу. Однажды, будучи еще школьником, я купил альбом популярных мелодий, и среди других всемирно известных шлягеров мне попалась песня «Алоха оэ», названная составителем сборника «гавайским государственным гимном». Хотя «Алоха оэ» и не является гимном, но это до сих пор самая любимая песня на архипелаге. Гавайский государственный гимн «Хавайи-Понои» сочинен гавайским королем, самим Калакауа. Будучи одаренным музыкантом, он основал при своем дворе знаменитый королевский духовой оркестр «Ройял Хавайен Бэнд». Кроме того, Калакауа пригласил на Гавайи выдающегося немецкого дирижера Генриха Бергера, прожившего здесь более пятидесяти лет. Бергер сумел внести новую струю в традиционную полинезийскую музыку и, в совершенстве изучив ее, сочинил множество мелодий на слова гавайских правителей. Генрих Бергер, заслуги которого в развитии гавайской музыкальной культуры трудно переоценить, до последних дней своей жизни руководил королевским оркестром.

Во второй половине XX века гавайская музыка получила признание во всем мире. Многие даже утверждают, что это прекраснейшая, нежнейшая, сладчайшая музыка на земле. Так называемые «гавайские оркестры» и «гавайские ансамбли», исполняющие гавайские, полинезийские, а зачастую и псевдополинезийские мелодии, есть, наверное, во всех странах мира, и они всегда пользуются успехом. Но гавайская музыка сама ищет пути сближения с современными мелодиями. Сегодняшние создатели гавайских песен исходят из древних полинезийских музыкальных традиций. При этом они учитывают вкусы современного слушателя. По своей тематике это чисто гавайские песни.

Я слышал много популярных современных гавайских песен. Примером может служить «Сладкая Леилани», сочиненная Гарри Оуэнсом по случаю рождения его дочери. Кстати, Леилани — излюбленное на Гавайях имя. Пластинка с записью «Сладкой Леилани» вышла тиражом более пятнадцати миллионов. Текст ее переведен на сорок с лишним языков. И хотя она написана пятьдесят лет назад, эту песню продолжают исполнять. Популярна также и современная гавайская рождественская песня «Меле калики мака», шлягером стали и «Руки танцовщицы хулы».

Когда я впервые попал на Гавайи, самым популярным композитором в то время был Куи Ле (на весь мир прозвучала его песня «Раз весло, два весло»). Позднее, особенно на последней Неделе алоха, я познакомился со многими современными авторами и исполнителями, ставшими звездами новой гавайской музыки. Это А. Апака, Н. Кеалиивамапу и, пожалуй, самый популярный из них — Дон О. Их песни полны любви к островам, гордости за свою родину. Они служат примером горячего патриотизма так называемых «неогавайцев», отцы и деды которых считались здесь пришельцами, чужеземцами. «Новые гавайцы» не только восприняли дух философии алоха, но и искренне полюбили Гавайские острова.

Вот слова одной современной гавайской песни, «Имуа Гавайи», в которой эти чувства выражены особенно ярко:

Гавайи — трепетная земля,
Гавайи — пылающие небеса,
Гавайи — прибой и волны высокие,
Гавайи — летящие облака.
Я слышу голос Гавайев:
Имуа Гавайи, Имуа Гавайи!
Здесь затевается великий пир,
Здесь играет укукеле,
Здесь звучит «Алоха оэ».
И сюда собираются люди со всех концов,
Чтобы жить здесь, на Гавайях.
Имуа Гавайи, Имуа Гавайи!
Жарко бьются сердца гавайцев,
И мир ждет от нас и новых надежд,
И новых волн.
Имуа Гавайи, Имуа Гавайи!

ГАВАЙСКАЯ ХУЛА

Гавайская музыка органично связана со всей жизнью островов, но больше всего с чудом полинезийской культуры — хулой (иногда ее называют хула-хула). Это танец-пантомима и полинезийский балет одновременно. Раньше хула являлась еще и молитвой. О многом может рассказать этот танец плавными движениями рук, ног, бедер, всего тела. Языком танца хула спо-

собна выразить то, для чего мы пользуемся словами, целыми фразами.

Гавайская хула зародилась очень давно. Как рассказывает легенда, первой танцевала ее по желанию богини вулканов Пеле ее младшая сестра Лака. Пеле очень любила хулу, а Лака, будучи также сестрой и одновременно женой бога Лоно, стала музой гавайского танца, покровительницей хулы и всех, кто ее танцевал, учился и учил танцевать.

Хула — это не один танец. Существуют десятки, сотни разных хул, исполнители которых пользуются богатейшими выразительными средствами. Обилие этих средств всегда меня поражало. Я не переставал удивляться, как много чувств способен выразить этот танец.

Правда, были на Гавайях и другие танцы, например, *лаау, или-или* — танец с камушками, *пу-или* — танец сборщиков бамбука, *ули-ули* — танец с тыквенными погремушками. До сих пор популярен танец гавайских воинов. Однако все это лишь танцы, и ничего более. Хула же таит в себе нечто большее, особый секрет, который не поддается словесному определению. Ведь хула пришла к гавайцам из другого мира, из мира богов, поэтому на Гавайях она всегда считалась священной. Не каждый смел танцевать ее, да и не каждый умел: хуле нужно было специально обучаться, долго и упорно. Для этого существовали специальные школы, которые не могли вместить всех желающих. Перед выпускниками такой школы открывались заманчивые перспективы: танцовщики хулы служили при дворе гавайских правителей. Простой полинезиец, в совершенстве владеющий хулой, мог проникнуть в высшее общество. В школах хулы обучались обычно внебрачные дети гавайских вождей, что давало им возможность обрести определенное социальное положение. Однако большинство учащихся составляли — независимо от своего происхождения — те, кто по-настоящему любил искусство танца.

Школы хулы назывались *халау хула* или просто *халау*. Когда решено было организовать первую такую школу, прежде всего нашли хорошего *куму* — учителя и одновременно жреца культа богини Лаки. Куму отобрал себе самых способных учеников, которые сначала должны были построить школу. Они выбрали лучшие деревья, потом, как это полагалось, принесли жертву богу леса, чтобы тот позволил взять деревья для стро-

ительства халау. Когда школа была готова, жрецы освятили ее, куму украсил помещение символами богини Лаки, и обучение началось.

Счастливчики, прошедшие строжайший отбор, подвергались целому ряду ритуальных ограничений. Они, обучавшиеся танцу, полному веселья и радости, зачастую вели жизнь, подобную жизни монахов и монахинь. Еще до начала обучения ученики проходили через обряд очищения, после которого им запрещалось есть многие продукты. Молодые и красивые, они должны были на время учебы отказаться и от радостей любви. Потом наступали недели кропотливого труда. Рабочий день начинался молитвами, обращенными к богине Лаке. Куму просил ее вселиться в тела его учеников и передать им божественное искусство. Считалось, что Лака присутствовала в каждой из школ хулы, что символизировалось кусочком благоуханного дерева *лама*, завернутым в желтую лубяную материю.

За время пребывания в халау ученики изучали до двухсот разновидностей хулы. Одни движения были степенными, связанными с религиозными представлениями, с поклонением богам, другие же, скажем, повествующие о принцессе Пупеле, приближались к комической пантомиме. Из-за огромного количества видов этого танца некоторые выпускники халау через несколько лет вновь поступали в школу хулы, дабы «повысить свою квалификацию» и изучить новые разновидности хулы. Гавайцы делят учеников халау не только на хороших и плохих, но и по возрасту: юных исполнителей хулы называют *олапа*, более опытных — *хоопа*. Олапа изучали те виды хулы, которые требовали большого физического напряжения, и танцевали стоя, хоопа — разновидности хулы, исполняемые на коленях или сидя.

И для олапа и для хоопа обучение заканчивалось «выпускными экзаменами» и торжественной церемонией. Последняя «сессия», когда решался вопрос о судьбе каждого ученика, была для них самым напряженным периодом: им запрещалось даже разговаривать. Из халау они могли выйти, лишь целиком закрыв лицо капюшоном. Наконец наступал долгожданный последний день «учебного года». В полночь ученики в полной тишине, без единого слова, спускались на берег океана, здесь происходил ритуал омовения

морской водой. На заре они приносили жертву — поросенка. Его запекали в земляной печи, и каждый из выпускников съедал кусочек мяса. Впервые за долгое время они ели все вместе, ибо жрец отменял табу на «совместную трапезу». Затем все танцевали самую прекрасную из изученных хул, хором пели традиционную «последнюю песню учебного года», и во главе со своим куму новоиспеченные выпускники, счастливые и усталые, возвращались к зданию школы, где их уже ждали родные и знакомые. После этого они разъезжались по всем островам, неся свет радости их обитателям, ибо счастлив не только тот, кто хулу танцует, но и тот, кто наблюдает за танцем.

Хула не просто танец, не двести и не триста танцев. Хула — это нечто большее, и нет слов, чтобы выразить всю глубину ее тайны.

Обнаженные груди и бедра танцовщиц стали причиной того, что миссионеры-пуритане подвергли нападкам и преследованию именно высокое искусство хулы. Оказавшись не в силах запретить его, они заставляли танцовщиц заворачиваться в лыковую материю. Женщины буквально задыхались в этом «высоконравственном облачении»! Но гавайцы были готовы умереть за свою любовь к хуле и продолжали танцевать.

Миссионерам не удалось целиком искоренить великое искусство этого знаменитого гавайского танца, и при короле Калакауа, чтившем полинезийские традиции своего народа, произошло возрождение хулы. Благодаря этому хула дожила до наших дней. Во время Недели алоха ее танцует весь архипелаг.

Школы хулы существуют и поныне. Забыто покровительство богини Лаки, учеников не заставляют поститься и отказываться от любви, но научиться хуле все так же трудно. Я побывал в нескольких школах и в Гонолулу, и в других местах архипелага. Больше всего меня поразили строгость и педантичность, с которыми сегодняшние полинезийцы, столь веселые и беспечные в другой обстановке, обучают своих учеников точным движениям.

Что же все-таки таит в себе хула? Какой секрет, какую силу? Не знаю, но для меня это родной язык Гавайев.

Традиционную полинезийскую хулу можно увидеть в основном в исполнении женщин. Я часто слышал здесь выражение *хула-гёрл* — типичную комбинацию гавайского и английского слов, каких немало встречается в разговорной речи жителей архипелага. Причем чаще всего этим словом называют не танцовщицу, а гавайскую девушку вообще. Гавайские девушки, может быть, самое замечательное, что есть на островах. В скольких песнях, картинах и книгах они воспеты! Сколько гостей острова пользовалось их даром любви и преданностью, погружаясь в мир эротической фантазии!

Первым белым человеком, ступившим па Гавайские острова, был трезвый, несклонный к преувеличениям Джеймс Кук. Он писал в своем дневнике такие слова: «Нигде в мире я не встречал менее сдержанных и более доступных женщин...» Дж. Кук сообщал, что гавайки приходили на его корабли и «у них была только одна цель — вступить в любовную связь с моряками». Матросов Дж. Кука и тех, кто приезжал после них, потрясало еще одно: за свою любовь и преданность эти женщины не требовали никакого вознаграждения. Гавайцы просто не знали основного принципа «цивилизованного общества», к которому принадлежали все эти англичане, французы и другие колонизаторы, принципа «ты — мне, я — тебе». В то время как матросы занимались любовью с гавайскими женщинами, более образованные, тонко чувствующие белые пришельцы островов восхищались лучшими чертами национального полинезийского характера. Так, один американский морской офицер написал о гавайцах: «Я думаю, что под солнцем нет народа более честного, дружелюбного и красивого».

В пятнадцать лет я довольно свободно читал по-французски и с огромным удовольствием познакомился в оригинале со знаменитой книгой Жан-Жака Руссо «Благородный дикарь». Именно такими, как описал их Руссо, представлялись гавайцы первым европейцам, побывавшим на островах, и местные женщины сыграли в этом не последнюю роль. Сдержанный, скупой на эпитеты первооткрыватель архипелага капитан Кук также

писал, что «этот народ достиг высшей ступени чувственности. Такого не знал ни один другой народ, нравы которого описаны с начала истории до наших дней. Чувственности, какую даже трудно себе представить».

Постепенно красивые, любвеобильные гавайки превратились в главную приманку островов. Как пчелы на мед, «слетались» на архипелаг моряки со всех уголков земли. Из-за гавайских женщин китобои грабили Лахаину, а матросы с американских военных кораблей всеми правдами и неправдами добирались до Гонолулу. Лишенные каких бы то ни было моральных принципов, они с лихвой платили местным вахине за их нежную любовь сифилисом и другими дарами своей «цивилизации».

Больше всего и простым матросам, и офицерам нравилось то, что в отличие от их чопорных, воспитанных в ханжеском духе жен гавайки словно вообще не знали стыда. Все, что доставляло радость и удовольствие мужчинам, они считали естественным и нравственным. Миссионеры-пуритане приходили в ужас от *пуналуа* — групповых браков, хотя это не совсем точный термин. Их возмущало, что несколько братьев жили вместе с несколькими женами или, наоборот, несколько сестер имели общих мужей. В гавайском языке родственники называются иначе, чем у нас. Например, слово *кане* могло означать и мужа, и его брата — шурина. Явление пуналуа подробно исследовали К. Маркс и Ф. Энгельс.

Известно, что во время праздника Макаики гавайцы часто по вечерам играли в игру, которая обычно начиналась пением и плясками. Женщины садились в ряд, мужчины устраивались напротив. Между двумя рядами прохаживался ведущий. Длинной палочкой он указывал на какого-нибудь мужчину и какую-нибудь женщину. Составленные таким образом случайные пары покидали общество, чтобы провести вместе ночь.

Вожди в народных играх участия не принимали, но и они время от времени развлекались подобным образом. Благородного происхождения мужчины и женщины садились на циновки в ряд друг против друга и старались своеобразной «шайбой» из скорлупы кокоса попасть в нечто вроде деревянной кегли, стоявшей перед каждым из участников игры. Тот, чья кегля попадала под удар, должен был «расплачиваться» танцем. Тот же, в чью мишень попадали десять раз подряд, должен был платить любовью.

Свободная любовь (по таковой она казалась только на первый взгляд) до глубины души возмущала уже самых первых самозваных «носителей цивилизации», обращавших жителей Гавайских островов в христианскую веру.

Разумеется, христианскую любовь к ближнему миссионеры представляли себе совсем иначе, чем гостеприимные гавайки, «не ведавшие, что такое стыд». Миссионеры старались как можно быстрее познакомить их с тем, что это такое, и с прочими добродетелями цивилизованного мира.

Некоторые истории о том, как гавайцев и гаваек обучали нравственности, кажутся мне презабавными. Так, одна из них повествует о том, как один миссионер выгнал из своего дома супружескую чету полинезийцев, нанесших ему визит дружбы: молодые люди явились совершенно голыми. Холодный прием не смутил супругов. Стараясь угодить миссионеру, они через несколько минут вернулись одетыми так, как, по их мнению, требовали христианские нравы: на ногах у них были носки и туфли, а на голове — соломенные шляпы, остальные детали одежды... они сочли просто необязательными.

За гавайских женщин взялись также и жены миссионеров. Они стали облачать гаваек в длинные, с головы до пят, бесформенные мешки, закрывающие даже прекрасные лица местных женщин. Но гавайцы обладают особым даром органичного восприятия нового: даже отвратительные мууму (так здесь называют эти балахоны) они переделали по-своему и до сих пор носят в качестве нового национального костюма.

Так было во всем. После первой «ударной волны» фанатичных нравоучений, после Бингхема и ему подобных, во второй половине XIX века гавайцы пробудились к жизни, обретя прежнюю непосредственность и определенное свободомыслие в делах любви. У истоков возрождения лучших полинезийских традиций, включая хулу и гавайскую музыку, стоял король Калакауа. Как много рассказывают о нем гавайцы! Особенно во время Недели алоха, прямо здесь, на улице, носящей его имя. О «веселом короле» и его временах писали газеты, не говоря уже о том, что многие гавайцы сами изображали на своем празднике Калакауа.

Я всегда с трудом пишу о положении и роли в той или иной стране женщины в современном обществе. Вероятно, так происходит потому, что я несравненно меньше разбираюсь в этих вещах, нежели, скажем, гавайцы, наделенные богатой фантазией. А может, потому, что я в отличие от «бесстыжих» гавайцев, так поразивших первых белых людей, не очень-то ориентируюсь, о чем можно спрашивать местных жителей, а о чем просто неудобно говорить.

На этот раз мне повезло. Я познакомился с молодой супружеской парой. Они полинезийцы, студенты университета мормонов в Лайе. Жене восемнадцать лет, она слушательница первого курса. У нее распространенное на Гавайях имя — Леилани (*леи* — «венок из цветов», *лани* — «небо», следовательно, Леилани — «Небесный цветок»).

Подобно многим чистокровным гавайкам, Леилани довольно полная молодая женщина. У нее современный подход ко многим проблемам, что позволило ей со всей откровенностью отвечать на мои вопросы о том, какова гавайская женщина сегодня, чем она отличается от своих предшественниц и сохранилось ли в ее характере что-то от доколониальных времен. Леилани уверяла меня, что гавайкам и сейчас свойственно радостное восприятие жизни. Они влюбляются, веселятся и считают, что ложный стыд не должен омрачать любовь. Отошла в прошлое некогда распространенная на Гавайях, почти ничем не ограниченная смена партнеров. Отжили свое многие связанные с этим игры и развлечения. Сегодняшние гавайки живут так же, как и все женщины в мире.

— Как и женщины на твоей родине,— добавила она,— с одним мужчиной и для одного мужчины. Но уж ему-то они отдают все без всякого стыда и опасений утратить чувство достоинства. Мы — за нормальные, здоровые и радостные отношения, без крайностей, но и без лишних ограничений.

От характеристики интимных отношений Леилани переходит к тому, как гавайки вообще относятся к жизни.

— Мне кажется, мы унаследовали от наших поли-

незийских предков еще одну черту — разумное легкомыслие (не уверен, что перевожу это выражение абсолютно точно), и то, что мы называем хоомапавуи, в какой-то степени соответствует английскому take it easy — «не принимай близко к сердцу». Это означает, что мы и сегодня никуда особенно не торопимся, а значит, не драматизируем события. Не превращаем в трагедию любую повседневную неурядицу: поздние возвращения мужа с работы, его сердечные и другие увлечения.

Леилани явно противопоставляет гаваек белым американкам, которые действительно часто производят впечатление истеричек и всегда куда-то спешат:

— Мы, гавайки, не спешим со скандалами и разводами. Мы с пониманием относимся ко многим вещам. Это правда, что гавайская философия — алоха. В повседневной же практике мы придерживаемся хоомапавуи.

Действительно, сегодняшние полинезийки стремятся к спокойной, радостной, разнообразной и интересной супружеской жизни. Уже не раз сильное разочарование постигало романтически настроенных мужчин, все еще приезжающих на архипелаг в надежде, что в Ваикики в соответствии с устоявшейся легендой на шею им тут же бросится молоденькая танцовщица хулы в юбочке из листьев и будет домогаться любви и страстных объятий сильных белых людей. К огромному разочарованию приезжих, таких гаваек на островах уже нет: они встречаются только в плохих книжках, кинофильмах да в псевдоромантических песнях о прелестях Южных морей.

Однако красивых женщин здесь не поубавилось. В этом я убедился на одном из мероприятий в Ваикики, непосредственно предшествовавшем Неделе алоха,— конкурсе красоты. Следует заметить, таких конкурсов в течение года на Гавайях проходит несколько, но этот был совершенно официальным: победительница делегировалась на общеамериканский конкурс на звание «королевы красоты». Лучшая из красавиц — представительница всех штатов, получает право на участие во всемирном конкурсе «мисс юниверс».

Девушек, вдохновляемых подобной перспективой, на Гавайях довольно много. И вот перед зрителями ваикикского «полуамфитеатра» дефилируют писаные красавицы со всех островов архипелага. Я уже видел подобный

конкурс в Гавайском университете, где все участницы были разбиты на восемь групп в зависимости от своего происхождения. Лишь одна из этих групп называлась гавайской, другие состояли из китаянок, японок и т. д. В конкурсе на звание «мисс Гавайи» в Ваикики принимали участие представительницы всех групп населения, живущих на островах.

Победительницей стала наполовину полинезийка, наполовину филиппинка. Как и многие полукровки, девушка была действительно красива. Удивительная женственность, свойственная гавайкам, сочетается в ней с тонким очарованием азиаток. Я вместе со всеми громко аплодировал «мисс Гавайи». Девушка получила венок победительницы, много подарков. На шею ей повесили гирлянду из фраджипаний. Когда она покидала зал, у входа ее уже ждал автомобиль, предоставленный губернатором Гавайев. Двери машины украшала праздничная надпись: «Гавайская королева красоты». Через несколько дней я увидел эту машину и сидящую в ней «королеву» с короной из орхидей на голове во время торжественного шествия по улице Калакауа, ставшего достойным завершением общегавайского праздника — Недели алоха.

Я смотрел на эту девушку, которой вновь бурно аплодировала публика, и думал, что она действительно очень хороша, но ничуть не хуже казались мне и многие другие гавайки, происхождение которых уже трудно определить. Я вспомнил стихотворение, которое прочитал в одной из книг о Гавайях:

Если бы преподобный Бингхем вернулся сегодня
на Гавайи,
Что бы он сказал? Что бы он сказал?

Наперекор стараниям этого фанатичного пуританина и подобных ему врагов человеческих радостей красота в этом мире еще жива. Она жива на земле, где все мы имеем отношение друг к другу, хотя и находимся на разных концах планеты. Из жизни гаваек ушло многое из того, что несовместимо с нынешними временами, но красота и радость остались, ибо без красоты и радости, дорогой Бингхем, жизнь потеряла бы всякий смысл.

МАЛУНА О НА АУПУНИ А ПАУ О КЕ ОЛА О КЕ КАНАКА

Глядя на большое праздничное шествие в Ваикики, которым закончилась Неделя алоха, я вдруг ясно представил себе чувства, которые охватывают любого человека, впервые приехавшего на Гавайи, если он, конечно, не слепой: разнообразие национальностей, населяющих сегодня Гавайские острова. Я видел здесь и японцев, и корейцев, и пуэрториканцев, и филиппинцев, и китайцев, и негров, и португальцев, и выходцев с островов Самоа. Представителей этих национальностей я мог определить легко. В результате смешанных браков на островах появилось много метисов.

До второй мировой войны в справочниках указывались тридцать две этнические группы, населяющие Гавайи. Ко времени моего последнего визита на острова их уже насчитывалось около восьмидесяти пяти. Чтобы убедиться в том, как растет их число, не надо даже заглядывать в статистические сборники — достаточно посмотреть на гавайских детей. Уже никто и никогда не будет, подобно Гитлеру, оценивать их цвет кожи, форму носа, тип волос и соответственно определять расу. Об этих красивых малышах местные жители говорили мне так:

— Они не белые, не черные, не желтые, не коричневые, они — золотые!

Метисы — лучший ответ всем проповедникам расистских теорий. Их детская непосредственность и чистота свидетельствуют о том, что подобные теории не только бессмысленны, но и просто смешны. Однако на Гавайях не всегда было так.

Гавайцы, которых первыми пришли покорять не конкистадоры, вроде Кортеса, а миссионеры типа Бингхема и ему подобных, на своей собственной шкуре испытали проявления древнего, примитивного расизма. Когда знаменитый бриг «Таддеус» приблизился к берегам Гавайев, радостные, счастливые полинезийцы бросились в морские волны и с криками «алоха!» поплыли навстречу гостям. Разумеется, они были совершенно голыми.

Как же прореагировали Бингхем и его соратники на столь сердечную встречу гавайцев? Дамам, женам миссионеров, при виде обнаженных тел сделалось дурно.

А что испытал при этом сам Бингхем, зачинщик духовной конкисты архипелага? Глядя на радостную толпу, он воскликнул:

— Да разве это человеческие создания? Как темны и недостойны их души и сердца! Мыслимо ли образовать эти существа и обратить в христианскую веру?

Позже в его дневнике несколько раз повторялся вопрос, на который миссионер отвечал отрицательно: «Да и люди ли вообще эти полинезийцы?»

Бингхема и первых миссионеров на Гавайи никто не звал! Он и ему подобные вторглись в полинезийский мир по своей собственной воле. Тем не менее первым чувством, которое у Бингхема вызвали те, кого он собирался обратить в свою веру, образовать и даже поднять на новую ступень цивилизации, было отвращение настоящего расиста!

Достаточно побывать в Ваикики во время Недели алоха — праздника, возрождающего лучшие полинезийские традиции, чтобы понять, что во времена нашествия бингхемов полинезийская культура во многих отношениях была ничуть не беднее культуры самозваных белых учителей. Я имею в виду гавайский фольклор, музыку, великолепное искусство резьбы по дереву, сложнейшие, выражающие тончайшие оттенки чувств танцы — разве все это было лишь рыком дикаря? Разве не свидетельствовало каждое из этих искусств о наличии на Гавайях собственной, оригинальной культуры?

У бингхемов было то, что отсутствовало у гавайцев,— религия и белая кожа, которые стали для первых расистов единственным оправданием жестокого духовного покорения Гавайев, совершенно беспочвенных представлений о собственном расовом превосходстве. «Да люди ли это?» — вопрошал расист Бингхем. Так теперь могут сказать наученные горьким опытом гавайцы, а вместе с ними и все люди земли о самих расистах! И уж, конечно, не расистам решать вопрос, кто имеет право называться человеком, а кто — нет.

Однако полинезийцы не вымерли. Правда, их численность уменьшилась, но все же практически на всех остальных островах Полинезии — на Таити, на Восточном и Западном Самоа, на Маркизских островах и островах Кука, в королевстве Тонга — всюду полинезийцы, как и прежде, составляют абсолютное большинство населения.

На Гавайях сложилось несколько иное положение. Двести лет назад архипелаг населяли только полинезийцы. Сто лет назад они составляли девяносто восемь процентов населения. Однако позже на гавайские сахарные плантации приехали представители других национальностей.

Для выращивания сахарного тростника нужна была дешевая рабочая сила. Ею стали прибывшие сюда японцы, китайцы, филиппинцы, корейцы. Из латиноамериканцев здесь живут в основном пуэрториканцы, из европейцев — прежде всего португальцы, а также немцы и выходцы из Скандинавии. Тут поселились многие жители других островов Океании, к ним в первую очередь относятся самоанцы и представители некоторых народов Микронезии, например чаморро с острова Гуам.

После второй мировой войны возросла численность белого населения Гавайев. Здесь не так уж мало негров. Во время последней переписи их было шесть тысяч пятьсот человек.

Кроме того, в этом американском штате есть и настоящие американцы, американские индейцы, попавшие сюда в основном в составе воинских соединений, дислоцированных на Гавайских островах. Как и раньше, острова населяют чистокровные гавайцы — десять тысяч по последней переписи — и сто пять тысяч гавайских метисов.

Как-то во время моей лекции о сложном составе населения Гавайских островов в одной сельской школе один не слишком сведущий в географии ученик спросил меня, живут ли на архипелаге эскимосы. Я ответил, что лично мне они там не встречались. Большинство же других антропологических типов, известных ученым, на Гавайях так или иначе представлено.

История смешения отдельных групп населения Гавайев очень интересна и, по-моему, поучительна. Этот процесс наталкивался на самые разные преграды, обусловленные национальными традициями. Так, японцы сначала хотели оставаться верными только своей нации. Первое и второе поколения пуэрториканцев, фанатичных католиков, просто не мыслили женитьбы на представителях другой веры. Со временем все изменилось. Если в 1912 году число смешанных браков на Гавайях составляло двенадцать процентов, то в 1932 году оно достигло уже тридцати двух процентов, в 1939 году — три-

дцати девяти процентов, и процесс этот продолжается. Год от года рождается все больше и больше детей-метисов, «золотых».

Обращаясь не к прошлому и не к настоящему, а к далекому будущему, мне иногда кажется, что «люди с золотой кожей» — это, быть может, завтрашний день планеты. Однако вернемся в день сегодняшний, к нынешним «золотым» гавайским детям и взрослым. Не раз я пытался «расшифровать» родословную того или иного «неогавайца», если их можно так назвать. Вспоминаю один из своих визитов в гавайскую семью. Хозяин познакомил меня со своей женой. Я поинтересовался ее предками — здесь, на Гавайях, в таких вопросах не видят ничего предосудительного. Хозяйка перечислила, и получилось, что в ее жилах течет две восьмых гавайской, одна восьмая филиппинской, одна восьмая румынской, одна восьмая американской, одна восьмая японской, одна восьмая мексиканской, одна шестнадцатая китайской и еще одна шестнадцатая португальской крови. Она гордо загибала пальчики, но одной руки для перечисления всех ее предков так и не хватило!

Представители одной национальности легко вступают в смешанные браки, для других такой брак — событие. Благодаря традиционной философии алоха и совершенному отсутствию понятия о ксенофобии рекорды в этой области ставят сами полинезийцы: по последней переписи, восемьдесят пять процентов чистокровных гаваек и восемьдесят четыре процента чистокровных гавайцев заключили браки вне своей «группы».

В этих условиях расовая теория в любой форме прозвучала бы совершенно бессмысленно. Гитлер или Штрайхер на Гавайях просто свихнулись бы. Им, строившим концлагеря для чистокровных и нечистокровных евреев, пришлось бы отправить в подобный лагерь практически всех жителей Гавайских островов.

Положение, сложившееся на архипелаге особенно за последние десять лет, таково, что здесь невероятны какие-либо тихоокеанские варианты апартеида. Невозможны раздельные автобусы для представителей разных цветов кожи, раздельные туалеты, раздельное обучение, места в церкви и т. д.

Даже под тропическим небом Тихого океана такое положение сложилось не сразу, а пройдя через множество препятствий и предрассудков. Их наиболее естест-

венным источником мог бы стать Перл-Харбор. В то время японцы составляли значительное число обитателей архипелага, и было бы более чем понятно, если бы у коренных гавайцев в связи с вероломным нападением Японии появились антияпонские настроения, что отразилось бы на их отношении к «американцам японского происхождения». На континенте, в самих США, права американских японцев во время войны значительно ограничивались — вероятно, из-за опасения, что «кровные родственники» врага Соединенных Штатов Америки могут легко развернуть свою диверсионную деятельность.

Однако, японцы, жившие на Гавайях, ни разу не предприняли даже попытки саботажа. На сторону врага не перешел ни один местный японец, а когда из их числа были созданы две самостоятельные воинские части — 100-й пехотный батальон и 442-й боевой полк, они стали поистине гвардией американской армии. Ни одна другая американская воинская часть не продемонстрировала в боях против гитлеровской Германии такого мужества, никто не получил больше наград, чем гавайские японцы. Позже этот факт сыграл важную роль, когда решалось, получат ли Гавайи статус американского штата или же по-прежнему останутся «территорией». И тогда — уже в который раз! — раздались предостерегающие голоса белых гонолулских расистов: а что будет, если на выборах в американский конгресс победят не белые, а цветные? Так оно и случилось, но не рухнули Гавайи и не рухнул мир, ибо мир зиждется не на цвете кожи, а на взаимопонимании и взаимном уважении. На том, что гавайцы называли, называют и будут называть алоха. На том, что будет называться словом *алоха* в далеком будущем, когда на этих прекрасных островах, быть может, будут жить только люди нового типа — «люди с золотой кожей». Ибо полинезийцы, у которых я побывал на Гавайях четырежды, крепки, словно корень древа жизни, растущего на островах. Еще до того, как появился Бингхем и прочие носители чисто расистских взглядов, полинезийцы верили в некий естественный интернационализм. Они понимали, что нет на «земле людей» ничего более важного, чем сам человек. Эту идею гавайцы выразили в прекрасной пословице: *Малуна о на аупуни а пау о ке ола о ке канака* — «Человечность выше нации».

Человечность выше нации — какая мудрая мысль! Как она актуальна после стольких войн, выдержанных человечеством в этом столетии. Как прозорлива после стольких Освенцимов, Майданеков, Терезинов. Она звучит как откровение, несмотря на ненависть и непонимание, которые столько раз захлестывали мир, и вместе с тем она такая простая и общедоступная. Человечность выше нации — эта гавайская пословица должна стать официальным лозунгом ООН, эти слова должны быть написаны в зале заседаний Генеральной Ассамблеи. Она должна плыть над миром, словно аура мудрости, словно важнейший призыв гавайцев, обращенный к человечеству.

Полинезийцы, исповедующие алоха, пришли к этой правде задолго до того, как на их землю ступил первый чужеземец. А ведь их завоеватели сомневались в том, человеческие ли они создания! Они, сказавшие миру заветные слова, полные интернационализма: *«Малуна о на аупуни а пау о ке ола о ке канака»* — «Человечность выше нации». Слова, к которым я присоединяюсь всем своим сердцем.

ОКЕАНИЯ, «ИЗМЕНЕННАЯ ДО ОСНОВАНИЯ». ПРОЩАНИЕ С ГАВАЙЯМИ

(Вместо заключения)

В четвертый раз посетив Гавайи, которые считаются самыми красивыми островами на нашей планете, я закончил свое путешествие по этой части мира, которая традиционно выносится на самую последнюю страничку географических атласов. Действительно, Гавайи, Полинезия, вся Океания до недавнего времени считались чуть ли не концом света, самым его отдаленным, забытым, а часто и самым отсталым уголком. Гавайи, эта прекрасная земля, на которой я сейчас нахожусь, архипелаг, воспеваемый поэтами, постепенно вышли из рамок легенды о «потерянном мире Южных морей». Но столь же распространена и другая легенда, которая все еще не утратила своего значения,— легенда о «последнем рае», легенда сладостная и волнующая. На ней я подробно останавливался еще в первой части своего повествования о Полинезии, в книге, которую я так и

назвал — «Последний рай». Находясь сейчас здесь, на Гавайях, я, наверное, должен добавить, что благодаря своему быстрому этническому, экономическому и социальному развитию за последние сто лет этот архипелаг изменился и меняется быстрее, чем все другие острова Океании.

Прекрасные романтические Гавайи, гавайский народ — это тоже наш мир, и гавайская земля, его родина, неотделима от этого мира, как ребенок от матери. Меняется мир — меняются Гавайи, и меняются быстро. Если перефразировать знаменитого пражского журналиста Эгона Эрвина Киша, на этом архипелаге я нашел Океанию «измененной до основания». Гавайи показались мне, пожалуй, наиболее развитыми в экономическом отношении, но утратившими многое из того, что, к счастью, удалось сохранить другим островам Океании. В отличие от большинства многочисленных островов и архипелагов Южных морей, за исключением Новой Зеландии и частично островов Фиджи, сегодняшние Гавайи утратили свой чисто океанийский характер. Но мне кажется, что Полинезия, как таковая, продолжает жить на островах, переплавляясь в новую, формирующуюся культуру. Так живет древняя Мексика, ее майя и ацтеки, в современных жителях Америки, в их культуре. В самом деле, совершив за последние десять лет не одно путешествие по всем частям Океании, я могу утверждать, что всюду на островах я встречал почти исключительно коренных обитателей Южных морей — микронезийцев, меланезийцев и полинезийцев. Этим Океания отличается, скажем, от Америки, где индейцы в целом ряде стран составляют меньшинство их населения. И всюду среди своих друзей на островах Южных морей я встречался с идеалами свободы. Сегодня, в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов, исчезают последние колонии нашей планеты. Если 1960 год стал «годом Африки», то я верю, что пройдет время и наступит великий «год Океании».

Работая как этнограф, я побывал практически на всех архипелагах этой наиболее отдаленной от европейцев части света. Сейчас, заканчивая свое путешествие по Океании, я оглядываюсь на пройденный мною путь и с радостью вижу, что большинство островов, где я побывал, находится в самом «трудном» возрасте их жизни — на этапе решительной борьбы населяющих их на-

родов за независимость. За десять лет, которые прошли со времени написания первой из четырех книг цикла, многие острова уже вошли в семью свободных народов. Жители Папуа Новой Гвинеи, Вануату (Новых Гебридов), Фиджи, Соломоновых островов, Западного Самоа и некоторых других островов Океании добились создания независимых национальных государств. Если во время моего первого путешествия по Океании я побывал лишь в одной независимой тихоокеанской стране — королевстве Тонга, то сейчас мой паспорт заполнили печати государств, которых десять лет назад просто не было. Названия их тогда не знали даже весьма образованные люди. Однако теперь полноправными государствами нашей планеты являются страны с такими экзотическими названиями, как Тувалу или микронезийская Республика Науру. Океания меняется, она развивается в экономическом и социальном плане. Но я не экономист, не политик. Я — этнограф и в первую очередь искал на островах все, что касалось традиционной культуры их обитателей. Но время от времени я сам себе напоминаю, что завтра или послезавтра для райских островов Южных морей станут характерными совсем иные вещи, нежели волнующие танцы или самобытное народное изобразительное искусство. Будет меняться культура, будут меняться и сами жители островов, их социальный состав, классовая структура.

Уже сегодня на некоторых более развитых островах Океании зарождается многочисленный рабочий класс из тех, кто трудится в горной промышленности и на плантациях крупных межнациональных компаний. Завтрашний день принесет Океании много социальных, политических, экономических и — это меня касается больше всего — культурных перемен. Как хотелось бы увидеть эти далекие края, эти райские земли еще и завтра, как хотелось бы приезжать сюда снова и снова, смотреть, что с ними происходит, и описывать все это в своих следующих книгах!

В книге же, которую я заканчиваю, я стремился приблизить читателю самый знаменитый и, как говорят, самый красивый архипелаг «последнего рая», венец Океании — очарованные Гавайи, нарисовать картину истории и культуры их коренных жителей. В трех предыдущих книгах этого большого цикла я пытался представить острова и народы трех основных частей

Океании: Меланезии («Черные острова»), Полинезии («Последний рай») и Микронезии («По незнакомой Микронезии»). Мне хотелось, чтобы четыре книги цикла дали как можно более конкретное и полное представление обо всей Океании: острова Южных морей и мои друзья, населяющие их, несомненно, этого заслуживают.

Я писал эти книги с увлечением и любовью. Конечно, мой дом там, где я родился, вырос, хочу жить и умереть. Но и там, где я не раз бывал: на островах Океании, в Полинезии, Меланезии и Микронезии, там, куда я с такой радостью возвращался, где оставил кусочек своего сердца. Повторяю, хотелось бы приезжать сюда вновь и вновь, чтобы быть свидетелем того, как меняется эта часть «земли людей», как превращается в действительность идеал, столь прекрасно сформулированный гавайцами: «Человечность выше нации».

...Я снова — уже в который раз! — в гонолулском аэропорту. Сажусь в воздушный суперлайнер. Еще раз слушаю сладкую и грустную мелодию «Алоха оэ», но теперь эта нежная песня принадлежит не только гавайцам, но и мне.

«Алоха оэ» — прощальный вальс Гавайских островов. Но я страстно желаю вернуться в тихоокеанский рай еще раз, и не за райскими благами: я хочу вернуться к людям, населяющим Океанию. Поэтому — нет, я не прощаюсь с вами, Океания, Гавайи и дорогие мои гавайцы, я говорю вам: до свидания. До скорого свидания!

НЕМНОГО О ГАВАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Наряду с маркизским, таитянским (наиболее близкие языки), а также маори, тонга, самоа и т. д. гавайский язык принадлежит к группе полинезийских языков. Полинезийская группа вместе с микронезийской, меланезийской и индонезийской составляют малайско-полинезийскую (австронезийскую) семью языков [40].

В настоящее время гавайцев [41] около пятнадцати процентов населения всего архипелага. Активным знанием гавайского языка может похвастаться лишь старшее поколение, молодежь говорит большей частью по-английски.

Гавайский язык установил своеобразный рекорд: согласных в нем меньше, чем в каком бы то ни было другом языке мира. Их всего восемь: *p, k, h, m, n, w, l* плюс гортанная твердая смычка, передаваемая на письме знаком ' (в печатных текстах он обычно вообще не обозначается). Гласных в гавайском языке пять: *a, e, i, o, u*. Они могут быть и долгими. Долгота на письме не обозначается. В гавайских словах два согласных звука не могут находиться рядом: после каждого согласного обязательно следует гласный. Многие слова состоят только из одних гласных. Заимствованные слова — в основном из английского языка — строятся подобным же образом и часто изменены до неузнаваемости. Так, слово «профессор» по-гавайски звучит *polopeka*, «политик» — *polikika*, «пудинг» — *pukini*, «Британия» — *Pelekania*, «Сан-Франциско» — *Kapalakiko*.

Любопытна грамматика гавайского языка. В ней почти отсутствуют аффиксы, грамматические значения выражаются с помощью служебных слов. Так *ke* или *ka* — определенный артикль единственного числа (*ke kanaka* — «человек»), *na* — определенный артикль множественного числа (*na wahine* — «женщины»), *he* — неопределенный артикль (*he kane* — «мужчина»), *i* — частица прошедшего времени (*i hele* — «пошел»), *e* — частица будущего времени (*e hele* — «пойдет»). В гавайском языке часто встречается удвоение: *ma'i* — «больной», *ma'ima'i* — «хронически больной», «болезненный человек», *iwi* — «кость», *iwiiwi* — «костистый», «костлявый»; *hoe* — «грести», *hoehoe* — «долго грести».

---

[40] Сейчас, по мнению большинства лингвистов, меланезийские и микронезийские языки не образуют единые генетические группы.

[41] Гавайцами здесь названы не только коренные полинезийцы, но и европейско-полинезийские и азиатско-полинезийские метисы.

Гавайский язык располагает довольно сложной системой личных местоимений. В нем есть не только множественное, но и двойственное число. В первом лице различаются так называемые инклюзивные и эксклюзивные формы. Это можно проследить по приводимой ниже таблице:

Таблица

	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
1-лицо инклюз.		*kaua* — «я и ты»	*kakou* — «мы с тобой»
1-лицо эксклюз.	*au*, *wau* — «я»	*maua* — «я и он»	*makou* — «мы без тебя»
2-лицо	*'oe* — «ты»	*'olua* — «вы два»	*'oukou* — «вы»
3-лицо	*'oia* — «он, она»	*laua* — «они два»	*lakou* — «они»

Еще одна интересная особенность гавайского языка: среди имен существительных различаются «отделяемые» и «неотделяемые». Так, к «неотделяемым» существительным относятся, например, названия частей тела (*lima* — «рука», *maka* — «глаз», *pepelao* — «ухо»), слова, обозначающие родственников (*makuakane* — «отец», *keiki* — «ребенок»), а также такие слова, как *akua* — «бог», *ali'i* — «вождь» и т. п.

Все другие имена существительные считаются «отделяемыми», например: *puke* — «книга», *a'i* — «пища», *papale* — «шляпа», *'ilio* — «собака».

Порядок слов в предложении отличен от европейского. Сказуемое, как правило, стоит перед подлежащим, дополнение ставится на третье место. Определение всегда стоит за определяемым именем существительным. Обстоятельство ставится либо в самом начале, либо в конце предложения. Например: *aloha* (1) *'oia* (2), *ike kaikamahine* (3) *'u'uku* (4) 'Он (2) любил (1) маленькую (4) дочку (3)'; *A'apopo* (1) *e lohi* (2) *ka wa'a* (3) 'Завтра (1) лодка (3) придет поздно (2)'; *E noho ana* (1) *ko'u* (2) *hoa* (3) *ma* (4) *Honolulu* (5) 'Мой (2) друг (3) живет (1) в (4) Гонолулу (5)'.

Приведем для примера несколько гавайских слов:

'a'ahu	платье
aha	что
ahi	огонь
ahiahi	вечер
ala	дорога, пробуждаться
anuenue	радуга
ao	мир, день, облако
au	плавать
ha'awi	дать
hale	дом
hanau	родиться
hea	здесь, который

he'e	осьминог
heluhelu	читать
honua	земля
hou	новый
hua	плод, фрукты
i'a	рыба
inoa	имя
inu	пить
kai	море
kakahiaka	утро
la	день, солнце
la'au	дерево, лекарство
lani	небо
lele	летать, бегать
lua	яма
makani	ветер
make	умереть, больной
manu	птица
mauna	гора
moana	океан
mokupuni	остров
ola	жизнь, живой
lelo	говорить
pua	цветок
pua'a	поросенок
ua	дождь
ula	рак
wahie	дерево
wai	вода, кто.

Виктор Крупа

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, мы завершили путешествие по Гавайям. Нашим гидом в этой экскурсии был Милослав Стингл — чехословацкий путешественник и этнограф, хорошо известный советским читателям по своим книгам, посвященным разным регионам Океании: «Последний рай» и «По незнакомой Микронезии». Новая книга М. Стингла, с которой мы только что ознакомились, по своей композиции существенно отличается от предыдущих. Все они основаны на личных впечатлениях, однако если в предыдущих книгах явно преобладали путевые заметки, то в последней своей работе автор часто прибегает к ретроспективным экскурсам, знакомит читателя с прошлым Гавайских островов. В какой-то степени это оправдано. Ведь интересующие М. Стингла более всего полинезийские Гавайи действительно уже в прошлом, а современные Гавайские острова похожи на них очень мало. И тем не менее сегодняшние Гавайи — это исключительно интересный для этнографа и вообще каждого любознательного человека мир, который, возможно, заслуживал несколько большего внимания со стороны автора.

Кроме прошлого и настоящего Гавайских островов в книге рассматриваются и многие другие интересные сюжеты. Читатель знакомится и с геологическим строением архипелага, и с некоторыми особенностями его уникальной природы, и с разрушительным действием волн цунами, время от времени посещающих острова. Немало внимания уделяется и гавайской мифологии, традиционной религии гавайцев. Не проходит автор и мимо первых контактов гавайцев с европейцами, а также ранней стадии проникновения европейцев и американцев на Гавайские острова. Как известно, это проникновение привело к весьма трагическим демографическим и историко-культурным последствиям для гавайского народа.

Чтобы как-то систематизировать то, что читатель узнал из только что прочитанной книги, остановимся ниже на некоторых узловых моментах истории Гавайских островов, отметим важнейшие черты их природы и хозяйства и попытаемся охарактеризовать этнодемографическую ситуацию на архипелаге.

Гавайские острова до второй половины I тысячелетия н. э. были необитаемы. Первыми сюда прибыли полинезийские мигранты с Маркизских островов, несколько столетий спустя произошла менее значительная полинезийская миграция с островов Общества.

К моменту открытия архипелага в 1778 году англичанином Дж. Куком гавайцы находились на стадии разложения первобытнообщинного строя. На архипелаге выделилась каста вождей — алии, возвышавшаяся над рядовыми общинниками — макааинана. Вожди делились на несколько рангов, причем младшие вожди были в подчинении у старших. Вожди наиболее высокого ранга считались верховными правителями отдельных островов. В целом же архипелаг объединен не был, и правители островов нередко враждовали друг с другом.

Эти междоусобицы усилились после того, как проникшие сюда европейские и американские торговцы стали снабжать враждующих вождей огнестрельным оружием. В результате целенаправленных действий выдающегося политического деятеля, одного из верховных вождей, Камеамеа, которого иногда называют гавайским Гарибальди, Гавайские острова были объединены в одно государство. При правлении Камеамеа с Гавайским королевством (так стало называться новое государство) были вынуждены считаться европейские державы и США. Однако вскоре после смерти Камеамеа положение коренным образом изменилось. Гавайские острова все более превращались в вотчину США: здесь хозяйничали американские китобои и заготовители сандалового дерева, а также захватившие обширные земли американские поселенцы. Власть гавайских королей постепенно стала почти номинальной, реальные же рычаги правления находились в руках небольшой кучки разбогатевших американских землевладельцев и дельцов. В 1893 году отстранили от власти последнюю гавайскую королеву и провозгласили «республику», в которой полностью хозяйничали богатые американские поселенцы (своего рода прототип недавно закончившего свое бесславное существование государства белых расистов на юге Африканского континента — Родезии). В 1898 году игра в республиканскую форму правления была закончена и страну официально аннексировали США.

Гавайцы не смогли оказать активного сопротивления захватнической политике колонизаторов. Тем не менее они отказывались работать на американских плантаторов, захвативших их земли, что вынудило американцев ввозить на архипелаг в качестве законтрактованных рабочих выходцев из Азии — китайцев, японцев, позже филиппинцев, а также португальцев

с острова Мадейра и Азорских островов. Гавайи превратились в огромную сахарную плантацию США, а затем и плантацию ананасов. Оценив чрезвычайно выгодное в стратегическом отношении географическое положение архипелага, американские власти создали также на нем мощную военно-морскую и военно-воздушную базу, которая была, как известно, в годы второй мировой войны атакована и разгромлена японской авиацией.

После войны США решили еще теснее привязать к себе Гавайские острова, и статус «федеральной территории», который имела эта американская колония, был заменен в 1959 году на статус штата. Таким образом, Гавайи были полностью интегрированы в состав американского государства.

Гавайские острова расположены к северу и югу от Северного тропика. На севере архипелаг почти достигает 29° с. ш., на юге простирается вплоть до 19° с. ш. С запада на восток островная цепь протягивается от 178° з. д. до 155° з. д. Штат Гавайи отстоит от западного побережья континентальной части США на четыре тысячи километров.

Географическое положение Гавайев весьма выгодное. Они являются важным узлом воздушных и морских сообщений в северной части Тихого океана.

Архипелаг образуют двадцать четыре острова, в том числе восемь более или менее крупных: Гавайи, Мауи, Кахоолаве, Ланаи, Молокаи, Оаху, Кауаи, Ниихау. Общая площадь всех островов — около семнадцати тысяч квадратных километров. Самый крупный остров — Гавайи (свыше десяти тысяч квадратных километров), все остальные острова гораздо меньше.

Гавайский архипелаг представляет собой выступающие над водой вершины подводного вулканического хребта, и все крупные острова вулканического происхождения. На них имеются как потухшие, так и действующие вулканы. Высшей точкой архипелага является потухший вулкан Мауна-Кеа (4205 метров), расположенный на острове Гавайи. Самый крупный действующий вулкан — Мауна-Лоа (4170 метров), активность проявляют также вулканы Килауэа, Хуалалаи и Халеакала. Все они, кроме последнего, также находятся на острове Гавайи. Высокая сейсмичность зоны Гавайских островов и связанные с этой сейсмичностью приливные волны цунами наносят существенный ущерб экономике штата и иногда ведут к человеческим жертвам. Полезными ископаемыми архипелаг беден. Имеются только алюминиевые руды довольно низкого качества.

Гавайские острова расположены в климатически чрезвычайно комфортном районе Тихого океана. Средняя годовая температура в Гонолулу составляет двадцать три градуса по Цель-

сию. Разница между зимними и летними средними месячными температурами на островах не превышает четыре — восемь градусов. В горах температура ниже, причем в местах, имеющих абсолютные высоты более тысячи восьмисот метров, иногда бывают морозы и выпадает снег. По увлажненности наветренные и подветренные стороны гористых островов сильно различаются. На обращенных к северо-восточным пассатам северных и северо-восточных склонах гор выпадает весьма большое количество осадков. Прибрежная зона получает 3000—6000 миллиметров осадков в год, а при подъеме в горы (до высоты 2000 метров) количество осадков быстро увеличивается. На склонах горы Ваиалеале, на острове Кауаи, среднее годовое количество осадков составляет 14 400 миллиметров в год, то есть это самое влажное место в мире. На южных и западных, подветренных склонах осадков выпадает мало: отдельные участки получают в среднем за год менее 200 миллиметров. В целом климат Гавайских островов здоровый. Обилие солнечных дней, теплые температуры верхнего слоя океанских вод вместе с чарующим своеобразием местных ландшафтов и культурными достопримечательностями делают архипелаг весьма привлекательным для туристов.

Реки на Гавайских островах вследствие сравнительно небольших размеров короткие, однако на наветренных склонах весьма полноводные.

Почвы всех крупных островов архипелага сформировались на вулканических породах. Хорошо развитый почвенный покров имеется только на одной десятой части территории. Широко распространенные на Гавайях латериты, несмотря на малое содержание гумуса, относительно плодородны и используются для выращивания сахарного тростника. Довольно плодородны также красные почвы и особенно аллювиальные почвы. На последних возделываются ананасы.

Растительный мир Гавайских островов сравнительно богат: здесь представлено свыше тысячи семисот видов высших растений. Девяносто процентов всех видов сосудистых растений и пятнадцать процентов всех родов — эндемики. Растительные ассоциации наветренных и подветренных склонов сильно различаются. Наветренные склоны покрыты лесами, сменяемыми на большой высоте редколесьем, а затем зарослями кустарников и папоротников, подветренные склоны одеты сухими лесами и саваннами. Во влажных лесах наветренных склонов широко представлены пальмы и сандаловые деревья.

Для животного мира Гавайских островов, как и многих других архипелагов Полинезии, характерно обилие так назы-

ваемых бродячих форм, то есть видов, способных преодолевать океанические пространства. Бóльшая часть этих видов имеет новогвинейское или индомалайское происхождение. В целом фауна небогата. Единственное сухопутное млекопитающее (не считая завезенных) — летучая мышь. Переселенцами (вначале полинезийцами, потом европейцами) были случайно завезены крысы и мыши. Одичала и часть завезенных человеком домашних животных: крупного рогатого скота (включая буйволов), коз, овец и свиней. Европейцы ввезли на архипелаг оленей, серн, кроликов. Значительно богаче орнитофауна. Некоторые из местных птиц представляют эндемичные виды. Особенно известен среди эндемиков гусь нене. Читателю уже известно, что многие виды гавайских птиц из-за своего красивого оперения были истреблены, и сейчас осталось лишь небольшое число сухопутных птиц местного происхождения. Зато на архипелаг было завезено свыше девяноста новых видов птиц. Сухопутных пресмыкающихся мало. Это небольшие ящерицы — гекконы и сцинки. Из земноводных встречаются лягушки. В омывающих Гавайские острова водах водятся разные виды рыб, черепах, моллюсков и других морских животных.

Природа Гавайских островов создает довольно благоприятные условия для развития ряда отраслей хозяйства. Основной отраслью экономики в течение длительного времени было плантационное земледелие, прежде всего выращивание сахарного тростника и ананасов (последние производятся главным образом на острове Ланаи). Гавайи занимают первое место в мире по урожайности сахарного тростника и ананасов. Выращиваются также кофейное дерево, сизаль, бананы, папайя, гуава, орехи особого вида — макадамия, рис, батат, ямс, таро, овощи, тыквы. Сильно развито цветоводство (острова славятся своими орхидеями). Основная часть земледельческой продукции производится в крупных плантационных хозяйствах. Девяносто семь процентов всей обрабатываемой земли находится в руках сорока крупнейших землевладельцев и компаний.

Животноводство уступает земледелию по своему значению, хотя концентрация производства здесь, пожалуй, еще более высокая. На архипелаге имеются огромные животноводческие фермы, где разводят прежде всего крупный рогатый скот. В частности, тут находится крупнейшее во всем мире стадо чистой герефордской породы.

Рыболовство не получило большого развития. Это связано, очевидно, с тем, что воды, примыкающие к Гавайским островам, отличаются низкой рыбопродуктивностью и низким уловом рыбы.

Прежде промышленность была в основном представлена своей пищевой отраслью. На архипелаге имеются крупные сахарорафинадные заводы и предприятия фруктоконсервной промышленности (в основном заводы по консервированию ананасов и производству ананасного сока). В последние десятилетия появилось довольно значительное число предприятий как легкой промышленности (обслуживающей преимущественно потребности туристов), так и промышленности тяжелой, вплоть до электронной (в значительной мере рассчитанной на обслуживание военных баз).

Нужно сказать, что туристский комплекс и военные базы являются сейчас основными стержнями, на которые ориентируется экономика архипелага.

Грандиозное военное строительство, ведущееся на Гавайях уже многие десятилетия, привело к созданию здесь крупнейших военно-воздушных и военно-морских баз — Перл-Харбора и Барбарс-Поинта. Появление на островах мощных военных сооружений потребовало создания адекватной инфраструктуры, обусловило возникновение ряда отраслей промышленности. Однако промышленное развитие приобрело с самого начала весьма однобокий характер.

Не способствует диверсификации экономики и необычайно разросшийся на Гавайях туризм. Выше отмечалось, что целый ряд факторов предопределил превращение архипелага в один из центров мирового туризма. Было организовано широкомасштабное строительство туристских сооружений, и сейчас центральный остров архипелага — Оаху — представляет собой огромный курортный комплекс с первоклассными отелями, ресторанами, супермаркетами и другими сооружениями по обслуживанию туристов. Огражденные пляжи покрывают бóльшую часть береговой полосы острова. Туристское дело приносит огромные доходы. В 1977 году три с половиной миллиона туристов «оставили» на Гавайях полтора миллиарда долларов. Однако следует помнить, что львиная доля этих доходов перекочевала в континентальную часть США, где находятся штаб-квартиры наиболее крупных туристских компаний.

Гавайская общественность все чаще обращает внимание и на тот факт, что чрезмерное развитие туризма, как и все возрастающее военное строительство, чрезвычайно отрицательно отражается на окружающей среде, ставя перед местным населением ряд сложных экологических проблем.

Что представляет собой в настоящее время это местное население? Для того чтобы обстоятельно ответить на этот вопрос, нам придется вновь заглянуть в прошлое архипелага.

Когда европейцы впервые прибыли на Гавайские острова (их назвали тогда Сандвичевыми островами), на архипелаге жило, по оценкам разных ученых, от ста тысяч до четырехсот тысяч человек. Нам кажется близкой к истине оценка в двести — двести пятьдесят тысяч, полинезийцев по происхождению. Уже через два десятилетия, к 1800 году, население несколько снизилось, составив сто шестьдесят пять — сто девяносто пять тысяч человек. По первой проведенной в стране переписи 1831—1832 годов, на Гавайях жило уже только сто тридцать тысяч человек. Депопуляция продолжалась и в последующие годы, и к началу 1876 года на архипелаге осталось только пятьдесят четыре тысячи жителей. С чем же была связана такая катастрофическая депопуляция Гавайев?

Высокая смертность среди гавайцев была вызвана целым рядом причин: заносом из Европы и Америки болезней, к которым у аборигенов еще не выработался иммунитет (они в большом числе умирали даже от таких болезней, как грипп, корь, ветряная оспа), распространением алкоголизма и проституции (в свою очередь вызывавшей венерические болезни), усилением междоусобицы в результате широко развернутой американцами и европейцами торговли огнестрельным оружием, усилением эксплуатации общинников со стороны местной знати, заинтересованной получить как можно больше продукции для обмена с заморскими пришельцами.

Однако в середине 70-х годов прошлого века депопуляция прекратилась, и население стало расти. Это было связано с определенной адаптацией местного населения к новым условиям существования, а в дальнейшем и со все увеличивающейся иммиграцией, о чем будет сказано ниже.

Ко времени аннексии Гавайев США в 1898 году их население составляло уже 121 тысячу человек. По данным переписей, население возросло к 1900 году до 154 тысяч, к 1910 году — до 192 тысяч, в 1920 году оно составило 256 тысяч, в 1930 году — 368 тысяч, в 1940 году — 423 тысячи, в 1950 году — 500 тысяч, в 1960 году — 633 тысячи и в 1970 году — 770 тысяч. По оценке на 1978 год, в штате жило 897 тысяч человек.

Население это размещено очень неравномерно. На острове Оаху, занимающем менее десятой части территории штата, в 1970 году была сосредоточена 631 тысяча человек из 770 тысяч всего населения. На самом же крупном острове — Гавайи, площадь которого составляет более трех пятых всей территории штата,— обитало лишь 63 тысячи. Население Мауи составляло 39 тысяч человек, Кауаи — 30 тысяч, Молокаи — 5 тысяч, Ла-

наи — 2 тысячи, Ниихау — 0,2 тысячи человек. Остров Кахоолаве и другие более мелкие острова были не заселены.

В административном центре штата городе Гонолулу (остров Оаху) жило в 1970 году 325 тысяч, а вместе с пригородами — 444 тысячи, то есть около трех пятых населения штата. Другие города Гавайев невелики.

Городское население Гавайских островов росло очень быстро. Если в 1831—1832 годах оно составляло лишь десять процентов и в 1900 году — двадцать шесть, то к 1970 году возросло до восьмидесяти четырех процентов.

На архипелаг уже свыше столетия идет довольно интенсивная иммиграция. Европейцев и американцев, осевших на Гавайях, было в первое время очень немного. Однако, как уже указывалось, им удалось захватить обширные земли, на которых были созданы плантации сахарного тростника (а позже и ананасов). Говорилось также, что в связи с нежеланием гавайцев батрачить на колонизаторов им пришлось ввозить рабочую силу из разных стран мира. Прежде всего это были китайцы, первая группа которых была доставлена еще в 1865 году. После аннексии архипелага США ввоз китайцев прекратился. С 1875 по 1890 год на Гавайи было ввезено около 20 тысяч португальцев с острова Мадейра и Азорских островов. С 1885 года на архипелаг начали прибывать (также в качестве законтрактованных рабочих) японцы, причем к 1900 году число мигрировавших из Японии составляло уже около 70 тысяч. В 1908 году по «джентльменскому соглашению» между США и Японией въезд был приостановлен, однако небольшие группы японок (невесты законтрактованных рабочих) попадали на Гавайи вплоть до 1924 года. После 1908 года рабочая сила для плантаций стала пополняться главным образом выходцами с Филиппин, хотя время от времени в страну въезжали и представители других народов (корейцы, пуэрториканцы, испанцы и т. д.).

Следует отметить, что из всех отмеченных групп только филиппинцы до сих пор в значительном числе работают на плантациях. Выходцы же из других стран и их потомки уже давно нашли иное приложение своему труду. Среди китайцев, например, очень много мелких торговцев, они держат лавочки практически на всех населенных островах архипелага. Выделилась из среды китайцев также средняя и даже крупная буржуазия, интеллигенция. Часть китайцев занимается огородничеством, выращивает для продажи рис, и только очень небольшая группа работает на плантациях сахарного тростника и ананасов. Значительно продвинулись в социальном отношении и японцы. Лишь очень немногие из них работают сейчас на

плантациях. Многие японцы стали квалифицированными рабочими, значительна доля японцев и среди интеллигенции, «деловых людей». И все же господствующее положение на Гавайях продолжают сохранять лица европейского происхождения, и прежде всего американцы, число которых в результате миграции последних десятилетий также сильно увеличилось.

Крупные миграции привели к существенному изменению этнического состава населения Гавайских островов. В 1853 году из семидесяти трех тысяч населения Гавайев гавайцев насчитывалось 70 тысяч человек. Кроме них имелись 1 тысяча метисов (главным образом европейско-гавайских), 1,7 тысячи европейцев, 0,4 тысячи китайцев и 0,1 тысячи представителей других народов.

По данным переписи 1970 года, самую крупную группу населения составили лица европейского происхождения, которых насчитывалось 301 тысяча. Численность японцев достигала 218 тысяч, филиппинцев (среди них преобладают илоки) — 95 тысяч, гавайцев [1] — 71 тысяча, китайцев — 52 тысяч, корейцев — 10 тысяч, американских негров — 8 тысяч, индейцев — тысяча, прочих — 12 тысяч.

Большинство так называемых лиц европейского происхождения составляют американцы. Значительны среди европейцев также группы португальцев (по обследованию, проведенному в 1964—1967 годах, их было 22 тысячи), англичан, испанцев, немцев (на испанском и немецком языках в 1970 году говорило соответственно 13 тысяч и 9 тысяч человек, хотя численность лиц, сознающих себя испанцами и немцами, вероятно больше [2]).

В числе лиц, выделенных переписью как «прочие», было, по некоторым данным, 4 тысячи полинезийцев-самоа.

На Гавайях идет процесс языковой ассимиляции, перехода многих представителей разных этнических групп на английский язык. В 1970 году он был родным для 447 тысяч жителей Гавайев (напомним, что лиц европейского происхождения насчитывалось лишь 301 тысяча и американских негров, говорящих по-английски,— 8 тысяч). Сопоставление числа разных азиатских этносов с числом говорящих на соответствующих языках свидетельствует о том, что часть азиатов уже перешла на английский язык. Так, из 218 тысяч японцев только 117 ты-

---

[1] Подавляющая часть гавайцев метисирована. Совершенно «чистых» гавайцев, по данным американских исследователей, сохранилось только около тысячи человек.

[2] Несмотря на то, что к испаноязычному населению относятся и пуэрториканцы (три тысячи).

сяч назвали родным японский язык, из 95 тысяч филиппинцев лишь 50 тысяч считали родными разные филиппинские языки, из 52 тысяч китайцев объявили китайский в качестве родного языка 27 тысяч, из 10 тысяч корейцев назвали в качестве родного свой язык 6 тысяч человек. Особенно быстро идет языковая ассимиляция гавайцев. Перепись 1970 года выявила 71 тысячу лиц, имеющих гавайское этническое самосознание, и только 19 тысяч лиц, считающих своим родным гавайский язык.

Об идущем процессе межэтнической интеграции говорит и быстро растущее число браков между представителями разных этносов. Так, в середине 70-х годов две пятые всех заключенных браков были этнически смешанными.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что до полной интеграции населения Гавайев еще очень далеко, как далеко и до той расовой гармонии, о которой так много пишется в рекламных книжках и проспектах, издаваемых различными американскими туристскими компаниями.

П. И. Пучков,
доктор исторических наук,
профессор

СОДЕРЖАНИЕ

Корона Полинезии, корона Океании (Вместо предисловия) 3
Среди воды и огня 6
В царстве могущественной Пеле 11
Среди вулканов 16
На Мауна-Кеа и Мауна-Лоа 19
Взгляд в «Чертову глотку» . . 24
Лава посреди острова, остров среди лавы 29
В «гавайских Помпеях» 32
Прошу вас, четверть фунта орхидей! 36
Страсть по имени «леи» . . 39
Из Хило с цветочным венком 42
Чудо рождения 48
За полинезийскими пигмеями 53
Ниумальская загадка 57
Следы в океане 60
Полинезийское судно 64
Вид на святилище Вахаулу 68
Приключение у Южного мыса 73
Переезд в Каилуа 77
Как скрыться, где скрыться . . . 82
В усыпальнице гавайских правителей 85
Встреча с богами Хонаунау 89
О Макаики, время радости 95
На берегу залива Кеалакекуа 101
Свидетельство об убийстве белокурого Лоно 106
Схватка с акулой . . 111
Кохала — «Страна королей» 114
По стопам Камеамеа 118
Быть вождем на Гавайях 124
Интермеццо в седле 131
Мауи как Мауи . . 134
Подняться к обители солнца 138
В доме миссионера Болдуина 145
Крест для гавайцев . . 148
На борту китобойных судов 154
Охота на китов в проливе Ауау 158
«Женщины или жизнь!» . . 162
Ланаи — остров с привкусом ананаса 166
Вдоль и поперек острова Молокаи 173
Калаупапа — полуостров прокаженных 176
«Потому что я болен проказой» 179
По каньонам и рекам острова Кауаи 184
Из истории одного городка . 189

Взгляд на запретные острова . 193
Иолани — «Дворец Небесной птицы» 199
Семь королей, восьмая королева 203
Последний из рода Камеамеа 210
Луналило и Калакауа 213
Конец независимости гавайского королевства 220
Выйти из одиночества . . 225
Там, где были жемчужные раковины 231
Час «Черных драконов» 234
Шпионы на Гавайях 238
На борту «Эдвенчера» 242
Смерть в раю 248
Восхождение на «Гору жертв» 253
С юга на север острова Оаху 259
Не только многоженство . 262
Человек из океана, человек для Океании 267
Снова Гонолулу 273
«Ваикики — призрак и сладкий сон» 276
Чудо-пляж 280
Среди покорителей волн . . 282
Черная картина из «Ала Моаны» 286
Неделя под знаком алоха 290
Такая музыка 294
Гавайская хула . 299
Райские женщины 303
Разговор с Леилани 306
Малуна о на аупуни а пау о ке ола о ке капака . . . 309
Океания, «измененная до основания». Прощание с Гавайями. (Вместо заключения) . . . 314
Немного о гавайском языке *(В. Крупа)* 318
Послесловие *(П. И. Пучков)* . . . 321

Стингл М.

С80 Очарованные Гавайи. Пер. с чешского П. Н. Антонова и Н. М. Зимяниной. Послесл. П. И. Пучкова.— М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1983.

332 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

«Очарованные Гавайи» — четвертая, заключительная книга серии, написанной чехословацким писателем и этнографом Милославом Стинглом об Океании. Первые три — «Черные острова», «Последний рай» и «По незнакомой Микронезии» — уже изданы на русском языке. Как и в предыдущих работах, в новой книге М. Стингла глубина исследования сочетается с живостью изложения. Автор показывает и экзотическую сторону жизни на овеянном легендами острове, и острые социальные противоречия, вызванные тем, что на аборигенов обрушились «прелести» западной «цивилизации», особенно американского образа жизни.

С $\frac{1905020000-127}{013(02)-83}$ 149-83 ББК 26.89(81)

Милослав Стингл
ОЧАРОВАННЫЕ ГАВАЙИ

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Рассказы о странах
Востока»*

Редактор *Э. О. Секар*
Младший редактор
М. С. Грикурова
Художник *Н. П. Ларский*
Художественный редактор
Э. Л. Эрман
Технический редактор
Г. А. Никитина
Корректор *И. И. Чернышева*

ИБ № 14763

Сдано в набор 09.12.82. Подписано к печати 14.06.83. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 17,64+0,42 цветная вкладка на мелованной бумаге. Усл. кр.-отт. 19,95. Уч.-изд. л. 18,45. Тираж 50 000 экз. Изд. № 5292. Зак. № 2969. Цена 2 руб.

Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
103473, Москва И-473,
Краснопролетарская, 16

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

Пучков П. И. Этническая ситуация в Океании. 18 л.

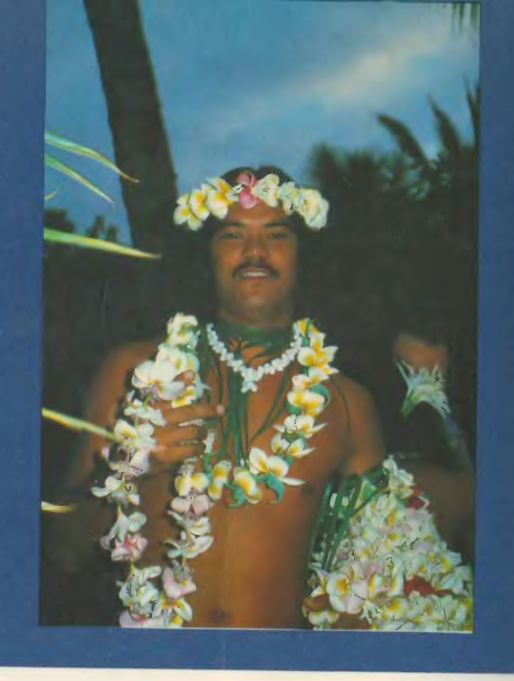
В монографии рассматривается применительно к странам Океании каждый из элементов понятия «этническая ситуация»: этнический состав населения, типы этнических общностей, степень развития этнического самосознания, этнические, демографические и миграционные процессы, национально-языковые проблемы, политика в национальном вопросе, межэтнические отношения. В книге приводятся новейшие сведения об этногенезе и этнической истории океанийских народов, дается прогноз основных направлений этнического развития Океании.

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

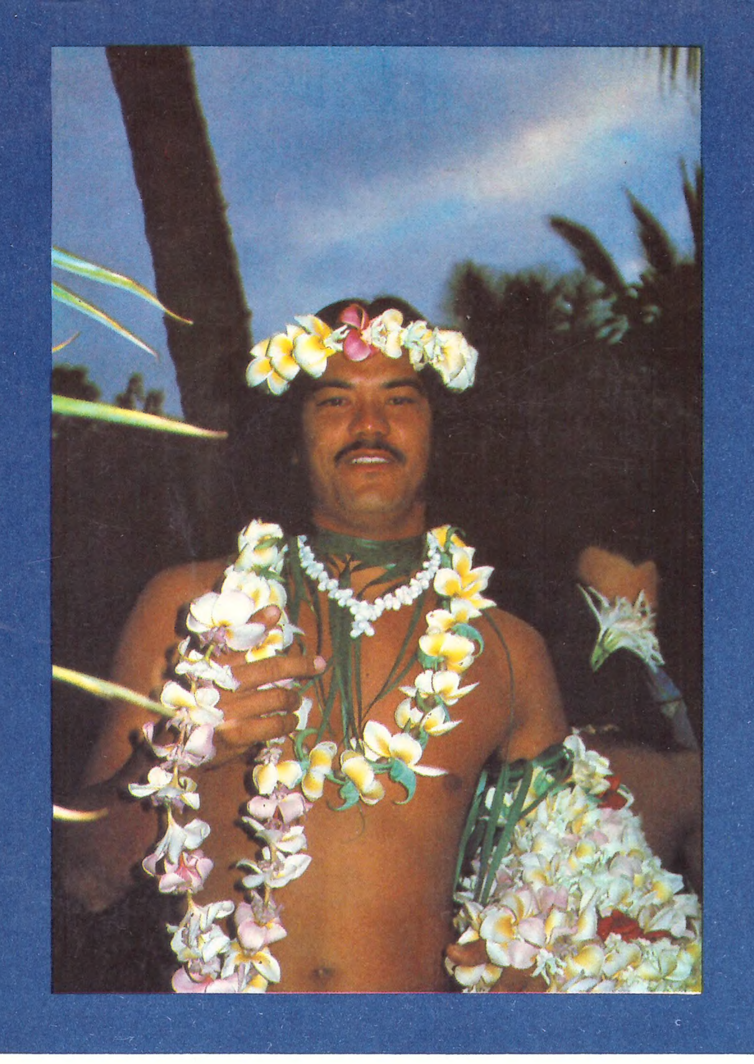
ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

Тихоокеанский регионализм: Концепции и реальность. 20 л.

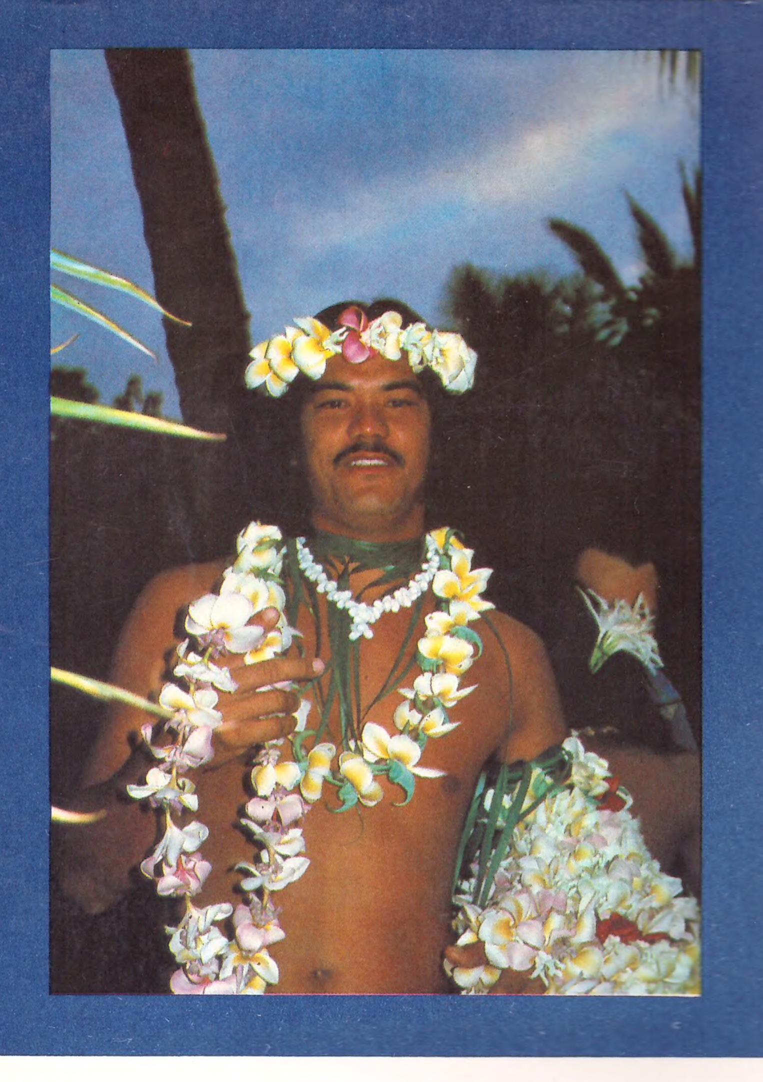
В книге анализируются интеграционные процессы в межгосударственных отношениях стран азиатско-тихоокеанского региона в 60-х — начале 80-х годов нашего столетия, исследуются политические и военно-стратегические аспекты региональной политики тихоокеанских империалистических держав, концепция «Тихоокеанского экономического сообщества», возможности практического воплощения идей создания тихоокеанского «общего рынка». В книге показывается позиция СССР в вопросах укрепления и развития политического и экономического сотрудничества в названном регионе.



2 руб.



2 руб.



2 руб.

М. СТИНГЛ

ОЧАРОВАННЫЕ ГАВАЙИ